

Министерство образования и науки
Российской Федерации

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

Выпуск 1

**Труды XX Международной
объединенной научной конференции
«Интернет и современное общество»,
IMS-2017, Санкт-Петербург,
21–23 июня 2017 г.**

Сборник научных статей

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

Санкт-Петербург

2017

УДК 328:316.77

ББК 73

Г72

Рецензенты:

докт. полит. наук, проф. В.А. Ачкасова, докт. физ.-мат. наук Н.В. Борисов

Редколлегия:

*А.В. Чузунов (председатель, научный редактор), Л.А. Видясова, Д.Е. Прокудин,
Л.В. Сморгун, О.Г. Филатова (зам. председателя)*

Г72 **Государство и граждане в электронной среде.** Выпуск 1 (Труды XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2017, Санкт-Петербург, 21 – 23 июня 2017 г. Сборник научных статей). — СПб: Университет ИТМО, 2017. — 308 с.
ISSN 2541-979X

В сборник включены тексты статей, представленные на XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society - IMS). Работы прошли рецензирование и отобраны в результате конкурсной процедуры. Сборник снабжен авторским указателем.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и магистрантам, изучающим компьютерную лингвистику и вычислительные онтологии, а также междисциплинарные проблемы влияния информационно-коммуникационных технологий на трансформацию социальных отношений в современном обществе.

Информация о конференции «Интернет и современное общество» представлена на сайте объединенной конференции (<http://ims.ifmo.ru>).

Все статьи и тезисы докладов конференции IMS публикуются в открытом доступе (лицензия Creative Commons — CC-BY 3.0 Unported). Сборники научных статей, издаваемые в рамках конференции IMS с 2011 года, размещаются в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru/>) и Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

XX Международная объединенная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2017) проведена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-03-14128).

УДК 328:316.77

ББК 73

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

Университет ИТМО — ведущий вуз России в области информационных и фотонных технологий, один из немногих российских вузов, получивших в 2009 году статус национального исследовательского университета. С 2013 года Университет ИТМО — участник программы повышения конкурентоспособности российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров, известной как проект «5 в 100». Цель Университета ИТМО — становление исследовательского университета мирового уровня, предпринимательского по типу, ориентированного на интернационализацию всех направлений деятельности.

© Университет ИТМО, 2017

© Авторы, 2017

XX Международная объединенная научная конференция «Интернет и современное общество» (IMS-2017)

Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 года

<http://ims.ifmo.ru>

Конференция «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society – IMS) проводится в Санкт-Петербурге ежегодно с 1998 года.

С 2014 г. конференция проводится как международное научное мероприятие.

Конференция является «объединенной», т.к. научная программа конференции объединяет серию специализированных международных и российских научных конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов и других мероприятий, посвященных специальным вопросам развития технологий информационного общества.

Организаторы конференции IMS:

- Университет ИТМО
- Санкт-Петербургский государственный университет
- Библиотека Российской академии наук

Конференция проводилась в рамках «Недели развития технологий информационного общества». Основные мероприятия Недели в 2017 г.:

- Мероприятия конференции «**Интернет и современное общество**» (открытие, секции, круглые столы) прошли 21–23 июня. Рабочий язык — русский (<http://ims.ifmo.ru>).
- Международная конференция «**Digital Transformation & Global Society**» состоялась 22–23 июня. Рабочий язык — английский (<http://dtgs.ifmo.ru>).
- Международная конференция **EVA 2017 Saint Petersburg (Electronic Imaging & the Visual Arts)** прошла 22–23 июня. Рабочий язык — английский (<http://evaspb.ifmo.ru>).

Основные мероприятия объединенной конференции прошли в Университете ИТМО. Международный научный семинар «Governance through Collaboration: New Designs and Platforms for Government-Citizens Relations in Public Policy» был проведен в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете политологии.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель Программного комитета:

Васильев В.Н., докт. техн. наук, чл.-корр. РАН, ректор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО)

Заместители председателя Программного комитета:

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, директор Центра дизайна и мультимедиа Университета ИТМО

Чугунов А.В., канд. политич. наук, директор Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО

Члены Программного комитета:

Антопольский А.Б., докт. техн. наук, академик РАЕН, главный научный сотрудник Центра по изучению проблем информатики ИНИОН РАН

Бершадский А.М., докт. тех. наук, зав. кафедрой Пензенского государственного университета

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, директор Центра дизайна и мультимедиа Университета ИТМО

Бродовская Е.В., докт. полит. наук, заведующая кафедрой Московского педагогического государственного университета

Будрин А.Г., докт. экон. наук, зав. кафедрой МИК ФТМИ Университета ИТМО

Воеводин Вл.В., член-корр. РАН, заместитель директора НИВЦ Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Волков Д.В., с.н.с. Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН, главный редактор журнала "Открытые системы.СУБД"

Горбунов-Посадов М.М., докт. физ.-мат. наук, зав. отделом Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН

Дятлов С.А., докт. экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Захаров В.П., канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Казин Ф.А., канд. ист. наук, декан факультета ТМИ Университета ИТМО

Каленов Н.Е., докт. техн. наук, директор Библиотеки по естественным наукам РАН

Колпакова Н.В., канд. пед. наук, заместитель директора Библиотеки Российской академии наук

Леонов В.П., докт. пед. наук, научный руководитель Библиотеки Российской академии наук

Мирошниченко И.В., докт. полит. наук, зав. кафедрой Кубанского государственного университета

Прокудин Д.Е., докт. филос. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Рогов А.А., докт. техн. наук, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета

Сморгунов Л.В., докт. филос. наук, заведующий кафедрой СПбГУ

Толстикова И.И., канд. филос. наук, заведующая кафедрой СиГН ФТМИ Университета ИТМО

Чугунов А.В., канд. политич. наук, заведующий кафедрой УГИС ФТМИ Университета ИТМО

Шилина М.Г., докт. филол. наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ

Юсупов Р.М., член-корр. РАН, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатели оргкомитета

Борисов Н.В., докт. физ.-мат. наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета, директор Центра дизайна и мультимедиа Университета ИТМО

Леонов В.П., докт. пед. наук, научный руководитель Библиотеки Российской академии наук

Члены оргкомитета

Прокудин Д.Е., СПбГУ, Университет ИТМО (зам. председателя оргкомитета)

Скворцова О.В., Библиотека Российской академии наук (зам. председателя оргкомитета)

Чугунов А.В., Университет ИТМО, НП ПРИОР Северо-Запад (ученый секретарь конференции)

Кудрявцева М.В., Университет ИТМО (информационный менеджер конференции)

Белинская М.А., Библиотека Российской академии наук

Карнуп И.Н., СПбГУ

Слободянюк В.Е., СПбГУ

Соловьева Д.В., Университет ИТМО

От редакции

Доминирование в общественном развитии вектора на информатизацию и виртуализацию, увеличение динамики проникновения этих процессов во все сферы существования человека порождают комплекс проблем, прежде всего, гуманитарного характера. В этих условиях научное сообщество стремится выявлять возникающие вызовы и проблемы, и предлагать рациональные пути их решения, основанные на комплексном подходе к изучению влияния технологий информационного общества на развитие культуры, образования и науки. Представители научного сообщества, чьи профессиональные интересы лежат в плоскости исследования различных аспектов влияния технологий на общественное развитие, на протяжении двух десятилетий объединены ежегодно проводимой конференцией «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society – IMS). В 2017 году конференция состоялась уже в двадцатый раз.

Увеличившееся число научных мероприятий, объединённых конференцией «Интернет и современное общество», привело к появлению нового формата – Недели технологий информационного общества в Санкт-Петербурге, которая проводится с 2016 года. Организаторы надеются, что развитие информационного пространства исследователей технологий информационного общества будет способствовать не только консолидации научного сообщества этого междисциплинарного научного направления, но и будет привлекать молодёжь к активному поиску и проведению исследований, нацеливая её на многоаспектное обсуждение технологических и гуманитарных тенденций развития современного общества.

В 2017 году объединенная программа включала мероприятия Всероссийской конференции IMS-2017 (проводятся на русском языке) и две международные конференции DTGS-2017 и EVA-2017 SPb (рабочий язык – английский). Также в этом году появился новый компонент – международный симпозиум IS IMS-2107 (рабочий язык – английский), объединяющий серию научных мероприятий, в том числе семинар «Governance through Collaboration: New Designs and Platforms for Government-Citizens Relations in Public Policy», который был проведен в Санкт-Петербургском государственном университете на факультете политологии.

В настоящем сборнике представлены материалы следующих мероприятий объединенной конференции:

– секции «Взаимодействие государства и общества в цифровую эпоху»,

– международного семинара «Управление на основе сотрудничества: новые дизайны и платформы для отношений государства и граждан в публичной политике»;

– круглого стола «Исследования социальных практик и возрастных особенностей пользователей сети» и секции «Киберпсихология».

Все представленные материалы отражают обеспокоенность авторов будущим, которое ждет граждан и государство в условиях непрерывного развития электронной среды.

В первой части сборника речь идет о постепенно набирающих силу процессах электронного участия граждан в процессах принятия политических решений, поэтому большинство материалов посвящено изучению порталов электронных петиций.

Вторая часть касается современной публичной политики. Эти статьи несомненно будут интересны политологам, уделяющим особое внимание новым платформам для отношений государства и общества.

В третьей части размещены исследования, связанные с изучением социальных и психологических особенностей людей цифровой эпохи.

Настоящий сборник формировался в сотрудничестве и при поддержке Российской ассоциации политической науки (исследовательские комитеты РАПН «ИКТ и политика» и по сравнительной политологии).

Организаторы благодарят всех участников конференции за интереснейшие материалы и ждут продолжения дискуссии как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве.

Редколлегия сборника

*А.В. Чугунов, Л.А. Видясова, Д.Е. Прокудин, Л.В. Сморгунов,
О.Г. Филатова*

Развитие цифровой экономики: подходы ОЭСР и приоритеты для России

О.В. Александров¹, Е.И. Добролюбова^{2,3}, Э.В. Талапина²

¹ ЦЭФК Групп

² Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ

³ Центр экономического и финансового консалтинга,

alexandrov@cefc.ru, dobrolyubova@inbox.ru,

talapina@hotmail.com

Аннотация

Цифровая экономика рассматривается международными организациями как один из ключевых факторов роста производительности труда и повышения качества жизни граждан; развитие цифровой экономики рассматривается в качестве одного из стратегических приоритетов и в России. В статье рассматривается эволюция подходов к определению цифровой экономики и формированию государственной политики в сфере ИКТ в странах ОЭСР. Показано, что все большее внимание уделяется вопросам государственного регулирования и создания благоприятной среды развития, внедрения и активного использования цифровых технологий, инвестициям как в инфраструктуру, так и в человеческий капитал, обладающий навыками, необходимыми в новых условиях.

Действующие российские стратегические документы недостаточно учитывают развитие цифровой экономики, в том числе, ее отраслевые особенности. Целевые установки государственной программы «Информационное общество» не позволяют претендовать на укрепление российских позиций в глобальной цифровой экономике. Исходя из международного опыта, авторы формулируют предложения по цели, ожидаемым результатам и показателям реализации долгосрочной стратегии развития цифровой экономики в России. С учетом значимости мер государственного регулирования в стимулировании развития и использования цифровых технологий, в статье приведены рекомендации по широкому спектру мер, актуальных в российском контексте: от использования цифровых технологий в налоговом администрировании, сборе и обработке статистических

данных, ведении государственных реестров, до реформирования трудового законодательства, законодательства о регистрации предприятий, действующих подходов к классификации продукции и декларированию соответствия с целью содействия использованию передовых технологий в различных отраслях и секторах экономики и социальной сферы.

Ключевые слова: меры регулирования, ОЭСР, результаты, Россия, стратегия развития, цифровая экономика

Введение

Цифровая экономика рассматривается в качестве одного из ключевых современных драйверов социально-экономического развития. Оценки международных организаций показывают, что «цифровые дивиденды» для граждан, бизнеса и государства, включающие поддержку экономического роста, создание рабочих мест, оказание новых услуг, могут быть весьма значительными [1]. Международные исследования показывают положительное влияние внедрения цифровых технологий на производительность труда [2] [3], а также экономию ресурсов в различных секторах экономики [4]. Использование цифровых технологий все больше влияет на уровень производительности фирм, обуславливая замедление роста производительности труда на предприятиях, в меньшей степени использующих преимущества цифровизации [5]. По оценкам Всемирного экономического форума, цифровая трансформация экономики способна оказать положительное влияние как на бизнес, так и на общество, благодаря повышению эффективности оказания услуг и адаптации их в соответствии с потребностями потребителей, оптимизации временных и материальных издержек, снижению негативного влияния на окружающую среду (например, при внедрении энергоэффективных технологий, автономного транспорта), повышению уровня безопасности [6].

По данным ОЭСР, инвестиции в сектор ИКТ в странах ОЭСР 2001–2013 гг. обеспечивали дополнительный прирост ВВП в объеме от 0,15 до 0,52 п.п. в год. За рассматриваемый период в среднем сектор ИКТ обеспечил прирост производительности труда в странах ОЭСР на 2 п.п., причем в некоторых странах рост был более заметным (например, в Ирландии — 4%, в Эстонии — 3%) [7].

Экономический потенциал новых технологий крайне высок. Так «Интернет вещей» способен добавить мировой экономике порядка 6 триллионов долларов до 2025 года (по другим оценкам — от 1,9 до 14,4 триллиона долларов к 2020 году) [8]. По данным BCG, доля цифровой экономики в ВВП развитых стран уже составляет 5,5%, развивающихся стран — 4,9% [9]. В некоторых странах показатели еще выше. Например, в 2014 г. доля цифровой экономики в ВВП Великобритании оценивалась в 7,3% [10].

В России потенциал цифровой экономики используется недостаточно. Так по оценкам НИУ ВШЭ, доля Интернет-экономики в Российском ВВП в 2014 г. составляла порядка 2,6–2,7% [11].

В настоящее время в России разрабатывается стратегия развития цифровой экономики. С учетом значительного отставания России от стран ОЭСР в данной сфере целесообразно рассмотреть ключевые подходы к государственной политике в сфере цифровой экономики в странах ОЭСР и выработать рекомендации по возможным направлениям поддержки и стимулирования цифровых технологий в российском контексте. Данные рекомендации могли бы быть использованы при разработке и реализации формируемой в нашей стране программе развития цифровой экономики.

В первой части статьи кратко рассматриваются основные подходы к вопросам развития цифровой экономики, выработанные в ОЭСР. Вторая часть статьи посвящена выработке ключевых подходов к развитию цифровой экономики в России. Наконец, в третьей части статьи представлены предложения по мерам государственного регулирования, направленным на поддержку внедрения цифровой экономики в России.

1. Основные подходы к развитию цифровой экономики в ОЭСР

Анализ документов ОЭСР последнего десятилетия показывает постепенную эволюцию государственной политики данных стран от вопросов «электронного правительства» к вопросам «цифрового правительства» и «цифровой экономики в целом». Так в соответствии с Рекомендацией Совета ОЭСР по стратегиям цифрового правительства 2014 г., под электронным правительством понимается «использование государственными органами ИКТ, в частности Интернета, как средства достижения надлежащего управления». Цифровое правительство предполагает использование цифровых технологий и является составной частью стратегии модернизации управления, в целях создания общественного продукта. Оно опирается на экосистему цифрового правительства, состоящую из государственных органов, НКО, бизнеса, объединений граждан и индивидов, которая поддерживает производство и доступ к информации, услугам и контенту посредством взаимодействия с государственными органами [12].

Однако роль правительств в поддержке развития цифровой экономики не ограничивается вопросами цифровизации процессов государственного управления. Не меньшее значение играют и вопросы регулирования в цифровой экономике, стимулирования использования широкого круга цифровых преимуществ — от цифровой торговли и дистанционных социальных услуг до дистанционных рабочих мест и использования «Интернета вещей» в производственном процессе, в том числе, в малом и среднем бизнесе. Одной из первых такой комплексный подход к развитию цифровой экономики продемонстрировала Австралия [13].

С развитием технологий расширяется и само понятие цифровой экономики. Так в 2012 г. ОЭСР определяла цифровую экономику как «совокупность рынков, основанных на цифровых технологиях, которые способствуют торговле товарами и услугами посредством электронной торговли» [14]. Как правило, в цифровой экономике выделяют три компонента: инфраструктура электронного бизнеса, собственно электронный бизнес и электронная торговля. В стратегии Австралии цифровая экономика рассматривается как «широкий и растущий

спектр экономической и социальной деятельности, совершенствуемой на основе цифровых технологий» [13]. При этом в лидирующих цифровых экономиках отмечается присутствие трех ключевых факторов: готовности к использованию цифровых технологий, поддерживающая среда (в том числе, регуляторная) и внедрение возникающих цифровых возможностей.

По состоянию на 2014 г., в 27 странах ОЭСР были утверждены национальные стратегии развития цифровой экономики [7]. В Европейском Союзе ключевые приоритеты развития цифровой экономики рассматриваются в рамках Стратегия единого цифрового рынка — «рынка, на котором обеспечивается свободное перемещение людей, услуг и капитала и где граждане и предприятия имеют беспрепятственный доступ и возможность осуществлять деятельность онлайн в условиях честной конкуренции и высокого уровня защиты прав потребителей и личных данных, независимо от их гражданства и места проживания» [15].

Значимость поддержки цифровой экономики была продемонстрирована на уровне ОЭСР в 2016 г., когда была принята Министерская Декларация о цифровой экономике: инновации, рост и социальное благополучие (Канкунская декларация) [16]. Согласно названной министерской декларации страны стремятся:

- обеспечить свободный оборот информации при сочетании открытости Интернета и информационной безопасности, при условии защиты персональных данных и частной жизни;
- стимулировать цифровые инновации и изобретения, в том числе улучшая использование открытых данных в публичном секторе и поддержку публичных услуг;
- усилить использование высокоскоростного интернета, используя потенциал совместимых цифровых служб;
- использовать технологические возможности интернета объектов (вещей), облачных технологий, цифровые трансформации промышленности и анализа данных, оценивая соответствие политики нормативным лимитам, в том числе международным нормам;
- развивать управление рисками цифровой безопасности и защиту частной жизни (на самом высоком уровне), чтобы усилить доверие, особое внимание уделяя свободе слова и нуждам малого и среднего предпринимательства, в русле общей политики ответственности и транспарентности;
- стимулировать электронную торговлю на национальном и международном уровнях;
- использовать потенциал цифровых платформ в производстве, потреблении, сотрудничестве, оценивая соответствие правового регулирования;
- использовать возможности цифровой экономики в сфере занятости населения;
- достичь того, чтобы каждый был обучен участвовать в цифровой экономике и цифровом обществе (образование и обучение).

В 2017 г. в рамках подготовки к президентству Германии в Группе двадцати ОЭСР подготовила ключевые рекомендации по развитию цифровой экономики в странах «двадцатки», включающие:

- разработку национальных стратегий по развитию цифровой экономики для преодоления неравенства в доступе и использовании Интернет технологий, обеспечение доступа к сети Интернет для каждого;
- поддержку инвестиций в цифровую инфраструктуру и снижение барьеров для инфраструктурного развития;
- совершенствование государственной политики, направленной на поддержку финансирования цифровой инфраструктуры (включая данные) и внедрения новых инновационных моделей ведения бизнеса;
- поддержку разработки стандартов и обеспечения совместимости стандартов для развития «Интернета вещей» и «промышленности 4.0»;
- поддержку развития конкуренции в секторе ИКТ и в целом в экономике;
- разработку национальных стратегий управления рисками, связанными с защитой персональных данных и иными вопросами безопасности в цифровой экономике;
- разработку и реализация более эффективных стратегий адаптации граждан к цифровой экономике и обеспечению использования ее преимуществ;
- поддержку малых и средних предприятий в использовании преимуществ цифровой экономики и защите от связанных с ней рисков;
- обеспечение защиты прав потребителей в цифровую эпоху;
- адаптацию законодательства к условиям цифровой экономики и совершенствование измерения и оценки цифровой экономики;
- развитие координации и кооперации между странами «двадцатки» для обеспечения более качественного измерения цифровой экономики [17].

Анализ положений Канкунской декларации и рекомендаций ОЭСР показывает, что государства, помимо усилий по развитию цифровых правительств, принимают на себя широкий спектр обязательств по поддержке и стимулированию развития цифровых технологий, как с точки зрения совершенствования регулирования, создания благоприятной среды, способствующей развитию и внедрению цифровых технологий и защищающей права граждан в цифровой экономике, так и с точки зрения развития инфраструктуры и инвестиций в человеческий капитал, способный адекватно использовать и развивать цифровую экономику. Повестка дня цифровой экономики существенно шире, чем традиционные «базовые подходы» к снятию барьеров для электронного взаимодействия, использования электронной подписи или закрепления статуса электронного документа. В рамках цифровой экономики уровень автономности информационных систем на порядок выше, принятие решений, затрагивающих права граждан, может осуществляться на уровне взаимодействия M2M («машина» — «машина») без непосредственного участия человека, что подразумевает как широкие возможности роста производительности труда, так и новые риски. Именно поэтому немаловажную роль в развитии цифровой экономики играют и

вопросы кибербезопасности, защиты прав потребителей и персональных данных.

2. Ключевые подходы к развитию цифровой экономики в России

На момент написания настоящей статьи, в России не был принят единый стратегический документ, определяющий цели, задачи и ожидаемые результаты развития цифровой экономики, хотя решение о его разработке было принято Президентом РФ.

Частично вопросы развития цифровой экономики учтены в государственной программе «Информационное общество в Российской Федерации (2011–2020)», целью которой является «повышение качества жизни и работы граждан, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий» [18], однако анализ динамики показателей программы в последнее ее редакции показывает, что по показателям, так или иначе отражающим развитие цифровой экономики (количество высокопроизводительных рабочих мест в отрасли связи; место Российской Федерации в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий), планируемые к концу реализации программы значения соответствуют или ниже фактических значений, достигнутых в 2012–2014 гг. Значимые улучшения ожидаются лишь по направлениям, связанным с развитием «Информационного государства», в частности, с использованием электронных технологий для оказания государственных услуг; в то же время, от показателей, характеризующих использование ИКТ в бизнесе (в частности, доступ хозяйствующих субъектов к инфраструктуре широкополосного интернета), в последней редакции государственной программы решено отказаться вовсе.

Таким образом, формирование стратегии цифровой экономики исключительно на основе действующих документов стратегического планирования, не позволит России закрепить свои позиции на глобальном цифровом рынке, не говоря уже о росте международной конкурентоспособности страны. Стране необходима отдельная стратегия, направленная на обеспечение благоприятной правовой, регуляторной, институциональной и инвестиционной среды для развития цифровой экономики. Данная стратегия не должна ограничиваться вопросами цифровизации государственного управления и государственного сектора в целом; напротив, значительные усилия должны быть направлены на стимулирование развития и внедрения цифровых технологий в самых различных секторах и отраслях экономики, в том числе в сфере:

- транспорта и логистики (логистика пассажирских и грузовых перевозок, безопасность дорожного движения, автономные транспортные средства, автономные средства доставки товаров и почты и т.д.);
- энергетики (децентрализация источников энергии — солнечной генерации фотоэлектрической энергии и ветряной генерации, «умные»

- счетчики, подключенные к бытовой технике, «умные» электросети, позволяющие сохранять устойчивость против ураганов, гроз, метелей и «ледяных» дождей и т.д.);
- здравоохранения (телемедицина, дистанционный контроль жизненно-важных показателей здоровья граждан с помощью смарт-устройств, медицинские тесты с помощью смарт-устройств и т.д.);
 - торговли и сферы услуг (Интернет-торговля, автономные кассовые устройства без операторов, off-line магазины без касс с оплатой с помощью смарт-устройств и биометрии и т.д.);
 - сельского хозяйства (автономные смарт-устройства для мониторинга параметров почвы — влажность, температура, количество света, кислотность почвы и содержание удобрений, мониторинг за болезнями и ранами скота, использование автономных машин (роботов) для выявления и удаления сорняков, датчики, предоставляющие потребителю информацию о происхождении пищевых продуктов и методах их производства и т.д.);
 - охраны окружающей среды (контроль и мониторинг качества окружающей среды на основе датчиков, автоинформирование граждан о состоянии окружающей среды с помощью смарт-устройств, метеорология, борьба с браконьерами, дистанционный мониторинг численности редких и исчезающих видов животных, система on-line бронирования посещения и размещения посетителей в заповедниках и национальных парках и т.д.);
 - образования и развития навыков (онлайн-доступ к образовательным и научным Smart Data, в том числе для онлайн-обучения на дому и на рабочем месте (онлайн виртуальное обучение) и т.д.);
 - строительства и ЖКХ (система датчиков в «умных» домах для обеспечения комфорта, безопасности и минимизации эксплуатационных расходов: данные о движении, количестве тепла, света и использовании пространства, автономное включение и выключение необходимой техники — бытовых, нагревательных и иных приборов и т.д.).

Многоотраслевой характер данной стратегии требует создания специальных механизмов ее реализации. Во многих странах в качестве формы реализации аналогичных программ рассматривается создание лабораторий (рабочих групп) по ключевым направлениям развития цифровой экономики (опыт таких стран как Сингапур, Малайзия, США, Оман и др.) [19].

В каждую лабораторию на время действия Программы целесообразно прикомандировать сотрудников соответствующих министерств и ведомств (МЭР, Минфин, Минобрнауки, Минпромторг, ФСО, Минкомсвязи, Минсельхоз, Минприроды, Минэнерго, Минстрой, Минтранс), а также привлечь представителей научных, образовательных и экспертных организаций, корпораций и компаний, международных консультантов.

У каждой лаборатории должен быть свой бюджет: на гранты, инвестиционные расходы в цифровую инфраструктуру, основные средства и технику, приобретение необходимых лицензий и патентов (для последующего

свободного использования всеми участниками экономической деятельности), а также на оплату труда по результатам.

С учетом анализа стратегических документов зарубежных стран [7], ожидаемыми результатами и ключевыми показателями стратегии развития цифровой экономики в России на перспективу до 2030 года могли бы быть следующие.

- Россия должна войти в ТОП-10 стран по доле цифровой экономики в структуре ВВП (показатели: "доля цифровой экономики в ВВП России", "доля цифровой экономики России в объеме мировой цифровой экономики", «место России по рейтингу Всемирного банка Digital Adoption Index»);
- для 100% населения должен быть обеспечен доступ к сетям сплошного покрытия 5G и ШПД со скоростью выше 1Гб/с, сенсорным (датчиковым) сетям и навигационным системам;
- 100% предприятий и индивидуальных предпринимателей должны иметь доступ к смарт-данным в режиме "реального времени".
- для 100% предприятий должна быть обеспечена возможность доступа к онлайн смарт-данным для повышения производительности труда, расширения клиентской базы и обеспечения роста рабочих мест
- сокращение издержек бизнеса в связи с внедрением цифровой экономики в 4–5 раз;
- увеличение доли (%) предприятий и индивидуальных предпринимателей, форма отчетности которых собираемых с использованием принципа M2M («машина» — «машина»), т.е. без участия операторов, (имеется ввиду налоговая, статистическая, бухгалтерская и иные виды отчетности).

Отдельный спектр результатов связан с реализацией отраслевых направлений развития цифровой экономики. К ним относятся следующие:

- реализация возможности дистанционной занятости не менее чем для 30% работников в сферах торговли, услуг, IT, промышленности (где используются автоматизированные системы и робототехника), а также госсектора;
- покрытие не менее 20% сельскохозяйственных площадей датчиками для мониторинга качества почв; обеспечение их обработки от болезней, вредителей и сорняков с помощью автономных машин;
- большинство домашних хозяйств, предприятий и других организаций должно иметь доступ к смарт-технологиям для лучшего использования энергии.
- не менее 25% всех медицинских работников участвуют в оказании телемедицинской консультации для пациентов в сельских и отдаленных местностях;
- гражданам должна быть предоставлена возможность с помощью смарт-устройств проводить диагностику и контролировать жизненно-важные показатели: артериальное давление, частоту сердечных сокращений и уровень сахара в крови в реальном времени, с автоматической отправкой данных врачам;

- 100% школ, средних профессиональных и высших учебных заведений должны иметь подключение к широкополосной сети Интернет/ сети 5G / WiFi / Bluetooth;
- для 100% студентов, слушателей и научных работников должна быть обеспечена возможность онлайн-доступа к образовательным и научным Smart Data, в том числе для онлайн-обучения на дому и на рабочем месте (онлайн виртуальное обучение);
- 90% граждан выберут способ для взаимодействия с правительством через интернет, киоск самообслуживания или другой вид онлайн услуги.
- устранено цифровое неравенство жителей Москвы, Санкт-Петербурга, иных городов и жителей других регионов страны.

Для финансирования программы представляется целесообразным задействовать средства федерального бюджета, внебюджетные источники (средства юридических лиц), а также привлекать средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) — по примеру финансирования цифровых трансформаций в Новой Зеландии из Future Investment Fund [20]. В этом случае формат программы должен также соответствовать требованиям, предъявляемым к инфраструктурным проектам, финансируемым из ФНБ.

3. Меры государственного регулирования, направленные на создание благоприятных условий для ускоренного развития цифровой экономики в России

Анализ зарубежного опыта, приведенный в настоящей статье, показывает значимость реализации мер государственного регулирования, направленных на создание благоприятных условий для развития цифровой экономики. В этой части статьи приведены рекомендации по некоторым таким мерам, особенно актуальным в российском контексте.

3.1. Обеспечение благоприятного налогового регулирования, направленного на стимулирование развития цифровой экономики

В настоящее время российские субъекты новой цифровой экономики практически не имеют фискальных преференций для своего развития. Льготы по уплате страховых взносов в размере 14% продляются только для разработчиков программного обеспечения, входящих в реестр российского программного обеспечения (в отношении других вероятнее всего планируется, что будет действовать ставка на уровне не ниже 22%), при этом специальные налоговые преференции имеют лишь резиденты территорий опережающего развития и ОЭЗ. Такое налоговое регулирование не способствует росту конкурентоспособности российских субъектов цифровой экономики по сравнению с налоговыми преференциями, предоставляемым субъектам цифровой экономики в развитых странах.

При налоговом администрировании также не в полной мере используются возможности цифрового взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками. Для начинающих предпринимателей высоки издержки

на «цифровых» посредников при взаимодействии с фискальными органами, а также на приобретение новых on-line ККМ. Кроме того, действующее законодательство в сфере регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей предусматривает их регистрацию (или внесение изменений в документы о регистрации) в течение 7 дней. С учетом сроков на постановку на учет во внебюджетных фондах, открытия счетов в банках данный срок может превышать 1 месяц.

В условиях цифровой экономики все данные процедуры должны осуществляться преимущественно в режиме «реального времени». Кроме того, учитывая, что в цифровой экономике во многом утрачивает смысл «физический» фактический адрес местонахождения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, необходимо переходить к преимущественно «цифровым» адресам их местонахождения. Также представляется необоснованным и избыточным требование уставов для юридических лиц, учитывая, что в них фактически содержатся положения, которые и так предусмотрены законодательством о разных формах хозяйственных обществ.

Ключевые меры государственного регулирования по данному направлению предусматривают:

1. Внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и подзаконные нормативные правовые акты в части:

- установления специального налогового режима для части субъектов цифровой экономики, входящих в реестр российских субъектов цифровой экономики (например, единый налог для субъектов цифровой экономики, заменяющий налоги на прибыль (доход), имущество, взносы в ПФР);
- введения особых преференций в отношении процедур обязательного социального страхования (например, перехода от системы уплаты страховых взносов в ФСС и ФОМС для субъектов цифровой экономики к электронным полисам обязательного социального страхования на каждого работающего (по тарифам не выше 5% в зависимости от уровня рисков);
- осуществления автоматической интеграции личных кабинетов налогоплательщиков — субъектов цифровой экономики на портале ФНС с типовыми информационными системами ведения бухгалтерского учета и отчетности по принципу M2M;
- обеспечение (силами ФНС) вновь образованных налогоплательщиков — субъектов цифровой экономики кассовой техникой, работающей в режиме реального времени (ККТ), на условиях рассрочки оплаты такой техники в течение первого года со дня регистрации (в период до 2020 года);
- полный отказ от использования ККТ до 2030 года и переход на использование принципов M2M при фискальном контроле наличных и безналичных платежей.

2. Внесение изменений в федеральные законы о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в части:

- осуществления процедур государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (включая процедуры постановки на

учет в налоговых органах, внебюджетных фондах, а также процедуру по открытию счета в любом банке должны осуществляться в электронном виде преимущественного в режиме «реального времени»);

- введения «цифровых» адресов местонахождения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- возможности предоставления функций «регистратора» банковским организациям (включая процедуры государственной регистрации, постановки на учет в налоговых органах, внебюджетных фондах, а также процедуру по открытию счета в банке);
- отмены необходимости и обязательности наличия уставов для юридических лиц, создаваемых в формах хозяйственных обществ;
- отмены платности (государственных пошлин) при осуществлении государственной регистрации для вновь создаваемых субъектов цифровой экономики.

3.2. Совершенствование правового регулирования трудовых отношений, основанных на использовании дистанционных способов организации труда, необходимых для развития цифровой экономики

При формировании новой цифровой экономики происходит трансформация трудовых отношений, в том числе переход к преимущественно дистанционным (удаленным) рабочим местам, ненормированным графикам работы, сдельной оплате труда, роботизированным рабочим местам (в том числе под дистанционным управлением). Действующее трудовое законодательство Российской Федерации не регулирует такого рода трудовые отношения и сдерживает развитие новых форм организации труда, необходимых для цифровой экономики.

В этой связи необходимо внесение изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части:

- регулирования дистанционных (удаленных) форм организации труда;
- ненормированных часов работы и преимущественного сдельной оплате труда на предприятиях — субъектах цифровой экономики;
- организации труда на роботизированных рабочих местах (в том числе под дистанционным управлением),
- использование цифрового учета трудовой деятельности (без трудовых книжек).

3.3. Совершенствование статистической деятельности, направленной на обеспечение потребностей государства и экономических субъектов необходимыми данными в режиме «реального времени»

Система управления и организации российской государственной статистики не обеспечивает потребности государственных органов и экономических субъектов необходимыми данными в режиме «реального времени». Федеральный закон «О статистике», Федеральный план статистических работ, формы сбора статистических данных не предусматривают сбор и обработку статистических данных в режиме «реального времени» и в сети «Интернет». Зачастую регулярность выхода (публикации) статистических данных составляет

более 3 месяцев, полгода, год. При этом эти данные теряют свою актуальность и не могут использоваться при принятии решений (как госорганами, так и экономическими субъектами).

Также высоки издержки субъектов экономики на статистическую отчетность, а в электронном виде при сборе статистической отчетности зачастую задействованы «цифровые» посредники.

В значительной мере необходимые статистические данные предоставляются субъектам экономики на платной основе, хотя собираются за счет средств налогоплательщиков. Тем самым, не обеспечивается равный доступ субъектов экономики, особенно вновь образованных, к государственному статистическим данным.

Меры государственного регулирования в части использования цифровых технологий для сбора и обработки статистической отчетности включают:

- преобразование национального статистического органа из органа исполнительной власти в федеральное казенное учреждение по управлению фондом статистических данных;
- введение нормы, позволяющей осуществлять сбор и обработку статистических данных в режиме «реального времени»;
- использование в системе государственной статистики технологий «блокчейн»;
- создание и интеграцию «личных статистических кабинетов» субъектов экономики с типовыми информационными системами ведения бухгалтерского учета и отчетности по принципу M2M;
- отмену платности при предоставлении статистических данных.

3.4. Совершенствование разрешительной деятельности и системы лицензирования, направленное на обеспечение цифрового взаимодействия между государством и экономическими субъектами и сокращение сроков выдачи разрешений и лицензий

В настоящее время система разрешительной деятельности и лицензирования является существенным барьером для развития цифровой экономики в России. Длительные сроки рассмотрения документов и выдачи разрешений и лицензий значительно увеличивают издержки субъектов цифровой экономики (в части финансовых расходов, времени и кадров). Осложняют также деятельность субъектов цифровой экономики различные длительные по времени и существенные по затратам экспертизы, необходимые для получения разрешений или лицензий. В системе разрешительной деятельности и лицензирования также не в полной мере используются возможности цифрового взаимодействия между соответствующими государственными органами, органами экспертизы и субъектами экономики.

В качестве ключевой меры государственного регулирования, направленной на внедрение цифровых технологий в рамках разрешительной деятельности, предлагается рассмотреть разработку и принятие федерального закона «О разрешительной деятельности», предусматривающего:

- систему лицензирования как часть разрешительной деятельности;
- исключительно электронную форму взаимодействия между соответствующими государственными органами в сфере

- разрешительной деятельности (лицензирования), органами по проведению экспертизы и субъектами экономики;
- полный отказ от требования от заявителей на получение разрешений (лицензий) документов, которые должны быть у самих государственных органов или полученных ими по СМЭВ;
 - отмену платности (государственных пошлин, а также любых форм платных услуг) при осуществлении разрешительной деятельности (лицензирования) для субъектов цифровой экономики, входящих в реестр российских субъектов цифровой экономики.

3.5. Совершенствование российской системы классификаций, отвечающей потребностям цифровой экономики

Жесткая классическая иерархическая система классификаций продукции, в том числе в России, является одним из барьеров в развитии цифровой экономики. Новая цифровая экономика способствует появлению практически на ежедневной основе новых видов продукции (товаров, услуг). Российский ОКПД-2 детализирует класс продукции практически до уровня 9 знаков (в классификаторах, принятых в 2008 году в ЕС — 6 знаков) и не является «гибким». При этом вновь появляющиеся виды товаров (как продукты новой цифровой экономики) лишь условно могут быть привязаны к этим жестким иерархическим системам классификаторов.

В целях совершенствования российской системы классификаций предусматривается:

- Внесение изменений в нормативные правовые акты, которыми были утверждены общероссийские классификаторы (ОКПД-2, ОКПУ), с целью обеспечения их «гибкости» и «актуальности», отвечающей потребностям цифровой экономики.
- Осуществление «цифровизации» взаимодействия субъектов цифровой экономики с системами общедоступных российских классификаторов и их интеграция с типовыми информационными системами ведения учета и отчетности (без «цифровых» посредников).

3.6. Упрощение российской системы декларирования соответствия товаров и услуг, необходимой для ускоренного развития основных элементов цифровой экономики

В соответствии с российским законодательством согласно уже имеющейся российской практике производства и использования приборов и технологий т.н. «умных домов», на каждый имеющейся в системе «умный» датчик или сенсор, розетку или лампу и т.д. необходимо получить отдельный сертификат. Вместе с тем, как показывает мировая практика в настоящее время системы «умных домов» подтверждают свое соответствие необходимым стандартам как одно целое (комплексный продукт). В частности, в ЕС для реализации систем «умных домов» с маркировкой CE необходимо подать декларацию о соответствии продукции. При этом данную декларацию производитель (изготовитель) «умных домов» готовит и подает самостоятельно ссылаясь,

например, на результаты испытаний, проведенных системой внутреннего контроля самого производителя (изготовителя), если она соответствует стандартам ISO.

В российской практике аналогичные примеры не выявлены. В настоящее время для ускоренного развития цифровой экономики необходимо аналогичное упрощение процедур сертификации и декларирования соответствия товаров и услуг, применяемых в цифровой экономике

Для снятия барьеров в развитие «умных технологий» в сфере ЖКХ необходимо внесение изменений в законодательство о стандартах (сертификации и декларировании соответствия продукции) и иные НПА, в части возможности для российских изготовителей использования вместо сертификации процедур упрощенного декларирования соответствия систем «умных домов» (как одного продукта), по результатам испытаний, проведенных службами внутреннего контроля самих изготовителей, если эти службы внутреннего контроля соответствуют российским (международным) стандартам внутреннего контроля.

Аналогичные возможности могут быть предоставлены также российским производителям иных приборов и технологий, востребованных в цифровой экономике.

3.7. Обеспечение правового регулирования предоставления государственных и негосударственных услуг и реализации товаров, основанных на принципе «самообслуживания»

В современной цифровой экономике уже достаточно широко применяются киоски и терминалы самообслуживания, вендинговые автоматы, кассы самообслуживания, работающие в режиме 24/7, которые существенно снижают издержки экономических субъектов и увеличивают производительность труда. В отдельных развитых странах последние 3–5 лет данные устройства самообслуживания успешно применяются также в системах госуправления — терминалы для автоматического паспортного пограничного контроля, терминалы для замены паспортов, выдачи (замены, продления) водительских удостоверений и др. (включая устройства, использующие биометрические и иные персональные данные) [21].

Вместе с тем, использование указанных машин, действие которых основано на принципе «самообслуживания», до сих не регламентировано российским правом, включая вопросы автоматического сбора и обработки в таких устройствах персональных данных, выдачи ими равноценных экземпляров юридически значимых документов и др. В частности, в соответствии с Федеральным законом 210-ФЗ не предусмотрено предоставление государственных услуг автоматическими терминалами (киосками) самообслуживания без присутствия операторов (работников МФЦ или сотрудников государственных органов) в режиме 24/7.

Ликвидация данного барьера требует разработки и утверждения нормативных правовых актов, регламентирующих предоставление государственных и негосударственных услуг, а также реализацию товаров с помощью устройств (машин), действие которых основанных на принципе

«самообслуживания». Важным шагом на пути внедрения цифровой экономики в сфере ЖКХ также является внесение изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы приборов учета, которые будут предписывать поставщикам услуг осуществлять автоматическое снятие показаний с приборов учета (иных датчиков) без участия граждан и иных категорий потребителей.

Заключение

Как показывает приведенный в настоящей статье анализ, развитие цифровой экономики является приоритетом как для развитых стран ОЭСР, так и для развивающихся экономик. В России потенциал цифровых технологий используется далеко не полностью, а по вкладу Интернет экономики в ВВП наша страна существенно уступает как развитым странам, так и некоторым странам с переходной экономикой.

Развитие цифровой экономики требует системных усилий, направленных не только на развитие «традиционных» направлений «электронного правительства» и информатизации государственного сектора, но и на создание благоприятной среды для развития цифрового бизнеса, стимулирование развития и внедрения новых технологий в экономической и социальной сфере. Утверждение стратегии развития цифровой экономики, учитывающей многоотраслевой характер применения цифровых технологий и предусматривающей развитие мер государственного регулирования, способствующих снятию барьеров цифровизации экономики и социальной сферы является одним из ключевых стратегических приоритетов социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу.

Работа выполнена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ на 2017 г.

Литература

- [1] World Bank Digital Dividends. World Development Report. 2016. <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUBReplacement-PUBLIC.pdf>.
- [2] Brynjolfsson E., Hitt L.M., Kim H.H. Strength in Numbers: How Does Data - Driven Decision making Affect Firm Performance? // Social Science Research Network (SSRN), 2011. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1819486.
- [3] Barua A., Mani D., Mukherjee R. Impacts of effective data on business innovation and growth. University of Texas at Austin. <http://www.businesswire.com/news/home/20100927005388/en/Sybase-University-Texas-Study-Reveals-Incremental-Improvements>.
- [4] Citigroup-Oxford Martin School. Technology at Work: The Future of Innovation and Employment. 2015. <http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/publications/view/1883>.
- [5] Andrews D., Criscuolo C., Gal P. The global productivity slowdown, technology divergence and public policy: A firm level perspective / Hutchins Center on

- Fiscal and Monetary Policy, The Brookings Institution, Washington, DC. 2016. No. 24.
- [6] World Economic Forum. The Digital Transformation Initiative. White Paper. 2017. <https://www.weforum.org/whitepapers/digital-transformation-initiative>.
- [7] OECD. OECD Digital Economy Outlook 2015, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264232440-en>.
- [8] UK Government Office for Science. The Internet of Things: making the most of the Second Digital Revolution. 2014. https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/409774/14-1230-internet-of-things-review.pdf.
- [9] Рудых Е.С. Цифровая экономика: курс в 2017 год. <http://files.runet-id.com/2016/itogi2016/presentations/14dec.itogi2016-1-12-30-13-30--rydih.pdf>.
- [10] UK Department for Culture, Media, and Sport. Digital Sector Economic Estimates. 2016. https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/503666/Digital_Sector_Economic_Estimates_-_January_2016_Revised.pdf.
- [11] Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Approaches to Defining and Measuring Russia's Internet Economy // Foresight and STI Governance, 2017. Vol. 11. no 1. Pp. 55–65. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.55.65.
- [12] OECD. Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. 2014
- [13] Advancing Australia as a digital economy: an update to the national digital economy strategy. <http://apo.org.au/node/34523>.
- [14] OECD. The digital economy. 2012. <http://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf>.
- [15] A Digital Single Market Strategy for Europe. 2015. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1447773803386&uri=CELEX:52015DC0192>.
- [16] OECD Ministerial Declaration on the Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity. 2016. <http://www.oecd.org/internet/Digital-Economy-Ministerial-Declaration-2016.pdf>.
- [17] OECD Key Issues for Digital Transformation in the G20. 2017. <http://www.oecd.org/G20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-G20.pdf>.
- [18] Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 №380 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы)"».
- [19] Government of Oman. <http://www.tanfeedh.gov.om>.
- [20] New Zealand Herald. http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=11485573.
- [21] Aleksandrov O.V., Dobrolyubova E.I.: Public Service Delivery through Automated Self-Service Kiosks: International Experience and Prospects for Implementation in Russia // Proceedings of the 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia (EGOSE '15). New York: ACM, 2015. P. 205-210. DOI:10.1145/2846012.2846048.

Developing Digital Economy: OECD Approaches and Priorities for Russia

O.V. Alexandrov ¹, E.I. Dobrolyubova ^{2,3}, E.V. Talapina ²

¹ CEFC Group

² RANEPА

³ Center for Economic and Financial Consulting

International organizations claim that digital economy is among the key drivers of productivity growth and improvement in quality of life. Supporting digital economy is among strategic priorities in Russia as well. The article reviews the evolution in approaches to defining digital economy and formulating government policy in ICT sector in OECD countries. The research demonstrates that more and more attention is being paid to the regulatory issues aimed at creating favorable conditions for developing, implementing and active using of digital technology, investing both in infrastructure and in human skills necessary for the new economic conditions.

The current Russian strategic documents lack sufficient attention to the issues of digital economy development, including sectoral issues of digital technologies application. The targets set by the Information Society government program do not allow for strengthening Russia's positions in the global digital economy. To address this situation, based on international experience the authors formulate recommendations on objective and targets for a long term digital economy development strategy in Russia. Given the importance of regulatory measures in stimulating the development and application of digital technologies, the article spells out a broad list of policy recommendations which are relevant in the Russian context. These recommendations range from the use of digital technologies in tax administration, statistical data collection, supporting state registers to reforming labor legislation, registration of businesses as well as developing new approaches to classification and standardization so as to promote the application of up-to-date technologies in various sectors of economic and social life.

Keywords: development strategy, digital economy, OECD, regulatory measures, results, Russia.

РАЗДЕЛ 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Краудсорсинг в процессе функционирования городских сообществ

А.В. Соколов, О.Е. Комаров

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

alex8119@mail.ru, oleg93komarov@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется использование краудсорсинга в процессе функционирования городских сообществ.

Возможности краудсорсинга применяются для решения задач различного спектра: проведение экспертной оценки, создание уникального контента, генерация идей и решений, быстрое разрешение существующих проблем и т.д. При всем этом, компетентность участвующих в проекте людей не имеет определяющего значения.

В статье выделяются показатели успешного проекта краудсорсинга. Проведённая операционализация понятия «краудсорсинг» позволила выявить следующие его показатели: общность цели как кооперация разноплановых граждан для решения единой цели; оперативная и горизонтальная коммуникация; нефинансовая мотивация (использование социальных мотивов привлечения граждан к функционированию проекта); минимальное количество затраченных ресурсов; получение новых знаний, генерация идей и решений; отсутствие юридических соглашений и договоров. На их основе проводится анализ использования инструментов краудсорсинга тремя городскими сообществами Ярославля: «TEXTIL», ЯРОПСО «Партизан» и «YarSnowBOARDING club».

Ключевые слова: краудсорсинг, городское сообщество, коммуникация, Интернет, Ярославль.

Введение

Электронная демократия представляет собой такую форму демократии, в рамках которой органично сочетаются административные процессы на всех уровнях и эффективное использование возможностей информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим, всё чаще общественно-политической деятельности используется актуальная технология сотрудничества и взаимодействия — краудсорсинг.

Понятие «краудсорсинг» впервые было употреблено в статье «Восход Краудсорсинга» от 2006 года британского редактора и журналиста Джеффа Хау, а затем, им же, были обстоятельно раскрыты все преимущества новой технологии в книге «Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса» [6, с. 14]. По мнению британца, краудсорсинг представляет собой передачу некоторых производственных функций большому кругу лиц, либо разрешение силами добровольцев общественно значимых проблем в рамках, которые координируются при помощи использования современных информационно-коммуникационных технологий. По сути, это использование возможностей огромного числа людей для решения определенных задач: предложение наиболее эффективного разрешения проблем, стоящих перед организацией; минимизация производственных издержек; формирование новых знаний, услуг, товаров; оптимизация функционирования процессов организации. Краудсорсинг является помимо всего относительно эффективным способом управления, который позволяет делегировать разрешение определенных проблем большому кругу лиц.

Американский экономист Е. Хиппель считает, что краудсорсинг является новшеством, направленным на пользователей [7, с. 273]. При этом определенные оперативные функции передаются неопределенному кругу лиц путем публичного предложения. Важный аспект краудсорсинга — не происходит заключения трудового договора между сторонами.

Особо стоит отметить исследования Григория Асмолова — соавтора проектов «Карта помощи пострадавшим при пожарах», «Виртуальная Рында» [3]. По его мнению, краудсорсинг представляет собой мобилизацию индивидуальных ресурсов для достижения конкретных целей, которая осуществляется при посредничестве информационных технологий. Он обращает особое внимание на краудсорсинг ресурсов, мотивации и тенденции развития технологий участников, оценивая в целом краудсорсинговый проект как форму социального посредничества. Г. Асмолов выделяет в краудсорсинге два элемента: «толпа» и «поиск». «Толпа» выступает в качестве субъекта, а «поиск» как процесс мобилизации ресурсов толпы при непосредственном влиянии средств ИКТ [1, с. 298].

Краудсорсинг является одной из форм реализации кооперации, как объединение сил отдельных групп людей для достижения определенных целей и представляет собой «способ решения задач, выполнения заданий посредством обращения за помощью к большому числу людей или организаций, чаще всего с использованием Интернета» [5, с. 272]. Именно Интернет сделал возможной дешевую и простую координацию людей, для их дальнейшего взаимодействия ради достижения определенных целей.

Можно выделить два типа краудсорсинга. Первый тип основан на том, что краудсорсинг предполагает генерацию большого количества идей и предложений, часть которых в дальнейшем реализуется на практике. Чаще всего, реализацию получают идеи в рамках тех краудсорсинговых проектов, где проводятся конкурсные процедуры. В рамках данного типа ключевым значением присылаемых инициатив является их качество, именно на это ориентированы авторы многих проектов. Данный тип можно назвать «Краудсорсинг — качество».

Второй тип заключается в том, что на основе огромного массива полученных идей и решений создатели и организаторы проектов формируют собственную идею, своё решение проблемы. Отправляемые идеи и решения в конечном итоге не имеют практической реализации, а авторы данных идей нигде не обозначены. Зачастую, ключевыми мотивами использования данного типа служат возможность поднятия имиджа компании или увеличение степени узнаваемости проекта. Ключевым значением присылаемых инициатив является их количество, категория «качества» носит относительно условных характер в рамках данного типа. Данный тип можно обозначить «Краудсорсинг — количество».

Таким образом, исходя из ключевой цели краудсорсинга, можно сделать вывод, что генерация новых идей и решений является определяющей в рамках данной технологии. Однако, дальнейшее применение полученных идей разнообразно. В связи с этим, целесообразна дифференциация краудсорсинга по цели применения.

Эмпирическое исследование

Целью статьи является изучение использования краудсорсинга в процессе функционирования городских сообществ на примере городских сообществ Ярославля. При этом под городскими сообществами исследователями понимаются неформальные самоорганизованные (без юридического лица, регистрации в госорганах, счета в банке) объединения граждан [4].

В качестве кейсов изучения инструментов технологии краудсорсинга были выбраны следующие городские сообщества: «TEXTIL» [2], ЯРОПСО «Партизан» [9] и «YarSnowBOARDING club» [10]. Выбор пал именно на данные городские сообщества ввиду их разнообразной тематики, изучение инструментов краудсорсинга на практике в рамках данных сообществ позволяет представить общую картину, а также характерные особенности и ключевые показатели.

Первым исследуемым объектом стало городское сообщество «TEXTIL». Сообщество «TEXTIL» представляет собой объединение городских активистов, в рамках которого осуществляется проектная и дискуссионная деятельность, его участники имеют возможность почувствовать себя увлечёнными и вовлечёнными горожанами. Проводимые мероприятия нацелены на формирование местной идентичности, мотивации горожан и увеличению их интереса к принятию участия в жизни города Ярославль.

В рамках данного сообщества создаются условия для конструктивного диалога общественности, власти и бизнеса, вырабатываются инструменты сотрудничества и коммуникации. Открытый формат способствует повышению компетентности городских активистов, формированию новых проектов и лидеров в Ярославле. Руководителем данного местного сообщества является Юлия Кривцова.

Вторым объектом изучения было выбрано ЯРОПСО «Партизан». Данный проект создан с целью поиска граждан в природной и городской среде на основе безвозмездной помощи правоохранительным органам, ПСО, МЧС. Реализация проекта осуществляется посредством размещения информационных

постов о пропавших людях, где каждый желающий сможет как помочь с поисками самостоятельно, так и предоставив необходимую информацию о пропавшем человеке. Руководителем данной платформы, а также по совместительству командиром поискового отряда является Алексей Манаев.

«YarSnowBOARDING club» представляет собой спортивно-информационный клуб лыжно-сноубордического движения в городе Ярославль и Ярославской области. Также в рамках сообщества ведётся отчёт о проводимых мероприятиях и регулярно предоставляется информация о лучших экстрим-парках в Ярославской области. Клуб объединяет городских активистов, в сферу интересов которых входят занятия сноубордингом, катание на горных лыжах, тюбах, а также увлечения экстремальными видами зимнего спорта, такими как джиббинг. Проводимые в рамках сообщества мероприятия нацелены на получение удовольствия от занятий спортом, привлечение новых участников. Открытый формат способствует повышению компетентности городских активистов, реализацию новых мероприятий и лидеров в Ярославле. Руководителями данного сообщества является Виталий Шамгунов.

Изучение инструментов краудсорсинга в рамках указанных городских сообществ осуществлялось методом анализа сообществ в социальной сети «ВКонтакте», также посредством сбора и аналитики статистической информации, с использованием возможностей сервиса «Popsters».

Показатели успешного проекта краудсорсинга

Краудсорсинг — генерация оптимального варианта решения поставленной задачи путем вовлечения максимального количества людей при минимальных затратах ресурсов. Помимо этого, применение технологии краудсорсинга предполагает обеспечение оперативной интенсивной коммуникации, ориентированной на выработку оптимального варианта решения поставленной задачи с максимально широким кругом субъектов. Из всего этого следует, что ключевыми факторами идеального краудсорсингового проекта являются: оперативная коммуникация, затраченные ресурсы, вовлечение людей, получение новых знаний.

Привлечение максимального количества людей является одним из ключевых факторов применения краудсорсинга. Привлечение людей в рамках краудсорсинга носит массовый характер, технология позволяет охватить громадное количество людей без социальных, экономических, территориальных, корпоративных, политических и других ограничений. Однако, при всём максимализме привлечения людей, в рамках каждого краудсорсингового проекта существует определённая целевая аудитория, определяемая и зависимая от задач, решаемых в рамках данного проекта. Результативность проекта зачастую зависит необходимости работы с целевой аудиторией.

Как считает Джефф Хау, для успешной реализации краудсорсингового проекта необходимо привлечение от 5 тыс. участников [6, с. 14]. Однако можно предположить, что, при эффективной организации и применении достаточно проработанной методологии, число участников для высокой результативности краудсорсингового проекта может быть значительно меньшим.

Можно выделить целый ряд ключевых показателей краудсорсинга.

Первым показателем краудсорсинга стоит назвать оперативную и горизонтальную коммуникацию. В основе краудсорсинга лежит философия соучастия, он ориентирован на формирование горизонтальных связей. Краудсорсинг — это коллективное творчество людей, следовательно, коммуникация является ключевым фактором данной технологии. Налаженные с участниками краудсорсингового проекта бесплатные и простые коммуникации, согласование средств между собой определяет степень результативности проекта.

Оперативность и налаженность коммуникации формирует быструю адаптацию новых участников, сокращает различные издержки и позволяет увеличить вероятность более органичного включения новых участников в реализацию проекта.

Для краудсорсинга характерен принцип интерактивности, диалога. Это предполагает применение индивидуально отрегулированных коммуникаций, в частности, пошаговое предложение различных вариантов в зависимости от особенностей предыдущего выбора участника. Данный принцип также имеет огромное значение, так как позволяет ободрить участника, побудить его к продолжению дальнейшей активности. Это исключает возможность разочарования участника, чтобы он видел конкретный результат собственных приложенных усилий.

Следующий показатель — общность цели. При краудсорсинге решение общей проблемы подавляет желание достижения корыстных, личных целей. Применение краудсорсинга в Интернете основано на создании различных сетевых сообществ, которые позволяют усилия разнообразных индивидов объединить в общую систему (подобие коллектива) для решения поставленных задач с минимальными издержками в кратчайшие сроки.

Наличие общего интереса, общей цели формируют у толпы общее эмоциональное состояние. Объединенная схожими эмоциями группа людей способно оказать достаточно сильное влияние на окружающих, «заражая» мотивацией разрешения существующей проблемы. Таким образом, идея разрешения проблемы лавинообразно распространяется внутри толпы. Возможность почувствовать себя частью коллектива и осознание влиятельности собственного мнения являются ключевым вкладом в общее дело.

Кооперация разноплановых индивидов для достижения общего результата создаёт возможность для организаторов краудсорсингового проекта получить множество вариантов решения проблемы. Идентичность участников, объединение их в рамках решения существующей проблемы несут высокий мобилизационный потенциал для дальнейшей реализации краудсорсингового проекта.

Третий показатель краудсорсинга — это нефинансовая мотивация (использование социальных мотивов привлечения граждан к функционированию проекта). Люди, готовые предоставить свои умения, навыки, затрачивающие собственное время ради решения различных задач других людей, имеют определенные мотивы, которые можно разделить на две группы: внешние и внутренние. Внешние мотивы связаны, прежде всего, с оценкой заказчика, внутренние же — с собственной оценкой человека того, чем он занимается.

Внутренние мотивы основаны на получении удовольствия и общности интересов. Для множества людей данная деятельность представляет собой хобби, интересное занятие, которым можно разбавить досуг с удовольствием. Совершенствование собственных навыков, мгновенная оценка результатов, оригинальная постановка задачи напрямую связаны с получением удовольствия. Говоря об общности интересов, имеется в виду то, что люди могут быть стимулированы поиском единомышленников, расширением круга знакомств и общения и другое.

Внешние мотивы можно разделить на две группы: социальные мотивы и вознаграждение. В последнее входит прямая оплата труда (пусть даже она намного ниже ставок «профессионалов»). Также можно сказать о выгодах, получаемых в будущем после выполнения работы (приобретение навыков, предложения от потенциальных работодателей и др.). Социальные мотивы направлены на общественное признание, достигаемое за счет активной общественной позиции, благотворительную деятельность. В условиях незначительной оплаты труда участников возникает необходимость формирования комфортной среды, когда лучшие участники имеют мотивацию, отличную от финансовой прибыли.

Одним из определяющих показателей краудсорсинга также можно выделить минимальное количество затраченных ресурсов. Краудсорсинг — это, прежде всего, максимально дешёвый способ достижения результата. Деятельность краудсорсинга позволяет кардинально снизить стоимость конечного результата, зачастую получая его абсолютно бесплатно. Классическим примером, демонстрирующим возможность снижения финансовых затрат, может стать ситуация, когда организация в условиях необходимости разработки собственных слогана или логотипа обращается к гражданам, обещая за выполнение задачи какой-либо подарок. Краудсорсинг опирается на деятельность «любителей», которые выполняют работу на основе социальных мотивах, в отличие от высокооплачиваемых профессионалов. Также краудсорсинг позволяет значительно снизить затраченное на решение проблемы время, так как участниками проекта становятся добровольцы, а они, как известно, люди азартные, и скорость разрешения проблемы для них носит спортивный интерес, т.е. для них определяющим становится необходимость опережения других и стать неким лидером.

Следующий показатель краудсорсинга — получение новых знаний, генерация идей и решений. Концепция краудсорсинга также нацелена на привлечение, использование и комбинацию ключевого ресурса информационного общества — знаний. Он обеспечивает максимальное достижение положительного синергетического эффекта в условиях интеллектуального сотрудничества. По своей сути, это технология бесплатного получения новых знаний, идей, решений.

Координация деятельности добровольцев в краудсорсинге осуществляется при помощи коммуникационных средств и сети Интернет, что значительно увеличивает возможность поиска потенциальных работников.

И, наконец, стоит отметить такой показатель, как отсутствие юридических соглашений. Краудсорсинг включает в себя широкий круг людей, при этом многие из них принимают участие ради любопытства. Краудсорсинг — это

технология, где участники не связаны никакими юридическими обязательствами. Между авторами проектов и его участниками отсутствуют соглашения, договоры за оказание определённых услуг. В этом заключается основное отличие краудсорсинга от аутсорсинга.

Инструменты краудсорсинга в процессе функционирования городских сообществ

Выделение показателей успешного проекта краудсорсинга позволяет провести анализ использования краудсорсинга на примере трех городских сообществ Ярославля: «TEXTIL», ЯРОПСО «Партизан» и «YarSnowBOARDING club».

В рамках краудсорсинга характерно использование коллективной деятельности «непрофессионалов», однако при создании проекта существует определённая целевая аудитория, на которую создатели проекта рассчитывают в большей степени.

На основе изучения проводимых мероприятий и реализуемых проектов в рамках городского сообщества «TEXTIL», можно сделать вывод, что целевой аудиторией данного сообщества являются: художники, дизайнеры, архитекторы, люди, связанные с деятельностью какого-либо НКО, предприниматели, представители власти, фотографы, городские активисты и другие. Всех потенциальных участников сообщество «TEXTIL» объединяет желание принять участие в улучшении городской среды города Ярославля.

Целевую аудиторию «Партизана», согласно запросам в рамках социальной сети «ВКонтакте», можно определить следующим образом: бывшие и действующие сотрудники МЧС, правоохранительных органов, кладоискатели, велосипедисты, страйкболисты, лесники, джиперы, парашютисты, квадроциклисты, туристы, радиолюбители, альпинисты, кинологи, дозорщики, охотники, дайверы, аналитики, любители социальных сетей (в целях распространения и сбора информации) и другие. Данную аудиторию должны объединять активная жизненная позиция, стремление учиться и помогать в поиске пропавших людей.

Целевой аудиторией «YarSnowBOARDING club» можно определить горожан, интересующихся зимним спортом, в частности, горными лыжами и сноубордами. Потенциально участником сообщества может стать любой желающий, так как деятельность сообщества также нацелена и на формирования интереса горожан к зимним видам спорта.

Следующий инструмент технологии краудсорсинга — это коммуникация в рамках городского сообщества. Коммуникация определяет степень кооперации участников сообщества, их идентичности. От того, как выстроена коммуникация, зависит результативность и эффективность функционирования городского сообщества. В качестве показателей коммуникации для данного исследования была выбрана коммуникативная цепь Ф.И. Шаркова [8]. Согласно теории коммуникации, ключевыми её показателями являются:

- субъект коммуникации;
- кодирование информации;
- канал информации;

- передача сигнала;
- существующие барьеры и помехи в процессе передачи сигнала;
- прием и декодирование коммуникации;
- объект коммуникации;
- обратная связь.

В рамках городского сообщества «ТЕХТИЛ», коммуникация имеет характерную черту — многоканальность. Общение осуществляется как по вербальным, так и по невербальным каналам. Участники сообщества коммуницируют по невербальным каналам преимущественно на реализуемых мероприятиях, а также посредством изображений архитектурных замыслов в форме граффити, рисунков, инсталляций, картин и других результатов изобразительного искусства. Нельзя также не отметить, что посредством данного арт-искусства осуществляется также и реклама местного сообщества, что также способствуют привлечению новых участников.

Вербальное общение также осуществляется и в рамках проводимых мероприятий, однако особое внимание стоит уделить коммуникации в сети Интернет.

Городское сообщество «ТЕХТИЛ» имеет собственный сайт, где размещена основная информация о данном проекте, информация о реализуемых проектах и проводимых мероприятиях, указаны контакты, по которым можно связаться с организаторами, в том числе адрес сообщества, телефоны, электронная почта. В целом, данный сайт несёт лишь ознакомительный характер, его задача познакомить посетителя с сообществом. Непосредственно словесное общение данный сайт не предполагает. Интересной особенностью данного сайта стоит отметить возможность переключения языка с русского на английский и обратно. Это способствует дополнительному привлечению иностранных граждан к участию в деятельности сообщества.

Также коммуникация осуществляется в различных социальных сетях, таких как Facebook, Vkontakte, Instagram.

В рамках сообщества коммуникатор и реципиент обладают схожей системой кодирования и декодирования информации. Это приводит к тому, что процессы кодирования и декодирования информации в рамках коммуникации внутри данного сообщества эффективны, так как публикуемые идеи и предложения максимально просты и понятны, отсутствует терминологическая (научная) лексика. Периодически применяются элементы художественного стиля с целью воздействия на чувства и воображения читателя, передачи чувств и мыслей автора (характерны эмоциональность, образность, конкретность речи), что объясняется спецификой данного сообщества. Но всё же преобладает разговорная речь, что придаёт речи экспрессивности и живости, тексты отличаются красочностью и смысловой лаконичностью.

В рамках данного сообщества коммуникация носит, в большей степени, двусторонний характер. Информация регулярно циркулирует между участниками сообщества, между руководителями и участниками, между руководителями (существует сайт организаторов проекта). Любой участник коммуникации регулярно и очень часто меняет свою роль: от субъекта коммуникации к объекту и обратно.

Количество барьеров и помех в процессе передачи сообщения сведено к минимальному значению. Это в полной мере объяснить особенностями лингвистики сообщений данного сообщества, о которых было сказано ранее.

Согласно информации на фейсбуке, сообщество «ТЕХТІЛ» «очень активно отвечает на сообщения». Это демонстрирует высокий уровень оперативности коммуникации, что способствует формированию позитивного отношения к данному проекту со стороны его участников.

Коммуникация, осуществляемая в рамках ЯРОПСО «Партизан», также уникальна. В рамках данного городского сообщества осуществляется преимущественно вербальная коммуникация. Общение происходит на реализуемых мероприятиях по поиску пропавших людей, в рамках подготовки к реализации данных мероприятий.

Необходимость в невербальной коммуникации ввиду специфики городского сообщества, в частности, нацеленность на оперативную, максимально точную передачу информации, отсутствует.

Коммуникация в рамках подготовки к реализации мероприятий по поиску людей осуществляется преимущественно в рамках сети Интернет, но также характерно общение по телефону и электронной почте. Особенность местного сообщества заключается в том, что граждане, владеющие ценной информацией о местонахождении пропавшего человека, связываются по какому-либо каналу с организаторами сообщества «Партизан».

Сообщество «Партизан» имеет собственный официальный сайт. Информация, размещенная на данном сайте, носит преимущественно ознакомительный характер. Здесь представлена информация о данном сообществе, новости, телефон горячей линии. Посредством данного канала связи любой желающий может стать формальным участником данного сообщества — как тем, кто нуждается в поиске человека (заполнить заявку на поиск), так и тем, кто поиск будет осуществлять (заполнить анкету волонтера). Непосредственно словесное общение на данном канале связи осуществляется на отдельной вкладке, где находится форум. Там организаторы своевременно публикуют информацию о пропавших людях, участники обсуждают данную публикацию, предлагают собственные идеи и варианты решений. Коммуникация в данном случае носит неформально односторонний порядок. В целом, коммуникацию в данном случае можно определить как коммуникацию между участником и организатором, общение между участниками осуществляется крайне редко.

Помимо официального сайта, коммуникация также осуществляется в социальных сетях Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Instagram. Также отдельные разделы о данном сообществе имеются на таких форумах, как Ярпортал, форум ЯРОО «Спортивная федерация по спорту сверхлёгкой авиации», LiveInternet, Jediru.net, boardreader.com и других. Особое внимание стоит уделить коммуникации в рамках социальной сети ВКонтакте.

Процессы кодирования и декодирования информации в рамках коммуникации внутри данного сообщества эффективны, так как публикуемые идеи и предложения максимально просты и понятны, отсутствует терминологическая (научная) лексика. Ключевым стилем речи является публицистический. Текст характеризуется наличием общественной лексики,

оценочностью, логичностью, призывностью. Часто употребляются короткие предложения, безглагольные фразы, рублёная проза. Используется оценочная лексика, которая обладает сильной эмоциональной окраской — энергичный старт, твёрдая позиция и тяжелейший кризис. При этом цель передачи информации заключается не только в воздействии на разум адресата, но и на его чувства.

В большей степени, коммуникация в социальной сети ВКонтакте носит двусторонний характер. Происходит регулярная циркуляция информация между участниками и руководителями сообщества. Однако преобладает коммуникация, когда ярко выраженным субъектом являются именно руководители сообщества. Именно от них чаще всего исходит message, сообщения руководителей несут большую ценность для функционирования сообщества.

Особенность коммуникации в рамках данного сообщества заключается в том, что причиной общения зачастую является наличие информации у субъекта. Функционирование проекта носит периодический временной характер, то есть при отсутствии необходимости поиска какого-либо гражданина реализация проекта временно приостанавливается, а, следовательно, приостанавливается коммуникация. Поэтому можно сделать вывод, что реализация сообщества напрямую зависит от наличия сообщения руководителей сообщества, которое, в свою очередь, даёт начало процессу коммуникации.

Наличие горячей линии говорит о том, что руководители сообщества готовы к коммуникации в любое время. Это означает, что уровень оперативности коммуникации высокий, любой гражданин может получить или поделиться информацией в кратчайшие сроки.

Количество барьеров и помех в процессе передачи сообщения сведено к минимуму. Это в полной мере объяснить особенностями лингвистики сообщений данного сообщества, о которых было сказано ранее. Все сообщения максимально просты, лаконичны и содержательны.

Коммуникация в рамках городского сообщества «YarSnowBOARDING club» имеет характерную черту — многоканальность. Общение осуществляется как по вербальным, так и по невербальным каналам. Участники сообщества коммуницируют по невербальным каналам преимущественно на реализуемых мероприятиях, а также посредством публикуемых в социальных сетях фотографий, видеозаписей.

Коммуникация осуществляется в рамках социальной сети «Vkontakte». Другие каналы связи у данного сообщества отсутствуют, однако при этом имеются упоминания об «Yar SnowBOARDING club» на таких платформах, как Ярпортал, behance.net, Lifeinternet и другие.

В рамках сообщества коммуникатор и реципиент обладают идентичной системой кодирования и декодирования информации. Это приводит к тому, что процессы кодирования и декодирования информации в рамках коммуникации внутри данного сообщества эффективны, так как публикуемые идеи и предложения максимально просты и понятны, отсутствует терминологическая (научная) лексика. В целом, можно отметить, что в отличие от предыдущих сообществ, в данном количестве текстуальной информации крайне невелико, в большем количестве преобладает публикации визуального характера. В том

количестве текста, который имеется, периодически применяются элементы художественного стиля с целью воздействия на чувства и воображения читателя, передачи чувств и мыслей автора (характерны эмоциональность, образность, конкретность речи), что объясняется спецификой данного сообщества. Но всё же преобладает разговорная речь, что придаёт речи экспрессивности и живости, тексты отличаются красочностью и смысловой лаконичностью. Характерно явное господство нейтральных слов при допустимости разговорных и просторечных.

В рамках данного сообщества коммуникация носит, в большей степени, двусторонний характер. Публикации авторов проекта нацелены на то, чтобы задеть чувства участников сообщества, вызвать у них желание и стремление принять участие в деятельности сообщества. Информация регулярно циркулирует между участниками сообщества, между руководителями и участниками, между руководителями. Любой участник коммуникации регулярно и очень часто меняет свою роль: от субъекта коммуникации к объекту и обратно.

Количество барьеров и помех в процессе передачи сообщения в данном сообществе минимально. Это в полной мере объяснимо лингвистическими особенностями сообщений в данном сообществе, как было указано ранее.

Следующим инструментом краудсорсинга можно выделить нематериальную мотивацию участников. Краудсорсинг представляет собой генерацию идей и решений бесплатно или за небольшое вознаграждение. При этом проблема мотивации граждан к участию без финансовой составляющей довольно остра. Поэтому то, как с данной проблемой справляются городские сообщества, вызывает огромный интерес.

Среди особенностей нематериальной мотивации участников в рамках сообщества «ТЕХТИЛ» можно выделить ряд факторов.

Первый фактор, который вовлекает новых участников в деятельность городского сообщества. Влияние данного фактора можно обосновать тем, что участники предлагают собственные варианты решения проблем, а в дальнейшем принимают активное участие в реализации предложенных идей.

Второй фактор — признание заслуг обществом; хобби, позволяющее принести значительную пользу обществу — также можно объяснить спецификой данного сообщества. Ярким примером, доказывающим существование данного фактора, служит реализованный проект «Человек красит место». Проект объединил как профессиональных художников, так и всех желающих принять участие в преобразении городской среды. Результаты деятельности данного проекта были восторженно встречены как самими участниками, так и обычными гражданами, наблюдающими за данным искусством со стороны.

Из второго фактора вытекает следующий — свобода творчества в условиях поставленной задачи. Любой житель имел возможность воплотить любые свои идеи в настоящий рисунок на стенах города Ярославль.

Определённое влияние на привлечение участников в сообщество «ТЕХТИЛ» могли оказать такие факторы, как:

- Признание успешных результатов труда экспертным сообществом. В проекте «Человек красит место» принимали участие также и

профессиональные художники, которые могли с профессиональной точки зрения оценить результаты деятельности любителей.

- Поиск единомышленников и способ общения. «Человек красит место» - это не только праздник искусства, но и праздник общения. Городское сообщество, как термин, предполагает объединение людей с общими взглядами и интересами, поэтому все, кто входит в состав сообщества, в той или иной степени разделяет его общую концепцию.

В рамках ЯРОПСО «Партизан» к выполнению поставленных задач организаторы сообщества привлекают участников следующими факторами нематериальной мотивации:

- Возможность решения существующих трудностей и проблем. Участие в мероприятиях решает главную задачу данного местного сообщества, а именно поиск пропавших людей. Для участников это возможность почувствовать себя частью коллектива, осознать то, что твое мнение важно и является вкладом в общее дело.
- Общественное признание. Главным показателем общественного признания в рамках данного сообщества являются благодарные отзывы родственников и близких людей, которые были найдены благодаря деятельности данного сообщества. Также, в целом, волонтерская деятельность по поиску людей всегда была общественно поощряемой, об этом свидетельствуют многочисленные статьи в региональных СМИ, в которых присутствуют слова-благодарности в адрес руководителей сообщества.
- Хобби, позволяющее принести общественную пользу. Участниками сообщества являются волонтеры, оказывающие помощь на добровольной основе.
- Нематериальное поощрение. В рамках данного сообщества, участники имеют возможность подтвердить свои навыки и возможности и получить в дальнейшем сертификат «Спасателя».

Среди особенностей нематериальной мотивации участников в рамках городского сообщества «YarSnowBOARDING club» можно выделить ряд факторов.

Первый фактор — это удовлетворение любопытства и интереса. Это объясняется спецификой данного городского сообщества. Горные лыжи и сноубординг — достаточно редкие виды спорта, количество их поклонников относительно невелико. Обычно граждане начинают заниматься подобным ради стремления попробовать что-то новое. Данный фактор в большей степени характерен для тех, кто до принятия роли участника сообщества, не интересовался деятельностью в данной области.

Из первой особенности вытекает следующая — возможность познать и реализовать свой потенциал. Данный фактор в большей степени характерен и для тех, кто до принятия роли участника сообщества, не интересовался деятельностью в данной области, и для тех, кто ранее занимался данной деятельностью ранее. Для второго типа людей характерно раскрытие собственного потенциала в данной деятельности и своей уникальности, для них это возможность реализовать себя.

Следующий фактор — поиск единомышленников и способ общения. Участие в данном сообществе — это возможность найти единомышленников в данной области, число которых по всей стране достаточно мало.

Также одним из инструментов краудсорсинга в рамках городских сообществ можно выделить публикацию записей в социальных сетях, в частности, в сети «ВКонтакте». Данные записи оказывают воздействия на чувства и эмоции на участников сообщества. То, что собой представляют данные записи, дают общую картину о самом сообществе.

Сообщения, которые публикуются руководителями городского сообщества «ТЕХТИЛ», всегда имеют визуальные сопровождения, в частности, картинку. Данный процесс способствует лучшему восприятию содержания публикации, воздействию на психику объекта.

Чаще всего, к публикациям прикреплены фотографии с реализуемых мероприятий сообщества, или же фотографии, несущие ту же смысловую и содержательную нагрузку. Данный фактор, зачастую, способствует возникновению интереса человека к ранее реализуемым мероприятиям, вызывает у него мотивацию принятия участия в новых проектах сообщества.

Публикации ЯРОПСО «Партизан» всегда сопровождаются визуальными образами, в частности, фотографиями пропавших людей. Это объясняется спецификой самого сообщества, прикреплённая к тексту картинка способствует эффективному восприятию содержания публикации.

Размещённая фотография способствует более быстрому поиску пропавшего человека. Возможность репликации, о которой будет сказано далее, более вероятно именно тогда, когда к информационному тексту прикреплена фотография.

Нельзя не отметить, что для «YarSnowBOARDING club» характерной особенностью является то, что результаты мероприятий фиксируются в формате видеосъёмки, что позволяет потенциальным участникам получить наиболее полную информацию о проводимом мероприятии, создаётся условие более полного и всестороннего восприятия прошедшего. Помимо видеозаписей, публикуемых в социальных сетях, руководители сообщества также занимаются организацией кинопоказов художественных и документальных фильмов в киноклубе «НЕФТЬ», Melody Club, бар «Папин гараж» (г. Ярославль).

Сообщения, которые публикуются руководителями городского сообщества, всегда имеют визуальные сопровождения, в частности, картинку. Данный процесс способствует лучшему восприятию содержания публикации, воздействуя на психику объекта. Публикация с картинкой лучше запоминается.

Таким образом, можно говорить о том, что анализируемые сообщества активно используют различные инструменты краудсорсинга для достижения своих целей (Таблица 1).

Таблица 1. Инструменты краудсорсинга в городских сообществах г. Ярославля

Инструменты краудсорсинга	«ТЕХТИЛ»	ЯРОПСО «Партизан»	«YarSnowBOARDING club»
Ориентация на определённую целевую аудиторию	Художники, дизайнеры, архитекторы, люди, связанные с деятельностью какого-либо НКО, предприниматели, представители власти, фотографы, городские активисты и другие	Бывшие и действующие сотрудники МЧС, правоохранительных органов, кладоискатели, велосипедисты, страйкболисты, лесники, джиперы, парапланеристы, квадроциклисты, туристы, радиолюбители, альпинисты, кинологи, дозорщики, охотники, дайверы, аналитики, любители соц. сетей (в целях распространения и сбора информации) и др.	Горожане, интересующиеся зимним спортом, в частности, горными лыжами и сноубордами
Коммуникация			
Канал коммуникации	Официальный сайт, Facebook, Vkontakte, Instagram.	Телефон, электронная почта, официальный сайт, Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Instagram	Социальная сеть «Vkontakte», иные сайты в сети Интернет
Система кодирования и декодирования информации	Художественный и разговорный стили речи	Публицистический стиль речи	Художественный и разговорный стили речи
Участники коммуникации	Смена ролей субъектов коммуникации	Субъект-объект	Смена ролей субъектов коммуникации
Барьеры и помехи	Сведены к минимальному значению	Сведены к минимальному значению	Сведены к минимальному значению
Оперативность коммуникации	Да	Да, наличие горячей линии	Да
Особенности публикации записей	Визуальное сопровождение записей	Сопровождение Записей фотографиями	Фотографии и видеозаписи

Выводы

Сегодня краудсорсинг имеет применение как технология решений широкого круга проблем. Посредством краудсорсинга происходит снижение стоимости и

сокращение времени достижения конкретного результата, что происходит за счёт передачи решения проблемы неограниченному кругу лиц.

Проведённая операционализация понятия «краудсорсинг» позволяет сделать вывод, что ключевыми показателями и критериями данной технологии являются:

- общность цели как кооперация разноплановых граждан для решения единой цели;
- оперативная и горизонтальная коммуникация;
- нефинансовая мотивация (использование социальных мотивов привлечения граждан к функционированию проекта);
- минимальное количество затраченных ресурсов;
- получение новых знаний, генерация идей и решений;
- отсутствие юридических соглашений и договоров.

Изучение краудсорсинга в городских сообществах позволило сделать вывод о том, что самыми распространёнными нематериальными методами мотивации граждан в участие деятельности данных сообществ являются решение существующих общественных проблем, общественное признание и хобби.

Наличие множества мотивов и целей участия может способствовать дальнейшему разделению взглядов и позиций участников по некоторым вопросам.

Коммуникация в рамках сообществ, использующих технологию краудсорсинга, является многоканальной. Несмотря на различия содержания сообщений, их стилистики, в рамках данных сообществ отсутствуют барьеры и помехи коммуникации. Соответственно, процессы кодирования и декодирования сообщений осуществляется максимально легко и просто, что способствует наиболее эффективной коммуникации.

Также, несмотря на определённую целевую аудиторию, на которую нацелены данные сообщества, в деятельность сообществ вовлечены граждане, которые к данной целевой аудитории не относятся. Это объясняется привлечением непрофессионалов, участие которых можно объяснить нематериальными факторами, о которых было сказано ранее. Следовательно, применение краудсорсинга в рамках создания и реализации местных сообществ эффективно.

Сообщения, которые публикуются руководителями городского сообщества, всегда имеют визуальные сопровождения.

Анализ групп городских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» продемонстрировал, что руководители сообществ ориентируются на оперативность в процессе коммуникации с участниками сообщества, что в значительной степени позволяет значительно сократить затраты времени на решение существующих проблем. Высокая скорость ответов позволяет сформировать положительное отношение участников к руководству сообщества, формирует у участников чувство собственной ценности, необходимости для функционирования проекта.

Инструментарий краудсорсинга в рамках городских сообществах многообразен и, что самое главное, многофункционален. Практика организации деятельности данных сообществ наглядно демонстрирует, что эффективность и результативность применения того или иного инструмента краудсорсинга

обусловлены различными факторами: спецификой и целями городского сообщества, ориентацией на определённую целевую аудиторию, возможностями и барьерами сообществ, состоянием окружающей обстановки (экономической, политической, социальной и др.). Правильный подбор инструментария и его применения позволит организаторам и руководителям этих проектов значительно увеличить результативность функционирования городского сообщества на практике.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-03-00132 «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

Литература

- [1] Asmolov G. Vertical crowdsourcing in Russia: balancing governance of crowds and state-citizen partnership in emergency situations // Policy and Internet. 2015. №7 (3). P. 292-318.
- [2] TEXTIL – культурный центр в Ярославле // Социальная сеть «ВКонтакте». https://vk.com/textil_in.
- [3] Асмолов Г. Принципы краудсорсинга // Теплица социальных технологий. <http://te-st.ru/2013/04/02/crowdsourcing-asmolov/>.
- [4] Свят Мурунов о социальной инженерии и комьюнити-билдинге // Онлайн - журнал UrbanUrban. <http://urbanurban.ru/blog/reflection/457/Svyat-Murunov-o-sotsialnoy-inzhenerii-i-komyuniti-bildinge>.
- [5] Соколов А.В. Краудсорсинг: новая технология гражданской кооперации // Социальный компьютеринг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты (ISC-14): Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. М.: МГГУ им. М.А.Шолохова, 2014. С. 271-275.
- [6] Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Пер. с англ. М.: «Альпина Паблишер», 2012.
- [7] Хиппель Э. Потребительские инновации – новая парадигма развития // Деловое совершенство. 2011. № 5.
- [8] Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010.
- [9] ЯРОПСО «Партизан» // Социальная сеть «ВКонтакте». <https://vk.com/yarpartizan>.
- [10] Ярославль Сноубординг // Социальная сеть «ВКонтакте». <https://vk.com/yar.snow.club>.

Crowdsourcing in the functioning of urban communities

A.V. Sokolov, O.E. Komarov

Demidov P.G. Yaroslavl state university

The article analyzes using of crowdsourcing in the process of functioning of urban communities.

Crowdsourcing capabilities are used to solve problems of different spectrum: expert evaluation, creation of unique content, generation of ideas and solutions, quick resolution of existing problems, etc. With all this, the competence of the people participating in the project is not of decisive importance.

The article highlights the success of the crowdsourcing project. The conducted operationalization of "crowdsourcing" made it possible to identify the following indicators: common purpose as the cooperation of diverse citizens to solve a common goal; operational and horizontal communication; non-financial motivation (use of social motives to attract citizens to the operation of the project); minimum amount of resources expended; obtaining new knowledge, generating ideas and solutions; absence of legal agreements and contracts. On their basis, an analysis is made of the use of crowdsourcing tools by the three urban communities of Yaroslavl: "TEXTIL", YAROSO "Partizan" and "YarSnowBOARDING club".

Keywords: crowdsourcing, urban community, communication, Internet, Yaroslavl.

Стратегии политического участия в глобальной сети студентов Крыма и Севастополя

Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов

Московский педагогический государственный университет

brodovskaya@inbox.ru, an-doc@yandex.ru, karzubovdn@gmail.com

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования характеристик использования студенческой молодежью Крыма и Севастополя сети Интернет как средства реализации политического участия. Проанализированы показатели наличия у крымской и севастопольской студенческой молодежи опыта взаимодействия с властью с помощью официальных сайтов и порталов органов власти, наличия установок и опыта систематического поиска информации политического характера в Интернете, отношения к проблемам свободы в глобальной сети и контроля над Интернет-контентом. Выявлена специфика установок на политическое участие у представителей крымской и студенческой молодежи, принадлежащей к различным кластерам, выделенным по критериям степени ресоциализированности, их интегрированности в российское общество. Результаты исследования позволяют разработать рекомендации по развитию альтернативных информационных потоков в глобальной сети, направленных на формирование конструктивной, конвенциональной стратегии социального и политического участия крымских и севастопольских студентов.

Ключевые слова: Интернет, Интернет-коммуникация, стратегии поведения в Интернете, онлайн-политическое участие, социальное поведение в глобальной сети, компаративный анализ, молодежь.

Актуальность настоящего исследования продиктована рядом обстоятельств. Среди них, во-первых, необходимость эмпирического обоснования мер по разработке рекомендаций, направленных на формирование конвенционального, конструктивного социального и политического поведения жителей Крыма, в том числе студентов крымских вузов. Во-вторых, несомненная эффективность такого инструмента социальной интеграции граждан Крыма в российское пространство, как их вовлечение в онлайн-социальное и политическое участие. Пространство глобальной сети — это среда, в которой могут быть реализованы интеграционные мероприятия, адаптирующие крымчан к

социально-политическому устройству российского социума и позволяющие принимать конструктивное участие в политической жизни страны [4-9, 13, 14]. Вместе с тем сегодня это средство интеграции используется явно недостаточно.

Настоящее исследование онлайн-политического участия студенческой молодежи Крыма является частью прикладного комплексного анализа, проведенного в рамках Всекрымского социологического исследования «Образ России в представлениях преподавателей социально-гуманитарных наук вузов Крыма». В статье отражены результаты, полученные в ходе массового опроса целевых групп (1100 студентов вузов Крыма, выборка репрезентативна по полу, направлению, году обучения, месту жительства). В исследовании принимали участие студенты следующих вузов Крыма и Севастополя:

- Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова — филиал в Севастополе;
- Академия труда и социальных отношений — филиал в Севастополе;
- Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова — филиал в Севастополе;
- Севастопольский государственный университет;
- Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского в Симферополе;
- Крымский инженерно-педагогический университет в Симферополе;
- Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского — филиал в Евпатории;
- Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского — филиал в Ялте;
- Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского — филиал в Армянске;
- Крымский институт бизнеса в Симферополе;
- Керченский государственный морской технологический университет.

В процессе анализа категории «Политическое участие в глобальной сети крымской и севастопольской молодежи» были измерены следующие переменные:

- используемые социальные сети;
- применяемые электронные ресурсы политической направленности;
- отношение к электронным ресурсам политической направленности;
- наличие опыта взаимодействия с органами власти с помощью сети Интернет;
- опыт использования Интернет-ресурсов как источника информации о кандидатах в процессе избирательных кампаний;
- отношение к контролю содержания сети Интернет со стороны органов власти;
- отношение к проблеме пропаганды экстремизма в глобальной сети.

Исследование показало, что значение указанных переменных в существенной степени определяется принадлежностью крымской и севастопольской молодежи к различным кластерам по степени ресоциализированности, то есть завершенности процесса интеграции в российское общество. Данные кластеры определялись на основе всего массива данных массового опроса в рамках исследования «Образ России в

представлениях преподавателей социально-гуманитарных наук вузов Крыма», отдельным направлением которого был анализ представлений студенческой молодежи крымских и севастопольских университетов. Кластеры были выделены на основе группы критериев: оценки современной ситуации в России, исторического самосознания, специфики национально-государственной идентификации, ценностных ориентиров, опыта социальной активности. На рисунке 1 представлены результаты сегментирования опрошенных студентов.

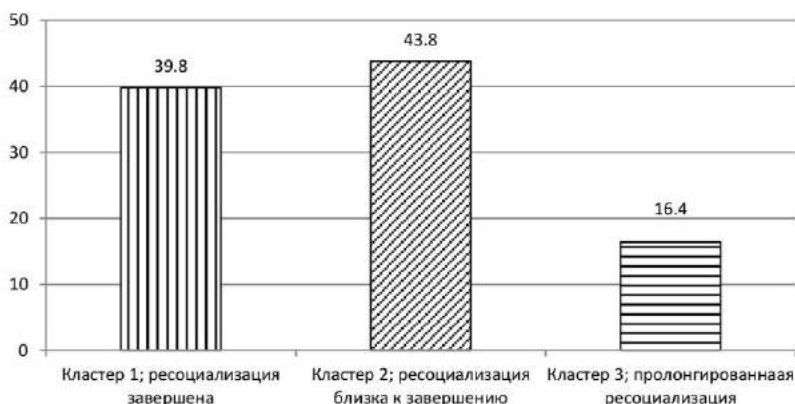

Рис. 1. Удельный вес студенческой молодежи Крыма с разной степенью ресоциализированности, в %

Первый кластер, так называемые «Студенты, ресоциализация которых завершена», представляют собой довольно многочисленную (вторую по распространенности) группу, имеющую позитивную российскую национальную самоидентификацию, позитивное историческое самосознание, ценностные ориентации, связанные с активной жизненной позицией и ориентацией на оптимистическое восприятие будущего. Вторая группа студентов — «Студенты, ресоциализация которых близка к завершению» — является наиболее многочисленным кластером и характеризуется в целом позитивной российской национально-государственной самоидентификацией. Вместе с тем, успешному завершению ресоциализации данной группе студенческой молодежи препятствуют некоторые проблемы переходного периода в Крыму, связанные с материальным обеспечением и опасениями насчет способности найти подходящую работу в будущем. Несмотря на некоторые опасения, представители этого кластера ориентированы на социально-позитивную активность и демонстрируют характеристики интегрированности в российское общество как процесса, который близок к успешному завершению. Третий кластер «Студенты с пролонгированной ресоциализацией» составляет наименее распространенную группу, для которой свойственны некоторые затруднения в изменении национально-государственной идентичности. Как правило, студенты данного кластера — выходцы из семей, имеющих наиболее сложное материальное положение и требующие наибольшего внимания и поддержки со

стороны высших учебных заведений, органов местного самоуправления и отделов по работе с молодежью.

Рассмотрим специфику различных характеристик политического участия в глобальной сети представителей различных кластеров студенческой молодежи Крыма и Севастополя.

Пользователями глобальной сети являются около 97% молодежи Крыма и Севастополя всех указанных кластеров. Это вполне согласуется с процентом континентальной российской молодежи, вовлеченной в Интернет-коммуникацию [1-3]. Определенная дифференциация обнаруживается в распределении электронных ресурсов, значимых для представителей различных кластеров крымской и севастопольской молодежи. Наиболее вовлеченными в коммуникацию посредством социальных сетей оказались респонденты, ресоциализация которых завершена (1 кластер) — см. рис. 2.

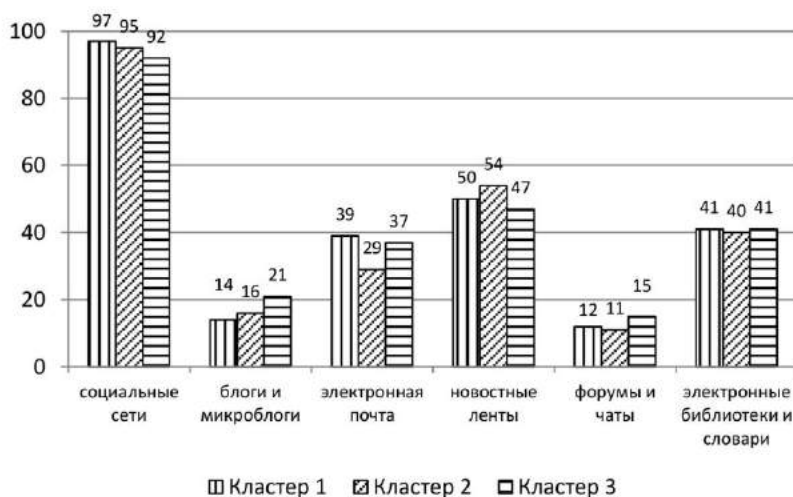

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие электронные ресурсы используете ежедневно?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

Согласно данным рисунка 2, обнаружена прямопропорциональная связь, выражающаяся в уменьшении доли вовлеченных во взаимодействие посредством социальных сетей с уменьшением степени ресоциализированности. Эта нисходящая тенденция довольно плавная, а невключенность 8% представителей кластера 3, студентов, ресоциализация которых пролонгирована, может объясняться спецификой трудного материального положения, образа жизни и ценностного отношения к различным каналам коммуникации. Обращает на себя внимание отличие в опыте обращения опрошенных различных кластеров к новостным лентам. Наименее всего этот вид электронных ресурсов интересует ту группу крымской и севастопольской молодежи, ресоциализация которых пролонгирована. Это также следует интерпретировать с позиций жизненной позиции значительной

доли представителей 3 кластера, их ориентированности на переживание и / или преодоление материальных и бытовых проблем и отсутствия нацеленности на всесторонне когнитивное развитие.

Также прямо пропорциональные связи выявлены в ходе анализа сопряжения кластеров с опытом посещения опрошенными порталов, официальных сайтов, иных онлайн-ресурсов органов государственной власти — см. рис. 3.

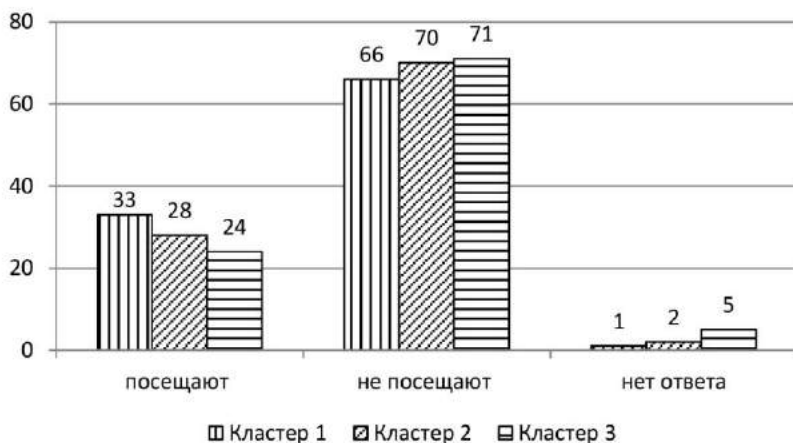

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Посещаете ли вы порталы, официальные сайты, иные онлайн-ресурсы органов государственной власти?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

С ростом степени ресоциализированности увеличивается процент студентов-крымчан и севастопольцев, использующих данные возможности Интернета. Помимо особенностей жизненной стратегии, в существенной степени детерминированной материальным положением определенной доли представителей различных кластеров, выявленная тенденция может быть обусловлена более оптимистичной позицией в отношении возможностей реализации политической субъектности в Интернете респондентов 1-ого и 2-ого кластера.

Это предположение в некоторой степени подтверждается распределением, представленном на рис. 4. Согласно данным этого рисунка, представители наиболее ресоциализированного кластера (кластер 1), чаще остальных указывают на наличие у них положительного опыта взаимодействия с органами власти через Интернет, то есть каждый десятый студент из числа кластера «Ресоциализация завершена» заявил, что смог решить вопрос, с которым обращался к органам власти с использованием их официальных сайтов и порталов.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Имеется ли у Вас опыт взаимодействия с органами власти через Интернет?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

Похожая тенденция выявлена и в распределении ответов представителей различных кластеров на вопрос об опыте систематического поиска информации о кандидатах в период избирательных кампаний. В наибольшей степени на такой вид информационных ресурсов глобальной сети ориентирован первый кластер — см. рис. 5. В соответствии с показанным на рисунке 5 распределением, четверть опрошенных, принадлежащих к кластеру «Ресоциализация завершена», осуществляют систематический поиск информации о кандидатах и их избирательных программах в Интернете. Существенно меньший процент представителей 2 кластера («Ресоциализация близка к завершению») и еще меньшая доля принадлежащих к 3 кластеру («Ресоциализация пролонгирована») демонстрируют наличие опыта регулярного анализа информации о кандидатах в период выборных кампаний — см. рис. 5.

Объяснить данные факты можно с нескольких позиций. Прежде всего, поведение 1 кластера во многом определяется их оптимистической жизненной позицией и ведением активно-позитивной онлайн-социальной деятельности. Представители других кластеров имеют существенно более сдержанные установки в отношении политических функций глобальной сети и необходимости политического участия онлайн.

Важной составляющей ценностного компонента онлайн-политической активности молодежи следует признать мнение об актуальности проблемы онлайн-пропаганды национализма, экстремизма. Чаще всего наиболее социально взвешенную позицию выражают представители кластера крымского и севастопольского студенчества, ресоциализация которого завершена. Наибольшее число респондентов этого кластера убеждены, что пропаганды национализма, экстремизма и прочего незаконного контента в глобальной сети

быть не должно. И наименьшая часть 1 кластера считают, что пространство Интернета не предполагает никаких ограничений, даже если речь идет об экстремистском контенте.

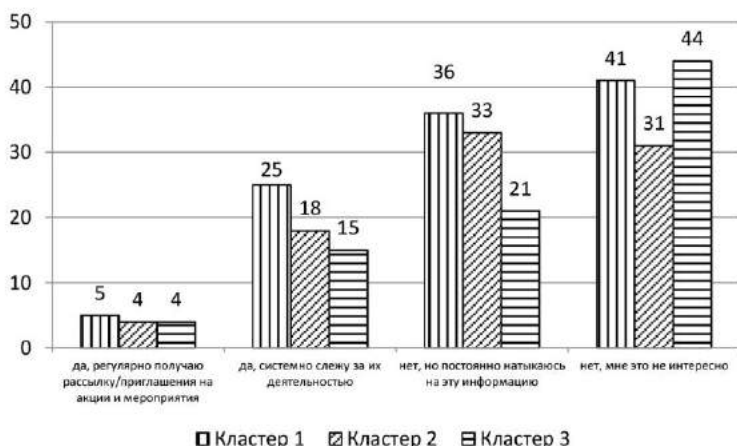

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «В период избирательных кампаний следите ли Вы за информацией о предвыборной борьбе в Интернете?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

Студенческая молодежь второго и третьего кластеров несколько более тяготеет к позиции, согласно которой в Интернете не следует осуществлять цензуру — см. рис. 6.

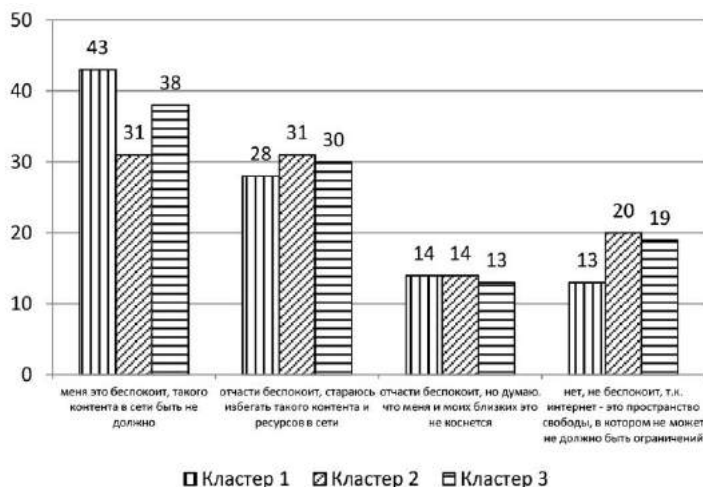

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько серьезной Вы считаете проблему онлайн-пропаганды национализма?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

Проанализированное распределение довольно в серьезной мере в смысловом отношении связано со значениями такого признака, как отношение респондентов к контролю над Интернет-контентом со стороны государства и корпораций — см. рис. 7.

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к контролю над Интернет-контентом со стороны государства/Интернет-корпораций?» различных кластеров крымской и севастопольской молодежи, в %

Согласно данным рисунка 7, существует прямопропорциональная связь между степенью ресоциализированности респондентов и отношением к контролю над Интернет-контентом со стороны государства и корпораций. Эта связь выражается в том, что, чем выше уровень ресоциализированности студенческой молодежи Крыма и Севастополя, тем чаще они позитивно относятся к необходимости цензуры в пространстве глобальной сети, и, наоборот, чем ниже уровень ресоциализированности опрошенных, тем больше доля тех из них, кто убежден в том, что контроль над Интернет-контентом недопустим.

В заключение отметим, что специфика онлайн-политического участия представителей крымской и севастопольской студенческой молодежи в существенной степени предопределена стадией ресоциализации, в которой они пребывают. Высокий уровень ресоциализированности обеспечивает в целом позитивное восприятие политических функций Интернета и готовность поддерживать необходимость контроля за ее содержанием во избежание распространения экстремистского и прочего незаконного контента. Пролонгация ресоциализационного периода определяет скорее скептическое отношение к возможностям сети в реализации политических прав и свобод, а также формирование позиции, согласно которой глобальная сеть не должна быть ограничена цензурой, даже, если размещаемая информация носит экстремистский характер.

Работа выполнена при поддержке Института социально-экономических и политических исследований № Г–224–3/15 от 20.01.2016 «Образ России в представлениях преподавателей социальных и гуманитарных наук вузов Крыма».

Литература

- [1] Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник МГГУ. 2015. № 2. С. 80-87.
- [2] Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Нечаев В.Д. Восприятие россиянами границ свободы и безопасности в Интернет-пространстве (по результатам всероссийских исследований 2012 - 2014 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 4. С. 38 - 54.
- [3] Иванов И.С. Базовые стратегии онлайн-поведения и политической субъектности Интернет-пользователей в Швейцарии // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 3. С. 10 - 21.
- [4] Коэн Дж., Шмидт Э. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- [5] Поправко В.Н. Закрытое Интернет-сообщество как форма коммуникации в виртуальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 52 – 54.
- [6] Роменков А.В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть, 2008. № 7. 79-82.
- [7] Россюанский А. В. Политический потенциал Интернет-пространства современной России // Вестник Башкирского университета, 2011. Т. 16. № 2. С. 505-508.
- [8] Роменков А.В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть. 2008. № 7.
- [9] Римский В.Л. Гражданское и политическое в социальных сетях Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 192-208.
- [10] Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006.
- [11] Nechaev V., Brodovskaya E., Kaira Yu., Dombrovskaya A. Classification of Russian Internet users: preliminary results of cluster analysis // Life Science Journal. 2014. № 11(12). P. 330—335.
- [12] Nechaev V., Brodovskaya E., Dombrovskaya A. The national profiles of Internetcommunication: the results of cross-national cluster analysis // European Journal of Science and Theology. 2015. 3(11). P. 125—130.
- [13] Ward S., Gibson R., Lusoli W. Online participation and mobilization in Britain: Hype, hope and reality // Parliamentary Affairs. 2003. № 56.
- [14] Weber L. M., Loumakis, A., Bergman, J. Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public // Social Science Computer Review. 2003. № 21.

Online behavior of the faculty and students of high schools of the Crimea and Sevastopol

E.V. Brodovskaya, A.Yu. Dombrovskaya, D.N. Karzubov

Moscow State University for the Education

The article presents the results of empirical research of the characteristics of the use of the faculty and students of universities of Crimea the Internet as a means of political participation. It is shown that for the Crimean high school teachers and students is characterized by a generally positive attitude towards the political functions of the Internet. Students perceive global network as a space of freedom, without any restrictions and controls. Teachers of high schools of Crimea, by contrast, increasingly recognize the need for control over the content of the Internet. The results of the study allow developing recommendations for the development of alternative information streams in a global network aimed at the formation of constructive and conventional strategies of political participation of the Crimean students.

Keywords: Internet-communication, political participation, online political behavior, the mass survey, faculty and students of the universities of the Crimea.

Исследование результативности работы портала «Российская общественная инициатива»

Л.А. Видясова, Я.Д. Тенсина

Университет ИТМО

bershadskaya.lyudmila@gmail.com, tensina.yaroslava@mail.ru

Аннотация

В статье описываются результаты исследования развития инструментов электронного участия в России. На примере портала электронных петиций «Российская общественная инициатива», проанализирована результативность сбора голосов за петиции и ход их дальнейших рассмотрений.

Для анализа была использована автоматизированная система мониторинга порталов электронного участия, разработанная в Университете ИТМО. В исследовании использовались данные о работе портала за период 2013–2017 гг. Результаты исследования показывают интерес общественности к portalу, публикации петиций и обращений, однако воздействие электронных петиций на практические изменения в принятии решений не велико.

Ключевые слова: электронное участие, электронные петиции, социальная эффективность, портал петиций.

1. Введение

Электронное участие, представляющее новые механизмы взаимодействия между государством и обществом, включает в себя различные инструменты, методы и технологии. В литературе имеются примеры исследований технологий электронного участия, однако вопрос об оптимальных критериях оценки их эффективности в научной практике остается не решенным.

Россия прилагает усилия, чтобы следовать глобальным тенденциям открытости правительства и взаимодействия с гражданами через Интернет, однако оценка результативности этих шагов является крайне сложной задачей.

В статье представлены результаты анализа работы портала электронных петиций «Российская общественная инициатива» за весь период его существования (2013–2017 гг.) с целью определения результативности петиций, опубликованных на нем.

2. Методология исследования

В рамках исследования был проведен анализ методик оценки инструментов электронного участия. Р. Медаглия при оценке сделал акцент на комплекс таких параметров, как действия, акторы, эффекты и контекстуальные факторы [1]. Другие исследователи подчеркивают большую роль измерения влияния институциональных факторов [2] и формы правления [3] на развитие инструментов электронного участия. Существует также подход, основанный на подсчете параметров веб-присутствия: разнообразие мультимедиа, синхронные и асинхронные каналы связи и т.д. [4]. Макинтош и Уайт предложили систему оценки [5], состоящую из критериев демократичности (презентация, взаимодействие, прозрачность, поиск консенсуса, политическое равенство, общественный контроль), проектных параметров (привлечение более широкой аудитории, получение лучшего информированного мнения, экономическая эффективность, предоставление обратной связи гражданам) и социально-технических индикаторов (использование, польза, удобство).

Исследовательская практика демонстрирует примеры влияния следующих факторов на развитие электронного участия: международные драйверы развития [6], характеристики человеческого капитала [7], масштаб технологического развития [8], уровень демократии, характер участия [9], процедуры принятия решений и их правовое регулирование [10], институциональное и политическое сопротивление [11], цифровой разрыв и уровень ИТ-навыков [7], трудности в регулировании отношений между федеральными, региональными и местными органами власти [12], реформаторская ориентация правительств [13], общие выгоды заинтересованных сторон [14], проблемы конфиденциальности и автономии [15], доверие к инструментам электронного участия [16], доверие к государственным учреждениям [17], наличие системы оценки прогресса [18], региональная дифференциация [19].

В настоящем исследовании мы попытались обратиться к международной практике и национальному контексту и провести анализ портала электронных петиций с использованием комбинации факторов и критериев.

Исследование было направлено на понимание того, приводит ли действие портала электронных петиций в России к реальным изменениям в политике. В качестве объекта исследования был выбран созданный по инициативе Президента России «Российская общественная инициатива» (РОИ). Портал появился в апреле 2013 года и получил такое название, поскольку он должен собирать инициативы граждан на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Чтобы проголосовать на портале, необходимо зарегистрироваться на Едином портале государственных и муниципальных услуг.

Процесс «жизненного цикла» инициативы начинается с размещения инициативы на портале РОИ (www.roi.ru) с присвоением уникального номера, после чего инициатива становится доступна для голосования. Сбор голосов в поддержку инициативы осуществляется в срок не более 1 года со дня размещения. В зависимости от уровня инициативы (федеральный,

региональный или муниципальный) установлены определенные значения по необходимому количеству голосов «За»:

- Федеральный уровень — не менее 100 тыс. голосов;
- Региональный уровень — для регионов с населением свыше 2 млн. — 100 000 (сто тысяч), для остальных — 5% от населения региона;
- Муниципальный уровень — 5% от населения муниципалитета.

В том случае, если инициатива в установленный срок набирает необходимое количество голосов в поддержку, она направляется на рассмотрение в экспертную рабочую группу федерального, регионального или муниципального уровня. Далее экспертная рабочая группа принимает мотивированное решение о реализации или отклонении инициативы.

В ходе исследования мы применили методологию кейс-стади, в рамках которого проанализировали количественные и качественные данные о работе портала. Мы использовали только данные, находящиеся в открытом доступе на портале РОИ.

Для количественного анализа данных была использована автоматизированная система мониторинга, которая использовала API портала РОИ и собирала данные по следующим параметрам:

- количество поданных инициатив;
- распространение инициатив по уровню, категориям и регионам;
- ход голосования за и против каждой инициативы;
- доля успешных инициатив.

Для качественного анализа была использована информация о петициях, опубликованных на портале и собравших необходимое количество голосов (раздел «Принято решение» <https://www.roi.ru/complete/>). Анализ размещенных документов проводился вручную, документы были представлены в виде текстов экспертных заключений в формате .pdf.

Исследование проводилось в марте 2017 года, все собранные данные отражают период с апреля 2013 года по март 2017 года.

3. Результаты исследования

Результаты исследования отражают эмпирически собранные данные о качественных и количественных критериях оценки результативности работы портала «Российская общественная инициатива».

3.1 Активность пользователей по публикации электронных инициатив

За исследуемый период система мониторинга собрала 9807 инициатив, опубликованных на портале, в следующей пропорции: 86,4% относятся к федеральному уровню, 7,7% — региональному и 5,9% — муниципальному уровню. Наиболее популярными областями для выдвижения инициатив являются транспорт и дороги, экономика и безопасность (рис.1).

Рис. 1. Количество инициатив на портале РОИ по категориям, 2013-2017 гг.

В ходе исследования был обнаружен высокий уровень заинтересованности граждан в самом начале работы портала. В этот месяц был зарегистрирован рекордный поток инициатив (рис.2).

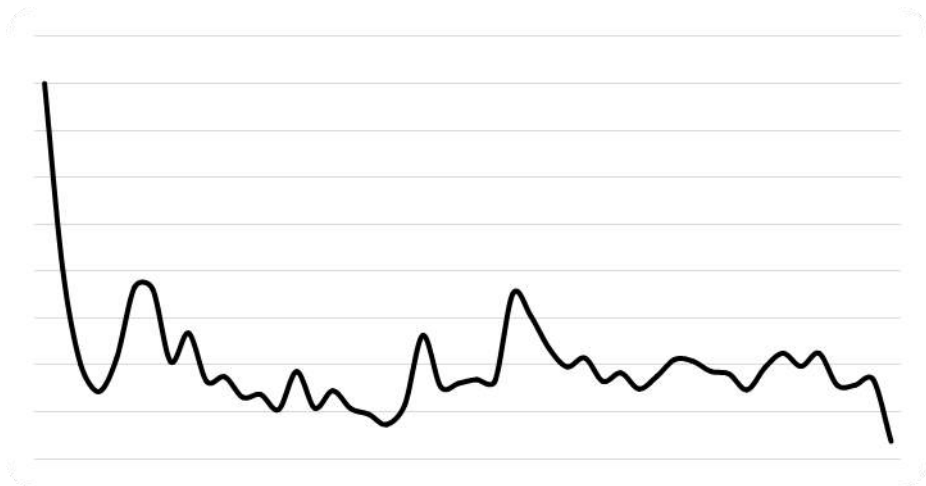

Рис. 2. Динамика количества размещенных инициатив на портале РОИ, 2013-2017 гг.

Поскольку портал предоставляет возможность оставить голос за или против инициативы, было проведено сравнение динамики сбора голосов обоих типов. Исследование выявило преобладание голосов в поддержку инициатив. Это означает, с одной стороны, определенную степень солидарности пользователей, а с другой – определенную целесообразность публикуемых предложений (рис. 3).

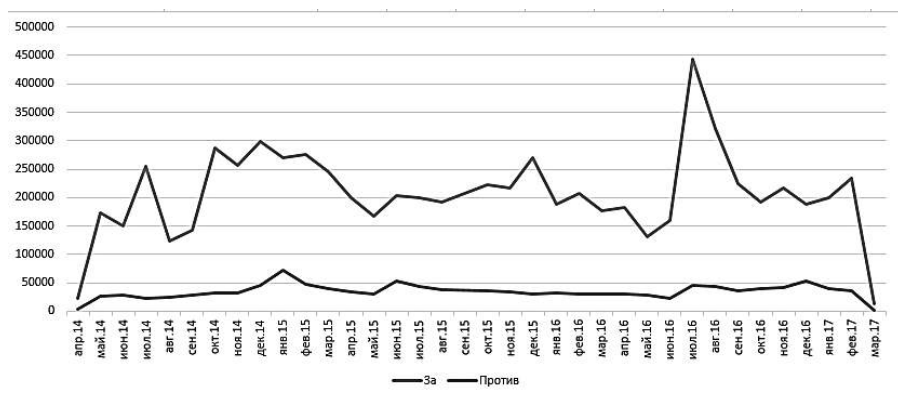

Рис. 3. Распределение голосов «за» и «против» на портале РОИ, 2014-2017 гг.

Возможность оставлять голоса против инициатив появилась на портале в 2014 году, поэтому данные на графике представлены, начиная с 2014 г.

На сегодняшний день среди 9799 инициатив, размещенных на портале РОИ, только 23 инициативы набрали более 50% от необходимого количества голосов. Все инициативы были размещены на федеральном уровне. Таким образом, в среднем лишь 0,16% инициатив набирают более 50% голосов по тем категориям, которые лидируют по количеству размещенных инициатив. Несмотря на активное размещение инициатив по категориям «Государственная поддержка», «Инфраструктура города», «Жилые дома и дворы» и «ЖКХ», данные категории не пользуются популярностью у граждан, так как ни по одной тематике не удалось набрать более 50% голосов. Наибольшая активность граждан проявилась в голосовании по таким тематикам, как «Транспорт и дороги», «Потребители и сервис», «Бизнес» и «Уголовный кодекс». На муниципальном уровне среди 576 размещенных инициатив, лишь 4 инициативы (0,69%) смогли набрать более 10% от необходимого числа голосов. К категориям этих инициатив относятся: «Экология», «Государственное управление», «Жилые дома и дворы», «Безопасность», «Инфраструктура города», «Чиновники и госуслуги», «Население и миграция» и «Экономика». На региональном уровне среди 745 инициатив порог в 10% преодолели только 5 инициатив (0,67%) по категориям «Транспорт и дороги», «Инфраструктура города» и «ЖКХ».

3.2. Анализ рассмотрения инициатив, преодолевших необходимый барьер голосов

После запуска портала среди инициатив 9799, размещенных на портале, решение было принято только по 25 инициативам (0,26%). Следует отметить, что 88% успешных инициатив принадлежало федеральному уровню, а остальные 12% — муниципальному уровню. Стоит отметить, что в число инициатив, которые нашли своё решение в виде изменения Федерального законодательства или принятия решения органом местного самоуправления,

вошли только те инициативы, которые набрали менее 100 тыс. голосов. Среди них 9 инициатив федерального уровня и 3 инициативы муниципального уровня. Это обусловлено тем фактом, что параллельно со сбором голосов подобные законопроекты уже проходили рассмотрение в соответствующих органах власти, и в результате чего были приняты.

В ходе исследования был проанализирован процесс рассмотрения петиций, набравших необходимое количество голосов (табл. 1).

Таблица 1. Данные о рассмотрении инициатив, собравших более 100 тыс. голосов на портале РОИ, 2013–2017 гг.

Инициатива	Начало и конец голосования	Инициатор	Решение
Отменить «закон Яровой»	07.07.2016-14.08.2016	Фонд борьбы с коррупцией (ФБК)	Экспертная группа отклонила инициативу
Запрет чиновникам и сотрудникам компаний с гос.участием приобретать легковые автомобили стоимостью свыше 1.5 млн. руб.	04.04.2013-15.07.2013	Алексей Навальный, ФБК	Процесс принятия решения длился 1 год. Правительство опубликовало постановление, которое ограничивает приобретение автомобилей для федеральных чиновников суммой в 2,5 млн.руб.
Отменить закон о произвольных блокировках интернет-ресурсов от 02.07.2013 № 187-ФЗ	04.07.2013-09.08.2013	РосКомСвобода	Экспертная группа не поддержала, но вынесла ряд рекомендаций
Ужесточить наказание для водителей транспортных средств за нарушение ПДД в зоне железнодорожных переездов	20.08.2015-11.02.2016	Анонимно	Экспертная группа поддержала инициативу, документ отправлен в Государственную Думу.
Оплата государством абортот только по медицинским показаниям	30.06.2015-09.02.2016	Активист	Экспертная группа не поддержала инициативу
Мой дом - моя крепость!	20.04.2013-20.02.2014	Движение «Право на оружие»	Экспертная группа рекомендовала Правительству принять к вниманию, инициатива была проигнорирована.
Отмена права приоритетного проезда всех автомобилей, кроме автомобилей оперативных служб	03.04.2013-17.03.2014	Движение «Общество синих ведерок»	Экспертная группа рекомендовала внести изменения в законодательство, пока эффектов нет.

Инициатива	Начало и конец голосования	Инициатор	Решение
Против введения дополнительных налогов на покупки в иностранных интернет-магазинах, а также против снижения таможенного лимита в 1000 евро на покупки товаров для личных нужд	11.10.2013-15.07.2014	Активист, разместил такую же петицию на change.org	Экспертная группа поддержала инициативу. Таможенный лимит остался тем же.
Об уголовной ответственности за незаконное обогащение чиновников и иных лиц, обязанных представлять сведения о своих доходах и расходах	09.01.2014-09.12.2014	Алексей Навальный, ФБК	Экспертная группа не поддержала инициативу.
Организовать "Зеленый щит" Москвы и Подмосковья в пределах 70 км от МКАД, ограничив на этой территории вырубку леса	04.09.2015-09.10.2015	Российский Народный Фронт	Экспертная группа поддержала идею, документы были отправлены в Государственную Думу.
Обязать Российский футбольный союз и Минспорт России проводить рейтинговое интернет-голосование по кандидатурам на должность главного тренера сборной России по футболу, а также по кандидатурам в состав сборной РФ по футболу перед мировыми соревнованиями	24.06.2014-31.03.2015	Анонимно	Экспертная группа поддержала идею. Заключение экспертной группы носит рекомендательный характер.
Внести изменения в Трудовой кодекс, предусматривающие проведение обязательной индексации заработной платы работников не реже одного раза в год на уровне не ниже фактических размеров инфляции	06.10.2014-07.04.2015	Российский профсоюз железнодорожников и транспортных строителей	Экспертная группа посчитала инициативу нецелесообразной.

По данным исследования, пик интереса к portalу пришелся на 2013–2014 гг. К этому же периоду относится почти половина всех инициатив, набравших необходимое количество голосов. Эти данные хорошо коррелируют с результатами опроса общественного мнения в России: в 2013 году интерес граждан к политике увеличился с 37 до 45%. Наибольшее внимание к политической жизни было продемонстрировано в группе респондентов старшего возраста (54%) и среди горожан (49%). Уровень политического безразличия в год начала работы портала РОИ снизился и составлял около 54% (по сравнению с 63% в 2012 году).

В результате анализа было выявлено, что большинство инициатив, которые преодолели необходимый порог, были инициированы общественными фондами и движениями. Можно предположить, что ресурсы этих организаций и их продвижение существенно помогли собрать необходимые голоса. При этом

данные инициативы смогли набрать нужное число голосов, меньше чем за 1 год (в отдельных случаях потребовалось от 1 до 3 месяцев). Учитывая достаточно сложный процесс регистрации, необходимый для того, чтобы оставить голос, подобная активность может свидетельствовать о сплоченности граждан.

Вместе с тем, анализ результатов рассмотрения экспертной группы выявил достаточно низкий порог прохождения инициатив на рассмотрение в соответствующие органы власти.

В 2016 году появилось предложение — предоставлять в Государственную Думу информацию о инициативах, которые собрали более 35 тысяч голосов. Мы проверили статус инициатив, находящихся на голосовании в период исследования, и обнаружили только одну инициативу, которая собрала 44 тысячи голосов за последние 3 месяца.

Следует отметить, что продвижение инициативы, а также публикация веб-материалов, обмен ссылками на голосование на частных страницах и веб-сайтах официальных фондов вносят существенный вклад в сбор голосов в поддержку петиций.

Выводы

Проведенное исследование позволяет судить о целесообразности использования количественных и качественных параметров оценки порталов электронного участия.

Выявленные количественные параметры работы портала РОИ показали масштаб публикации инициатив, распределение внимания граждан к различным сферам жизни, динамику сбора голосов в поддержку или против инициатив. Рассмотренный пример портала РОИ наглядно продемонстрировал чрезвычайно высокий интерес к portalу в самом начале его работы, и резко упавший интерес к публикации петиций к первой годовщине функционирования портала. Эти данные показали, как продемонстрированное доверие граждан к новому инструменту встретили сопротивление, которое значительно охладило энтузиазм активистов.

Сравнение голосов за и против инициатив выявило довольно высокий уровень солидарности среди пользователей портала: опубликованные петиции сталкиваются больше с поддержкой, чем с оппозицией. Поэтому увеличение мотивации к использованию портала может привести к сбору необходимого количества голосов.

Детальный анализ «успешных инициатив» подчеркивает причины возможного недовольства граждан: удовлетворено менее 1% опубликованных инициатив. При этом экспертная группа не одобряет часть прошедших инициатив. Эти факторы могут снизить мотивацию граждан к использованию инструментов электронного участия и ослабить веру в их результативность.

Понимая определенные ограничения представленного исследования (масштаб, низкий процент преодоления порога голосов, государственная принадлежность портала), исследовательская группа собирается протестировать предлагаемую методологию и автоматизированную систему мониторинга для сравнения результатов работы инструментов электронного участия на разных уровнях.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых МК-5953.2016.6 «Исследования факторов, влияющих на развитие инструментов электронного участия в России».

Литература

- [1] Medaglia R. eParticipation research: Moving characterization forward (2006-2011) // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29 (3). P.346-360.
- [2] Jho W., Song K. Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32, P.488-495.
- [3] Zheng Y., Schachter H.L., Holzer M. The impact of government from e-participation: A study of New Jersey municipalities // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 653-659.
- [4] Ter'an L., Drobnjak A. An Evaluation Framework for eParticipation: The VAAs Case Study // *International Scholary and Scientific Research and Innovation*. 2013. Vol. 7 (1). P. 77-85.
- [5] Macintosh A., Whyte A. Towards an evaluation framework for e-Participation// *Transforming government: People, Process & Policy*. 2008. Vol. 2 (1). P. 16-30.
- [6] Akrivopoulou C.A. Human Rights and the Impact of ICT in the Public Sphere: Participation, democracy, and Political Autonomy. USA, Information Science reference. 2014.
- [7] Satish K., Teo T.S.H., Lim V. K.G. Contextual Factors, E-Participation, And E-Government Development: Testing A Multiple-Mediation Model // *Proceedings of PACIS 2012*. 2012. P. 113. URL: <http://aisel.aisnet.org/pacis2012/113>.
- [8] Astrom J., Karlsson M., Linde J., Pirannjad A. Understanding the rise of e-participation in non-democracies: domestic and international factor // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29 (2). P. 142-150.
- [9] Karlsson F., Holgersson J., Soderstrom E., Hedstrom K. Exploring web participation approaches in public e-services development // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29 (2). P.158-168.
- [10] Nou M.A., Abdel Rahman A.A. A Context-Based Integrative Framework for E-Government Initiatives // *Government Information Quarterly*. 2008. Vol. 25. P. 448-61.
- [11] Macintosh A., Coleman S., Schneeberger, A. E-Participation: The Research Gaps // *Lecture Notes in Computer Science*. 2009. Vol. 5694. P. 1-11.
- [12] Castelnovo W., Simonetta M., Lasi A. Some Critical Factors in Local E-Government: The Case of Lombardy// *Project E-Society: Building Bricks*. 2006. P. 436-50.
- [13] Alreemy Z., Chang R. W., Wills G. Critical Success Factors (CSFs) for Information Technology Governance (ITG) // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 36, (6). P. 907-16.
- [14] Weerakkody V., El-Haddadeh R., Sabol T., Ghoneim A., Dzipka, P. E-Government Implementation Strategies in Developed and Transition Economies: A Comparative Study // *Information Journal of Information Management*. 2012. Vol. 32 (1). P. 66-74.

- [15] Gil-Garcia J.R., Pardo T. E-Government Success Factors: Mapping Practical Tools to Theoretical Foundations // *Government Information Quarterly*. 2005. Vol. 22 (2). P.187–216.
- [16] Scherer S., Wimmer M. Trust in e-participation: literature review and emerging needs // *Proceedings of ICEGOV 2014*. 2014. P. 61-70.
- [17] Charalabidis Y., Tsitsanis T., Koussouris S., Matzakou I. Momentum Deliverable 2.7: E-Participation Projects Consolidated Results. 2013. <http://www.epomentum.eu/LinkClick.aspx?fileticket=3pkZY45Ect8%3d&tabid=57&mid=492>.
- [18] Bershadskaya L., Chugunov A., Dzhusupova Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // *Lecture Notes in Computer Science*. 2013. P. 87–101.
- [19] Domnina A. Development of mechanisms of e-democracy in modern Russia // *Nizhny Novgorod University Herald*. 2014. № 3 (2), C.72. (In Russian).

The research on “Russian Public Initiative” portal’s effectiveness

L. Vidasova, Y. Tensina

ITMO University

The subject of citizens’ e- participation in political decision-making is quite popular both in Russia and abroad. According to recent international studies of factors contributing to the development of e-participation tools, social networks are highlighted as catalysts for attracting new users to e-participation web-sites. The paper presents the results of a comparative study of communities in the social network VKontakte, dedicated to the state and non-state portals of electronic petitions. The study used the method of automated community crawling, as well as the tools of graph theory.

The article describes the results of the study of the development of tools for electronic participation in Russia. On the example of the portal of electronic petitions "Russian Public Initiative", the effectiveness of the collection of votes for petitions and the progress of their further consideration are analyzed. For the analysis, an automated monitoring system for electronic participation portals was developed, developed at the ITMO University. The study used data on the work of the port for the period 2013-2017. The results of the survey show the public interest in the portal, the publication of petitions and appeals, but the extreme impact of electronic petitions on practical changes in decision-making is not great.

Keywords: e-paticipation, e-petitions, social efficiency, e-petition portal.

Влияние сообществ в социальных сетях на публикацию электронных петиций и их распространение

Л.А. Видясова, Д.М. Новиков

Университет ИТМО

bershadskaya.lyudmila@gmail.com, trexx58@yandex.ru

Аннотация

Тематика электронного участия граждан в принятии политических решений является довольно популярной как за рубежом, так и в России. По данным последних международных исследований факторов, способствующих развитию инструментов электронного участия, социальные сети выделяются в качестве катализаторов привлечения новых пользователей к площадкам электронного участия.

В статье приводятся результаты сравнительного исследования сообществ в социальной сети ВКонтакте, посвященных государственному и негосударственному порталам электронных петиций. В исследовании был применен метод автоматизированного краулинга сообществ, а также инструментарий теории графов.

Ключевые слова: электронное участие, электронные петиции, социальные сети, граф связей, сетевые сообщества.

1. Введение

В мировой практике электронное участие граждан в политической жизни считается важным элементом развития современного демократического общества. В научной литературе есть свидетельства о тех факторах, которые положительно влияют на адаптацию и использование новых инструментов электронного участия [1]. Среди перечня таких факторов можно выделить институциональный контекст [2], социо-демографические характеристики [3], уровень использования информационных технологий [4], уровень доверия к правительству [5], неудовлетворенность текущей политикой [6]. По данным последних международных исследований, социальные сети выделяются в качестве катализаторов привлечения новых пользователей к площадкам электронного участия [7].

Результаты проведенных исследований дают основания предполагать, что социальные сети и особенно тематические группы, создаваемые в социальных

сетях, могут способствовать формированию реальных сообществ заинтересованных пользователей и активизировать уровень электронного участия среди них.

Данная статья представляет результаты исследовательского компонента проекта, посвященного изучению факторов, влияющих на развитие электронного участия в России. В ходе исследования был проведен анализ групп в популярной российской социальной сети ВКонтакте, посвященных порталам подачи электронных петиций. Авторы исследования полагают, что полученные результаты будут использованы для интерпретации паттернов взаимодействия пользователей социальных сетей, дополняющие традиционные формы участия граждан в общественной и политической жизни.

2. Цели и задачи исследования

Целью исследования стало изучение сетевых сообществ, образованных участниками групп, а также поиск ответов на следующие исследовательские вопросы:

- Участвуют ли группы в социальных сетях в формировании сообществ граждан, желающих участвовать в принятии политических решений?
- Предоставляют ли группы в социальных сетях возможности для эффективного обмена информацией?
- Как структура онлайн-сообществ влияет на обмен информацией и привлечение вторичной аудитории?

Исследование проводилось на основе инструментов автоматизированного анализа, разработанных на предыдущих этапах исследований [8] [9]. Эти инструменты позволили найти и проанализировать информацию о сообщениях и их авторах в социальных сетях, отношениях между членами сообщества, а также визуализировать графы связей в сообществах.

Таблица 1. Объекты исследования

Портал петиций	URL группы ВКонтакте	Кол-во участников	Уровень власти/ Статус
Российская общественная инициатива	https://vk.com/ros_iniciativa	8736	Федеральный, региональный, муниципальный / Создан по гос. инициативе
Change.org	https://vk.com/changeorgus	34527	Федеральный, региональный, муниципальный / Инициативный

Для исследования были выбраны официальные группы, посвященные деятельности двух порталов электронных петиций — государственного (Российская общественная инициатива) и инициативного (Change.org). В таблице 1 представлена информация об объектах исследования. Сбор данных был проведен в феврале 2017 года.

Алгоритм автоматизированного анализа включал следующие этапы:

- выбор отправных точек для поиска (URL адреса групп в социальной сети);

- загрузка координат групп в программном пакете SD Crawler;
- автоматизированный обход сети, сбор данных в файлы формата .csv как «-a, -b», где a — первая вершина ребра, a b — его вторая вершина;
- загрузка данных, описывающих все грани графов связи между участниками;
- визуализация графа сообщества и расчет статистических показателей с использованием «Gephi».

Для анализа использовались следующие данные:

- количество пользователей и связей между ними, вершины, ребра,
- дата первой и последней публикаций (постов), общее количество постов (по хронологии),
- связи между репостерами, количество репостов, количество первичных и вторичных распространителей информации,
- пользователи, привлекающие наибольшее количество первичных распространителей информации.

Для определения тесноты связи между параметрами был использован корреляционный анализ.

3. Результаты исследования

В ходе исследования было проведено сравнение групп по следующим параметрам: число ребер и вершин, плотность, диаметр, средняя степень, средняя длина, модулярность.

3.1 Российская общественная инициатива

Группа «Российская общественная инициатива» была создана в марте 2013 года, практически сразу после создания самого портала петиций. Все публикации, размещенные в группе, относятся к петициям на портале. Публикации появляются в группе не ежедневно, но достаточно активно комментируются: среднее число комментариев на один пост составляет 2,1, в исключительных случаях их число достигает 46.

На рис. 1 показан график связей участников группы друг с другом. На графике представлены только 2609 членов сообщества, а остальные 6127 не имеют связей ни с кем из этой группы. Зеленый цвет указывает пользователей, кто связан с 45–64 участниками данной группы (находясь в отношении дружбы, 33 члена), синие — пользователей, связанных с 65–99 участниками (14), и шесть красных точек показывают участников, связанных с 100 другими и более.

Анализ полученных статистических данных позволяет судить, насколько разбиение сообщества на группы пользователей качественно в том смысле, что существует много ребер, лежащих внутри групп, и мало ребер, лежащих вне группы (соединяющих группы пользователей между собой). На практике значение модулярности, лежащее в диапазоне от 0.3 до 0.7, означает, что сеть имеет вполне различимую структуру с отдельными группами пользователей. Это подтверждается и очень низким значением характеристики плотности, т.е. граф далек от полного и существуют сильно связанные внутри сообщества группы. Оценивая связность графа по средней степени и средней

длины пути и довольно высоким значением диаметра, можно также видеть существование устойчивых групп пользователей в РОИ.

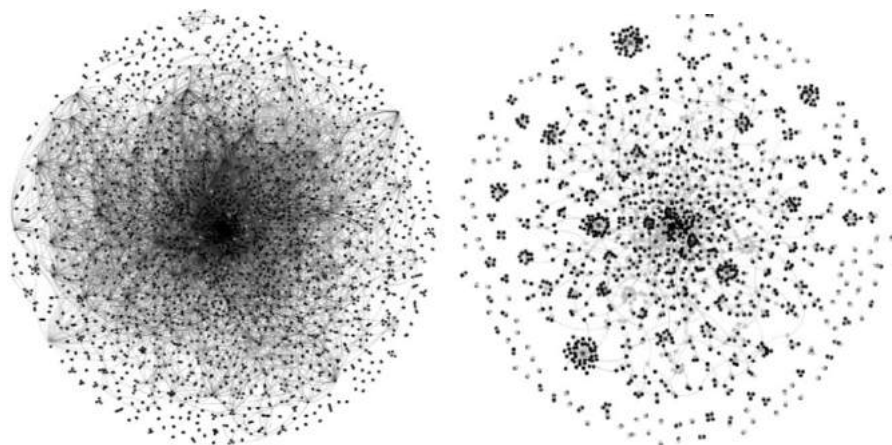

Рис. 1. Граф связей участников (слева) и связей постов и репостеров (справа) группы «Российская общественная инициатива», ВКонтакте, 2017

Первая запись в сообществе появилась 9 апреля 2013 года, спустя более месяца после создания страницы. Запись была посвящена интервью с главой Фонда информационной демократии по поводу создания РОИ. Последняя запись на момент исследования была опубликована 3 февраля 2017 года. Запись была предложена пользователем и собрала 25 комментариев. Всего за это время, а именно 1396 дней, было выставлено 1073 поста. В среднем администраторы публикуют 0,7 постов в день. Рекламные записи среди всех постов отсутствуют.

Всего в группе было сделано 2044 репоста. Из них 144 было сделано прочими группами, а остальные 1900 пользователями. В среднем 1 пост репостят 1,9 раз.

На рис. 1. представлен граф связей репостов и репостеров группы. Каждой вершине соответствует конкретный участник взаимоотношений — репостеры и посты. Черным цветом отмечены непосредственно пользователи или группы, которые разместили сообщение у себя. Зеленым цветом отмечены посты, которые были переопубликованы менее, чем 15 пользователями — 1906 записей. Синим — от 15 до 29 пользователей — 11 постов. А красным — более 30, как видно из графика таких сообщений всего 3. Примечательно, что в основном пользователи, репостнувшие именно эти записи, очень мало связаны с остальными постами (низкое значение диаметра и плотности). Скорее всего, дело в тематике петиции — некоторым интересны одни вещи, и они подписываются под ними, некоторые под другими. Из этого можно сделать вывод, что важнее знать об этом сообществе другим группам и перепубликовать посты своей тематики у себя, чем набирать как можно больше пользователей в это сообщество. Это подтверждается и высокой степенью модулярности.

Мы также рассмотрели сообщения, которые были восприняты членами группы с наибольшим интересом (получили несколько репостов). Самый популярный пост (43 репоста, 137 лайков, 24 комментария) касался петиции об отмене закона о произвольной блокировке интернет-ресурсов. На практике эта петиция собрала необходимое количество голосов, однако была отклонена экспертной группой портала. Второй популярный пост был посвящен петиции за отмену нашумевшего «пакета Яровой». Данная петиция также собрала более 100 тыс. голосов, но была отклонена экспертной комиссией.

3.2. Change.org

Данная группа создана в поддержку глобальной платформы Change.org, собирающей петиции от 170 миллионов людей по всему миру. Группа была организована в 2007 году, включает более 34 тыс. участников, и их число постоянно увеличивается. Размещенные в группе публикации активно обсуждаются.

Граф слева на рис.2 представляет взаимосвязи между членами группы. Красные точки посередине принадлежат пользователям, связанным с более чем 100 другими участниками группы (4 человека), синие — с 50-99 членами (53), зеленые — 11-49 связей (751), и черные — 10 (10014 человек). Почти 70% участников группы были связаны с менее чем 10 другими членами.

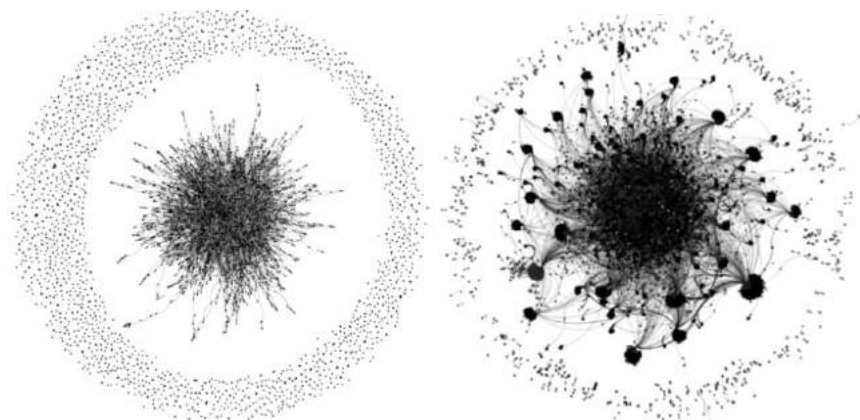

Рис. 2. Граф связей участников (слева) и связей постов и репостов (справа) группы «Change.org», ВКонтакте, 2017

Первое сообщение в этой группе было опубликовано в декабре 2011 года. На момент проведения исследования общее количество постов в группе составило 1747, что означает публикацию сообщения один раз в три дня. На рис. 2 (справа) показан процесс распространения информации в группе. Красные точки означают посты, черные точки — репостов среди участников сообщества, зеленые — репостов из числа других групп в социальной сети. В среднем на 1 публикацию в группе приходится 16 репостов.

Общее количество репостеров (распространителей сообщений) составляет более 18 тыс., большинство из них являются первичными. Мы проанализировали наиболее популярные посты и выделили следующие:

1) Обращение в фонд социального страхования из-за отказа в помощи отдельному гражданину (2565 репостов, 653 комментария, 4721 лайков), петиция была удовлетворена;

2) Петиция в Министерство здравоохранения с требованием запретить больницам препятствовать посещению родственников в палатах интенсивной терапии (2348 репостов, 1598 комментариев, 7688 лайков), петиция была поддержана;

3) Требование ужесточения закона о жестоком обращении с животными (1956 репостов, 209 комментариев, 4691 лайков), петиция находится на голосовании.

Выводы

Проведенное исследование выявило, что изученные группы в социальной сети ВКонтакте образуют сообщества пользователей, однако структура этих сообществ неоднородна. В исследуемых сообществах был обнаружен высокий уровень модулярности (таблица 2), что означает очевидную кластеризацию пользователей. В то же время параметры средней степени указывают, что средний пользователь был связан с 2–3 другими членами сообщества.

Таблица 2. Статистические параметры связей пользователей в социальных группах, ВКонтакте

Группа	Кол-во участников	Плотность	Диаметр	Средняя степень	Средняя длина	Модулярность
РОИ	8736	0,001	18	3,141	5,535	0,569
Change.org	34527	0	27	2,071	7,591	0,82

Исследование показало, что группы в социальных сетях предоставляют возможности для обмена информацией: от 62% до 95% публикаций получают репост (таблица 3). По данным исследования, группа Change.org демонстрируется большой потенциал для распространения информации и привлечения внимания широкой аудитории к публикуемым петициям.

В ходе исследования на основе расчета коэффициентов корреляции было выявлено несколько параметров, которые влияют на распространение информации и привлечение вторичной аудитории. Коэффициенты корреляции рассчитывались на массиве из 10 групп, не ограничиваясь только двумя группами, подробно проанализированными в данной статье.

Количество публикуемых сообщений положительно влияет на рост вторичной аудитории (коэфф. корр. — 0,68). Высокая частота публикаций в группе влечет за собой большее число репостов сообщений (0,69). Более того, чем больше сообщений публикуется ежедневно, тем выше процент перепубликации всего контента (0,75).

Таблица 3. Данные о распространении информации между участниками групп в социальных сетях, ВКонтакте

Группа	% опубликованного контента с репостами	Кол-во публикаций в день	Кол-во репостов на 1 публикацию	% участников группы, привлекающих вторичную аудиторию
РОИ	62	0,7	1,9	0, 18
Change.org	95	0.3	16,2	0,14

Проверка взаимосвязи между статистическими параметрами сообществ (плотность, модулярность и средняя длина) и распространением информации не выявили значимых корреляций. Единственное, что имеет значение, — это масштаб группы: чем больше участников, тем выше процент пользователей, которые привлекают вторичную аудиторию (0,79).

Сравнение процесса обмена информацией и структуры графа, описывающего отношения между репостерами, выявило только один параметр, который оказывал влияние: чем выше модулярность связей между репостерами, тем меньше новых участников они приносят.

Результаты проведенного исследования будут в дальнейшем использованы для разработки критериев оценки социальной эффективности работы порталов электронного участия и площадок, поддерживающих деятельность этих порталов. В то же время важно соотносить полученные результаты с уровнем доверия граждан к социальным сетям и инструментам электронного участия, а также их доверием / недоверием к возможностями реального влияния на политику. Кроме того, необходимо изучить эффективность принятия решений по тем петициям, информация о которых активно распространяется в социальных сетях. Эти направления могут быть важными для дальнейших исследований.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых МК-5953.2016.6 «Исследования факторов, влияющих на развитие инструментов электронного участия в России».

Литература

- [1] Alreemy Z., Chang R. W., Wills G. Critical Success Factors (CSFs) for Information Technology Governance (ITG) // Government Information Quarterly. 2016. Vol. 36, № 6. P. 907–16.
- [2] Freitag. M., Buhlmann M. Crafting trust: The role of Political Institutions in a comparative perspective // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. P. 1537-1566.
- [3] Anduiza E., Gallego A., Cantijoch M. Online political participation in Spain: The Impact of traditional and Internet resources // Journal of Information Technology and Politics. 2010. Vol. 7. P.356-368.

- [4] Marien S., Christensen H. Trust and openness: Prerequisites for democratic engagement // *Democracy in transition, political participation in the European Union*. 2013. P. 109-134. Springer, NY.
- [5] Armingeon K. Political participation and association involvement // *Citizenship involvement in European Democracies. A comparative analysis*. 2007. P. 358-384. Routledge, London, NY.
- [6] Vicente M.R., Novo A. An empirical analysis of e-participation. The role of social networks on e-government over citizens' online engagement // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 379-387.
- [7] Butakov N., Petrov M., Radice A. Multitenant Approach to Crawling of Online Social Networks // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 101. P. 115-124.
- [8] Butakov N., Chuprova Y., Knyazkov, K., Shindyapina, N., Boukhanovsky A. Evolutionary-based framework for optimizing the spread of information on Twitter // *Procedia Computer Science*. 2015. Vol. 66. P. 287-296.

The influence of social network communities on e-petitions' publication and dissemination

L. Vidasova, D. Novikov

ITMO University

The subject of citizens' e-participation in political decision-making is quite popular both in Russia and abroad. According to recent international studies of factors contributing to the development of e-participation tools, social networks are highlighted as catalysts for attracting new users to e-participation web-sites.

The paper presents the results of a comparative study of communities in the social network VKontakte, dedicated to the state and non-state portals of electronic petitions. The study used the method of automated community crawling, as well as the tools of graph theory.

Keywords: e-participation, e-petitions, social networks, graph, network communities.

Анализ взаимодействия государства и общества в Рунете (2000–2016 гг.)

А.В. Кульназарова

СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

avkulnazarova@gmail.com

Аннотация

В данной статье объектом исследования выступает коммуникативное взаимодействие власти и общества — совокупность практик обмена информацией и способов его регулирования между органами власти, общественными структурами и индивидами. Разрабатываются модели коммуникативного взаимодействия государства и общества в Интернете. В основе моделирования лежат такие параметры как государственное регулирование интернет-пространства и уровень политического участия граждан. Таким образом, выделяется 4 модели: «тоталитарная», «авторитарная», «партнерская», «либеральная». Предлагаются также дополнительные критерии анализа коммуникационного взаимодействия, позволяющие более четко идентифицировать и охарактеризовать каждую из моделей. Сделан вывод о том, что в России с 2012 г. наблюдается переход к авторитарной модели взаимодействия государства и общества в Интернете. Основаниями для данного вывода являются запретительные тенденции в регулировании Интернета, низкий уровень отклика на низовые инициативы, упрощение процедур ограничения доступа к информации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, государство и общество, Рунет, модели взаимодействия.

1. Введение

При рассмотрении взаимодействия государства и общества оба эти концепта следует детализировать и фрагментировать: государство выступает, с одной стороны, как система государственных органов и институтов, реализующих общественно-значимые функции, с другой стороны, как система реализации властных полномочий господствующей социальной группы. То есть для более детального анализа необходимо разделить (хотя это и носит весьма абстрактный характер) управленческую и политическую составляющую — электронное правительство и электронная демократия. Общество так же нельзя рассматривать как некое бесформенное образование: в зависимости от

конкретных общественных групп, их интересов, влияния и функций, разнятся и взаимодействие этих общественных групп с государством, формы и инструменты коммуникации.

Коммуникативное взаимодействие государства и общества осуществляется по двум основным направлениям: государственно-управленческое (чему соответствует концепция электронного правительства) и государственно-политическое (соответствующая концепция — электронная демократия). Если в первом случае речь идет об информатизации и повышении эффективности административно-управленческих процессов, то второе подразумевает развитие диалога государства и общества, вовлечение общества в принятие политических решений, повышение информационной прозрачности и др. При этом становление электронного правительства и информатизация общественных процессов может осуществляться независимо от развития электронной демократии, в любом политическом режиме.

2. Модели коммуникативного взаимодействия государства и общества

На основе таких критериев, как степень государственного регулирования и характер политического участия, выделены 4 модели взаимодействия [3]: тоталитарная, авторитарная, партнерская, либеральная. Характеристика каждой из модели детализирована с применением дополнительных параметров: объемы инвестиций в Интернет, давление на лидеров мнений, внимание к интернет-повестке и т.д. Тоталитарной модели характерно крайне жесткое регулирование интернет-пространства, подавление любой нежелательной активности (как следствие — низкая степень этой активности); авторитарная модель характеризуется существенной ролью государства в регулировании интернет-пространства, однако отличие состоит в том, что в этой модели все же существует возможность политического участия, а государство хотя бы формально предоставляет механизмы воздействия на органы власти и процесс принятия решений. Партнерская модель предполагает наличие развитых механизмов участия и разработанную законодательную базу, направленную на повышение эффективности такого участия. Либеральная модель в предложенной классификации означает слабую роль государства в вопросах регулирования интернета, что может быть следствием различных причин: от нестабильности политического режима, экономического кризиса (соответственно, вопросы управления интернетом отходят на задний план) — до низкой степени распространения интернет-технологий и неактуальности инвестирования в эту область.

Для более подробной характеристики данных моделей целесообразно ввести дополнительные критерии. По направлению политического участия граждан эти критерии таковы:

- предоставление платформ для электронной демократии;
- доступ населения к принятию политических решений;
- внимание к интернет-повестке, отклик на запросы пользователей.

По направлению «государственное регулирование» критерии оценки таковы:

- объекты государственных инвестиций;

- идентификация пользователей и конфиденциальность;
- давление на лидеров мнений;
- законодательный запрет распространения политической информации.

Соответствие предложенных критериев и моделей представлено в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика моделей взаимодействия

Модель / критерии	Тоталитарная	Авторитарная	Партнерская	Либеральная
Объекты гос. инвестиций	Инвестиции в основном в электронное правительство (ЭП) и технологии контроля	Инвестиции в основном в ЭП	Инвестиции в инфраструктуру и технологии ЭП и ЭД	Объемы финансирования малы, или распределены равномерно в инфраструктуру и технологии ЭП и ЭД
Идентификация пользователей и конфиденциальность	Запрет анонимности, свободный доступ государства к персональным данным	Механизмы идентификации и развиты, возможна анонимность, свободный доступ гос-ва к персональным данным	Разработанные механизмы идентификации и защиты персональных данных	Незащищенность персональных данных, неразвитость механизмов идентификации
Давление на лидеров мнений	Сильное давление на оппозицию	Давление только на ключевые фигуры	Независимость лидеров мнений, плюрализм	Независимость лидеров мнений, плюрализм
Законодательный запрет распространения политической информации	Значительное количество запрещенных категорий информации	Ограничивается оппозиционная и противоправная информация	Ограничивается противоправная информация	Отсутствуют / Ограничивается противоправная информация
Предоставление платформ для электронной демократии	Государственные или отсутствуют	Государственные; частные и гражданские не поощряются гос-вом	Государственные, частные и гражданские на равных правах	Гражданские, частные, государственные
Доступ населения к принятию решений	Отсутствует	Формально есть	Реальный доступ к принятию решений	Отсутствует, либо не институционализирован
Внимание к интернет-повестке	Отклик отсутствует или очень редко	Отклик на запросы не политического характера	Сотрудничество по всем направлениям	Отклик только на масштабные акции

Данная система позволяет комплексно оценить состояние взаимодействия государства и общества в Интернете, может применяться в сравнительных исследованиях, а также при анализе тенденций общественного развития.

3. Трансформация взаимодействия государства и общества в Рунете

Проанализируем взаимодействие государства и общества в Рунете при помощи данной модели по трем основным этапам развития российского сегмента сети: 2000–2008 гг. — период постепенной информатизации и популяризации Интернета; 2008–2012 гг. — информатизация госсектора, широкое использование социальных сетей, усиление влияния интернет-источников на общественное мнение; 2012–2016 гг. (настоящее время) — усиление государственного контроля в Интернете.

3.1. Период 2000–2008 гг.

Сложившуюся модель на первоначальном этапе (2000 – 2008) отнесем к либеральной:

- объемы государственного финансирования малы, отсутствуют государственные программы по развитию Интернета;
- персональные данные не защищены, государство имеет свободный доступ к ним через системы СОРМ-2;
- лидеры мнений независимы, соблюдается плюрализм мнений, оказание давления сводится к единичным случаям;
- формальные запреты на распространение касаются противоправной информации; ограничительные законодательные механизмы постепенно начинают разрабатываться в рамках антиэкстремистской деятельности;
- отсутствуют как государственные, так и гражданские сервисы для электронной демократии: преобладает общение в блогах; следовательно, отсутствует и доступ населения к принятию решений;
- внимание к интернет-повестке достаточно низкое.

Сложившаяся «либеральная» модель связана не с идеологическими или политическими причинами, а обусловлена лишь тем, что Интернет в России в рассматриваемый период — достаточно новое явление, постепенно набирающее популярность и общественную значимость; соответственно, и правовое регулирование, и внедрение механизмов политического участия потребовало определенного времени. Внимание высшего руководства страны обращается в сторону Интернета лишь к концу нулевых, когда ежемесячная аудитория Интернета составляет более 25 млн. чел., а интернет-СМИ и социальные сети становятся все более значимыми в качестве источников новостной и политической информации, особенно среди молодежи. Вместе с тем, постепенно вместе с популяризацией Интернета среди населения и развитием технологий, закономерно усиливается и государственное присутствие в сети.

3.2. Период 2008–2012 гг.

Данный период можно охарактеризовать как переходную от либеральной к авторитарной модели коммуникативного взаимодействия государства и общества, с элементами партнерской модели, поскольку усилился, с одной стороны, интерес государства к интернет-среде, с другой — наблюдается существенная активизация интернет-сообщества, развиваются сетевые, неформальные коммуникации, находящие выражение в оффлайн действиях; появляются многочисленные системы электронной демократии и гражданского участия — т.е. общество показывает готовность к инновационным формам политического взаимодействия, однако в основном эта активность носит оппозиционный характер. Применяя разработанные критерии моделирования, данный этап развития коммуникативного взаимодействия можно описать следующим образом:

- государственные инвестиции в основном направлены на развитие системы электронного правительства: финансируются программы «Электронная Россия», «Информационное общество», в соответствии с которыми проводится информатизация государственных органов, создается инфраструктура для взаимодействия граждан и государства онлайн;
- государство, по-прежнему, имеет доступ к пользовательским данным посредством системы СОПМ-2. Анонимность выражается в отсутствии требований к обязательной идентификации в публичных сетях, или регистрации в социальных сетях под реальным именем;
- оказывается давление на лидеров мнений: по данным правозащитной организации «Агора», число уголовных дел, возбужденных против блогеров, в 2011 году составило 38 случаев (в 2009 — 10, в 2010 — 8, в последующие годы эти цифры только возрастают);
- законодательные запреты распространения информации: по-прежнему касаются лишь экстремистских материалов, не разработаны механизмы регулирования распространения информации в Интернете;
- появляются платформы электронной демократии, в основном — гражданские инициативы, тогда как государственная система (democrator.ru) не развита;
- доступ населения к принятию решений фактически отсутствует, однако при помощи различных сервисов автоматического составления и отправки жалоб в госорганы, у граждан появляются возможности участвовать в улучшении их работы и ускорять решение тех или иных проблем (неполитического характера), связанных с ЖКХ, городской инфраструктурой и т.п.;
- внимание к интернет-повестке остается невысоким, даже массовые протесты, организованные и широко обсуждаемые в Интернете, не находят должного освещения в традиционных СМИ. Тем не менее, ответом на оппозиционные митинги стали митинги провластные, а протестная активность в Интернете сопровождалась соответствующей работой сторонников власти — информационное противостояние, создание негативного образа оппозиции, спам и DDoS атаки.

Таким образом, период 2008–2012 гг. — это время усиления внимания к интернет-пространству и со стороны государства, и со стороны пользователей. Интернет стал восприниматься не просто как средство общения и развлечения, но как новый коммуникационный канал, предлагающий множество возможностей для агитационной, информационной, мобилизационной деятельности негосударственных политических акторов. В этот период Интернет в России все еще характеризуется высокой степенью свободы в силу отсутствия разработанных механизмов его регулирования, поэтому рассмотренный этап можно описать как переходный, а модель взаимодействия — как гибридную между либеральным и авторитарным типом, с изначальной, но не закрепившейся тенденцией трансформации в партнерство.

Как и во многих других государствах, Интернет воспринимается как неподконтрольный источник нежелательной информации. Невозможно рассматривать Интернет как единственный или главенствующий фактор протестов, тем не менее, для оппозиционной части общества доминирующим источником информации (следовательно, фактором, формирующим картину мира) является именно Интернет.

3.3. Период 2012–2016 гг.

Если этап с 2008 по 2012 можно охарактеризовать как смешение «авторитарной» и «либеральной» моделей с преобладанием последней в силу неразработанности механизмов воздействия на интернет-пространство, то характер взаимодействия государства и общества в Интернете в 2011–2012 году трансформируется по нескольким направлениям. В первую очередь, изменения касаются политической активности в период электорального цикла: если до выборов 2011 года политическая активность была достаточно низкой, без значительных проявлений оффлайн, то в указанный электоральный цикл, напротив, наблюдался повышенный интерес электората к ходу выборов.

Непосредственно в период 2011–2012 гг. законодательная база остается во многом слабой, однако наблюдается резкая активизация законотворческой деятельности в области регулирования интернет-коммуникации. Впоследствии степень государственного вмешательства резко возрастает. Усиление интернет-активности и возникновение реальных политических последствий этой активности, несомненно, заставило обратить на себя внимание властей. Масштабы и скорость распространения информации, обусловленные бурным развитием телекоммуникаций, и то значение, которое получила информация в современном обществе, порождают необходимость в централизованном управлении коммуникациями. И если контроль над традиционными СМИ на практике осуществить достаточно просто, то коммуникация в Интернете с трудом поддается управлению. С 2012 года заметно активизируется законотворческая деятельность государства. Этот период — начало объемлющего регулирования интернет-среды. Рассмотрим цели этого регулирования и некоторые наиболее значимые поправки (таблица 2):

Таблица 2. Законодательные нововведения и их цели

Цель	Нормативно-правовой акт
Защита интеллектуальной собственности (удаление «пиратского» контента)	Закон о досудебной блокировке сайтов с нелегальным контентом
Защита несовершеннолетних от вредоносной информации (информация о способах суицида, порнографические материалы и др.) предотвращение распространения нелегальных товаров и услуг (онлайн-казино, сайты с поддельными документами, наркотики и т.д.)	Закон о внесудебной блокировке сайтов, в соответствии с которым действует единый реестр запрещенных сайтов
Борьба с экстремизмом, разжиганием межнациональной, межрелигиозной и иной розни, призывами к массовым беспорядкам	Закон о внесудебной блокировке сайтов, содержащих призывы к экстремизму и массовым беспорядкам
Ограничение анонимности в Интернете с целью обеспечения антитеррористических мер и борьбы с преступностью	Обязательная идентификация пользователей Интернета в публичных местах; ограничение на анонимные денежные переводы; закон «о блогерах», обязывающий владельцев сайтов (веб-страниц) с ежедневной аудиторией более 3000 посетителей регистрироваться в Роскомнадзоре и выполнять ряд требований; антитеррористический «Пакет Яровой», предусматривающий хранение данных о содержании переговоров и переписки пользователей операторами связи в течение 6 месяцев, ужесточающие уголовные наказания за высказывания в Интернете, запрещающие шифрование данных в интернет-сервисах.
Защита персональных данных	Закон «О праве на забвение», позволяющий удалять из результатов поисковой выдачи ссылки на материалы о гражданах, потерявшие актуальность или содержащие недостоверную информацию; закон о локализации персональных данных, согласно которому предприниматели обязаны хранить персональные данные пользователей на территории России. Ограничения не касаются трансграничной передачи данных, в случае, если первичный сбор и хранение информации осуществляется на территории РФ.

Ограничение распространения различного рода контента обусловлено социальными, политическими и экономическими причинами. Особое внимание со стороны гражданского общества получила систематическая блокировка

сайтов, ставшая возможной с введением «Единого реестра запрещенных сайтов» Федеральным законом № 139-ФЗ от 2012 г. Первоначально основанием для блокировки являлось наличие на сайте социально вредного контента, с принятием Федерального закона № 398-ФЗ от 2013 г. внесудебной блокировке подвергается и политический контент (призывы к участию в несанкционированных массовых мероприятиях, беспорядках, экстремистской деятельности). Ранее механизмом ограничения было внесение в список экстремистских материалов.

Таблица 3. Модель взаимодействия государства и общества, 2012–2016 гг.

Критерии	Сценарий	Реализация
Объекты государственных инвестиций	Инвестиции в основном электронное правительство	К 2010 году полноценно функционирует система предоставления госуслуг, платформы электронной демократии запускаются в тестовом режиме и в дальнейшем работает только технически несложная система РОИ.
Идентификация пользователей и конфиденциальность	Механизмы идентификации развиты, возможна анонимность, свободный доступ гос-ва к персональным данным	Обязательная регистрация популярных блогеров; требования к хранению персональных данных на территории РФ; к хранению данных о пользовательской активности операторами связи; применение систем СОПМ для отслеживания данных.
Давление на лидеров мнений	Давление только на ключевые фигуры	Задержания и уголовные дела против блогеров
Законодательный запрет распространения политической информации	Ограничивается оппозиционная и противоправная информация	Внесение в «черный список» оппозиционных изданий и блогов; мониторинг и запрет экстремистской информации
Предоставление платформ для электронной демократии	Государственные; частные и гражданские поощряются государством	Единая платформа интернет-голосований «Российская общественная инициатива»
Внимание к интернет-повестке, отклик на запросы пользователей	Отклик на запросы неполитического характера	Лишь незначительное число инициатив (0,1%) нашло поддержку властей и было реализовано

Очевидно, что подобные сферы государственного контроля имеются и в офлайн-среде. По мере развития информационных технологий применение не предназначенной для регулирования этой области правовой базы становится все менее эффективным, что приводит к совершенствованию и расширению законодательства. Однако перманентно наблюдается устаревание законодательства и несоответствие его уровню технологического развития и

новейшим реалиям, поскольку принятие и вступление закона в силу усложняется длительными бюрократическими процедурами, а технологический прогресс только ускоряется.

В 2014–2015 гг. ограничения в публичной сфере не находят существенного сопротивления, что во многом связано со внешней геополитической обстановкой и соответствующим «всплеском патриотизма» (сплочение вокруг действующей власти, о чем свидетельствует рейтинг президента более 80% в 2014 г.¹) на фоне присоединения Крыма, войны в Украине и введения санкций, укрепивших в массовом сознании образ врага в лице США и западной Европы. Недовольство экономическим положением дел внутри страны переносится на недовольство и обеспокоенность внешнеполитической ситуацией, требующей от населения не внутренних протестов, а консолидации (во всяком случае, именно этот дискурс доминирует в публичном пространстве, а критика государственной власти оборачивается обвинениями в духе «раскачивания лодки», «пятой колонны» и т.д.). Тем не менее, международная напряженность постепенно стихает, гордость за присоединение новых территорий постепенно проходит, а экономические проблемы не просто остаются, а усугубляются (в 2014 г. наблюдается существенное снижение реальных располагаемых доходов населения²), и недовольство, существовавшее и раньше, в дальнейшем может актуализироваться вновь — в связи с этим обостряется потребность власти в сохранении определенного уровня лояльности населения и контроле общественных настроений. Среди протестов недавнего времени наиболее крупными являются акции против нового дорожного сбора для большегрузного транспорта. Несмотря на нарастание недовольства в обществе³, по отношению к парламентским выборам 2016 года большинство населения продемонстрировало апатию.

4. Сценарии развития взаимодействия государства и общества в Рунете

С учетом существующих тенденций можно предположить дальнейшее увеличение государственного присутствия в интернет-среде, с подготовкой соответствующей законодательной базы и внедрением новых технологий, которые препятствовали бы несанкционированному доступу к запрещенным материалам. Возможные сценарии развития государственного контроля в Интернете, по нашему мнению, таковы:

1. Усиление контроля по китайскому примеру: постепенное вытеснение нежелательных ресурсов из доменных зон .ru и .рф; внедрение единой государственной поисковой системы; установка глобальной системы

¹ ВЦИОМ: Рейтинг Путина достиг максимума в 82,3%. [Электронный ресурс] // Взгляд Деловая Газета. 2014. 27 марта. Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/3/27/679185.html> (дата обращения: 14.02.2016)

² 15 лет с Путиным в 15 графиках. Стало ли лучше? [Электронный ресурс] // BBC. 2015. 7 мая. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/05/150507_putin_15_years (дата обращения: 27.08.2016)

³ Протесты-2016: бедные и злые регионы [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2016. 8 января. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2016/01/08_a_8003189.shtml (дата обращения: 13.04.2016)

филтрации контента в отечественном сегменте Интернета. Однако подобные меры, во-первых, потребуют значительных финансовых, материальных и временных затрат, во-вторых, могут вызвать негативную реакцию со стороны общественности в силу сформированных потребительских и пользовательских привычек. Предпосылками к возможной реализации данного сценария являются нововведения в информационном законодательстве:

- ограничения по хранению и обработке данных;
- ограничение анонимности;
- воздействие на поисковые системы (введение процедуры удаления результатов поисковой выдачи);
- создание списка запрещенных ресурсов;
- сотрудничество государственных органов (ведомств, связанных с государственной безопасностью) с администрациями социальных сетей, вследствие чего упрощается доступ к данным пользовательской активности.

2. «Бюрократический» путь развития: дальнейшее ведение реестра запрещенных (или разрешенных) сайтов, которое, однако, не решает вышеуказанных проблем дублирования контента и обхода блокировок. Также к недостаткам этого сценария можно отнести затраты на обслуживание реестра и формализацию процесса блокирования (т.е. существует риск внесения сайтов в реестр без четких на то оснований, с целью предоставления отчетов и соблюдения показателей эффективности деятельности соответствующих государственных органов). Однако существование реестра может быть оправдано при условии технологического совершенствования ограничения доступа к контенту, а также при сочетании блокировки сайтов с офлайн-воздействием (например, административным) на распространителей этой информации, особенно той, которая касается социально опасных явлений.

3. Либерализация: отказ от идеологического и политического контроля в интернет-пространстве, но с внедрением законодательных механизмов защиты экономических интересов (напр., правообладателей) и прав человека (напр., защита персональных данных). Недостатком такого подхода является неподконтрольность коммуникаций и, следовательно, непредсказуемость их влияния на общественное мнение. Однако с учетом текущей обстановки, реализация этого сценария в России маловероятна.

4. Маркетинговый сценарий: продвижение мнений, выгодных официальной власти, при помощи PR-технологий. В первую очередь, речь идет о создании контента, обладающего характеристиками «вирусного». В сети имеется множество способов рационального и эмоционального воздействия на пользователей при помощи фотографий, мемов, видеороликов, текстов различного содержания. Это необходимо делать целью формирования необходимого общественного мнения и нейтрализации негативных тенденций в нем. Таким образом, достигается мягкое воздействие на общественное мнение. Такой подход требует создания соответствующей централизованной структуры и высокой степени профессионализма от специалистов, задействованных в этой деятельности.

5. Заключение

Проведя анализ по разработанным критериям, можно прийти к выводу о том, что к 2016 г. в России завершается переход к авторитарному типу взаимодействия государства и общества в Интернете — вслед за «офлайн» взаимодействием. В интернет-среде авторитарность выражается через увеличение количества требований к участникам информационного обмена, введение мер наказания за нарушения онлайн. В целом присутствие государства в Интернете становится более заметным как с точки зрения регулирования, так и с точки зрения использования государственными и политическими деятелями коммуникативных возможностей цифровых технологий.

Наиболее вероятным вариантом развития в краткосрочной перспективе представляется сочетание бюрократического и маркетингового сценариев, поскольку они позволяют добиться относительного контроля, при этом не вызывая резко негативной критики со стороны общества. Необходимо беспрерывно улучшать технологическую и законодательную базу регулирования интернет-среды и совершенствовать применяемые социальные технологии. Однако, по нашему мнению, ограничению должна подлежать лишь социально-опасная информация, а не оппозиционные материалы, т.к. это противоречит нормам демократического общества и свободе слова. Вместе с тем, существующие тенденции свидетельствуют о том, что в среднесрочной перспективе возможен переход к тоталитарной модели («китайский сценарий»). Однако реализация любого варианта развития зависит от трансформаций в политической системе общества.

Литература

- [1] ВЦИОМ: Рейтинг Путина достиг максимума в 82,3% // Взгляд Деловая Газета. 2014. 27 марта. <http://vz.ru/news/2014/3/27/679185.html>.
- [2] Кульназарова А.В., Кузьмин А.Е. Модели взаимодействия государства и общества в Интернете: анализ российской практики // Политика и Общество. 2016. № 11. С. 1492 - 1498.
- [3] Протесты-2016: бедные и злые регионы // Газета.ру. 2016. 8 января. https://www.gazeta.ru/politics/2016/01/08_a_8003189.shtml.
- [4] 15 лет с Путиным в 15 графиках. Стало ли лучше? // BBC. 2015. 7 мая. http://www.bbc.com/russian/russia/2015/05/150507_putin_15_years.

Analysis of state-society interaction in RuNet (2000–2016)

A.V. Kulnazarova

SPbSUT, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of
Telecommunications

The research problem is transformation of communicative interaction of government and society. “Communicative interaction” is a practice of informational exchange between authorities, civil structures and individuals. We proposed models of communicative interaction via Internet. The models based on 2 parameters: government regulation of the Internet and the level of political participation. So we get 4 models: “totalitarian”, “authoritarian”, “partner”, “liberal”. There are additional characteristics for these models, which improve analysis of transformational process. Since 2012 in Runet is being implemented authoritarian model because of intensification Internet regulation, low level of response to grassroots initiatives, restrictions on access to information.

Keywords: Internet communication, state and society, Runet.

Государственный PR в интернете (на примере правительственных микроблогов в Китае)

У Юаньи

Санкт-Петербургский государственный университет

wuyuanyi0204@gmail.com

Аннотация

В данной статье определяются понятие «государственный PR» и понятие «государственный PR в интернете», раскрываются основные задачи и инструменты коммуникации государственного PR в интернете. В статье также проанализированы современное состояние правительственных микроблогов и преимущества и способы работы правительственных микроблогов в кризисных ситуациях в Китае. В последние годы правительственные микроблоги играют важную роль в качестве инструмента государственного PR в Китае. Но в процессе бурного развития правительственных микроблогов в Китае существуют некоторые проблемы и недостатки. В статье представлены выявленные проблемы и рекомендации по совершенствованию правительственных микроблогов в Китае.

Ключевые слова: государственный PR, интернет, правительственные микроблоги, Китай

1. Введение

В настоящее время наше общество уже вступило в век информационных технологий. Современные люди не представляют себе жизнь без доступа ко всемирной паутине, им нужна первичная и авторитетная информация в интернете. По статистике, на данный момент в мире насчитывается 3,5 миллиарда интернетпользователей [1]. Первенство в мире по численности интернетаудитории занимает Китай. По состоянию на декабрь 2016 года, количество интернетпользователей в Китае составило 731 млн. человек [2]. Интернет сильно влияет на работу государственного PR, появляются новые инструменты коммуникации в Сети, которые способствуют более быстрому и легкому распространению данных, а также позволяют расширить доступ граждан к разнообразной информации о деятельности органов государственной власти и к государственным услугам.

Сегодня перед современным правительством Китая стоят такие актуальные вопросы, как защита прав граждан на получение достоверной информации, обеспечение общественного порядка и стабильности в обществе. В качестве новейшего инструмента для передачи информации и нового орудия воздействия на общественное мнение в Китае стали набирать популярность правительственные микроблоги. Правительственный микроблог в Китае уже стал координационным центром для установления отношений между правительством и обществом и является новым каналом, обеспечивающим права общества на информацию. Через этот центр правительство может предоставлять услуги и нужную информацию для общества. Более того, применение правительственных микроблогов позволяет особенно повышать эффективность коммуникаций между правительством и гражданами в кризисных ситуациях. Это мощный инструмент, который оказывает сильное влияние на облегчение социальных противоречий, повышения имиджа правительства и развитие общественного мнения.

В последнее время в Китае количество зарегистрированных правительственных микроблогов стало стремительно расти, были созданы разные правительственные микроблоги. К концу 2016 года китайское правительство работает в общей сложности в 162118 микроблогах [2]. Сегодня интернетпользователи в Китае предпочитают следить за политическими событиями, информацией о государственных услугах, свободно выражать и распространять различные мнения и взгляды в обществе и участвовать в общественных делах с помощью правительственных микроблогов. Тем не менее, в процессе бурного развития правительственных микроблогов в Китае существуют некоторые проблемы и недостатки. Они пока не сыграли должную роль в управлении страной, особенно в кризисных ситуациях.

2. Государственный PR в интернете: понятие, особенности и инструменты

Сегодня на фоне глобализации в современном мире любая организация, в том числе коммерческая, и государственная, находится в сложной и изменяющейся ситуации, касающейся связей с общественностью. В мире истории развития связей с общественностью насчитывается более 100 лет. В настоящее время открывается много PRкомпаний в мире, многие крупнейшие компании также имеют свои подразделения по связям с общественностью. В качестве общественной организации можно выделить и правительство, которое является представителем коммунальных услуг, управляющим общественными делами и исполнителем общественных прав. Демократическому государству необходимо справляться с работой по связям с разными группами общественности, укреплять интерактивное общение между правительством и гражданами, активно и эффективно управлять общественным мнением, защищая право граждан на получение достоверной информации и услуг, чтобы побуждать общество к прогрессу, обеспечивать стабильность и гармонию страны, формировать благоприятный имидж государства.

В настоящее время развитые страны высоко ценят государственный PR, во многих странах мира PR в системе органов государственной власти является

важным направлением исследования в сфере PR. Тем не менее, на данный момент еще недостаточно литературы, теоретических разработок, касающихся государственного PR. Приведем ниже некоторые определения, которые указывают учёные из разных стран мира.

PR в системе государственного управления — это целенаправленное взаимодействие структур государственного аппарата с гражданами и общественными институтами, которое можно определить как реализуемую ими информационнокоммуникативную функцию публичной власти и управления, позволяющую оценивать отношения различных кругов общественности к тем или иным решениям и действиям, соотносить реализуемые программы с общественными интересами, формировать массовые представления по какимлибо проблемам для обретения общественного понимания, поддержки принятия и выполнения соответствующих мер [3].

Российские ученые выделяют и такой аспект: «являясь институтом политического управления, паблик рилейшнз выполняют функцию механизма для завоевания и удержания власти и политического влияния по поддержанию взаимодействия между государством и общественностью, организованных государственными специалистами с целью реализации управленческих и служебных функций и создания» [4].

В последние годы китайские учёные обращают большое внимание на исследование PR в системе органов государственной власти. Приведём ниже несколько определений. По мнению известного китайского ученого в сфере связей с общественностью Чжу Юньмао, государственный PR — административноуправленческая деятельность, сознательно организованная современным правительством с помощью использования PR-методов, цель которого создание положительного имиджа государства [5]. Чжань Вэнду в своей книге «правительственные связи с общественностью» определяет, что государственный PR — ряд мероприятий, организованных государством с помощью различных средств коммуникации, направленных на получение понимания и поддержки со стороны общественности, на формирование положительного имиджа с целью эффективного управления общественными делами [6]. Лиао Вэйцзянь определяет государственный PR следующим образом: государство проводит интерактивный и равный обмен с разными общественными группами посредством информационных коммуникативных средств, суть которого достижение единогласия, создание благоприятной атмосферы в обществе [7].

Сегодня использование сети в сфере государственного PR является необходимой тенденцией для развития государственного PR. В качестве нового развития PR-деятельности в эпоху интернета сетевой PR уже становится важным способом для осуществления взаимосвязи между государством и общественностью. Сетевой государственный PR — применение информационных технологий, онлайн-коммуникации государства для поддержания благоприятных связей с общественностью и сбор данных с целью совершенствования имиджа государства. С одной стороны, применение интернет-технологий позволяет улучшить эффективность деятельности государственного PR, чтобы отвечать современным требованиям. С другой

стороны, предоставленные государством информация и услуги в интернете являются наиболее востребованными у населения.

В эпоху Веб 3.0 перед специалистами в сфере государственного PR стоят такие задачи:

- установление и поддержание двусторонних связей с общественностью;
- информирование общественности о полной и объективной информации о деятельности органов государственной власти;
- сбор, анализ и формирование общественного мнения по вопросам, связанным с деятельностью государственной власти;
- создание положительного имиджа государства;
- решение общественных кризисных событий.

Чтобы эффективнее выполнять эти задачи, существуют несколько инструментов государственного PR в интернете:

- официальный интернет-портал органов государственной власти;
- форум правительства;
- электронная почта;
- социальные сети;
- фотохостинги и видеохостинги;
- краудсорсинговые ресурсы органов власти;
- правительственные блоги и микроблоги.

Хотя на данный момент уже имеется достаточно много исследований о правительственных микроблогах, но единого общепринятого определения понятия правительственного микроблога не существует.

Ли Янь в своей статье «Анализ развития открытости правительственной информации через правительственные микроблоги» указывает, что правительственный микроблог (центральный, провинциальный, уездный) — это интернет-дневник, который ведут правительственные учреждения и их сотрудники в социальных сетях, которые осуществляют открытость и гласность административных дел, сбор мнений, прислушиваются к общественному мнению [8].

Вань Цзюань определяет правительственный микроблог в своей статье «Стратегии улучшения способности управления правительственными микроблогами Китайских чиновников»: различные правительственные учреждения и их сотрудники имеют свои аккаунты микроблога в социальных сетях для взаимодействия органов власти и общества, используя свою собственную достоверную информацию. Главной целью таких микроблогов является публикация и распространение информации, связанной с работой правительства [9].

Посредством правительственных микроблогов правительственные учреждения, организации коммунальных услуг могут выполнять служебные функции и функции коммунально-административного управления [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что субъект правительственных микроблогов — правительственные учреждения и их сотрудники, объект правительственных микроблогов — общественность. Его задачей является предоставлять информацию и услуги гражданам, формировать позитивное

отношение между правительством и обществом путём коммуникации через интернет.

Применение правительственных микроблогов в правительственных органах является новой тенденцией государственного PR в интернете в Китае и потенциально может оказать позитивное влияние на общественное мнение и имидж государства. Правительственные микроблоги создали интерактивную платформу для ведения диалога с населением. Посредством правительственных микроблогов, с одной стороны, правительственные учреждения могут распространять и объяснять политику и информацию, ставить себя под контроль народа, управлять и контролировать кризисные коммуникации, создавать положительный имидж. С другой стороны, с помощью правительственных микроблогов население может передавать свои предложения и замечания правительственным учреждениям. Это обеспечивает гражданам свободное выражение и распространение различных мнений и взглядов в обществе, а также мобилизует людей на инициативу в участии в общественных делах.

3. Развитие правительственных микроблогов в Китае как инструмента государственного PR

3.1. Современное состояние правительственных микроблогов в Китае

В 2006 году в США был создан первый прототип Твиттер, и он становится всё популярнее и популярнее среди интернет-пользователей. Но эту популярную социальную сеть Твиттер запрещалось использовать в Китае. Через 2 года в Китае началась своя история микроблогов.

Учитывая популярность сервиса микроблогов, многие государственные ведомства и чиновники Китая начали открывать свои собственные микроблоги для поддержания эффективных связей с общественностью. В ноябре 2009 года был введен в эксплуатацию первый правительственный микроблог в уезде Таоюань в провинции Хунан — символ начала развития правительственных микроблогов в Китае.

Благодаря быстрому развитию и росту популяризации интернета, всё больше и больше людей начали пользоваться микроблогами. В 2011 году в Китае начали завоевывать популярность правительственные микроблоги. Главный редактор сайта Sina, Чжен Донь на годовом форуме правительственных микроблогов 12-ого декабря 2011 года отметил, что 2011 год можно назвать начальной эрой китайского правительственного микроблога [11].

На саммите в Пекине в июне 2015 года «Мобильные государственные дела» профессор Цинхуаского университета Шэньян отмечает, что развитие правительственных микроблогов в Китае уже вступило в эпоху Web 3.0 [12]. Раньше функцией правительственных микроблогов являлось предоставление информации и поддержание взаимосвязи между правительством и общественностью. В настоящее время правительственные микроблоги представляют собой многоуровневую платформу, включающую в себя услуги, это означает, что правительственные микроблоги уже вступили в эпоху Web 3.0.

По данным на декабрь 2016 года количество правительственных микроблогов на сайте Sina в Китае достигло 165 тыс. В том числе число официальных микроблогов органов государственной власти выросло более чем на 9% по сравнению с предыдущим годом и составило 125 тыс., число микроблогов партийных и государственных работников выросло более чем на 5% по сравнению с 2015 годом и составило 39 тыс. [13].

Увеличение числа правительственных микроблогов привело к тому, что население Китая получает возможность высказаться, выразить собственное мнение. Правительственные учреждения используют эти мнения для открытого общения, чтобы лучше служить обществу, улучшить прозрачность правительственных действий.

Положение распределения и уровень применения правительственных микроблогов в Китае совпадает с развитием политики, экономики, культуры их местонахождения. Наибольшее количество правительственных микроблогов было открыто в более развитых городах страны. В 2015 году в первой десятке по развитию правительственных микроблогов находятся такие крупные города Китая, как Наньцзин, Чэньду, Циндао, Шэньчжэнь, Сиань, Гуанчжоу, Чжэнчжоу, Ханчжоу, Сучжоу и Вэйфан [14].

На основе степени коммуникации и различий в функциях выделяют 3 типа правительственных микроблогов:

- тип «Предоставление информации» (граждане Китая могут получать достоверную информацию о политических событиях, актуальных новостях, деятельности, работе властей);
- тип «Народное благоденствие и облуживание»;
- тип «Участие в управлении государством и в обсуждении государственных дел» [15].

Главная цель коммуникации в правительственных микроблогах типа «Предоставление информации» включает в себя открытую публикацию правительственной информации. Правительство может быстро сообщить о деятельности разных уровней власти, основных направлениях развития и принятии решений органами власти, социально-экономическом положении территорий, острых проблем во взаимоотношениях с коммерческими структурами и органами управления социальной, бытовой и коммунальной сферами через центральный, провинциальный и уездный микроблог.

В целях защиты прав граждан, юридических лиц или иных организаций на получение информации от правительства, повышения доступности информации о государственной деятельности и прозрачности работы правительства, полностью открыта правительственная информация о жизни населения и экономической, социальной и политической деятельности, 17-ого января 2007 года в Китае официально приняли «правила раскрытия правительственной информации КНР», вступившие в силу с 01.05.2008 г. [8].

Для граждан «правила раскрытия правительственной информации КНР» являются важным средством для обеспечения права на осведомленность. Правительственные микроблоги превратились в площадку для предоставления информации с низкими издержками и с высокой эффективностью, являясь удобным каналом получения информации для граждан. После возникновения правительственных микроблогов всё больше и больше интернет-пользователей

привыкают следить за информацией в официальных микроблогах в случае важных событий.

Тип правительственных микроблогов «Общественные услуги онлайн», ориентирован на предоставление информации о коммунальных услугах. Такой тип правительственных микроблогов в основном предоставляет населению служебную информацию. Тип правительственных микроблогов «Народное благоденствие и облуживание» может улучшить взаимосвязь между правительством и общественностью путём того, что в интернете регулярно обновляется вся необходимая информация для жизни населения «одежда, питание, жильё, предметы обихода и транспорт, прогноз погоды, качество воздуха». Делается всё, чтобы люди могли не выходить из дома и узнавать всю нужную информацию о повседневной жизни.

Тип правительственных микроблогов «Участие в управлении государством и в обсуждении государственных дел». Это современный тип правительственных микроблогов, он представляет собой многоуровневую платформу, включающую в себя услуги, связанные с консультациями, жалобами, предложениями и запросами информации. Этот тип основан на принципах и механизмах участия граждан в разработке и принятии решений органов власти, облегчения взаимодействия граждан с правительством, прозрачности и понятности работы правительства.

Возникновение нового сервиса правительственных микроблогов даёт возможность интернет-пользователям КНР участвовать в управлении государством и в обсуждении государственных дел. Через сервис правительственных микроблогов, интернет-пользователи могут свободно выразить своё мнение, делать замечания и предложения по работе правительственных учреждений, следить за принятием решений властями государства в режиме реального времени. Это также даёт возможность чиновникам правительственных органов успешно использовать общественные мнения в процессе предоставления государственных услуг. Повышение взаимосвязи между чиновниками и гражданами, качества решений органов власти и прозрачности работы правительства достигается при использовании правительственных микроблогов.

С целью определения уровня использования данного сервиса и выявления существующих проблем, возникающих при использовании правительственных микроблогов в Китае мы провели собственное исследование использования правительственных микроблогов и удовлетворенности интернет-пользователей Китая. Опрос проводился с ноября 2016 года по март 2017 года через интернет.

Общее число респондентов составило 68 человек в возрасте от 15 до 50 лет, проживающих в развитых и слаборазвитых городах и в деревнях Китая. Среди них студенты — 28 человек (41.1%), государственные служащие — 12 (17.7%), работники — 17 (25%), безработные — 6 человек (8.82%), крестьяне — 5 человек (7.38%). В опросе участвовало 38 мужчин и 22 женщины. Средний возраст участников опроса 29.5 лет. Уровень образования опрошенных распределился следующим образом: среднее или незаконченное среднее образование — 26.6%, высшее или незаконченное высшее образование — 51.4%, магистратура и аспирантура — 22%.

Анкета состояла из 19 вопросов. По результатам опроса можно сделать вывод о том, что микроблог особенно популярен среди студентов, государственных служащих и работников от 20 до 35 лет. Лишь меньшинство участников посещало китайские правительственные микроблоги (18 человек — 26.4%). Все они имеют высшее образование и живут в более развитых городах Китая, таких как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Ханчжоу. Таким образом, уровень посещения китайских правительственных микроблогов тесно связан с уровнем образования пользователя, а также с уровнем политического и экономического развития города проживания. Среди 18 респондентов, которые посещали правительственные микроблоги, лишь 11.7% посещают правительственные микроблоги ради участия в управлении государством и в обсуждении правительственных дел, большинство опрошенных чаще всего посещают раздел «Предоставление информации» (55%) и «Народное благоденствие и обслуживание» (33.3%). Уровень политической активности респондентов оценивается невысоко. Таким образом, населению Китая стоит повысить уровень осознанного активного участия в государственных делах с использованием сети Интернет.

Более половины опрошенных считают, что большинство используемых ими правительственных микроблогов публикуют информацию и новости без значительных задержек, распространяют информацию о существующей ситуации в реальном времени и внимательно относятся к предложениям и замечаниям интернет-пользователей, своевременно отвечают на их вопросы. Но, как показал опрос, качество обслуживания правительственных микроблогов оставляет желать лучшего. В отношении существующих у правительственных микроблогов на данный момент проблем, 71% опрошенных согласны с дефицитом контактов с интернет-пользователями, 57.8% думают, что публикация необходимой информации осуществляется с задержкой, 39% опрошенных согласны с тем, что стиль речи не вызывает у интернет-пользователей интерес.

Сегодня, несмотря на бурное развитие правительственных микроблогов в Китае, ещё существуют много недостатков, которые требуют немедленного разрешения, чтобы привлечь большее число интернет-пользователей. Результаты опроса только показали частные проблемы. Более подробно существующие проблемы и рекомендации по совершенствованию правительственных микроблогов в Китае будут рассмотрены ниже.

3.2. Существующие проблемы и рекомендации по совершенствованию правительственных микроблогов в Китае как инструмента государственного PR

«Заместитель главы информационной канцелярии госсовета КНР Цянь Сяоцян сообщил, что Китай столкнулся с новым вызовом, касающимся регулирования сферы микроблогов для содействия развитию оказываемых ими услуг и созданию цивилизованной сетевой среды» [16]. В процессе бурного развития правительственных микроблогов в Китае существуют некоторые проблемы и недостатки:

- 1) Неопределённая функция и ориентация правительственных микроблогов [17].

Из-за того, что возникновение правительственных микроблогов в Китае произошло довольно поздно, функция между микроблогами правительственных учреждений и китайских чиновников различных ведомств разных провинций и районов неопределённая. На данный момент главная функция правительственных микроблогов — предоставление информации и обеспечение взаимодействия между правительством и общественностью, существует мало прикладных применений.

2) Низкая эффективность использования микроблогов местными властями, многие правительственные микроблоги находятся в состоянии «спячки».

Учитывая популярность сервиса микроблогов, многие китайские чиновники различных ведомств разных провинций и районов создали собственные микроблоги для обеспечения эффективного, оперативного и качественного информационного взаимодействия с общественностью, стараясь «быть ближе к народу». Однако далеко не все микроблоги китайских чиновников регулярно обновляются, в государственных микроблогах многие чиновники никогда не публиковали сообщения, они относятся к микроблогам с особой осторожностью. В некоторых из них записи появились лишь в день регистрации страницы [18]. Политический комментатор Цао Чжанцин считает, что это просто показуха. «Чиновники хотят показать, что близки к народу, но суть от этого не меняется», — говорит Цао [19]. Так что судить о положительном влиянии микроблогов Китайских чиновников на общественное мнение очень трудно и спорно.

3) Неравномерность развития правительственных микроблогов в Китае. В Китае в разных регионах существует различный уровень экономического и политического развития, следовательно, это оказывает некоторое влияние на уровень развития правительственных микроблогов. Несмотря на то, что правительственные микроблоги в Китае набирают популярность среди интернет-пользователей с огромной скоростью в последние дни, наибольшее количество новых правительственных микроблогов было открыто в более экономично развитых городах в Китае. В городах западного региона уровень правительственных микроблогов по-прежнему отстаёт, и сервис требует улучшения.

4) По сравнению с бурным развитием неправительственных микроблогов, к сожалению, на данный момент законы и нормативные акты правительственных микроблогов находятся в зачаточном состоянии.

В качестве эффективного инновационного механизма повышения качества государственного управления правительственные микроблоги оказывают позитивное влияние на повышение взаимодействия между правительством и общественностью и уровня прозрачности работы правительства. Но микроблоги проникли в Китай совсем недавно. Правительству не хватает знаний, чтобы эффективно использовать правительственные микроблоги, отсутствуют квалифицированные кадры. Появлялась беспорядочная ситуация, проявившаяся в неправильной публикации сообщений, отсутствии обратной связи и беспорядке в управлении. Всё это сильно влияет на авторитет, точность и эффективную эксплуатацию. И поэтому развитие правительственных микроблогов требует обязательного совершенствования законов и нормативных актов.

На основе выявленных проблем предложим начальные рекомендации по совершенствованию развития правительственных микроблогов в Китае:

- правильное понимание служащими государственных учреждений понятия «правительственный микроблог», развитие сервисного сознания в эпоху микроблогов;
- четкое определение понятия «правительственный микроблог» и его функций и ориентаций;
- усиление органичного объединения между правительственными микроблогами и вебпорталами;
- совершенствование существующих законов и нормативных документов, усиление правового регулирования микроблогов в сфере государственного управления;
- разработка путеводителя по работе правительственных микроблогов;
- проведение курсов по информационным технологиям, улучшение навыков китайских чиновников по использованию новых технологий, изучение работы с микроблогами;
- совершенствование системы информационной открытости правительства;
- создание специального учреждения по работе государственного PR;
- совершенствование системы управления правительственными микроблогами;
- использование принципов кризисного PR в новую эпоху, улучшение способностей китайских чиновников справиться с кризисом;
- повышение гражданами Китая уровня осознанного активного участия в государственных делах с использованием интернета.

Далее нам представляется необходимым отдельно рассмотреть возможности использования микроблогов в государственном PR в условиях разного рода кризисных ситуаций в Китае.

4. Правительственные микроблоги как инструмент кризисного PR в Китае

В последние годы в Китае постоянно возникают общественные кризисные события. Различные внезапные разрушительные общественные кризисные события сильно угрожают спокойствию, здоровью, также жизни граждан, их материальному благополучию и стабильности в обществе. Внезапное возникновение этих кризисных ситуаций уже является важным вызовом для хранителей общественного порядка. Таким образом, управление обществом в условиях кризиса уже стало чрезвычайно важной частью работы правительства. В данном случае эффективный кризисный PR способен восстановить, а также изменить ситуацию к лучшему. При возникновении кризиса в обществе граждане нуждаются в официальной информации, быстрое и точное предоставление которой чрезвычайно важно. Как новый инструмент кризисного PR, правительственные микроблоги играют ключевую роль источника авторитетной информации, с помощью которой граждане могут в кратчайшие сроки получить информацию во избежание недостоверной информации.

Микроблог оказывает позитивное воздействие на эффективность правительственного кризисного PR. Он имеет такие преимущества, как высокая скорость передачи информации, удобство в использовании, авторитетность и интерактивность, которые позволяют правительству быстро реагировать на ситуацию. На основе этих преимуществ официальные правительственные микроблоги становятся важным источником информации во время внезапных кризисов. С помощью правительственных микроблогов, правительство может не только разрешить кризис, получить положительную оценку от граждан, но и успешно использовать кризис в качестве возможности к созданию благоприятного имиджа правительства.

«Шанхай публикует» — это официальный микроблог городского правительства Шанхая. На данный момент официальный микроблог «Шанхай публикует» уже стал одним из самых удачных, популярных и влиятельных правительственных микроблогов в Китае. Городское правительство Шанхая осознает важность правительственных PR, с помощью @Шанхай служит народу, создаёт положительный имидж правительства Шанхая. Далее, будет приведен реальный кейс, связанный с использованием микроблога городского правительства Шанхая в кризисных ситуациях.

Вечером 31 декабря 2014 года на знаменитой шанхайской набережной Вайтань возникла давка. В итоге 35 человек погибли и 47 получили травмы в этой гигантской давке за полчаса до наступления Нового года.

В процессе события «31.12» власти Шанхая быстро среагировали на ситуацию, своевременно предоставили точную подробную информацию СМИ и населению при помощи письменного выступления и микроблога «Шанхай публикует». Официальный микроблог Шанхая играл важную роль в распространении авторитетных данных о смертоносной давке, позитивно влияя на общественное мнение. Это полностью показало преимущества правительственных микроблогов в качестве нового инструмента кризисного PR.

Кроме того, «Шанхай публикует» полностью использовал свои преимущества. 21-ого января 2015 года «Шанхай публикует» провел прямую трансляцию пресс-конференции, как платформа сетевой пресс-конференции своевременно предоставил информацию о пресс-конференции населению.

«Шанхай публикует» в процессе освещения гигантской давки много раз публиковал первичную официальную информацию. Важно отметить, что информация обновлялась быстро и точно. После события «31.12» «Шанхай публикует» добился высокой оценки со стороны граждан Китая, и он уже стал представителем местного правительства Шанхая.

Несмотря на преимущества правительственных микроблогов, высокая скорость передачи информации принесла новые вызовы для правительства. Некоторые негативные или лживые, провокационные новости легко появляются в микроблогах, а репосты и комментарии сильно ухудшают ситуацию. Правительственные микроблоги имеют много проблем, и они пока не сыграли должную роль в управлении страной в сфере связей с общественностью, особенно в кризисных ситуациях. В настоящее время многие чиновники Китая не могут ответить новым требованиям правительственного управления в эпоху микроблогов.

5. Заключение

Государственный PR в интернете — применение информационных технологий, онлайн-коммуникации государства для поддержания благоприятных связей с общественностью. Использование интернета несомненно оказывает важное позитивное влияние на способы работы, эффективность работы государственного PR. Благодаря интернет-технологиям, задачи государственного PR выполняются эффективнее. Использование инструментов коммуникации в сети (таких как официальный интернет-портал органов государственных власти, форум и чат, электронная почта, социальные сети, фотохостинги и видеохостинги, краудсорсинговые ресурсы органов власти, правительственный микроблог) позволяет построить мост коммуникации между государством и гражданами, а также предоставляет гражданам больше возможностей для обеспечения прав в области участия в государственных делах, выражения мнений и общественного контроля над деятельностью органов государственной власти. Всё это способствует государству стать более демократичным, информационным, открытым и прозрачным.

В эпоху Веб 3.0 правительственный микроблог является важной платформой для проведения PR-мероприятий правительственных органов в интернете. В последние годы правительственные микроблоги в Китае оказывают большое влияние на общество, особенно в условиях кризисной обстановки правительственные микроблоги являются важным источником авторитетной информации и играют новую роль как инструмент кризисного PR. Уровень применения правительственных микроблогов в Китае совпадает с развитием политики, экономики, культуры их местонахождения.

Несмотря на бурное развитие правительственных микроблогов в Китае ещё существуют много недостатков, которые требуют немедленного разрешения, чтобы играть должную роль как инструмента государственного PR и привлечь большее число интернет-пользователей. Среди них: отсутствие соответствующих законов и нормативных актов и неэффективное управление правительственными микроблогами в кризисных ситуациях. Для совершенствования правительственных микроблогов в Китае необходимо: четкое определение понятия «правительственный микроблог» и его функций; улучшение навыков китайских чиновников по использованию новых технологий; усиление правового регулирования микроблогов в сфере государственного управления; использование принципов кризисного PR в новую эпоху; повышение гражданами Китая уровня осознанного активного участия в государственных делах с использованием сети Интернет.

Литература

- [1] Пользователи интернета в мире.
http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0404.
- [2] Тридцать восьмой отчёт Китайского информационного центра по сети Интернет CNNIC. Официальный китайский сетевой информационный центр.

- <http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/hlwtjbg/201608/P020160803367337470363.pdf>.
- [3] Государственное управление: основы теории и организации/Под ред. В.А.Козбаненко. М.: Статус, 2011. С. 379.
- [4] Чумиков А.Н., Бочаров М.П., Самойленко С.А. Реклама и связи с общественностью: профессиональные компетенции. М., 2016. С.38.
- [5] Чжу Юуньмао. PR и современное правительство. Издательство Шанхайского университета. 2006. С.125.
- [6] Чжань Вэнду. Правительственные связи с общественностью. Издательство университета с естественнонаучным и техническим профилем Южного Китая. 2004. С.67.
- [7] Лиао Вэйцзянь. Правительственные связи с общественностью. Издательство народного университета. 2010. С.15.
- [8] Ли Я. Анализ развития открытости правительственной информации со стороны правительственных микроблогов // Электронное правительство. 2012. №4. С.34.
- [9] Вань Цзюань. Стратегии улучшения способности управления правительственными микроблогами Китайских чиновников //Современная коммуникация. 2012. №4. С.153.
- [10] Лян Сяоинь. Эффект коммуникации правительственных микроблогов// Форпост новости. 2011. №9. С.22.
- [11] 2011 год начальная эра китайского правительственного микроблога// официальный сайт <http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/201112/13/content1.people.cn>.
- [12] Правительственные микроблоги уже вступили в эпоху Web 3.0. Гуанмин Жибао.http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/201502/07/nw.D110000gmrb_20150207_102.htm?div=1.
- [13] Тридцать восьмой отчёт Китайского информационного центра по сети Интернет CNNIC. Официальный китайский сетевой информационный центр.
<http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/hlwtjbg/201608/P020160803367337470363.pdf>.
- [14] Годовой отчёт по состоянию развития Сети в Китае 2015 года // Официальный сайт Китайского сетевого информационного центра.
http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwxzbg/hlwtjbg/201507/t20150722_52624.htm
- [15] Три типа правительственных микроблогов в Китае. Центр исследования электронной коммерции в Китае. <http://b2b.toocle.com/detail6252251.html>.
- [16] Количество микроблогов в Китае сравнилось с населением США.
<https://www.postsovet.ru/blog/asia/283406.html>.
- [17] Чэнь Вэйцюань. Анализ влияния правительственных микроблогов на управление китайского правительства // Электронное правительство. 2015. №4. С.44.
- [18] В Китае чиновники завели 10 тысяч аккаунтов в микроблогах.
<http://www.sunhome.ru/journal/137971>.
- [19] Китайские власти озабочены развитием микроблогов в стране.
<http://www.epochtimes.com.ua/ru/>.

Government PR on the Internet: a case study of government microblogs in China

Wu Yuanyi

Saint-Petersburg State University

The article defines the concepts of Government PR and Government PR on the Internet, describes the main tasks and instruments of Government PR on the Internet. The article also reveals the current situation of government microblogs, and the advantages and the operation modes of government microblogs in emergencies in China. In recent years, government microblogs have played an important role as a tool of government PR in China. Despite the great progresses the government microblogs made in their development in China, the government microblogs still have a lot of problems to solve. The main problems and perfecting proposals of government microblogs in China are proposed in the article.

Keywords: government PR, internet, government microblogs, China.

Мобильные приложения электронного правительства: анализ оценок пользователей

Б.А. Низомутдинов

Университет ИТМО

boris-wels@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются существующие государственные мобильные приложения. Цель работы — опробирование методики оценки количества и качества государственных мобильных приложений на основе анализа оценок пользователей в России, размещенных на специализированных электронных ресурсах.

Автор провел выборочное исследование мобильных приложений, размещенных на специализированных площадках для скачивания и установки. На основе полученных данных сделаны выводы о проблемах и перспективах развития инструментов мобильного правительства в России.

Ключевые слова: мобильные приложения, мобильное правительство, электронное участие.

1. Введение

Методы и технологии электронного правительства (*E-Government*) являются важным компонентом программ развития информационного общества. Порталы государственных услуг, электронных петиций, сервисы, являются одним из механизмов электронного правительства и обеспечивают возможность гражданам, бизнесу получать государственные и муниципальные услуги, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии.

Одним из перспективных направлений в этой области является предоставление государственных и муниципальных услуг, развитие механизмов электронного участия, с помощью мобильного интернета (*M-Government*).

Следует отметить, что мобильные приложения являются только частью инфраструктуры M-Government. Цель представленного исследования — оценка количества и качества государственных мобильных приложений в России, размещенных на специализированных электронных ресурсах, результаты их

работы на основе изучения отзывов пользователей, популярности и распространенности.

Для анализа была отобрана электронная площадка — Google Play Market, на которой размещаются приложения для устройств на базе операционной системы Android. Масштаб проводимого исследования позволил охватить федеральный, региональный и муниципальный уровни.

2. Развитие мобильного интернета в России

В 2017 году прошел круглый стол Международной ассоциации мобильных операторов (GSM Association, GSMA), посвященный развитию мобильной связи в перспективе до 2025 года, включая развитие сетей пятого поколения 5G, «интернета вещей» (IoT), рынка анализа больших данных (Big Data). Согласно исследованиям GSMA, рынок мобильной связи во всем мире ожидают новые возможности и вызовы. Это связано с ускоренным развитием цифровой экономики, которая определит эффективные бизнес-модели и создаст предпосылки для сотрудничества, в результате которого весь мир получит доступ к современным услугам в сфере информационных технологий и связи. Отличие технологии 5G от предыдущих состоит в том, что сеть может обслуживать намного большее количество устройств на единицу площади и значительно сократить количество миллисекунд, которые проходят при передаче сигнала от базовой станции до устройства.

Особое внимание стоит уделить динамике и темпам роста аудитории интернета. Так, например, в России, по данным GfK — Международного института маркетинговых и социальных исследований, до 2016 аудитория Интернета в России росла [1]. По итогам 2016 года совокупная Интернет-аудитория в России не выросла, растет только аудитория пользователей мобильного Интернета: на 6 млн. по итогам 2016 года и в будущем доля пользователей мобильного интернета будет увеличиваться.

Прирост российской аудитории пользователей Интернет на мобильных устройствах в 2016 году составил 6 млн. человек. Сегодня 56 млн. россиян в возрасте от 16 лет пользуются Интернетом на мобильных устройствах — смартфонах и планшетах (46,6% от всей аудитории). При этом рост аудитории наблюдался только на смартфонах — с 37,2% в 2015 году до 42,1% по итогам 2016 года. Использование Интернет на планшетах практически не изменилось.

Для многих россиян смартфон становится устройством регулярного доступа в Интернет, этому способствует качество покрытия и технические характеристики покупаемых устройств. Распространение технологий высокоскоростной передачи данных (HSPA+, LTE) дает возможность комфортно пользоваться услугами и интернет-трафиком. Кроме того, устройства с поддержкой LTE становятся более доступными, появилась возможность приобрести 4G-смартфоны и планшетные ПК с 4G менее чем за 5 тыс. рублей.

Согласно данным исследований Яндекс [2], выше всего проникновение мобильного интернета среди молодых людей — около 90% пользователей младше 35 лет выходят в интернет с мобильных устройств (только с них или наряду с десктопами). По данным сервиса Яндекс.Метрики, 29% всех визитов

на веб-сайты совершается с мобильных устройств. Почти три четверти этих визитов приходится на телефоны, и их доля продолжает расти. Доля планшетов среди визитов со всех типов устройств в этом году даже незначительно снизилась.

Данные показатели свидетельствуют о роли и развитии мобильного интернета. При этом, когда люди используют мобильные устройства для выхода в интернет, они получают информацию не только с сайтов, но и через приложения.

3. Мобильное приложение электронного правительства

Мобильное приложение электронного правительства является удобным сервисом для доступа к интерактивным государственным услугам, предоставляемыми государственными органами. С его помощью, вы можете подать заявку или жалобу по интересующему вас вопросу в тот или иной орган. Главная цель мобильных приложений электронного правительства — это развитие условий и возможностей для получения основных услуг государственного аппарата, посредством современных технологий. Мобильные технологии позволяют, как расширить доступ к существующим услугам, так и создавать новые сервисы — чтобы обеспечить активное участие граждан в деятельности правительства. Мобильное правительство, m-Government, является логичным развитием концепции электронного правительства и базируется на инфраструктуре сотовой связи и широкополосного доступа в интернет при помощи любых устройств [3].

Электронное правительство развивается, становится все более открытым, предлагая свои сервисы все более широкому кругу пользователей. Уже сегодня, имея доступ к интернету можно получать большое количество услуг из разных сфер жизни.

Какие доступные инструменты на данный момент представлены для пользователей мобильных средств:

- мобильная версия сайта;
- адаптивная верстка;
- мобильное приложение.

Мобильная версия сайта — отдельная версия, имеющая свою структуру, дизайн и верстку. Адаптивный дизайн - при таком подходе создается один сайт, но с адаптивной версткой, которая подстраивает дизайн под нужное разрешение устройства — телефон, планшет или компьютер.

И самое актуальное — мобильное приложение. Это отдельное приложение, которое пользователь скачивает на свое устройство, и использует его, не посещая веб-сайты.

Для установки мобильных приложений существуют специальные сервисы. Стандартным для Android является Google Market (Google Play). Google Play — магазин приложений, игр, книг, музыки и фильмов компании Google и других компаний, позволяющий владельцам устройств с операционной системой Android устанавливать и приобретать различные приложения. Для владельцев Apple существует App Store — магазин приложений, раздел онлайн-магазина iTunes Store, содержащий различные приложения для мобильных телефонов

iPhone, плееров iPod Touch и планшетов iPad, а также для персональных компьютеров Mac и позволяющий их купить, либо скачать бесплатно.

Пользователи портала государственных и муниципальных услуг России могут воспользоваться официальным приложением для доступа ко множеству возможностей сайта. Современное приложение для управления порталом Госуслуг можно скачать очень быстро, пользователю достаточно иметь доступ к интернету. Программа распространяется бесплатно и предназначена для использования на популярных операционных системах: Windows, Android, iOS. После скачивания приложения Госуслуги на Android или другую систему, потребуется регистрация для новых пользователей. Ввод данных занимает несколько минут, процедура максимально упрощена. Рассмотрим основные функции официального приложения портала. Теперь Вы можете, не включая компьютер получить услугу, заполнив прямо в приложении форму заявки.

Использование мобильного приложения государственных услуг имеет определенные отличия по сравнению с порталом Госуслуг на сайте и его мобильной версией. Использование мобильной программы снимает необходимость следить за новостями и текущими событиями, в сравнении с использованием основной версии сайта Госуслуги — после ввода регистрационных данных приложение отслеживает изменения без участия пользователя. Для полноценной работы программы необходима возможность выхода в интернет, в противном случае доступ к функционалу будет невозможен.

Мобильное приложение Госуслуги для смартфона обладает следующими возможностями:

- оповещение пользователя при появлении новых событий, штрафов, задолженностей;
- оплата квитанций, штрафов online;
- запись к врачу, проверка пенсионных накоплений, запись в детский сад и другие популярные услуги;
- получение писем от государственных органов в электронном варианте, уведомления о появлении новых сообщений в личном кабинете;
- защита приложения 4-значным пин-кодом.
- моментальная регистрация по номеру телефона;
- проверка состояния лицевого счёта в Пенсионном фонде;
- подача заявлений на получение электронных услуг и контроль статуса их исполнения;
- оценка полученной услуги;
- предварительная запись на приём в налоговую инспекцию и добавление напоминаний в календарь смартфона;
- доступ в приложение с помощью индивидуального кода доступа;
- обращение в поддержку и полезные советы.

Доступна подача заявлений на наиболее популярные госуслуги: загранпаспорт, российский паспорт, водительское удостоверение, постановка автомобиля на учёт, запись ребёнка в детский сад и другие. Также приложение позволяет получать уведомления от органов власти, подключенных к системе «Госпочта».

4. Мониторинг источника установки приложений: результаты исследования

Важным компонентом оценки уровня развития мобильных приложений электронного правительства и онлайн услуг является проведение мониторинга официальных источников, обеспечивающих возможность скачивания данных приложений. В качестве источника информации был выбран сервис GooglePlay.

Google Play (предыдущее название - Android Market) — магазин приложений, игр, книг, музыки и фильмов компании Google и других компаний, позволяющий владельцам устройств с операционной системой Android устанавливать и приобретать различные приложения.

У пользователей Google Play есть возможность оставлять отзывы и оценки о приложениях, которые установлены на их устройстве. Отзывы в Google Play связаны с аккаунтом пользователя Google и доступны всем в Интернете. Оценка и отзыв добавляются только один раз, но изменить их можно в любое время.

В результате для каждого мобильного приложения можно получить параметры:

- средняя оценка приложения;
- количество оценок — число и распределение оценок, поставленных приложению за выбранный период;
- количество установок — общее количество уникальных пользователей, установивших приложение (в том числе удаливших его); учитывается только первая установка (независимо от того, на сколько устройств пользователь затем установил приложение);
- дату последнего обновления;
- отзывы пользователей в текстовом виде.

В рамках работы был осуществлен поиск доступных приложений государственных услуг в разных субъектах РФ.

Анализ данных сервисов показал, что у различных регионов РФ существуют мобильные приложения, которые предоставляют возможность получения государственных и муниципальных услуг и других сервисов через мобильный телефон. Кроме того, были также найдены мобильные приложения различных ведомств (Пенсионный фонд РФ, Федеральная налоговая служба и др.), однако они в оценке не участвовали.

На основе анализа составлен список приложений, для каждого из них получены доступные данные (средняя оценка пользователей, количество скачиваний, количество установок – см. табл. 1).

Данный подход позволяет оценить несколько параметров:

- во-первых, это качество *работы и оценка функциональности* приложения с точки зрения конкретных пользователей (основываясь на данных скачивания и оценках пользователей можно составить рейтинг приложений, выделить лучшие, сравнить популярность и распространенность);
- во-вторых, можно оценивать популярность приложения в том или ином регионе, на основе данных о количестве скачиваний;

- есть возможность оценки такого параметра как вовлеченность (количество оставленных отзывов на количество скачиваний).

Также в ходе анализа изучались конкретные отзывы, однако на данном этапе исследования они не интерпретировались, но могут быть использованы на следующих этапах, для выявления типичных проблем, с которыми сталкиваются пользователи при использовании мобильных приложений.

Таблица 1. Данные для приложений Google Market

Регион	Название	Количество установок	Средняя оценка пользователей	Количество проголосовавших
РФ	Госуслуги	1000000 - 5000000	4,5	169 411
Санкт-Петербург	Госуслуги Санкт-Петербурга	50000 - 100000	4,1	3691
Республика Татарстан	Услуги РТ	100000 - 500000	3,6	4126
ХМАО	Госуслуги ХМАО	5000 - 10000	3,6	37
Москва	Госуслуги Москвы	500000 - 1000000	3,4	12178
Нижний Новгород	Госуслуги Нижний Новгород	1000 - 5000	3	54
Архангельская область	Госуслуги Архангельской области	500 - 1000	3	5
Вологда	Госуслуги Вологда	1000 - 5000	2,8	39
Ульяновская область	Госуслуги Ульяновская области	500 - 1000	1,7	15

Несомненно, методика мониторинга приложений органов власти нуждается в развитии. На взгляд автора статьи, предложенный метод может быть отдельным компонентом в интегральной оценки, в связи с чем требуется дальнейшее исследование.

5. Выводы и направления дальнейших исследований

В настоящее время задачи увеличения доли населения, получающего государственные и муниципальные услуги в электронном виде, являются основными в Плане реализации государственной программы РФ «Информационное общество», и мобильные технологии могут помочь решить поставленную задачу.

M-Government трансформирует способность государственного сектора не только за счет расширения доступа к существующим услугам, но и позволяет

предоставлять новые услуги, например, через новые уровни участия гражданского общества в разработке государственной и муниципальной политики и процессов принятия решений. Главное, что акцент необходимо ставить не на слове "мобильное", фокус должен быть действительно на нуждах государственного сектора и конечных пользователей, для удовлетворения потребностей граждан.

В 2012 г. был опубликован доклад «Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies» [4], призванный способствовать лучшему пониманию, как использовать экономические и социальные последствия внедрения интернета в мобильных устройствах, чтобы позволить поддерживать общественный инновационный сектор и улучшить предоставление государственных услуг. Доклад является совместным продуктом сотрудничества ОЭСР с Международным Союзом электросвязи (МСЭ) и Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам.

Мобильные технологии также дают новый импульс для бизнеса. Ключевые достижения в области беспроводных технологий, быстрые сети, большое количество устройств, которые создают возможности для граждан, в то же время позволяют компаниям сократить затраты. Например, используя сложные мобильные технологии можно улучшить эффективность административных процессов в государственном секторе, за счет более быстрого предоставления информации в режиме реального времени, это в свою очередь может улучшить взаимодействие частного бизнеса и государства.

Практические аспекты проведения дальнейших исследований в этой сфере связаны с необходимостью изучения востребованных услуг, перспективных направлений развития, оценки качества предоставления услуг, а также целесообразности того, стоит ли повышать финансовые затраты на реализацию новых методов в сфере мобильного правительства. Оценка мобильных приложений необходима для того, чтобы повышать их качество, искать ошибки, разрабатывать новые методологии.

Что касается дальнейших исследований, то полезно было бы сопоставить мобильные приложения других государств, изучить их возможности. Кроме того, необходимо исследовать эффекты использования мобильных приложений.

Работы выполнены в рамках проекта №417008 «Исследование процессов функционирования региональных электронных площадок взаимодействия власти и общества» (Университет ИТМО).

Литература

- [1] Тенденции развития Интернет-аудитории в России 2016. Исследование GfK. <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitiia-internet-auditorii-v-rossii/>.
- [2] Развитие интернета в регионах России 2016. Исследование Яндекс. https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016.
- [3] Saif Obaid Alkaabi and Nabil Ayad. Factors Affecting MGovernment Deployment and Adoption // International Journal of Social, Behavioral, Educational, Economic, Business and Industrial Engineering. 2016. P 314 – 322.

- [4] Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies // ITU, OECD. 2011. <http://www.oecd.org/gov/digital-government/m-government.htm>.

Mobile application of E-Government: analysis of user ratings

B.A. Nizomutdinov

ITMO University

The article considers the current state of the mobile application. The aim of the study is to assess the quantity and quality of government mobile apps in Russia, placed on specialized electronic resources, the results of their.

The author conducted a sample study of mobile applications hosted on specialized platforms for downloading and install. On the basis of the obtained data conclusions are made about the problems and prospects of the development tools of mobile government in Russia.

Keywords: m-government, mobile applications, mobile government, e-participation.

РАЗДЕЛ 2.

УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ СОТРУДНИЧЕСТВА: НОВЫЕ ДИЗАЙНЫ И ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Мониторные публичные политические сетевые институты и их включение в процессы выработки политики: от конфронтации к кооперации

А. А. Носиков

Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

a.a.nosikov@gmail.com

Аннотация

В статье излагается авторский подход к проблеме формирования в Web 2.0 пространстве мониторинговых публичных политических сетевых институтов. На основе анализа кейсов автор приходит к выводу, что сегодня мониторинговые публичные политические сетевые институты находятся в состоянии конфронтации с органами государственной власти, при этом высоковероятна потенциальная эскалация конфликта. Далее автор моделирует ряд политических дизайнов, предполагающих включение мониторинговых публичных политических сетевых институтов в процессы выработки управленческих решений, что потенциально способно нивелировать возможную конфронтацию и повысить качество публичного управления.

Ключевые слова: мониторинговые публичные политические сетевые институты, мониторинговая демократия, политические сети, сетевые институты, публичное администрирование, data driven policy making.

1. Публичные политические сетевые институты

Сегодня мы можем наблюдать становление публичных политических сетевых институтов [20] в Web 2.0 пространстве как новых площадок для самоорганизации и сотворчества граждан в вопросах выработки политики и путей развития. В своём базисе публичные политические сетевые институты опираются на сетевые интеракции индивидов, кооперирующихся в сетевом пространстве для достижения общих политических целей, задач, интересов. Технически публичные политические сетевые институты используют Web 2.0 сервисы, площадки и приложения. Так как состав участников и набор связей между ними в рамках сетевых структур не постоянен и динамичен, в качестве константы или «стержня» публичных политических сетевых институтов

выступают их институциональные признаки, которые могут быть как формальными, так и неформальными. К формальным институциональным признакам публичных политических сетевых институций относятся:

- интерфейсы социальных медиа, Web-платформ, приложений и сервисов, ограничивающие сценарии взаимодействия индивидов-пользователей заранее предопределёнными наборами функций и алгоритмами взаимодействий;
- правила, устанавливаемые самими Web 2.0 ресурсами, платформами, приложениями и сервисами, за соблюдением таких правил следит администрация площадок, за несоблюдение этих правил могут быть предусмотрены санкции;
- правила, устанавливаемые администраторами и модераторами сетевых институций, за соблюдением таких правил следят администраторы и модераторы конкретной сетевой институции, за несоблюдение таких правил могут быть предусмотрены санкции;
- правила, устанавливаемые государствами, федеральным, местным законодательством и международными нормами, за несоблюдение таких правил могут быть предусмотрены санкции;
- ограничение возможностей взаимодействия участников внутри сети по воле администрации сетевой институции.

К неформальным признакам публичных сетевых институций относятся:

- правила, вырабатываемые членами сообщества на уровне горизонтальных социальных связей;
- общие ценностные и идеологические установки;
- общие цели и задачи, интересы, для достижения которых формируется сетевая институция на основе горизонтальных сетевых связей, или к уже сформировавшейся сетевой институции примыкают новые члены, разделяющие её интересы.

Наибольший интерес в данном контексте безусловно вызывают неформальные институциональные признаки, так как они достаточно динамичны и соответствуют текучести сетевых структур. Так, например, цели и правила могут изменяться в зависимости от политических изменений. Цели и задачи также могут трансформироваться в зависимости от имеющихся в наличии у данной сети информационных, человеческих или любых других ресурсов. Помимо всего прочего, как результат сотворчества и кооперации участников публичной политической сетевой институции, могут динамически изменяться дорожные карты достижения политических целей и задач.

При этом выделение институциональной константы в качестве признака помогает нам абстрагироваться от ограничений интерфейсов Web 2.0 сервисов и приложений, вызывающих некоторую путаницу в вопросах наименования таких структур (форумы, сообщества, группы, публичные страницы и так далее). Кроме того, унификация подхода к определению таких структур через институциональный признак поможет нам в дальнейшем абстрагироваться от технологического прогресса в части появления новых Web 2.0 сервисов и приложений, предлагающих свои трактовки и наименования для кооперации пользователей в рамках функционирования данных платформ и трансформации существующих пользовательских интерфейсов.

Вместе с тем набирает популярность теория мониторинной (этимология термина — см. [15, с. 104]) демократии Джона Кина. Мониторная демократия характеризуется прежде всего, как «некая разновидность «постэлекторальных» политики и правительства, определяемых ростом самых разных внепарламентских механизмов власти» [15, с. 104–105]. Появляется множество мониторинных акторов, независимых контролёров, осуществляющих надзор за деятельностью органов власти, и оказывающих на них давление, в случае если те были скомпрометированы или вырабатываемая ими политика не соответствует общественным интересам [15, с. 104–107].

При этом одним из драйверов мониторинных процессов выступает «коммуникативное изобилие» [15, с. 102]. Развитие средств коммуникации позволяет индивидам вовлекаться в процессы политического участия и формировать в Web 2.0 пространстве публичные политические сетевые институты с минимальными издержками. Открытость публичных политических сетевых институтов и открытость самой сетевой среды как публичной площадки для дискуссий, в свою очередь повышает вариативность политической картины мира гражданина и обеспечивает широкие возможности гражданского влияния на процесс принятия политических решений [3, с. 191].

Таким образом, образуются новые сетевые структуры, предполагающие в своей организационной основе принципы публичных политических сетевых институтов, а в целеполагании — мониторинную деятельность. Иными словами, современные мониторинные акторы — это публичные политические сетевые институты, осуществляющие надзор и контроль за деятельностью властей и оказывающие на них публичное давление, в случае если принимаемые ими решения не соответствуют запросам гражданского общества.

При этом достаточно часто в публичном сетевом пространстве мониторинные публичные политические сетевые институты вовлекают в свою деятельность большее количество граждан, чем это делают публичные политические сетевые институты, инициируемые традиционными политическими акторами. Так мониторинная публичная политическая сетевая институт «Красивый Петербург» — «движение инициативных граждан за улучшение качества городской среды» [16], имеет порядка 54 тысяч участников. В то же время, публичная политическая сетевая институт, созданная Всероссийской политической партией «Единая Россия» для координации своих сторонников в Санкт–Петербурге, насчитывает порядка 1820 участников [11].

2. Конфронтация

Наблюдается тенденция позиционирования некоторых мониторинных публичных политических сетевых институтов как альтернативы надзорным функциям государственных институтов. Ряд небольших наблюдательных групп, функционирующих по принципу публичных политических сетевых институтов, (или независимые эксперты, такие как С. Шпилькин) пытаются дублировать надзорные функции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. «Красивый Петербург» выступает как альтернатива надзорных функций исполнительной власти Санкт-Петербурга. Различные правозащитные организации, использующие публичные сетевые институты на базе

социальных медиа как основную площадку для коммуникации, такие как «Медиазона» — как альтернатива надзорных функций Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства юстиции Российской Федерации. «Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортёров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов» [9] «Диссернет» — как альтернатива Рособнадзора. Фонд Борьбы с Коррупцией или «Консорциум журналистов-расследователей» — как альтернативный исполнитель надзорных функций Следственного комитета России.

Описываемые тенденции способны приводить к формированию альтернативной публичной власти [29] в сетевом пространстве. Такая власть не ставит своей целью приход к власти, но сохраняет для себя часть публичного пространства, позволяющего участвовать в общественно-политическом дискурсе с целью выработки альтернативных путей развития и влияния на общественное мнение. Кроме того, сам факт попытки дублирования мониторинжными публичными политическими сетевыми институтами надзорных функций органов государственной власти может ставить под вопрос не только их эффективность и легитимность, но и саму целесообразность их функционирования в сегодняшнем состоянии.

В результате государство невольно оказывается втянуто в конфронтацию с мониторинжными публичными политическими сетевыми институтами, чему способствует и сам принцип выстраивания отношений между мониторинжными публичными политическими сетевыми институтами и властью, базирующийся прежде всего на публичном давлении со стороны мониторинжных структур.

Возможность такого развития событий вызывает опасения, поскольку провоцируют государство на дистанцирование от гражданского общества и косвенную конфронтацию с ним. При этом можно говорить о том, что данный процесс уже инициализирован, о чём свидетельствует ряд кейсов.

Кейс первый. Мониторная публичная политическая сетевая институция «Красивый Петербург» предоставляла гражданам возможность через специально созданные активистами сайт и приложение направлять по электронной почте обращения о проблемах городской среды в адрес районных администраций и городских властей. Такой способ отправки обращений для многих граждан был удобен, поскольку выбор адресата и составление обращения проходили автоматически, от пользователя требовалось лишь описать проблему, приложить свидетельства (в том числе и мультимедийные). Кроме того, после отправки обращения оно становилось публичным. Любой желающий мог ознакомиться с ним на сайте и в приложении, что позволяло гражданам следить за реакцией ответственных лиц на обращения. По заявлениям членов движения за 4,5 года функционирования проекта около 35 000 человек отправили с помощью приложения и сайта более 111 000 обращений, по результатам примерно трети из них приняты положительные решения [21].

В сентябре 2015 года администрация Санкт-Петербурга перестала принимать обращения по электронной почте. Вместо этого на сайтах администраций были созданы специальные электронные приёмные. Новый порядок предусматривает рассмотрение властями обращений, направленных

только через электронные приёмные. Порядок приёма электронных обращений другими способами не предусмотрен.

Таким образом, работа мониторинжной публичной политической сетевой институции «Красивый Петербург» была парализована. В итоге при помощи другого мониторингового актора «Команда 29» (объединение юристов и журналистов, защищающих права граждан на получение и распространение информации, а также оказывающих юридическую поддержку гражданским активистам) [22] была организована общественная краудфандинг-кампания по сбору средств для судебного процесса. По мнению активистов, отказываясь рассмотреть обращения, поступающие по электронной почте, районные администрации, а также администрация города Санкт-Петербурга, ставят внутренние регламенты выше федерального законодательства, обязывающего чиновников по существу отвечать на электронные обращения граждан [17].

6 апреля районный суд Приморского района отказал в удовлетворении иска о блокировке обращений граждан [26]. 15 мая 2017 была подана апелляция на решение суда и новый иск в городской суд [25].

Стоит отметить, что разрешение властями города трети обращений, направленных через приложение и сайт «Красивый Петербург» — это безусловно положительный результат. То есть одна треть граждан, направивших обращения через «Красивый Петербург» смогла убедиться в том, что власти способны реагировать на проблемы и разрешать их. Однако сейчас, после введения новых правил подачи обращений, городская власть не только вступает в конфронтацию с мониторинжными публичными политическими сетевыми институциями, но и лишает граждан рабочего интерфейса взаимодействия с властью, что ведёт к дистанцированию власти от части городских проблем и требований гражданского общества, способствуя новому витку конфронтации.

Кейс второй. 16 мая 2017 года Минобрнауки ограничило участие непрофильных экспертов Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в рассмотрении диссертационных работ [24]. Это решение было принято накануне рассмотрения ВАКом вопроса о лишении докторской степени помощника секретаря Совета безопасности Российской Федерации, в работе которого эксперты сетевого сообщества «Диссернет» выявили многочисленные случаи плагиата [13]. Также ВАК вскоре должен рассмотреть на уровне экспертного совета диссертацию Министра культуры Российской Федерации, к работе которого у мониторинжной публичной сетевой институции «Диссернет» также имеются претензии. По мнению М. Гельфанда, одного из сооснователей «Диссернета», изменения в регламенте допуска экспертов к обсуждениям диссертационных работ связаны с тем, что «ряд людей надоели руководству ВАК» [18], очевидно намекая на активистов «Диссернета». Другой сооснователь «Диссернета» А. Заякин заявил, что приказ Минобрнауки противоречит документам высшей инстанции, по этому вопросу будут проведены консультации с юристами [14]. Возможно, мы станем свидетелями ещё одного судебного конфликта между мониторинжными публичными сетевыми институциями и органами государственной власти, за которым стоит латентная конфронтация части гражданского общества и власти, а также отсутствие рабочих интерфейсов для взаимодействия между ними.

Кейс третий. Данный кейс более комплексный и включает в себе множество случаев, когда мониторинговые публичные политические сетевые институты, выявляя случаи злоупотребления властью и коррупции, были либо проигнорированы осуществляющими надзор органами и институтами, либо были подвергнуты давлению со стороны политического истеблишмента.

3 апреля 2016 года были опубликованы материалы «Панамского архива» (Panama Papers), указывающие на факты коррупции высокопоставленных персон в ряде стран, в том числе и в России. Обработка документов (архив насчитывает более 11,5 миллионов документов и 2,6 терабайта данных [35]) осуществлялась международным консорциумом журналистов-расследователей (ICIJ). ICIJ — один из проектов «Центра за честность в обществе» (Center for Public Integrity), мониторинговой организации, миссией которой является «служба демократии путём выявления злоупотреблений властью, коррупции и предательства общественного доверия влиятельными государственными и частными институтами, используя инструментарий журналистских расследований» [34]. В Исландии под давлением общественности подал в отставку премьер-министр, оказавшийся одним из фигурантов расследования [27]. Власти Франции инициировали процедуру повторного возвращения Панамы в список офшорных зон, из которого она была исключена в 2011 году [32]. Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон на антикоррупционном форуме в Лондоне 12 мая 2016 года потребовал проведения реформ, включающих создание публичного реестра британских компаний с зарубежными холдингами. На форуме также была достигнута договорённость между Британией, Афганистаном, Кенией, Францией, Нидерландами и Нигерией о создании реестра реальных владельцев компаний на их территории [10]. Пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. Песков заявил, что панамские документы являются «спекуляцией» и «вбросом» [23]. Расследования по материалам архива не проводилось.

Далее последовала череда расследований Фонда Борьбы с Коррупцией. Самый популярный ролик, посвящённый расследованию, имеет более 21 миллиона просмотров на YouTube. Остальные — от одного до 6,6 миллионов просмотров [4]. Официальной реакции властей на материалы ФБК не последовало. 26 марта 2017 года в 82 городах России [2] прошли антикоррупционные митинги и шествия. Участники самоорганизовывались при помощи публичных политических сетевых институтов. Всего активистами было создано более ста таких сетевых институтов на различных площадках [12]. Участники акций требовали проверки надзорными и правоохранительными органами фактов, излагаемых в расследованиях ФБК. Анонсированы новые антикоррупционные шествия, которые должны состояться 12 июня 2017 года, потенциальные участники начали самоорганизовываться в публичные политические сетевые институты [30].

И если в случае конфронтации властей и таких мониторинговых публичных политических сетевых институтов как «Красивый Петербург» и «Диссернет» конфликт протекает в правовой плоскости, то в случае конфликта мониторинговых акторов, расследующих случаи злоупотребления властью и коррупции, и государственной власти, конфликт выходит за пределы правового поля. Протестные акции становятся единственным интерфейсом взаимодействия

между гражданским обществом, мониторинжными публичными политическими сетевыми институтами, сетевой публикой и государством [20, с. 5].

3. К поиску возможностей для кооперации

Тяготение к использованию сетевой публикой протестных акций в качестве интерфейса между государством и сетевым пространством является тревожным маркером. В целях исключения негативных последствий, необходим переход от конфронтации к сотрудничеству.

Далее будет смоделирован ряд политических дизайнов, способных конвертировать деятельность мониторинжных публичных политических сетевых институций в позитивные общественно-политические изменения.

Первоочередной задачей является проектирование интерфейсов (как альтернативы интерфейсу протеста) для взаимодействия сетевого пространства, в частности мониторинжных публичных политических сетевых институций, и государства. Сегодня в Российской Федерации уже существуют такие интерфейсы, в качестве которых выступают «Российская Общественная Инициатива» (roi.ru), «Активный гражданин» (ag.mos.ru) и другие. Однако, ряд исследователей и экспертов указывает на дефектность и непрозрачность работы данных площадок. Так РОИ критикуют за ограничение предмета петиций «вопросами социально-экономического развития и совершенствования государственного и муниципального управления, что представляется явно недостаточным с позиций самой идеи «электронной петиции»» [28, с. 49]. Критике подвергается и предварительная модерация (при этом непрозрачная и непубличная) размещаемых петиций [6, с. 48]. Также отмечается высокая вероятность отклонения петиций, набравших установленное количество голосов, экспертной рабочей группой [6, с. 49] (работа экспертной рабочей группы также зачастую непрозрачна и непублична). Отмечается, что «процедура регистрации на сайте достаточно сложна и продолжительна» [31, с. 25]. Кроме того, отмечается, что при реализации инициатив, прошедших все предусмотренные РОИ процедуры, их «воплощение сталкивается со множеством объективных и субъективных препятствий, из-за чего иногда складывается впечатление простой имитации демократии» [33, с. 131]. Также отсутствуют механизмы воплощения рекомендаций экспертной рабочей группы в жизнь, законодательство не содержит указаний относительно того, каким образом органы власти должны действовать в случае поступления рекомендаций экспертной рабочей группы (не содержится указаний ни об изучении рекомендаций, ни об их исполнении) [6, с. 49]. Согласно эмпирическим данным, «ни одна из инициатив, воплощённых в жизнь, не успела получить требуемой поддержки, набравшие же необходимое количество голосов инициативы, наоборот, были отклонены» [8, с. 58]. Таким образом, РОИ не только непрозрачна, но и сама же не соблюдает свой регламент.

На портале «Активный Гражданин» граждане не могут самостоятельно создавать опросы, отправлять жалобы или придавать публичности какие-либо проблемы городской среды. Пользователи могут лишь голосовать за предложенные мэрией Москвы варианты. Также результаты голосований не

имеют юридической силы, в отличие от референдумов. Помимо всего прочего, звучат заявления о фиктивности и непрозрачности голосований [1, 7].

С учётом сложившейся ситуации (конфронтация мониторинговых публичных политических сетевых институций, части гражданского общества, сетевой публики и власти), необходима немедленная реставрация существующих площадок с учётом уже агрегированного экспертным сообществом опыта и замечаний.

Также в качестве политического дизайна можно предложить инициализацию (и последующую модерацию) органами государственной власти публичных политических сетевых институций с целью взаимодействия с населением и другими публичными политическими сетевыми институциями. Об успешности такого решения свидетельствует зарубежный опыт. Так, администрация города Эванстон (штат Иллинойс, США) использует публичную политическую сетевую институцию, функционирующую на платформе социальной сети Facebook [37] для приёма обращений от граждан.

Работники администрации взаимодействуют с жителями города через публичную политическую сетевую институцию, отвечая на их вопросы, принимая жалобы и предлагая пути решения конфликтных или проблемных ситуаций. При этом важно отметить, что жалобы и предложения граждан, поступившие в адрес публичной сетевой институции, рассматриваются так же, как и поданные традиционным способом. Через Facebook с инициированной администрацией города публичной политической сетевой институцией взаимодействуют 8989 человек, ещё 9298 человек взаимодействуют с аналогичной публичной сетевой институцией в Twitter [36].

Кроме того, администрация выстраивает и G2C коммуникации, информируя граждан о своей деятельности и жизни города, обеспечивая таким образом не только открытость и прозрачность своей деятельности, но и формируя вокруг себя городское сообщество. Так администрация коммуницирует с жителями через фото-приложение Instagram [39], где взаимодействует с 2124 жителями. В своей публичной политической сетевой институции в Instagram администрация города не только выкладывает фотоотчёты с городских мероприятий и рассказывает истории о жизни города, но также отвечает на вопросы граждан.

Помимо публичных политических сетевых институций в Facebook, Twitter и Instagram администрация имеет свой канал на YouTube [38], который также можно отнести к публичным сетевым институциям, где имеет 454 подписчика и 341922 просмотра видео в общей сложности. На YouTube канале администрация города Эванстон делится видео с заседаний администрации, рабочих сессий различных комитетов, записями работы избирательного совета муниципальных служащих, обеспечивая таким образом полную открытость и публичность деятельности органов власти. Помимо всего прочего, на YouTube канале администрации ведёт прямое онлайн-вещание местный городской телеканал. Таким образом, при помощи публичных сетевых институций, администрация города Эванстон взаимодействует с 20865 гражданами, что составляет 28,01% от общего населения города (популяция — 74486 человек [41]). В Российской Федерации такие сетевые институции могли бы стать альтернативой (особенно на уровне локальных сообществ) интерфейсам протеста и публичного давления, которыми сегодня активно пользуются

мониторные сетевые акторы. Однако для инициализации таких сетевых институций в условиях Российской Федерации необходим соответствующий регламент и законодательная база.

Следующий дизайн предполагает использование и внедрение практик «Data driven policy making». По сути, это — государственное управление, основанное на агрегации и анализе больших входящих данных из сетевого пространства, которые впоследствии используются для определения существующих проблем и путей развития. Этот подход предполагает разработку систем, обеспечивающих использование данных для определения политических приоритетов [40, 42]. В качестве исходных данных предлагается анализировать контент, идеи, смыслы и предложения, производимые участниками мониторинговых публичных политических сетевых институций. Управление, основанное на таких данных, совместно с эффективным и прозрачным публичным администрированием, выглядит достаточно адаптировано и позволяет удовлетворить большее количество запросов, исходящих от гражданского общества. Оперативная реакция государства и аффилированных с ним институтов на сетевые активности граждан и мониторинговых публичных политических сетевых институций может не только повысить авторитет и легитимность государства, государственных органов и государственной власти в целом, но и так же позволит снизить бюрократические издержки и повысить скорость инициализации процессов.

Литература

- [1] «Активный гражданин»: не только фикция, но и уголовное преступление // Леонид Волков. <https://www.leonidvolkov.ru/p/86/>.
- [2] Старшеклассники танцевали и смеялись среди полицейских кордонов // Коммерсантъ. <http://www.kommersant.ru/doc/3254291>.
- [3] Авзалова Э. И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. №1. С.187-193.
- [4] Алексей Навальный. Видео // YouTube. <https://www.youtube.com/user/NavalnyRu/videos?flow=list&view=0&sort=p>.
- [5] Белгородский госуниверситет создаст спецкомиссию для рассмотрения диссертации Мединского // ТАСС. <http://tass.ru/nauka/4281583>.
- [6] Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. №1 С.47-51.
- [7] Воронов А. Сидоров Д. «Активного гражданина» подозревают в фиктивности // Коммерсантъ. <http://www.kommersant.ru/doc/2838141>.
- [8] Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2015. №2 С.58-67.
- [9] Диссернет // Диссернет // <https://www.dissernet.org>.
- [10] Долгой оффшоры! Первый антикоррупционный саммит в Лондоне, итоги // РИА Новости Украина. <http://rian.com.ua/analytics/20160514/1009946730.html>.
- [11] Единая Россия Санкт-Петербург // ВКонтакте. https://vk.com/er_saint_p.

- [12] Единый день протеста против коррупции высших должностных лиц России — #26марта // ВКонтакте. https://vk.com/wall-55284725_272730.
- [13] Звезда П. «Диссернет» назвал «абсурдной» диссертацию помощника секретаря Совбеза // РБК. <http://www.rbc.ru/society/09/03/2017/58c120559a7947b36dc4581c>.
- [14] Звезда П. «Диссернет» не пустили на заседание президиума ВАК // РБК. <http://www.rbc.ru/society/26/05/2017/5927ee919a7947c87f0dd6d5?from=main>.
- [15] Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. 312 с.
- [16] Красивый Петербург // ВКонтакте. https://vk.com/peterburg_krasiv.
- [17] Красивый Петербург под угрозой // движение «Красивый Петербург» <http://красивыйпетербург.рф/team29>.
- [18] Минобрнауки ограничило участие экспертов ВАК в оценке диссертаций // РБК. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/591b38dc9a7947b39395b2a5>.
- [19] Носиков А. А. Публичные политические сетевые институты и процессы мобилизации: сетевой анализ протестного ядра и динамика его формирования // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 56-го междунар. форума (13–14 апреля 2017 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. No 2: в 2 т., Т. 1. СПб: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2017. С. 111—113.
- [20] Носиков А.А. Интерфейсы взаимодействия политических сетей и политической реальности: границы возможностей // Тренды и управление. 2017. № 2. С.1-8.
- [21] О движении // Красивый Петербург. <http://красивыйпетербург.рф/about>.
- [22] О команде // Команда 29. <https://team29.org/about/>.
- [23] Песков: судиться из-за "панамских вбросов" смысла нет // BBC. Русская служба. http://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160404_panama_papers_peskov.
- [24] Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 20.02.2017 № 164 "О внесении изменения в Порядок организации работы и проведения заседаний Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации и президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 568" (Зарегистрирован в Минюсте России 02.05.2017 № 46560) // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705030034>.
- [25] Продолжаем борьбу с блокировкой электронных обращений: поданы апелляция на решение суда и новый иск // ВКонтакте. https://vk.com/peterburg_krasiv.
- [26] Районный суд отказал «Красивому Петербургу» в удовлетворении иска о блокировке обращений граждан // ВКонтакте. https://vk.com/wall-38228859_106318.
- [27] СМИ: премьер Исландии подал в отставку на фоне "офшорного скандала" // ТАСС. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3179027>.

- [28] Тамаев А.М. Российская общественная инициатива в механизме открытого правительства. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. No 3(58). 2015. С. 48-53.
- [29] Тимофеева Л.Н. Управление публичной политикой в условиях активизации альтернативной власти: прецеденты и проблемы. // Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С.138–146
- [30] Требуем ответов 12 июня | Владимир // ВКонтакте. https://vk.com/dimon_vld.
- [31] Фельдман П.Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // Власть. 2014. №6 С.21-26.
- [32] Франция определила Панаму в «чёрный список» налоговых гаваней // Offshore Wealth. <https://offshorewealth.info/deofshorization/france-puts-panama-into-blacklist/>.
- [33] Шайхуллин Г.С., Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №3 С.123-131.
- [34] About The Center for Public Integrity // The Center for Public Integrity. <https://www.publicintegrity.org/about>.
- [35] About this project // The panama papers. ICIJ. <https://panamapapers.icij.org/about.html>.
- [36] City of Evanston // Twitter. <https://twitter.com/CityofEvanston>.
- [37] City of Evanston Illinois Government // Facebook. <https://www.facebook.com/CityofEvanston>.
- [38] City of Evanston, IL // YouTube. <https://www.youtube.com/user/CityofEvanstonIL>.
- [39] cityofevanston // Instagram. <https://www.instagram.com/cityofevanston/>.
- [40] Esty D., Rushing R. Governing by the Numbers: The Promise of Data-Driven Policymaking in the Information Age //Center for American Progress. 2007. Vol. 5.
- [41] History and demographics // City of Evanston. <https://www.cityofevanston.org/about-evanston/history-and-demographics>.
- [42] Kelkar M., Viechnicki P., Conlin S., Frey R., Strickland F. Data-driven decision making in government // Deloitte University Press. 2016.

Monitory public policy network institutions and their inclusion in the processes of policy making: from confrontation to cooperation

A.A. Nosikov

North-West institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents the author's approach to the problem of formation a monitory public policy network institutions in the Web 2.0 space. Based on the analysis of cases, the author comes to the conclusion that today monitory public policy network institutions are in a state of confrontation with government, and the potential escalation of the conflict is highly probable. Further, the author models a number of political designs that involve the inclusion of monitory public policy network institutions in the processes of making managerial decisions, which potentially can neutralize a possible confrontation and improve the quality of public administration.

Keywords: monitory public policy network institutions, monitory democracy, policy networks, network institutions, public administration, data driven policy making.

Новые форматы общественно-государственного управления в России

В.Н. Якимец

Институт проблем передачи информации РАН

Аннотация

В статье рассматриваются новые форматы и механизмы общественно-государственного управления (ОГУ) в России. Дано определение ОГУ. Приведен перечень десяти из более сотни новых механизмов, получивших применение. Обсуждаются терминологические и методологические аспекты развития ОГУ. Подробно разбираются три кейса: поэтапный доступ СОНКО — ИОПУ к 10 % бюджетных средств соцсферы; конкурсный механизм предоставления субсидий СОНКО Москвы и развитие конкуренции на социально значимых рынках субъекта РФ (стандарт развития конкуренции).

Ключевые слова: общественно-государственное управление, форматы, механизмы, кейсы, социально ориентированные некоммерческие организации, исполнители общественно полезных услуг; конкурс субсидий для СОНКО, стандарт развития конкуренции на социально значимых рынках.

1. Введение

В 2014 году с целью усиления роли публичной политики в системе управления было предложено взамен термина «государственное управление» использовать более отвечающее требованиям времени понятие «Общественно-государственное управление» (далее ОГУ) [1]. Концепция ОГУ и примеры уже тогда имевшихся механизмов были изложены в работе [2]. В этой статье используется ряд аббревиатур: ФЗ — федеральный закон; СОНКО — социально ориентированная некоммерческая организация; ЦИСС — центр инноваций социальной сферы; ОП — Общественная палата; РЦ — Ресурсный центр, ИОПУ — исполнитель общественно полезных услуг.

ОГУ — это подход, модернизирующий институты и механизмы госуправления за счет введения действенных практик учета общественных интересов, расширения общественного участия и согласования межгрупповых отношений, благодаря синергетическому эффекту, возникающему вследствие акцентированного инкорпорирования принципов и методов межсекторного партнерства и публичной политики в процессы подготовки, принятия и реализации управленческих решений.

За 2014–2017 годы механизмы ОГУ получили широкое распространение в ходе трансформации управления во многих отраслях экономики. В списке ниже названы десять из более сотни разработанных и применяющихся механизмов ОГУ:

- независимая оценка качества деятельности учреждений социальной сферы [3-5];
- платформы краудсорсинга для сбора предложений по улучшению качества работы социальных учреждений [6];
- обязательное общественное обсуждение закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд в случаях закупок с начальной (максимальной) ценой свыше 1 млрд руб. [7];
- обратные связи в Проектном офисе Правительства [8];
- механизм «нулевых чтений» федеральных законопроектов в Общественной палате РФ [9];
- скорректированный механизм работы ВАК, что связано с работой сетевого проекта «Диссернет» [10]: ряд лет ВАК участвует в пересмотре решений в отношении диссертаций, в которых обнаруживаются некорректные заимствования;
- механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП) в социальной сфере [11];
- 25 предложений бизнес-объединений в Комплексный план действий Правительства по повышению темпов роста экономики [12];
- доступ СОНКО — исполнителей общественно полезных услуг (ИОПУ) к финансированию из бюджетов [13, 14];
- принципы и механизмы инициативного бюджетирования [15].

Отметим, что при создании и запуске таких механизмов сотрудничали обе стороны: органы власти и общественность.

Рассмотрим 3 кейса про работающие форматы и механизмы ОГУ в России.

2. Поэтапный доступ СОНКО-ИОПУ к 10 % бюджетных средств соцсферы

Пятилетняя федеральная программа развития и поддержки СОНКО, реализованная Минэкономразвития РФ (в качестве полномочного органа) с 2011 года, показала, что в большинстве субъектов РФ (75 из 85) были сформированы устойчивые взаимодействия региональных органов власти и местных СОНКО, направленные на реализацию значимых социальных проектов, обеспечивающих довольно успешное предоставление услуг различным категориям населения и решение разнообразных актуальных социально экономических задач.

Нами (команда включала ученых из двух НИИ РАН, сотрудников региональных университетов и РЦ) было проведено исследование (проект реализован при поддержке Президентского гранта, грантооператор ИСЭПИ) развитости созданных совместно властью и НКО механизмов поддержки СОНКО в субъектах РФ и построение рейтинга (2015–2016) [16]. Был создан инструментарий — сформирован список механизмов, разработаны анкеты,

форматы глубинных интервью, построена математическая модель для расчета рейтинга регионов, визуализация результатов. Во всех 85 субъектах РФ проводился опрос сотрудников СОНКО, членов ОП, РЦ или ЦИСС, представителей власти, сотрудников социальных учреждений.

Список механизмов господдержки, включенных в исследование:

- конкурсные механизмы распределения бюджетных субсидий для СОНКО;
- способы предоставления СОНКО имущества в аренду на льготных условиях или в безвозмездное пользование;
- способы информационной поддержки деятельности СОНКО;
- механизмы предоставления налоговых льгот СОНКО и организациям, делающим им благотворительные пожертвования;
- процедуры оказания помощи СОНКО по участию в закупках работ (услуг) для государственных и муниципальных нужд, ФЗ-44;
- механизмы участия органов местного самоуправления в разработке и реализации мер по поддержке деятельности СОНКО на территориях муниципальных образований;
- механизмы оказания помощи СОНКО в области подготовки и повышения квалификации их сотрудников и добровольцев;
- способы поддержки ресурсных центров для СОНКО;
- меры по созданию и поддержанию работы Интернет-портала для поддержки СОНКО;
- методики анализа и оценки эффективности мер по развитию СОНКО в субъекте РФ.

Был построен рейтинг субъектов РФ по развитию механизмов господдержки СОНКО. На рис.1 представлен итоговый рейтинг регионов.

По рассчитанным значениям рейтинга все субъекты РФ были распределены на 4 группы: «передовики» со значением рейтинга от максимальной величины, равной 1, до 0.75; «хорошисты» — со значением рейтинга от 0.75 до 0.5; «средняки» — со значением от 0.5 до 0.25 и «регионы, не реализовавшие свой потенциал» — от 0.25 до 0.

Из рисунка видим, что подавляющее большинство регионов (61) — это «хорошисты», а остальные (24) — «средняки». То, что ни одного региона не попало в «худшую» группу стало возможным потому, что в субъектах РФ сработал реально партнерский принцип взаимодействия власти и СОНКО при формировании региональных программ развития. Отсутствие регионов в группе «передовиков» говорит о том, что еще не исчерпаны все возможности по дальнейшему развитию механизмов господдержки СОНКО.

Осмысление результатов федеральной программы привело к созданию новой модели, связанной с доступом СОНКО, попадающих в категорию исполнителей общественно полезных услуг (ИОПУ), к определенной доле бюджетных средств, выделяемых на разные отрасли социальной сферы.

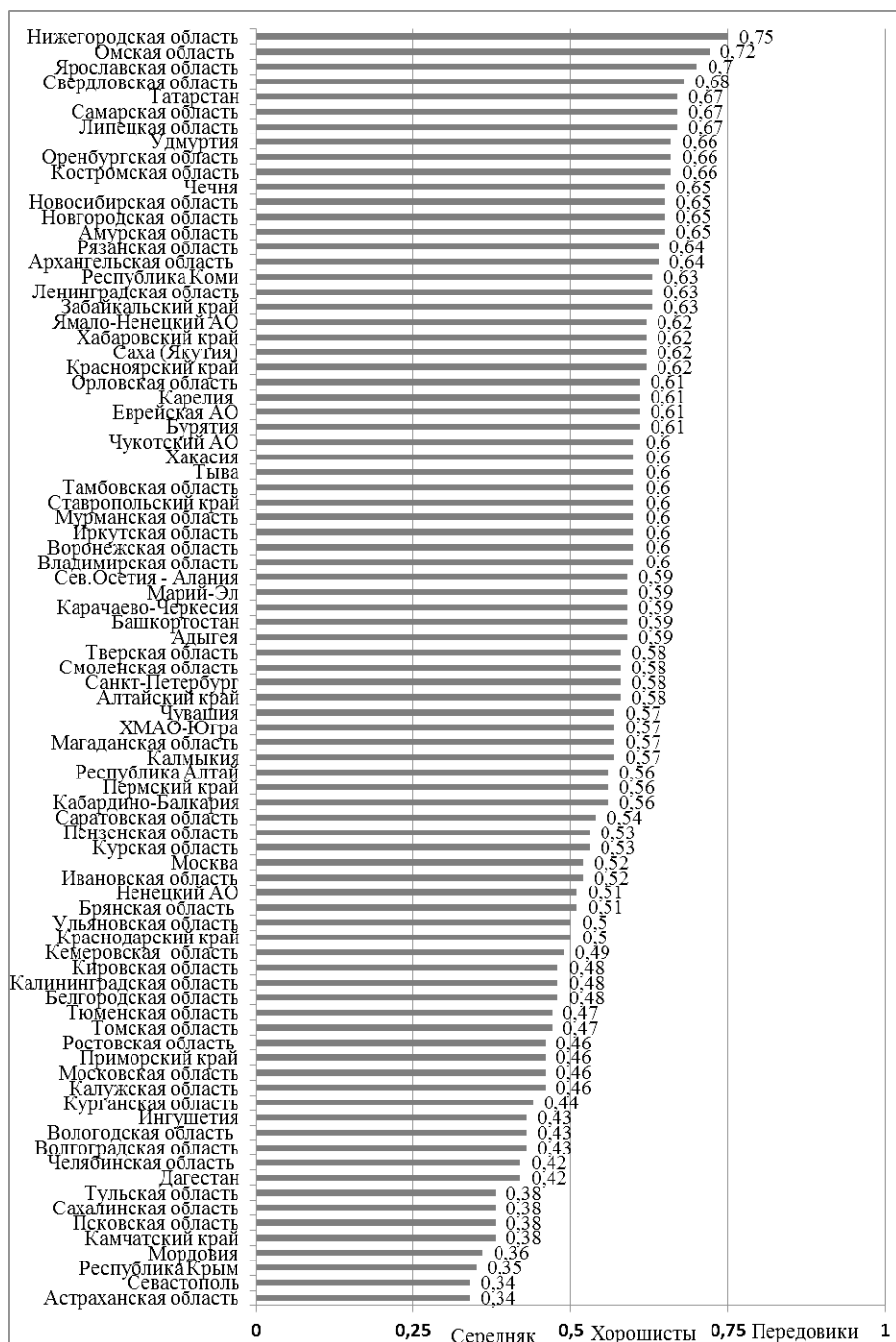

Рис.1. Рейтинги субъектов РФ по развитию механизмов господдержки СОНКО

Основной посыл был дан в Послании Президента РФ Федеральному Собранию (3 декабря 2015 г.): «...считаю правильным поэтапно направлять некоммерческим организациям до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ, чтобы НКО могли участвовать в оказании социальных услуг, которые финансируются за счёт бюджетов».

Правовой основой развития этого нового механизма ОГУ стал ряд НПА, разработанных при участии представителей НКО-сообщества, в том числе:

- минэкономразвития РФ с участием экспертов и СОНКО разработало Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг, на 2016–2020 годы (утвержден заместителем Председателя Правительства РФ от 23 мая 2016 года, № 3468п-П44);
- приказом зам.министра Минэкономразвития РФ 1 июля 2016 года были утверждены Методические материалы по разработке комплексных планов субъектов РФ по обеспечению поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг. В субъектах РФ были разработаны региональные Комплексы мер, которые сформировали стимулирующую базу с учетом специфики социально экономического развития субъектов РФ. Это было сделано органами исполнительной власти региона с привлечением сотрудников СОНКО;
- минэкономразвития РФ совместно с Агентством стратегических инициатив была разработана Дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 8 июня 2016 г. № 1144-р).

В 2016 году высшими органами власти были приняты законы и постановления, достаточно подробно прописывающие основы работы органов власти с СОНКО-ИОПУ, в том числе:

- федеральный закон от 03 июля 2016 № 287-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг»;
- указ Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 "Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг»;
- постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания»;
- постановление Правительства РФ от 26 января 2017 г. № 89 «О реестре некоммерческих организаций — исполнителей общественно полезных услуг», содержащее правила принятия решения о признании СОНКО исполнителем общественно полезных услуг и правила ведения реестра некоммерческих организаций — ИОПУ.

В результате было уточнено, что под некоммерческой организацией — исполнителем общественно полезных услуг понимается СОНКО, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не имеет задолженностей по налогам и сборам, иным предусмотренным законодательством РФ обязательным платежам.

Были утверждены приоритетные направления СОНКО деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг.

В качестве примера приведем 9 из 20 видов общественно полезных услуг, включенных в перечень:

- предоставление социального обслуживания в форме на дому;
- предоставление социального обслуживания в стационарной форме;
- предоставление социального обслуживания в полустационарной форме;
- социально-трудовые услуги, направленные на оказание содействия в вопросах трудоустройства и в решении вопросов, связанных с трудовой адаптацией молодежи, матерей с детьми, инвалидов, граждан пожилого возраста, лиц, освободившихся из мест лишения свободы;
- услуги, предусматривающие реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов, социальное сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья;
- услуги по оказанию социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации;
- участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- услуги по профилактике социального сиротства, включая психолого-педагогическое и социальное сопровождение семей для предотвращения отказа от новорожденного ребенка;
- услуги, направленные на социальную адаптацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

Важным шагом стало введение критериев оценки качества оказания ОПУ:

- соответствие ОПУ установленным нормативными правовыми актами РФ требованиям к ее содержанию (объем, сроки, качество предоставления);
- наличие у лиц, непосредственно задействованных в исполнении ОПУ (в том числе работников НКО — ИОПУ и работников, привлеченных по договорам гражданско-правового характера), необходимой квалификации (в том числе профессионального образования, опыта работы в соответствующей сфере), достаточность количества таких лиц;
- удовлетворенность получателей ОПУ качеством их оказания (отсутствие жалоб на действия (бездействие) и (или) решения НКО-ИОПУ, связанные с оказанием ею ОПУ, признанных обоснованными судом, органами государственного контроля (надзора) и муниципального надзора, иными государственными органами в

соответствии с их компетенцией в течение 2 лет, предшествующих подаче заявления о включении в формируемый реестр некоммерческих организаций);

- открытость и доступность информации о НКО — ИОПУ;
- отсутствие НКО — ИОПУ в реестре недобросовестных поставщиков по результатам оказания услуги в рамках исполнения контрактов, заключенных в соответствии с Федеральным законом "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" в течение 2 лет, предшествующих подаче заявления о включении в формируемый реестр НКО – ИОПУ.

Следует отметить, что перечисленные выше элементы этого механизма ОГУ, значительно упорядочили взаимодействие органов власти и СОНКО.

3. Конкурсный механизм предоставления субсидий СОНКО Москвы

Еще одним примером действующего механизма ОГУ являются конкурсные механизмы предоставления субсидий СОНКО, которые разработаны в большинстве субъектов РФ. Рассмотрим пример трансформации конкурсного механизма предоставления субсидий СОНКО Москвы, осуществленной в течение 2015–2017 годов. Существовавший до этого в течение 15 лет конкурсный механизм позволял осуществлять поддержку проектов НКО (общий объем финансирования около 2000 проектов составил более 1 млрд руб.), но вызывал нарекания со стороны общественности. С участием представителей НКО-сообщества и экспертов Москвы Комитетом общественных связей Правительства города было предложено внести ряд изменений, существенно отражающих партнерский характер взаимодействия органов власти столицы с общественностью.

Новый, созданный совместно, конкурсный механизм в Москве впервые заработал в 2015 году и был скорректирован в 2016 году. Были введены две категории заявок: зарекомендовавшим себя СОНКО — до 5 млн руб. и начинающим СОНКО — до 700 тыс. руб., в 2016 году эти величины были изменены до 2,5 млн руб. и 700 тыс. руб. соответственно. Список приоритетных направлений проектов был расширен до 10: развитие добровольчества, милосердие и забота, согласие и взаимодействие, дети и молодежь Москвы, экология, наше наследие, наш город, развитие СОНКО, партнерские проекты, поддержка гражданских инициатив. Из известных деятелей города была сформирована Конкурсная комиссия. Экспертная комиссия в 2015 году включала 149 человек, в том числе 99 из Москвы и 50 из регионов, в 2016 году — 152 эксперта (74 % из Москвы и 26 % из регионов), из которых 54 % представляли НКО, 21 % — бизнес, 16 % — аналитическое сообщество и 9 % — органы власти). Эксперты оценивали заявки по 5 критериям: актуальность, эффективность, реалистичность, результативность и устойчивое развитие). По каждому из критериев была создана понятная система индикаторов (оцениваемых в лингвистической форме и по количественным показателям). Оценка заявок экспертами проводилась в он-лайн режиме, когда каждому

эксперту предоставляли доступ к выделенным ему для оценивания заявкам. Был создан сервисный центр для помощи НКО в оформлении документов. В 2015 году было распределено 273 млн руб. (столько же в 2016 году). В 2016 году победителями стали 173 СОНКО (54 проекта — до 700 тыс. руб. и 119 проектов — от 700 до 2500 тыс. руб.).

Будучи вовлечен непосредственно в разработку и реализацию этого конкурсного механизма ОГУ в качестве председателя Экспертной комиссии, автор хотел бы выделить следующие новации московского конкурса, которые могли бы быть полезны для коллег из других субъектов РФ:

- широкое обсуждение: по мере разработки и накопления опыта применения механизма проводились обсуждения с участием представителей власти, Мосгордумы, НКО и экспертами;
- подача заявок выполнялась в дистанционном режиме через портал;
- разного рода документы (из Налоговой службы и пр.) не требовались в пакет заявительных документов, а запрашивались организаторами конкурса;
- была предоставлена возможность публичного обсуждения проектных идей с коллегами из других НКО и экспертами;
- была разработана понятная для экспертов система критериев и индикаторов для оценки заявок в онлайн режиме;
- чтобы повысить качество заявок для заявителей проводили мастер-классы и семинары.

4. Развитие конкуренции на социально значимых рынках субъекта РФ (стандарт развития конкуренции)

В 2015 году был разработан и утвержден Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ (Распоряжение Правительства РФ от 5 сентября 2015 г. № 1738-р). В Приложении 1 к этому Стандарту дан Перечень мероприятий по содействию развитию конкуренции и по развитию конкурентной среды субъекта РФ, который помимо прочего содержит мероприятия по содействию развитию конкуренции на социально значимых рынках субъекта РФ.

А. Рынок услуг дошкольного образования

Цель: создание условий для развития конкуренции на рынке услуг дошкольного образования. Достижение цели — будет контролироваться целевым показателем (далее ЦП): удельный вес численности детей частных дошкольных образовательных организаций в общей численности детей дошкольных образовательных организаций (процентов).

Б. Рынок услуг детского отдыха и оздоровления

Цель — создание условий для развития конкуренции на рынке услуг отдыха и оздоровления. Достижение цели — развитие сектора негосударственных (немунципальных) организаций отдыха и оздоровления детей — предложено контролировать с помощью ЦП: численность детей в возрасте от 7 до 17 лет, проживающих на территории субъекта РФ, воспользовавшихся региональным сертификатом на отдых детей и их оздоровление (компенсацией части стоимости путевки по каждому типу организаций отдыха детей и их

оздоровления, в общей численности детей этой категории, отдохнувших в организациях отдыха детей и их оздоровления соответствующего типа (стационарный загородный лагерь (приоритет), лагерь с дневным пребыванием, палаточный лагерь, стационарно-оздоровительный лагерь труда и отдыха). Установлены следующие значения ЦП: в 2015 году — 10 процентов; в 2016 году — 15 процентов; в 2017 году — 20 процентов.

В. Рынок услуг дополнительного образования детей

Цель — создание условий для развития конкуренции на рынке услуг дополнительного образования детей. Достижение цели — развитие частных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам — предложено контролировать с помощью ЦП: увеличение численности детей и молодежи в возрасте от 5 до 18 лет, проживающих на территории субъекта РФ и получающих образовательные услуги в сфере дополнительного образования в частных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам, на 2 процента ежегодно.

Г. Рынок медицинских услуг

Цель — создание условий для развития конкуренции на рынке медицинских услуг, включение негосударственных (немуниципальных) медицинских организаций в реализацию территориальных программ обязательного медицинского страхования. Достижение цели будут контролировать с помощью ЦП: доля затрат на медицинскую помощь по обязательному медицинскому страхованию, оказанную негосударственными (немуниципальными) медицинскими организациями, в общих расходах на выполнение территориальных программ обязательного медицинского страхования: в 2015 году — не менее 6 %; в 2016 году — не менее 7 %; в 2017 году — не менее 8 %; в 2018 году — не менее 10 %.

Д. Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья

Цель — развитие сектора негосударственных (немуниципальных) организаций, оказывающих услуги ранней диагностики, социализации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья (в возрасте до 6 лет). Достижение цели будет контролироваться по ЦП: доля негосударственных (немуниципальных) организаций, оказывающих услуги ранней диагностики, социализации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья (в возрасте до 6 лет), в общем количестве организаций, оказывающих услуги психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья с раннего возраста (процентов).

Е. Рынок услуг социального обслуживания населения

Цель — развитие конкуренции в сфере социального обслуживания. Достижение цели оценивается по ЦП: удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных формах собственности, в общем количестве учреждений социального обслуживания всех форм собственности (процентов).

Были предложены и системные меры по развитию конкурентной среды в субъектах РФ:

- Обеспечение и сохранение целевого использования государственных (муниципальных) объектов недвижимого имущества в социальной сфере

Достижение цели с помощью ЦП: наличие в региональной практике проектов по передаче государственных (муниципальных) объектов недвижимого имущества, включая не используемые по назначению, негосударственным (немуниципальным) организациям с применением механизмов ГЧП, в т.ч. посредством заключения концессионного соглашения, с обязательством сохранения целевого назначения и использования объекта недвижимого имущества в сферах: дошкольное образование; детский отдых и оздоровление; здравоохранение; социальное обслуживание.

- Содействие развитию практики применения механизмов ГЧП, в том числе практики заключения концессионных соглашений, в социальной сфере

Достижение цели контролируется ЦП: наличие в региональной практике проектов с применением механизмов ГЧП, в т.ч. посредством заключения концессионного соглашения, в сферах: детский отдых и оздоровление; спорт; здравоохранение; социальное обслуживание; дошкольное образование; культура.

- Содействие развитию негосударственных (немуниципальных) СОНКО

Достижение цели контролируется с помощью ЦП: наличие в региональных программах поддержки СОНКО и (или) субъектов малого и среднего предпринимательства, в т.ч. ИП, мероприятий, направленных на поддержку негосударственного (немуниципального) сектора в таких сферах, как дошкольное, общее образование, детский отдых и оздоровление детей, дополнительное образование детей, производство на территории РФ технических средств реабилитации для лиц с ограниченными возможностями.

Заключение

Перенос в 90-е годы прошлого века в новую российскую действительность термина “Public Administration” и связанных с ним теоретических постулатов, принципов и механизмов происходил без необходимого осмысления и привел к тому, что мы получили понятие «Государственное управление», из которого исчезло важнейшее прилагательное “Public”. Отметим, что перевод напрямую “Public Administration” как «Публичная администрация» или «Публичное управление» был сочтен неприемлемым для России и поэтому остановились на «Государственном управлении». Тем самым была выстроена иерархия «органы государственной власти и управления» как субъект управления и общество во всех его проявлениях как объект управления, подчиненный указанному субъекту. То есть в новых условиях перехода к рыночной экономике была по сути дела реставрирована советская модель государственного управления с постоянно усиливающейся доминантой бюрократического аппарата и чиновничества. До 2000-х годов такое сосуществование сохранялось в силу определенной слабости гражданского общества России. Различные кризисные

явления в общественной, политической и экономической жизни страны чаще всего приводили к усилению влияния государственного аппарата и бюрократии.

Но с нулевых годов 21 века гражданское общество страны стало интенсивно развиваться. Стали возникать разнообразные объединения, ассоциации граждан, появились независимые от государства социальные общности (партии, общественные движения, некоммерческие организации и т.д.). Гражданское общество постепенно превратилось в гигантское поле разноцветных образных сообществ, отличающихся миссией, составом целевых групп, несовпадающими групповыми интересами и т.п. Оно уже не могло оставаться только в роли объекта управления и не соглашалось быть предметом манипуляции для власти, а желало (обоснованно) принимать участие в процессах выработки и реализации решений и управления, входя в положение актора публичной политики, имея целью отстаивание общественных интересов и большую вовлеченность в разработку стратегии социально-экономического развития страны и регионов. Уместно будет привести следующую дефиницию — «Гражданское общество заключается в том, что граждане в качестве индивидов и в своих институциональных связях (семьи, соседские сообщества, предприятия, клубы, объединения, гражданские движения, ...) берут решение своих дел в собственные руки насколько это возможно, частично посредством политического участия, партиципаторной демократии, частично же посредством возвращения обществу государственных задач, которое можно назвать ресоциализацией государства или дестатизацией общества» [17, с. 96]. В приведенной выше цитате для нас ключевым являются два фрагмента: в первом случае говорится о том, что брать в собственные руки свои дела возможно, развивая демократию участия граждан, а во втором — делать это можно с помощью ресоциализации государства, то есть возвращения обществу государственных задач. Чтобы достичь этого, требуется вернуться к исходному смыслу понятия “Public Administration”, модернизируя институты и системы госуправления за счет введения действенных практик учета общественных интересов, расширения общественного участия и согласования межгрупповых отношений, что в условиях России лучше отражается термином «Общественно-государственное управление» (ОГУ).

С методологической точки зрения понятно, что реальный переход к ОГУ сопряжен с кропотливой работой:

- потребуется время на постепенное отстраивание модели и принципов ОГУ;
- необходимо внимательно отнестись к расширению типов субъектов управления за счет включения ответственных акторов, реально представляющих и отстаивающих интересы разных сообществ гражданского общества;
- стоит задача пересмотра зон ответственности и полномочий субъектов и акторов и уточнения границ между этими зонами;
- актуализируется разработка механизмов партнерского взаимодействия на разных стадиях выработки, принятия и реализации управленческих решений;
- придется изменить набор образовательных программ и дисциплин в сфере высшего образования через становление системы обучения основным положениям ОГУ, включая классификацию форм

общественного участия (акторов), изучение механизмов согласования межгрупповых интересов, вариативный анализ различных кейсов (см. перечисленные выше) и пр.

При этом важнейшим элементом в продвижении механизмов ОГУ должен обязательно стать этап оценки возможных последствий и рисков введения любого нового механизма, имея в виду принцип «не навреди».

Литература

- [1] Якимец В.Н. Общественно-государственное управление. // Государственное управление: РФ в современном мире. Труды XII Международной конференции ФГУ МГУ имени М.В. Ломоносова, 29-31 мая 2014 г. М.: Инфра-М. С. 214-219. <http://znanium.com/bookread2.php?book=514674>.
- [2] Якимец В.Н. Состояние и направления развития публичной политики в России: механизмы, примеры, проблемы и перспективы // Управление публичной политикой: коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 240-251.
- [3] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995 «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания».
- [4] Приказ Министерства финансов РФ от 22 июля 2015 года № 116н «О составе информации о результатах независимой оценки качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, оказания услуг организациями культуры, социального обслуживания, медицинскими организациями, размещаемой на официальном сайте для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях в информационно-телекоммуникационной сети "интернет", и порядке ее размещения».
- [5] Дмитриева Н.Е. Жулин А.Б. Независимая оценка качества услуг в социальной сфере: результаты экспертного внедрения в 2014-2016 гг. Аналитический доклад. Ч.1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2017.
- [6] <http://crowd.mos.ru>.
- [7] Постановление Правительства РФ от 22 августа 2016 года №835 «Об утверждении правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». <http://www.garant.ru>.
- [8] Постановление Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».
- [9] Путин: «нулевые чтения» в ОП - механизм прямой демократии. 23-06-2015. <https://ria.ru>.
- [10] Ефлаева Т. ВАК намерена бороться с липовыми диссертациями // Учительская газета. 26 февраля 2014 г.
- [11] Ярмальчук М. Развитие государственно-частного партнерства в социальной сфере. 1 июля 2016 года. <http://www.economy.gov.ru>.

- [12] Фейнберг А. Бизнес направил Медведеву предложения по ускорению экономики. Газета РБК. 17 февраля 2017 г.
- [13] 287-ФЗ от 03.07.2016 «О внесении изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации - исполнителя общественно полезных услуг»; Указ Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 "Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг»; Постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания».
- [14] Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы ГиМУ. 2016. №4. С.7-26.
- [15] Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Выпуск 1, материалы Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. – М.: НИФИ при Минфин РФ, Комитет гражданских инициатив, 2015.
- [16] Якимец В.Н., Никовская Л.И. О развитости механизмов господдержки СОНКО в субъектах РФ на основе экспертных оценок. Материалы XVIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – М.: НИУ ВШЭ, 11-14 апреля 2017 года. <https://conf.hse.ru/2017/program>.
- [17] Хёффе О. Справедливость: философское введение. М.: Праксис, 2007.

New formats of public-state governance in Russia

V.N. Yakimets

Institute for Information Transmission Problems, RAS

New formats and mechanisms for public – state governance (PSG) in Russia are discussed in paper. The definition of PSG is given. Ten out of hundreds of new mechanisms are listed. Terminological aspects are considered discusses methodological aspects of the development of OSU. The three case studies are described in detail: phased access for socially oriented non-commercial organizations which are providers for public utility services (SONKO-PPUS) to 10 % of the social sphere budget; competition mechanism for providing subsidies for socially oriented NGOs of Moscow and the development of competition on the socially significant markets of the Russian Federation (the standard of competition).

Keywords: public-state governance, formats, mechanisms, case studies, socially oriented non-profit organizations, providers of public benefit services, the competition grants to SONGO; the standard of competition on the socially important markets.

Муниципально-частное партнерство в Санкт-Петербурге в аспекте развития межсекторного социального партнерства

А.И. Плотников

Донецкий национальный университет

89112340775@mail.ru

Аннотация

В аспекте концепции межсекторного социального партнерства, на примере муниципального самоуправления Санкт-Петербурга рассматривается состояние, потенциал и перспективы развития муниципально-частного партнерства. Рассматривается сложившиеся условия в нормативной сфере, общие условия и предпосылки для развития межсекторного партнерства на муниципальном уровне, а также обосновывается ошибочность дискурса на тему социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: межсекторное социальное партнерство, муниципально-частное партнерство, бизнес, власть, муниципальная власть, публичный партнер, частный партнер.

Цель данной работы — рассмотрение муниципально-частного партнерства на примере Санкт-Петербурга на основе концепции межсекторного социального партнерства власти, бизнеса и общества. Анализ сложившихся условий в нормативной сфере, общих условий и предпосылок для развития межсекторного партнерства на муниципальном уровне, заставляет обратиться к исследованию публичного дискурса о социальной ответственности бизнеса. В работе использован более описательный метод для изучения проблематики межсекторного социального партнерства на муниципальном уровне.

Сложные взаимоотношения России с рядом государств, удешевление экспортных энергоресурсов и санкции оказывают влияние на экономическое благополучие страны. Массовый импорт продовольствия, техники и много другого привели к тому, что как страна, так и регион находятся в сильной зависимости от внешних поставок, в Санкт-Петербурге производственных мощностей, способных удовлетворить потребительские запросы населения не хватает. По состоянию на 2016 год в Санкт-Петербурге только 8 % коммерческого сектора занимается производством, около 60 % — торговлей, оставшаяся доля бизнеса сосредоточена в сфере услуг. Данное положение не

лучшим образом характеризует регион в точки зрения экономической безопасности. Из-за кризиса налоговые поступления от частного сектора сокращаются, а региональный и федеральные бюджеты ориентированы на снижение расходов.

В сложившихся условиях положение муниципальной власти Санкт-Петербурга отягощается многими нерешёнными вопросами. Особенность организации местного самоуправления города состоит в отличии от остальных регионов России, что создает особые условия функционирования власти. Ограниченный объем полномочий [3] и близость к обществу при низком уровне финансовой обеспеченности создает неблагоприятные условия для легитимности существования данного уровня власти в Санкт-Петербурге. Большое количество муниципальных образований с непонятными для большинства населения полномочиями рождает специфическое восприятие власти. Основы муниципального самоуправления города требуют пересмотра через реформирование и укрупнение муниципалитетов, необходимо определить новые принципы работы.

В настоящих условиях для сохранения доверия населения стоит серьезно озаботиться повышением эффективности организации и расходования финансов, а также уделить особое внимание объединению ресурсов различных секторов жизнедеятельности с целью обеспечения синергии. Формирование партнерств потенциально способно обеспечить дополнительные возможности для стабильного развития территории. Однако стоит отметить, что для осуществления различного вида партнерских взаимодействий на муниципальном уровне Санкт-Петербурга практически отсутствует нормативная база. Необходимость поиска дополнительных средств декларируется, но нет социальных групп и акторов, заинтересованных в таких взаимодействиях, а также и условий для развертывания такой деятельности. Организация межсекторного партнерства и формирование его нормативной базы и инфраструктуры способствует снижению социальной напряженности за счет привлечения к управлению активной общественности.

В нашей стране внимание развитию государственно-частного партнерства уделяется на политическом уровне. 16 марта 2012 года, выступая на коллегии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, Владимир Путин предложил сделать государственно-частное партнерство (ГЧП) одним из важнейших механизмов реализации социальной политики в России, заявив о необходимости "самым внимательным образом изучить лучший отечественный и зарубежный опыт государственно-частного партнерства в социальной сфере» и «сделать этот институт одним из важнейших механизмов реализации социальной политики» [10]. В Санкт-Петербурге принят закон от 25.12.2006 г № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах», что сыграло положительную роль в развитии отношений государства и бизнеса, в дальнейшем развитии правовой инфраструктуры для легального партнерства между публичным и частным секторами. По версии Центра развития Государственно-частного партнерства в 2014 году Санкт-Петербург занимал первое место среди российских регионов. Стоит отметить, что федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном

партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вступил силу лишь с января 2016 года, а до этого нормативной базой государственно-частного партнерства на федеральном уровне отчасти служил № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 г. Новый закон, регламентирующий партнерство власти и бизнеса, обеспечил понятные правила сотрудничества и ограничил возможности симулирования партнерства в коррупционных целях.

В сфере политических исследований больший интерес вызывает межсекторное социальное партнерство (возможны другие термины, но идентичные по содержанию) как конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, общественные организации). Такое партнерство выгодно населению территории и каждой из сторон, обеспечивая синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов при решении социальных проблем [5]. Подобное объединение ресурсов общественных секторов заключается в консолидации общественной энергии, а солидарное общественное участие становится эффективным способом снижения общественного напряжения. Для государственного сектора партнерство повышает потенциал в разработке и реализации политики, которая способна улучшить легитимность государственного сектора. Для общественных организаций партнерство дает организационное развитие, появление дополнительных ресурсов, навыки лоббизма, признание и повышение статуса. Для бизнеса партнерство дает улучшение репутации бренда, способствует росту лояльности к нему на местных рынках, расширяет возможности управления рисками, предоставляет преимущества в привлечении, мотивации и удержании работников, а также способствует гуманизации бизнеса [7]. Необходимо добавить, что публичный сектор повышает эффективность использования бюджетных средств, привлекает дополнительные ресурсы и повышает легитимность принятых решений.

В чем сравнительное преимущество межсекторного социального партнерства? Это комплексный подход в управлении или, по-другому, «интегрированное публичное управление»! Объединение всех возможных ресурсов в принятии решения и возможность повысить эффективность посредством «управления через сотрудничество». Стремление снизить издержки и повысить благосостояние общества является основной движущей силой данной концепции.

Муниципально-частное партнерство как политико-управленческая категория требует уточнения. А.Е. Лапин и И.Ф. Алиуллов определяют ее следующим образом: «муниципально-частное партнерство как совокупность форм и механизмов среднего и долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества между муниципальным образованием в лице органов местного самоуправления и хозяйствующими субъектами с целью реализации общественно значимых проектов на территории муниципального образования» [8]. Однако на практике, в отличие от государственно-частного партнерства, муниципально-частное партнерство в Санкт-Петербурге не представлено в повестке дня и практически отсутствует. Нет ни нормативных документов, ни мотивации муниципальной власти, ни понимания бизнесом своего интереса от данного взаимодействия. Налицо полное отсутствие интереса и политической воли в обсуждении данного

направления. Также важно учитывать региональную особенность муниципального законодательства. Муниципальное самоуправление в Санкт-Петербурге помимо Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дополнительно ограничено Законом Санкт-Петербурга от 23.09.2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге». В этом законе полномочия муниципалитетов, прописанные в статье 10, наделяют местное самоуправление почти 50 компетенциями, из которых в отношении бизнеса упоминание только в пункте 23 — содействие развитию малого бизнеса на территории муниципального образования. Многие из 111 муниципальных образований Санкт-Петербурга имеют комиссии по развитию малого и среднего бизнеса, однако существенной работы в данном направлении не ведется, в основном ограничивается бесплатными курсами для начинающих предпринимателей. В единичном случае возможно взаимодействие муниципальной власти и отдельных представителей бизнеса, но подобное взаимодействие ведется на основе индивидуальной воли отдельных лиц преимущественно в виде меценатства.

Поскольку ориентация на развитие партнерства не прописана в полномочиях муниципальной власти, то нет ни мотивации, ни интереса в организации данной деятельности во избежание противостояния с надзорными органами.

Межсекторное социальное партнерство является потенциально перспективной стратегией стабильного развития муниципального образования и является хорошим ориентиром на перспективу, но трёхстороннее партнерство, в отличие от партнерства между властью и бизнесом, менее понятно для муниципальных управленцев. Тем не менее, для развития культуры взаимовыгодного сотрудничества первоначально актуально развитие именно муниципально-частного партнерства. Привлечение коммерческих организаций к развитию территории является благим, но, при этом, сложным процессом с поиском взаимовыгодных точек соприкосновения.

В партнерстве между властью и бизнесом стоит вспомнить имеющий популярность эвфемизм «социальная ответственность», который подразумевает, что коммерческий сектор несет перед обществом, помимо налогов и социального пакета для персонала, дополнительную ответственность, выражающуюся в поддержке различных социальных проектов.

Для осмысления жизнеспособности подобного диалога с бизнесом уместным будет апелляция к теории корпоративного эгоизма Милтона Фридмана [6], считавшего, что социальная ответственность ограничена использованием своих ресурсов только для увеличения прибыли. Получается, что апелляция публичного сектора к бизнесу с темой социальной ответственности выводит коммуникацию в деструктивное поле и по факту превращается в наложение дополнительных поборов со стороны институтов власти, что не лучшим образом сказывается на взаимопонимании упоминаемых секторов и доверии между ними. Не должно быть давления на бизнес, взаимодействие должно быть взаимовыгодным и вестись в категориях партнерства.

Взаимовыгодному интересу более соответствует теория «разумного эгоизма», в рамках которой социальная ответственность бизнеса — это просто

«хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери прибыли и является залогом выживания и вкладом в безопасность и устойчивость.

Цель частного сектора заключается в извлечении максимальной прибыли, и вся социальная ответственность ограничивается налоговыми выплатами и социальным пакетом для работников. Любые другие разговоры о дополнительной ответственности бизнеса вызывают недоумение и протест. Помимо накладываемого обязательства с размытыми границами бизнес несет повышенные риски в процессе своего существования. Особенно мало приемлемо подобное обременение ответственностью на малый бизнес имеющий тенденцию на сокращение в условиях кризиса.

Также стоит обратить внимание на тип бизнеса, с которым более актуально выстраивание партнерства. В нашей стране выделяют крупный, средний и малый бизнес. Практика государственно-частного партнерства сложилась в основном между крупным бизнесом и региональной властью. В Санкт-Петербурге примером может служить строительство Западного скоростного диаметра, Юго-Западных очистных сооружений (ЮЗОС), строительство и введение в строй тепловой магистрали от Северо-Западной ТЭЦ к Приморской котельной и ряд других проектов, продемонстрировавших перспективный потенциал межсекторного партнерства. И это партнерство имеет долгосрочную стратегическую перспективу, что обеспечивает стабильное развитие региона.

Для уровня муниципальной власти более актуально партнерство с малым и средним бизнесом. И тут детально нужно рассматривать взаимный интерес, который может иметь потенциальный участник партнерства.

Муниципальное самоуправление, как упоминалось ранее, ощущает нехватку финансовых средств, что ведет к ограничению количества социальных мероприятий и снижению качества дворового благоустройства, а ограниченность в полномочиях сокращает коридор возможностей деятельности во избежание проблем с надзорными органами. Но этот орган власти находится на определенной территории и работает с населением, социальными и культурными учреждениями, районными исполнительными органами и многими другими, кто вызывает интерес у коммерческого сектора.

К примеру, Муниципальное образование Санкт-Петербурга обладает помещением, которое нуждается в ремонте и не используется, бюджет муниципалитета не позволяет осуществить ремонт, но при этом несет издержки по его содержанию. Город испытывает нехватку детских развивающих центров и в таком помещении частный сектор может за свой счет произвести ремонт, взять на себя оплату содержания данного помещения. Взамен частный сектор получает возможность использования муниципального имущества для осуществления социальной коммерческой деятельности, а в сотрудничестве с отделом опеки и попечительства дополнительно принимать определенный процент детей из нуждающихся семей. В результате муниципальное образование из привлеченных ресурсов осуществляет ремонт помещения, снимает с себя нагрузку по содержанию и частично решает проблему устройства детей в детские сады для социально незащищенных семей. Частный сектор, осуществив ремонт помещения на длительную перспективу, избавляет себя от необходимости выплаты арендной платы, обеспечивает себя бесплатной рекламой и лояльностью населения.

Также помещение может быть использовано как образовательный центр, творческая студия, бизнес-инкубатор для малого и молодежного предпринимательства или как ресурсный центр. Вариантов эксплуатации данного помещения много.

Другой проект: производителю пищевой продукции сложно попасть на полки крупных сетевых магазинов, поскольку объем производства небольшой и осуществить плату за вхождение в сеть не позволят капитализация бизнеса. Благодаря муниципально-частному партнерству, производитель, осуществляя взаимодействие с муниципальным образованием, получает доступ к потребителю, бесплатную рекламу и имидж социально-ориентированного бизнеса. Стоит заметить, что реклама в классическом её восприятии становится менее эффективной и развивать бизнес становится актуально через проекты социальной инженерии.

Для возможности осуществления подобного проекта в Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 г. № 420-79 «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» необходимо внесение поправок, дающих право на осуществление муниципально-честного партнерства. Необходимо увеличить количество полномочий муниципальной власти Санкт-Петербурга для расширения возможности поиска и привлечения дополнительных ресурсов.

Межсекторное социальное партнерство добавляет к участию помимо частного сектора общество, в широком его представлении, либо общественные организации и на первом этапе участие данного сектора возможно путем соглашения между коммерческой организацией участвующей в муниципально-частном партнерстве и общественным институтом. На муниципальном уровне это может быть Общественный Совет муниципального образования, Молодежный Совет, волонтерские организации или гражданские движения объединенные определенной проблематикой. Наиболее остро на повестке дня стоит проблема раздельного сбора и утилизации мусора. Именно данная сфера должна решаться посредством межсекторного социального партнерства. Петербург в этом направлении находится в крайне неблагоприятном положении и популяризация на муниципальном уровне трехстороннего партнерства способно сформировать культуру утилизации и начать развитие вторичной переработки мусора в регионе.

Учитывая выше сказанное, сделаем попытку сформулировать необходимые шаги для внедрения технологии социального партнерства на муниципальном уровне Санкт-Петербурга:

- пересмотреть культуру управления и ориентироваться не на освоение бюджета, а на количество осуществленных проектов и их общей капитализации;
- муниципальной власти следует научиться самостоятельно находить ресурсы, инвесторов, формировать программы развития, поскольку более всех приближен к населению и лучше осведомлен о потребностях своей территории;
- муниципальная власть должна быть четко мотивированна ростом благосостояния на своей территории;
- муниципалитеты должны быть инициаторами партнерства;
- учёт всех предпринимателей на территории муниципалитета;

- увеличение полномочий муниципалитетов в направлении развития муниципально-частного партнерства и межсекторного партнерства;
- создание в муниципалитетах комиссий по муниципально-частному партнерству.

Анализируя выше изложенное необходимо отметить, что актуальность внедрения муниципально-частного партнерства в системе муниципального самоуправления Санкт-Петербурга в условиях затяжного кризиса имеет острую необходимость из-за нехватки денег, а перспектива развития межсекторного социального партнерства способно обеспечить консолидированное управление. Благодаря «управлению через сотрудничество» расширяется круг участников у которых создается представление соучастия в управлении, что способствует снижению социальной напряженности в обществе. Совместное участие всех основных секторов общества потенциально способно обеспечить рост доверия в обществе, и повысить уровень гражданской ответственности.

Литература

- [1] Федеральный закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- [2] Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 N 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» (принят ЗС СПб 20.12.2006) // СПС КонсультантПлюс.
- [3] Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 N 420-79 (ред. от 26.12.2014) «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» // СПС КонсультантПлюс.
- [4] Государственно-частное партнерство. Комментарии федерального закона о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации. – М.: Гелиос АРВ, 2016. – 496 с.
- [5] Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: теория, механизмы, технологии, практика. Учебное пособие. ТАСИС. М.: 2004. 128 с.
- [6] J Friedman M. The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits // The New York Times Magazine, September 13, 1970.
- [7] Jorgensen, M. Evaluating cross-sectoral partnerships; Working paper presented at the conference «Public-private partnerships in the post WSSD context»; Copenhagen Business School, 2006.
- [8] Лапин А.Е., Алиуллов И.Ф. К вопросу о формировании муниципально-частного партнерства в РФ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. №4. <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-munitsipalno-chastnogo-partnerstva-v-rf>.
- [9] Плотников А.И. Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1. <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404>.
- [10] Путин: ГЧП должно стать одним из важнейших механизмов социальной политики // РИА Новости, 2012 <https://ria.ru/society/20120316/596800369.html>.

Municipal-private partnership in St. Petersburg in the aspect of development of cross-sectoral social partnership

A.I. Plotnikov

Donetsk National University

In the aspect of cross-sectoral social partnership, for example, municipal government of St. Petersburg considers the status, potential and prospects of development of municipal-private partnership. Examines current conditions in the regulatory sphere, the General conditions and prerequisites for the development of intersectoral partnerships at the municipal level, and proves the fallacy of the discourse on social responsibility of business.

Keywords: public-private partnership, cross-sectoral social partnership, municipal-private partnership, businesses, government, municipal authority, public partner, private partner.

Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы

Л.И. Никовская

Институт социологии РАН

nikovsky@inbox.ru

Аннотация

В статье анализируются особенности и факторы развития гражданского активизма, в публичной политике, связанные с нарастанием ее многообразия и перехода к проектно-сетевой формы презентации. Показано, что в условиях растущей сложности и многомерности трансформирующегося российского социума и формирующегося плюрализма социально-политических интересов растет запрос гражданского общества на состоятельность институтов публичной политики, к числу которых сегодня относятся также институты электронной демократии. Модальность этого запроса усиливается кризисным состоянием общественного развития. При доминировании административно-бюрократических подходов к выстраиванию публичной политики происходит фальсификация обратных связей, дисфункция публичной сферы в направлении усиления влияния корпоративно-бюрократических интересов по отношению к общественным, что неминуемо приводит к росту социальной напряженности и протестных настроений, снижению уровня доверия к деятельности государства и легитимности политической власти. Развитие институтов общественного участия, механизмов межсекторного социального партнерства и электронной демократии содействуют рационализации взаимодействия власти и общества, способствуют повышению эффективности социального представительства общественных интересов в условиях незавершенности процессов социально-политической трансформации, а также стимулирует реформу государственного управления в направлении усиления открытости и публичности, что позволяет более адекватно учитывать возрастающий плюрализм и подвижность социальных групп и их социально-культурных предпочтений.

Ключевые слова: гражданское участие, общественное участие, межсекторное партнерство, общественно-государственное управление, общественный диалог, социальный механизм государственного управления, обратные связи, гражданское общество, публичная политика, социальные сети, механизмы и платформы онлайн-коммуникации.

1. Введение

В условиях формирования стратегии антикризисного развития особенно важным становится институт обратной связи, позволяющий власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение, а населению верить в дееспособность института представительства интересов, в право и возможность влияния на принятие социально-значимых решений. Все эти вопросы составляют суть феномена публичной политики (далее ПП). Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя преодоления кризисных дисфункций — один из важнейших критериев антикризисного развития, важнейших ресурс преодоления социально-технологической отсталости. Понятие публичной политики акцентирует исследовательское внимание на характере, процедурах процесса разработки и реализации программ деятельности власти различного уровня. В целом под публичной политикой можно понимать программы и приоритеты органов власти, а также механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей. Легко видеть, что понимаемая таким образом публичная политика оказывается тесно связанной с понятием общественного участия в принятии властных решений. Поэтому, исходя из выше сказанного, публичную политику можно определить, как деятельность, характеризующуюся системным взаимодействием государства, бизнеса, некоммерческого сообщества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий.

В содержательном смысле концепт «гражданского участия» является важнейшей базовой характеристики современного гражданского общества, позволяющей гражданам реализовывать свои права при решении актуальных проблем на местном, региональном и федеральном уровнях. Специфика этого ключевого понятия не сводится только к юридически-правовым проявлениям (законотворческая инициатива), а представляет собой комплексное явление, подразумевающее социально-политическую активность граждан, совершение гражданских поступков, вовлечение и участие населения в деятельности добровольных общественных организаций для отстаивания групповых интересов, достижения поставленных целей и, в конечном счете, создания общественного блага. Важно отметить, что гражданское участие, в конечном счете, выходит на отстаивание общественных (публичных) интересов и конституирует общественные блага. При таком подходе трактовка данного концепта характеризует его как особое состояние любого социального субъекта (личность, группа, класс, общественный институт и пр.), которое отвечает требованиям самоорганизации и взаимопомощи, правозащиты ущемленных социальных прав.

Концептуально различают гражданское участие и социальное участие. За гражданским участием закрепляется «вертикальное участие», связанное с

процессами со-управления (с органами власти различного уровня, а также различными институтами демократического свойства — Общественной Палатой, Открытым правительством, Счетной палатой и т.д.) и принятия решений, направленных на коррекцию или разработку альтернатив в любых отраслях общества с точки зрения общественных интересов. Социальное участие локализуется на горизонтальном уровне, более отвечая практике коллективной взаимопомощи и кооперации [11].

Среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность инициатив можно выделить большое количество нерешенных проблем (в социальной, экономической, культурной, образовательной и иных сферах общественной жизнедеятельности), а также необходимость самореализации и осуществления общественно-полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей.

2. Особенности и структура гражданского участия

Особенности современного гражданского участия обуславливаются переходом к информационному обществу, к сетевой модели представительства интересов, с размыванием основ общества модерна и формированием «индивидуализированного» общества (З. Бауман). Это не могло не сказаться на качестве и структуре общественного участия, и гражданского, в частности. Это проявляется в существенном сокращении гражданской и политической активности, осуществляемой с помощью традиционных механизмов участия, таких как выборы, членство в общественных объединениях, одновременном росте слабо формализованных, «коротких» практик гражданского, социального, политического участия проектно-сетевое типа [4] [1].

При этом происходит нарастание качественного многообразия практик общественного участия, размывание границ между его видами как проявление «текущего постмодерна» (социальное участие проникает в гражданское, гражданское пронизывается политическим и наоборот, и т.д.).

Нынешний растущий гражданский активизм можно условно разбить на два сегмента — институционализированный и полуформализованный, спонтанный. К первому можно отнести все организации «третьего сектора», которые насчитывают сегодня около 37 организационно-правых форм. Современные подходы рассматривают "третий сектор" как сферу активности, развиваемую между семьей и более широкими бюрократическими секторами прибыльного бизнеса и правительства. Для «третьего сектора» характерна деятельность ради общественного благополучия. Главной функцией таких организаций является в той или иной степени расширение пределов свободы и наделение населения определенной делегированной властью, вовлечение его в процесс социальных изменений и активности, в развитие социальной защиты.

Полуформализованный сегмент сегодня также бурно развивается. К нему можно отнести т.н. движения «одной проблемы», в деятельности которых ярко выражена правозащитная и протестная составляющая (яркие примеры — «Движение в защиту Химкинского леса», «Движение против строительства МСЗ в Ясенево» и т.д.). После решения основной, запустившей их деятельность социально-значимой проблемы, они переходят в «спящее состояние», либо

переключают свое внимание на решение смежных вопросов, используя уже наработанные социальные связи и капитал и механизмы гражданского взаимодействия.

Стремительно развивающейся формой гражданского активизма выступают те гражданские и социальных инициативы, которые зародились и стали массовыми благодаря новым электронным коммуникационным возможностям. Можно четко выделить 4 основные группы интерактивных интернет-площадок для формирования массовых гражданских инициатив и решения социально-значимых проблем в публичной сфере: работа с обращениями граждан, краудфандинговые платформы, волонтерские сервисы, группы по обмену мнениями граждан. Средства массовой информации, социальные сети, блоги и иные средства онлайн-коммуникации позволяют в кратчайшие сроки аккумулировать значительные человеческие и финансовые ресурсы, подключать ресурс государства, бизнеса, всего общества для оперативного решения социальных задач.

Современная российская модель общественного участия строится не столько путем механического объединения его традиционных сфер: социальной, гражданской политической, сколько носит более сложный характер, где значимыми основаниями его типологизации выступают не столько видовые, сколько его структурные и атрибутивные свойства [12]. Среди них можно, в качестве основных, выделить:

- давление — способность оказывать давление на власть или определенную институциональную структуру с помощью гражданского или политического акционного действия (протеста);
- влияние — способность мобилизовывать общественное мнение, создавать публичный резонанс и формировать, и реализовывать общественный контроль;
- свойство принадлежности — членство в партийных и иных формализованных общественных объединениях и организациях, длительное и ассоциированное;
- свойство социальной помощи и кооперации — взаимоподдержка волонтерством, соседскими связями, благотворительностью.

Проведенные эмпирические исследования показывают, что для современного общественного и гражданского участия характерны более высокие значения участия населения в «коротких» и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности, формализованного и неформализованного типа, а также массовых практик политического и гражданского риска, что соответствует современным характеристикам постмодернистского проекта.

Особой проблемой развития современного гражданского участия становится снижение его политической составляющей. По данным исследований ИС РАН, Левада-Центра политическое участие граждан отличается низкими показателями. Гражданская активность россиян на современном этапе развития государства носит эпизодический и несистемный характер. Политический уровень во многом остается закрытым для гражданских инициатив и строго контролируется представителями власти.

Согласно ежегодному Докладу [8] о состоянии гражданского общества Общественной палаты с 2010 г. наметилась тенденция перераспределения центра тяжести гражданской активности от политических партий в сторону неполитических общественных объединений. Это было обусловлено снижением эффективности функционирования государственных и муниципальных органов на местах, ответственных четкую и бесперебойную систему жизнеобеспечения.

Таким образом, важной особенностью гражданского участия можно считать сокращение доли его политически ориентированной составляющей и перенесение основной силы тяжести на социальную кооперацию и взаимопомощь. Согласно данным Центра исследований гражданского общества и НКО НИУ-ВШЭ [9] в него вовлечено более 60 % респондентов. Это подтверждается также результатами исследований гражданского активизма группой В.В. Петухова (ИС РАН) в 2014 г. [10]: нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей крупных мегаполисов и областных городов. Перспективными направлениями гражданского участия в глазах населения сегодня являются здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения и др., то есть практически вся социальная сфера жизни общества. Многие выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов: защита окружающей среды, права человека, благотворительность. Причем, формируется такой вид гражданского участия, который можно смело охарактеризовать как общественно-гражданский — ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» для активистов становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним. Создание подлинно демократического порядка не может быть лишь результатом «живого творчества масс снизу», а предполагает различные формы общественно-государственного партнерства.

Полученные данные совпадают с выводами европейских социологов (ISS, 2002–2003), характеризующих социальное участие как наиболее распространенный и устойчивый вид общественных практик в пространстве повседневности [3]. Однако интенсивность участия определяется не только сферой, но и дистанцией участвующего. Если участие в помощи соседям и знакомым приняло более 66 % респондентов, то только 34,3 % респондентов участвовали в благотворительных действиях в отношении незнакомых, т.е. дальних получателей социальной помощи. По данным последних исследований ФОМ, на ближней социальной дистанции россияне склонны доверять и помогать друг другу. А вот доверие к большинству окружающих незнакомых людей (социальное доверие) у нас невелико. Благотворительные денежные пожертвования большинство россиян предпочитают делать максимально адресно. В целом, по результатам многолетних исследований можно сделать вывод, что дальнейшее развитие гражданского участия в нашем обществе связано с преодолением системного кризиса доверия [6].

Таким образом, естественным путем все больше укореняется государственно-общественное партнерство в решении повседневных задач, которое постепенно осознается государством, но уже хорошо понятно и

принято обществом. В 2010 г. законодательно была закреплена новая институциональная форма социально-ориентированных НКО. Для ее реализации начала действовать федеральной Программы поддержки СО НКО, на реализацию которой в федеральном бюджете в 2011 г. было заложено 600 млн руб., в 2013 г. — 630, в 2014 г. — 660 и 595 млн руб. — в 2015 г. За весь период деятельности Программы наблюдалась положительная динамика роста числа региональных программ поддержки СО НКО. Их число выросло до 75. Данная федеральная Программа способствовала, во-первых, обеспечению формирования экономических предпосылок развития НКО, предусматривая не только рост прямого государственного финансирования их деятельности, но и формирование необходимых условий для ускоренного развития некоммерческого сектора. А это означало и расширение возможностей привлечения в НКО труда добровольцев, благотворительных пожертвований, обеспечение доступа НКО к государственному бюджетному финансированию социальных программ, которые сейчас пока практически в полном объеме достаются бюджетным учреждениям, а также использование потенциала НКО в решении социальных проблем, которые до сих пор недостаточно эффективно решались вследствие недоиспользования потенциала организаций некоммерческого сектора. В итоге наработанные за прошедшее пятилетие практики межсекторного партнерства позволили региональным администрациям выстроить взаимодействие с общественными палатами и общественно-консультативными советами при Министерствах социального блока для принятия и воплощения в жизнь ряда важных социально-политических решений, связанных с выбором приоритетов социального развития. На федеральном уровне были приняты нормативно-правовые акты, которые предполагали дальнейшее развитие межсекторного партнерства, в первую очередь участие СО НКО в предоставлении социальных услуг (№ 442-ФЗ) и в решении важных социально-экономических проблем (№ 44-ФЗ). Была разработана дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». 23 мая 2016 г. Правительство РФ утвердило программу бюджетного финансирования СО НКО на 2016–2020 гг., увеличив поддержку деятельности СО НКО.

3. Гражданское участие и публичная политика

Гражданские инициативы всегда находятся в поле политики в смысле public policy, которое содержательно связывается с процессом подготовки, обсуждения, принятия и исполнения политико-управленческих решений, обязательно включающим участие в этих процессах не только властных структур, но других заинтересованных участников этого процесса — групп влияния, защитников интересов тех или иных меньшинств, общественных организаций и пр., а также экспертного сообщества. И тогда фокус исследований особенностей гражданского активизма смещается именно к изучению процесса взаимодействия государства и гражданского общества (гражданских инициатив), что делает уместным обращение к исследованию качества государственного управления и такого, явления, как governance. В частности, принципы «good governance» внесли существенный вклад в

изменение системы государственного управления в сторону большей открытости, подконтрольности обществу, сделав гражданское общество частью принятия многих публичных решений. Концепция «совместного управления» (governance) и «хорошего управления» (good governance) были впервые изложены мировому сообществу в 1997 году в программных документах развития ООН [2]. Реализация концепции good governance зависит от сформировавшейся и устойчивой институциональной и политической среды в государстве. Институциональная среда должна предоставлять возможность аккумулировать мнения многочисленных политических и общественных акторов, способствовать обмену мнениями, поиску консенсуса при принятии политических, экономических, социальных и иных решений, имеющих поддержку широких общественных кругов. Политика ЕС уделяет значительное внимание вопросам участия гражданского общества в процессах разработки законодательных актов. В 1998 году принят Амстердамский договор, зафиксировавший обязательную процедуру всесторонних консультаций перед принятием законодательных актов [5]. В 2001 в Белой книге по вопросам европейского управления данная норма была развита и определены критерии эффективного управления: открытость, участие, подотчетность, эффективность и согласованность. Совместное управление определено как важный инструмент повышения легитимности ЕС. Вопросам общественного контроля и общественного участия в политике ЕС отведено одно из ключевых мест в современной европейской политике.

Внедрение современных форм коммуникативных технологий, возрастание удельного веса проектно-сетевых форм гражданского участия способствовал увеличению вовлеченности граждан в разные формы взаимодействия с органами власти: они все чаще стремятся более активно принимать участие в формировании социально-политической «повестке дня». Диалог между государством и гражданским обществом в современном мире становится все более интенсивным. Так, например, в Великобритании работает специальный портал fixmystreet.com, на котором граждане могут оставлять заявки на решение бытовых вопросов, связанных с городской инфраструктурой, нарушением общественного порядка, иных социальных вопросах [7]. Данная платформа является интерактивным средством для информирования властей о наличии проблем и принятии соответствующих мер по их решению (некачественное дорожное покрытие, опасность для пешеходов и водителей, изрисованные стены, нарушение общественного порядка и покоя, проблемы, связанные с озеленением улиц и пр.). Ежемесячно на сайт поступают тысячи заявок от граждан Великобритании, работой с которыми занимаются местные власти [7]. Подобных социальных и общественных платформ насчитывается множество в европейских странах и США.

На сегодняшний день в России сформировалось определенное количество платформ для аккумулирования общественного мнения, выработки гражданских инициатив (ГИ), их транслирования в органы власти и выстраивания диалога с государственной и местной администрациями. Особенно интересен в этом отношении опыт Москвы, так как именно он зачастую транслируется в остальные субъекты РФ.

В настоящее время в России сформировались следующие публичные площадки для осуществления гражданского диалога и транслирования ГИ в местные и государственные органы власти: Общественная палата РФ, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Экспертный совет при открытом правительстве РФ (экспертный совет онлайн), государственный электронный портал «Российская общественная инициатива», информационные порталы «Активный гражданин» и «Наш город» (г. Москва), гражданские форумы в регионах, институт общественных (публичных) слушаний, многочисленные местные дискуссионные площадки, экспертные советы и рабочие группы при ФОИВ и др. площадки. Среди новых форматов можно также отметить активную роль Общероссийского народного фронта и Комитета гражданских инициатив А. Кудрина.

Несмотря на широкое распространение социальных сетей в обществе, государством не закреплён их официальный юридический статус как полноправных площадок для формулирования и транслирования гражданских инициатив во властные структуры. Государство, несомненно, прислушивается к мнению «сети», но оно не обязано реагировать на гражданские инициативы, организуемые в социальных сетях. Именно поэтому сформировался общественный запрос на создание официальной платформы для озвучивания общественных инициатив и организации голосования в их поддержку. Одной из подобных официальных площадок стал созданный в 2012 году портал «Российская общественная инициатива».

Электронный портал «Российская общественная инициатива» (РОИ) на сегодняшний день представляет одну из наиболее перспективных площадок для политического краудсорсинга в России. Данный интернет-ресурс создан для размещения общественных инициатив гражданами Российской Федерации. Нормативно-правовую основу функционирования портала РОИ составляет указ Президента РФ от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Под общественной инициативой понимаются предложения граждан РФ по вопросам социально-экономического развития страны и повышения эффективности государственного и муниципального управления. Портал РОИ предоставляет для своих пользователей возможность публикации собственной инициативы по вопросам социально-экономического развития страны или ее отдельного региона, ознакомления с уже размещёнными инициативами, голосования в их поддержку, получения информации о ходе и результатах их реализации. Например, по инициативе «Отмена права приоритетного проезда всех автомобилей, кроме автомобилей оперативных служб» (100108 голосов) подготовлено решение Экспертного совета Открытого правительства и направлено в Общественную палату РФ. В отношении инициативы «Сохранять номер мобильного телефона при переходе от одного оператора связи к другому» принято Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2013 г. № 1094. В отношении инициативы «Постановка транспортного средства на учёт в ГИБДД, снятие с учёта, выдача госномеров и другие регистрационные

действия должны производиться в течение 1 часа» (100807 голосов) выпущен приказ МВД РФ и разработан Административный регламент.

По состоянию на 2017 г. на портале РОИ было зарегистрировано более 11 тыс. общественных инициатив, на голосовании находилось около 2 тыс. Однако не у всех инициатив, набравших более 100 тыс. голосов, складывается благоприятная судьба. Так, рабочая группа Открытого правительства отклонила общественную инициативу о применении в России статьи 20 Конвенции ООН против коррупции. Этой инициативой предусматривалось введение уголовной ответственности для тех чиновников, которые не смогли бы объяснить свои расходы. Тем самым по решению Рабочей группы было отклонено введение в Уголовный кодекс РФ статьи «Незаконное обогащение»

Портал РОИ является аналогом схожих порталов гражданских инициатив в европейских странах и США. Однако российский портал еще малоизвестен среди россиян и имеет огромный потенциал для расширения своей роли в аккумулировании общественных инициатив и решении актуальных социальных и политических проблем в России. Для повышения эффективности работы портала необходимо проведение масштабной рекламной кампании в СМИ с целью информирования граждан о существовании портала и о его возможностях, а также уменьшение сроков голосования по инициативам (с 1 года до 3—6 месяцев), что сделает данный ресурс более оперативным и эффективным [13].

Наряду с конвенциональными площадками для формирования ГИ и их транслирования в компетентные органы власти в России присутствует также значительное количество независимых Интернет ресурсов и площадок для данной деятельности.

4. Проблемные узлы развития гражданского участия в публично сфере

На фоне выделенных выше позитивных трендов развития гражданского активизма, его устоявшегося и полуформализованного сегментов, межсекторного партнерства, обозначились и противоречиво оцениваемые явления. Так, за последние годы в стране был принят целый пакет законов на федеральном уровне, который имеет как позитивный (выше упомянутая Программа поддержки СО НКО в развитие федерального закона № 40, введение института бизнес-омбудсмена и распространение института омбудсмена на все Субъекты Федерации, появление Института открытого правительства, упрощение правил регистрации политических партий и общественных движений, частичное изменение выборного законодательства, введение института выборов губернаторов, перераспределение финансовых полномочий между государством и муниципалитетами, создание независимой системы оценки качества социальных услуг и пр.), так и настораживающий для общества характер: введение понятия «иностранный агент» для НКО, частично финансируемых из-за рубежа, ужесточение законодательства о митингах, возвращение статьи «наказание за клевету» в УК РФ, ужесточение контроля за деятельностью интернета, пр. А 2 июня 2016 г. был подписан Федеральный закон № 179-ФЗ «О внесении изменений в ст. 8 Федерального закона «Об

общественных объединениях» и ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях». В соответствии с этим законом вводится критерий «политической деятельности», согласно которому к формам политической деятельности НКО, кроме участия в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований, относятся организация и проведение публичных дебатов, дискуссий, выступлений. По мнению многих экспертов, а также членов Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ появление данного законодательного решения стало свидетельством недоверия к растущей гражданской активности. Смысл подобной государственной политики эксперты усматривали в одном: сохранить жесткий контроль над гражданским обществом, исключить кажущуюся власти угрозу мобилизации протеста и запроса на перемены по сценарию скорее «бархатных», чем «оранжевых» революций. Сами же представители гражданского общества усмотрели в этом укрепление административных функций государства по отношению к гражданскому участию. Усиление «административной вертикали» реанимировало запрос на институционально управляемое участие общественных сил в привычных схемах «выделенного пространства» и «приглашения в проект». Формат публичной политики все больше стал приобретать свойства имитации, «управляемого представительства». В некоторой степени произошло то, что А. Аузан точно обозначил как реставрацию «вертикального общественного договора».

А между тем стремительно развивающиеся формы гражданской самоорганизации, неполитических движений чем дальше, тем больше начинают выступать своеобразным «тестером», индикатором исчерпанности административно-управляемой «веритикализации» гражданских отношений, пытаясь вернуть общественным институтам декларируемый им демократический смысл.

Государственная и муниципальная власть объективно заинтересованы во взаимодействии с деловой и гражданской инициативой при реализации задач выхода из кризиса и проведении структурных реформ: государственная поддержка общественных инициатив гораздо эффективнее, чем любая попытка реформирования «сверху». Без понимания и заинтересованного участия общественности любая инициатива органов власти изначально обречена на провал. Страна вошла в кризис с весьма неблагоприятным состоянием социальной политики и человеческого капитала. Зачастую гражданские объединения и организации действуют успешнее и экономичнее, чем государственные учреждения. В результате государству нередко оказывается выгоднее передавать средства независимым негосударственным организациям в обмен на четкие, конкретные и контролируемые обязательства с их стороны, чем создавать дополнительные структуры. Помимо этого, жесткие уроки системного финансово-экономического кризиса продемонстрировали, что межсекторное партнерство, совместная реализация социально-значимых программ, которые по собственной инициативе предлагает некоммерческое сообщество страны, гражданские и деловые инициативы — это не только полезные для жителей дела, но и создание нормальной, стабильной обстановки на территориях действия гражданских инициатив, без чего невозможна никакая

созидательная деятельность. Формирование консолидированных и созидательных практик и установок через межсекторное партнерство — важнейший технологический и ценностный ресурс гражданского активизма. Социальная консолидация является фундаментальной основой благополучия российского общества, необходимым условием инновационного прорыва в развитии страны, выполнения стратегических планов, которые декларируются руководством страны.

Гражданское общество через различные формы самоорганизации, деловой и гражданской инициативы создает запрос на качественное изменение характера взаимодействия с властью и его главным институтом — государством. Последнее должно перестать опасаться гражданского общества как субъекта перемен, а воспользоваться им как ресурсом развития. Для этого само государство должно стать более демократичным, открытым и современным. Объективно назрела потребность в переходе к модели общественно-государственного управления, когда управленческие решения и действия власти будут соизмеряться с возможностями и потребностями гражданского общества, зарекомендовавшего себя в качестве конструктивного партнера. И переход к модели общественно-государственного управления — это не просто фигура речи. Возросли требования к публичным услугам и общественному контролю за их качеством. Усиливается роль информационных технологий при формировании стратегий общественного развития, разработке алгоритма их решений. Расширяется спектр востребованных социальных услуг, представляемых некоммерческим сектором, и возрастает их конкурентность.

Своей деятельностью гражданское общество либо стабилизируют политическую систему, либо дестабилизируют ее. Все зависит от уровня и качества диалога с государством, доверия и культуры публичной политики. Если вспомнить различные резонансные истории проявления гражданского активизма за последние годы в стране — будь то «Движение в защиту Химкинского леса» (г. Химки), «Лига избирателей» (общероссийская гражданская инициатива), «Движение против строительства мусоросжигательного завода в Ясенево» (г. Москва), различные движения по защите парков, заповедных территорий, движения по защите прав различных слоев населения (пенсионеров, женщин, детей, социальных сирот) и т.д., то можно отчетливо увидеть, что у каждой гражданской инициативы были свои цели: защита экологии района, защита интересов собственников жилья, защита прав избирателей, пенсионеров, малообеспеченных групп населения, но всех их объединяет стремление граждан внести свой вклад в решение важных общественных проблем и сделать себя ответственными за принимаемые решения, направить, в конечном итоге, свою энергию в созидательное русло по формированию и сохранению общественного (публичного) блага. История становления гражданского общества свидетельствует о том, что некоммерческий сектор, гражданская и деловая инициатива институализируют социальную активность, а она способствует развитию экономики, социальной сферы и в целом — прогрессу демократических государств. Гражданский активизм во всей полноте его проявления — это важный ресурс гражданского общества, который государство должно реально осознать, подключая к реализации долгосрочных стратегических проектов.

5. Заключение

Обобщая, можно констатировать, что современные демократические государства, включая и те, которые ими стали недавно, объективно стремятся к построению партнерских отношений с гражданским обществом, понимая, что опора на гражданское общество — это мощная «корневая система», придающая общественную силу и устойчивость политической системе общества. Однако поиск оптимума в этом взаимодействии идет сегодня очень не просто. Социокультурные сдвиги общества постмодерна отличаются «уточнением» социальной ткани, нарастанием хрупкости социальных связей, их «виртуализацией». Социальный механизм осуществления госуправления¹ стал сложнее и противоречивее, так как именно к горизонтальному уровню «стянулась» живая энергия социума и именно он острее и оперативнее «схватывает» назревающие в толще реальной жизни потребности и проблемы общественного развития. Особая роль отводится системе представительства социальных интересов в рамках повышения публичности государственного управления, что позволяет поддерживать режим баланса во взаимоотношениях государства и общественных ассоциаций, защищая его от угрозы «сваливания» в деструктивное русло.

Социальный механизм государственного управления призван аккумулировать интересы и потребности общества, его основных социальных групп с целью выработки оптимальных средств и методов их удовлетворения. И роль «драйвера» такой трансформации госуправления взяло на себя межсекторное партнерство — как особая современная социальная технология, соединяющая поиск баланса интересов между бизнесом, некоммерческим сообществом и государством на основе выявления «зон согласия», поиска компромиссов в условиях плюрализма и несовпадения частных, групповых и административных интересов. Межсекторное партнерство во всем многообразии своего проявления, дополняя электоральную систему представительства интересов, «демократией со-участия», по сути, пытается встроить максимальное количество социальных интересов в процессы выработки и реализации государственной политики и формирования модели «со-управления» в условиях современного общества. Эта технология приучает двигаться от эгопартикуляризма в направлении выявления основ общественного блага и общих интересов. Это требует, в свою очередь, всемерного развития

¹ Социальный механизм осуществления госуправления представляет собой взаимосвязь социальных явлений, технологий и институтов, в результате чего происходит организующе-властное согласование общественного волеизъявления, учет социально-значимых интересов, определение целей, разработка и принятие решений, а также их реализация с помощью имеющихся у государства ресурсов (власти, аппарата, методов, средств). Он действует внутри политической системы, институты которой как непосредственно (через субъект госуправления), так и опосредованно (через объект управления) влияют на содержание и структуру госуправления, формы и методы его осуществления, определяют их целесообразность и эффективность. С помощью такого механизма система госуправления сохраняет свою качественную определенность в создании необходимых условий для общественной жизнедеятельности.

публичной сферы и такого ее важного элемента как общественный диалог. В этом качестве многочисленные общественные ассоциации «третьего сектора» предъявляют особый запрос к качеству госуправления. Оно должно быть компетентным, обеспечивающим выполнение базовых функций государством и предоставляющим обществу базовые общественные блага, некоррумпированным, прозрачным, ответственным и поддерживающим постоянную обратную связь с обществом. В нем должно присутствовать соблюдение верховенства права, защита прав и свобод граждан, в т.ч. права собственности, обеспечение свободного развития каждого гражданина и групп граждан. Такое государство, помимо прочих своих базовых функций, сможет выступать арбитром и управляющим при разрешении конфликтов, возникающих при плюрализме интересов. Важно, чтобы в органах государственной власти сложился социальный механизм государственного управления, позволяющий контролировать результаты рассмотрения и использования инициатив гражданского общества. Во-первых, это позволит избежать потери потенциально эффективных общественных предложений и гражданских инициатив. «Жемчужные зерна» не должны исчезать в бюрократических жерновах. Это также повысит результативность нового социального контракта за счет использования потенциала структур гражданского общества.

Вызов «публичности» в условиях сетевого общества востребовал новый тип гражданской компетентности — профессионализма, умения договариваться «по существу дела», без вмешательства внешних посредников. Процесс подготовки и принятия решений стал особенно чувствителен к требованиям процедуры. Произошло заметное расширение круга участников. В принимаемых решениях стала просматриваться попытка установить связь с реальными интересами и настроениями различных групп интересов с общественными приоритетами. Но этот поворот весьма хрупок и пока достаточно противоречив. Открывая новые возможности для представителей гражданского общества, он создает и новые проблемы.

Литература

- [1] Dalton R.J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // Political studies. 2008. Vol. 56. P.76–98.
- [2] Human development report 1997. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/258/hdr_1997_en_complete_nostats.pdf.
- [3] Newton K., Giebler H. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Discussion Paper SP IV 2008-201. – URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/49726>
- [4] Turner B.S. The Erosion of Citizenship // British Journal of Sociology. 2001. Vol. 52. No. 2. P. 189 – 209.
- [5] Treaty of Amsterdam amending the Treaty of the European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT>.

- [6] Градосельская Г.В., Петренко Е.С. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов. Гражданское общество современной России / Отв. Ред. Е.С. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2008. С. 80-81.
- [7] Гражданский проект «Fixmystreet». – URL: <https://www.fixmystreet.com>.
- [8] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. М.: ОП РФ. С.10.
- [9] Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение / Нац. исслед. ун-т ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. 204 с.
- [10] Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2015. С. 129.
- [11] Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 32-34.
- [12] Скалабан И.А. Общественное участие в современной России: особенности социального конструирования. Доклад на заседании секции «Местное самоуправление и гражданская самоорганизация» XVIII Апрельской международной Конференции НИУ ВШЭ-2017. – URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#N>.
- [13] Фельдман П.Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // Власть. 2014. № 6. С. 12.

Civic activism and Public Policy in Russia: Status and Challenges

L.I. Nikovskaya

Institute of Sociology RAS

The article analyzes the characteristics and factors of development of civil activism in public policy related to increasing its diversity and transition to project and network forms of presentation. It is shown that in conditions of growing complexity and multidimensionality of the transforming Russian society and the emerging pluralism of socio-political interests is a growing need of civil society to the viability of institutions of public policy, which today includes the institutions of e-democracy. The modality of this query is increased by the crisis of social development. With the dominance of administrative-bureaucratic approaches to public policy there is a falsification of feedback, dysfunction of the public sphere in the direction of strengthening the influence of corporate and bureaucratic interests against the public, which inevitably leads to increased social tension and protest moods, lower levels of trust in the activities of the state and the legitimacy of political power. The development of institutions for public participation, mechanisms for cross-sectoral social partnership and e-democracy promote the rationalization of the

interaction of government and society, enhance the effectiveness of social representation of public interests in the conditions of incompleteness of the processes of socio-political transformation and stimulates reform of public administration in the direction of enhancing the openness and transparency that allows you to more adequately take into account the increasing mobility and pluralism of social groups and their socio-cultural preferences.

Keywords: civic participation, social participation, intersectoral partnership, public administration, social dialogue, the social mechanism of governance, feedback, mechanisms and institutions, civil society, public policy, social networks, mechanisms and platforms of online communication

Кооперативная модель управления в контексте метамодерна

Д. Д. Хохлова

Санкт-Петербургский государственный университет

dashanty@rambler.ru

Аннотация

В статье исследован генезис кооперативной модели управления в XX–XXI вв., а также рассмотрены модели, возникшие непосредственно в новую эпоху метамодерна.

Метамодерн находится в процессе форматирования политики, смещая ее центр с абсолютной власти к феномену влияния и кооперации. Политическая практика кооперативизма в настоящее время зарождается из форм ненасильственного протеста, а также общественных политических экспериментов, каким стал, например, выбор Йона Гнарра мэром Рейкьявика в 2010–2014 гг. В статье подробно рассмотрены исландские либертарианские эксперименты как беспрецедентный по масштабности и политическому уровню опыт кооперативного управления.

В результате сделаны выводы об условиях, необходимых для успешной реализации кооперативизма, а также о том, насколько труднодостижимой является эта концепция на практике.

Ключевые слова: метамодернизм; кооперативное управление; прямая демократия; постанархизм.

1. Введение

В 2016 году словом года по версии Оксфордского словаря стала пост-истина, что означает отсутствие абсолюта, единой правды, на их место приходит множественность интерпретаций и всеобщая относительность. В политике это знаменует вступление в новое пространство кооперации, влияния и популизма как ведущих политических инструментов. Теория и практика кооперативного управления получили новый вектор развития в XXI в.

Причиной тому, вероятно, стало усиление централизованной политики. Существующий политический властный дискурс сузил политическое пространство до электорального процесса, да и роль парламента, по мнению Ноама Хомского, ослабевает со времен окончания Второй мировой войны [1], Йозеф Шумпетер отмечает, что голоса избирателей вторичны по отношению к

лицам, принимающих решения [2], а Ги Дебор утверждает, что общество всего лишь отрабатывает навязанный властью сценарий [3]. Так зарождается кооперативное управление — как альтернатива абсолютной политической власти.

Пост-истину можно назвать символом эпохи метамодерна, чье название образовано от платоновского *metaxu*, что означает промежуточность. Метамодерн, в свою очередь, это более складное имя пост-постмодерна, который включает в себя феномен пост-истины, постанархизма, пост-политики. Их объединяет стремление демистифицировать абсолютную власть (через изменение дискурса в том числе) и «общество спектакля», отделив политику от мировоззрения, провозгласив главными политическими ценностями автономию, добровольную кооперацию, взаимопомощь, самоорганизацию и прямую демократию.

Целью этой работы является поиск доказательств, что кооперативное управление имеет крепкую актуальную теоретическую базу и успешные прецеденты своего воплощения, приводя в качестве примера политический опыт Исландии.

2. Теоретические основания концепции

Смысловым ядром кооперативной модели политического управления является минимальное государство. Идея, что государство можно рассматривать в качестве «ночного сторожа» (*laissez-faire*), «оседлого бандита» (Мансур Олсон и Мартин Макгир) привела к концепции, согласно которой его полномочия сводились к минимальным и ультраминимальным (Герберт Спенсер, Милтон и Дэвид Фридман, Роберт Нозик), а управление ресурсами становилось общим (Дуглас Норт, Элиноор Остром). Кооперативизм во многом построен на идеях теории рационального выбора, либертарианства (минархизма в частности) и анархизма (в большей степени анархо-капитализма и постанархизма). Кооперативное управление более распространено в менеджменте, поскольку, во-первых, оно эффективнее в малых и однородных сообществах (что было доказано еще в рамках теории рационального выбора, и будет многократно доказано впоследствии на практике), во-вторых, редкое государство готово отойти от классической концепции абсолютной власти, даже демократическое.

Эрих Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности» 1974 г. в поисках гармоничной для личности общественной структуры, по сути, пришел к анархии. Ссылаясь на исследование Кейнси Райта («A study of war», 1965), он критиковал классовую структуру общества: самыми деструктивными являются социальные системы с наличествующим классовым делением [4]. Вообще жесткость границ, их внешнее установление (не обществом) в психологическом разрезе становится одной из самых серьезных проблем современного общества и его способности к кооперации. Первобытные общества имели меньшую склонность к внутриобщинной агрессии, поэтому неспособность договориться — это издержки цивилизационного развития, численного увеличения обществ, сужения личных границ и расширения границ абсолютной власти. Закономерно, что одновременно с усилением государственного дискурса формировался

либеральный индивид (в терминологии Ларса Свендсена) — человек, желающий максимально широкого диапазона для самореализации, ограничивающий свой автономный выбор лишь таким образом, чтобы не навредить другому. Это обусловлено тем, что либеральный индивид помимо потребности в автономности, нуждается также в ощущении безусловной принадлежности [5], и в этом нет противоречия, поскольку общество не способно ответить либеральному человеку на вопрос, как ему жить. Синтез автономизма и добровольной кооперации становится подходящим контекстом для жизни современного человека.

Теоретический подход в политологии к кооперативному управлению условно можно разделить на две группы: первая отстаивает консенсус как принцип кооперации, вторая — плюрализм. Слабость консенсусного подхода состоит в парадоксальности результатов, к которым приводит его реализация. Если сообщество, в котором применяется кооперативное управление на основе консенсуса, конфликтно, то принятие решения станет результатом подавления мнения меньшинства. То есть, консенсус является оптимальной стратегией в принятии решений только в случае однородности сообщества. Если же сообщество конфликтно и разнomaстно, то эффективнее стратегия плюрализма, которую можно отнести к движению постанархизма. Таким образом, кооперативная модель выходит из двух антагонистических подходов: делиберативной демократии (Юрген Хабермас, Джозеф М. Бассет, Джеймс Фишкин, Джошуа Козн, Эми Гутманн, Деннис Ф. Томпсон и др.) и диссенсуальной модели взаимодействия (Джеймс Бьюкенен, Джейн Мэнсбридж, Бенджамин Барбер, Шанталь Муфф, Эрнесто Лакло).

Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло в переиздании «Гегемонии и социалистической стратегии» (2000) развивают идею «радикальной и плюралистической демократии» [6]: поскольку либеральные ценности, провозглашаемые в демократических государствах до сих пор, имеют все меньше практического значения из-за усиления политической власти государства, по мнению Муфф и Лакло стоит демократизировать демократию. Основная проблема дискредитированной демократии заключается в вымещении из нее конфликта. Идея всеобщего консенсуса и его безальтернативности во имя «счастливой жизни» поставила обществу жесткие, нереалистичные и, по сути, глубоко недемократические рамки. Предположительно, необходимость всегда соглашаться с ведущим мнением и не вступать во внутренние конфликты стала причиной политической импотенции общества и демократии как таковой (в этой точке раскрывается антагонизм диссенсуальной модели с делиберативной).

3. Современные модели кооперативного управления

В XXI в. идея кооперативизма воплотилась в нескольких моделях: *horizontalidad*, *parecon*, *parpolity*, *partisipism*. Модели тесно взаимосвязаны между собой и основаны на общих принципах.

Horizontalidad как термин возник из посткризисных протестов в Аргентине в 2001 г. и лондонского антиглобалистского движения в 2004 г. По сути, это вербально оформленная практика ненасильственного протеста, рожденная именно в кооперативном действии, без опоры на классические теоретические выкладки.

Horizontalidad представляет собой общественную политическую деидеологизованную практику кооперативного управления, лишенную вертикалей управления и основанную на личной автономии и общинном принятии решений. Horizontalidad подразумевает решение вопросов путем общественного обсуждения, а не обращения в государственные институты. Таким образом, государство не участвует в формировании общественного мнения, но является исполнителем решений, принятых путем прямой демократии [7]. Horizontalidad можно назвать политикой без политики в ее классическом понимании, это подлинно постанархистская общественная практика.

Одним из главных выводов практики horizontalidad стала ее органичность для кооперации и простота реализации: этот пример показывает, что постанархистские принципы работают, и «сильная рука» не является необходимой издержкой для управления сообществом. То есть, анархия действительно может быть матерью порядка.

Participism — это «освободительная теория» (liberating theory), систематизирующая метамодернистские политические кооперативные практики в единую модель, состоящую из parescon (экономики участия), parpolity (политики участия) и феминизма, отвечающего за политику семьи. В центре participism стоит автономная личность, для которой институциональные ограничения становятся посредниками в реализации собственных потребностей.

Parpolity создана Стивеном Р. Шаломом на основе пяти постанархистских принципов: свободы, самоуправления, справедливости, солидарности, толерантности. Целью parpolity является создание политической системы, в которой каждый человек путем прямой демократии участвует в принятии решений в той степени, в которой зависит от них [8]. Происходит это путем создания интегрированных советов (nested councils), состоящих из взрослых членов общества. В советах есть уровни по пятьдесят человек каждый, что позволяет задействовать в принятии решений сотен тысяч человек. Совет не заменяет все государственные институты, однако становится альтернативным парламентом в государстве, заменяет старую парламентскую форму с делегированной чиновникам властью. Уровни совета имеют возможность вступать в полемику друг с другом с помощью референдума, а так же предполагается институт Суда, состоящий из сорока одного случайным образом выбранного человека, имеющий право вето. Рандомность судей и их смена каждые два года обусловлены тем, что Суд в parpolity призван предотвращать возможность тирании большинства в Совете, и Суд руководствуется законами о правах человека. Решения в рамках данной системы принимаются на основе консенсуса, в противном случае на основе большинства голосов.

Критика parpolity в основном сосредоточена на глобальном противоречии модели с принципами постанархизма. Parpolity создает властную иерархию и представительную демократию, так и не следуя принципу правового обычая. Это действительно большой парадокс: разница между декларацией намерений и способом их воплощения соответствует духу макиавеллизма, где цель оправдывает средства, и это имеет крайне мало общего с постанархизмом, либертарианством и кооперативизмом.

Parescon — экономическая модель, в основе которой лежат принципы партисипативной экономики, авторами модели являются политолог Майкл

Альберт и экономист Робин Ханел. Rageson основана на кооперативном принятии решений по вопросам производства, потребления и распределения ресурсов. Модель подразумевает справедливую (кооперативную) оценку труда, вознаграждение за который должно быть соразмерно затраченным в его процессе силам, одновременно с этим трудовые обязательства подразумевается сбалансировать, а частную собственность на производительные активы искоренить [9]. Экспертная оценка заменяется в Rageson неким подобием профсоюза, когда рабочее самоуправление рождается из наиболее вовлеченных в конкретный вопрос специалистов, степень влияния человека на принятие решения также обусловлена его причастностью к проблеме.

Таким образом, Rageson совмещает в себе постанархистские ценности (справедливость, солидарность, плюрализм, самоуправление, бесклассовость, экологичность и эффективность, не преваляющая над остальными ценностями) и концепцию управления общими ресурсами другого ученого, успешно совместившего политологию и экономику, нобелевского лауреата по экономике Элинора Остром.

Критика Rageson исходит из левого же крыла. Ноам Хомский утверждает, что модель мало чем отличается от капитализма, рассматривая труд как бремя, а система вознаграждения и вовсе является унижительной [10]. Дэвид Швайкарт перечисляет четыре ключевые слабости модели: балансировка труда работает только в малых группах, уравнивание оплаты труда снижает мотивацию работников, внутренняя оценка сообществом приложенных друг другом усилий может быть необъективной, самомониторинг может трансформироваться в тоталитаризм или же наоборот анархизм, а исключение рынка из экономического планирования делает модель утопичной [11]. Также распространена реплика о том, что справедливое вознаграждение труда не избавит людей от желания как можно меньше работать, и тогда это не имеет смысла.

Основная проблема теоретических моделей кооперативного управления заключается в их умозрительности, порождающей противоречия и излишне путанные, надуманные правила кооперативной игры. Не смотря на это локальные практики и наименее масштабные концепции вроде *horizontalidad* успешно реализуются, а платформа *The Next System* в настоящее время собирает поправки и мнения на счет существующих моделей, кооперативно артикулируя новые политические формы.

4. Исландский опыт кооперативного управления

4.1. Средневековый либертаризм

Возможно, самым заметным примером воплощенного в реальной политике кооперативизма является Исландия. Можно выделить два крупнейших прецедента: более чем трехвековая «эпоха народовластия» (930–1262 гг.) и правление Йона Гнарра и его «Лучшей партии» в Рейкьявике (2010–2014 гг.).

Первыми поселенцами Исландии были беженцы из Норвегии, бежавшие от короля Харальда I и сопутствующей ему политики классового разделения. Беженцы не были антигосударственниками, классическими анархистами, скорее

наоборот: они хотели признания прав человека вне зависимости от его социальной стигматизации. Во многих источниках указывается, что это намерение привело исландцев через девять веков к созданию исландской республики в 1944 г.

В 930 г. территория, занятая беженцами, стала называться Свободным исландским государством, чья система управления определялась в основном письменными законами и «Книгой исландцев». «Саги об исландцах» были созданы на западе и востоке страны, где родовой строй был наиболее крепок, а, значит, и принципы естественного права, которое является основой постанархизма и кооперативного управления. Джаред Даймонд в «Living on the Moon» пишет: «Средневековая Исландия не была бюрократической: ни налогов, ни полиции, ни армии. Классические правительственные институты в Исландии отсутствовали или были приватизированы, включая пожарную службу, уголовное преследование, заботу о бедных», а Адам фон Бремен описывал Исландию, как «страну, не имеющую царя, кроме закона» [12]. Дэвид Фридмэн считает, что Свободное исландское государство «могло бы быть изобретено безумным экономистом, чтобы проверить, насколько рыночные системы способны вытеснить правительство в его наиболее фундаментальных функциях» [13].

Тогда же, в 930 г. был создан исландский парламент — Альтинг, — один из старейших в мире (создан в 45 км к востоку от Рейкьявика — нынешней столицы). Парламент собирался раз в два года на две недели летом и не имел бюджета, только сборы за «предоставляемые услуги». Не имея институтов исполнительной власти и лидера (короля), Исландия делилась на годорды (сообщества, а не территории), возглавляемые годи, совмещавших функции политика, юриста и полицейского. Люди могли менять годорды по своему усмотрению. А годи могли продать свой статус, передать или одолжить его, поэтому статус как таковой не был гарантией власти, если годи не был способен убедить граждан следовать за ним (недовольные граждане всегда могли сменить годорд, а, значит, и годи). Биргир Солвасон отмечает, что превалирование «виртуальной» юрисдикции над физической (отсутствие зависимости от территорий), а также конкурентная политика вместо монопольной — это одна из сильнейших черт Свободного исландского государства, поскольку это исключало злоупотребление властью. Политика в принципе не мыслилась в категориях абсолютной власти, она не была сакрализована и при этом была эффективна. Также стоит подчеркнуть, что дифференциация в Исландии по полу или социальному статусу была сравнительно невелика, что делало граждан Свободного исландского государства свободными по средневековым меркам как минимум (весной 2017 г. схожий принцип вернулся в законодательство современной Исландии) [14].

Несмотря на правовой характер исландского государства, за исполнение законов граждане были ответственны перед самими собой. Фридмэн отмечает, что средневековая исландская правовая система остается беспрецедентной по соотношению личного права и ее эффективности [15]: все прочие системы включают синтез частного и государственного принуждения, а исландская развивалась без централизованной власти, относя любое правонарушение в плоскость личной ответственности, и ставя перед правонарушителем только

одно условие — выплатить штраф. В исландскую «лично-автономную» правовую систему интегрировались все новые институты, например, церковь. В 1000 г. посредством переговоров на Альтинге было принято христианство, причем религиозный институт был адаптирован к существующей правовой системе.

Солвасон также утверждает, что исландское общество было гораздо больше склонно к сотрудничеству, нежели его современники, например, в Англии и Норвегии [16]. Фридмэн и вовсе сравнивает средневековую Исландию с современной Америкой, допуская, что среднее число убитых ежегодно на душу населения в «эпоху народовластия» приблизительно равно текущей статистике в США [17]. В таком случае, что привело к упадку государства?

Считается, что кооперативная модель управления работает только в маленьких государствах, а Исландия росла и развивалась, рост экономики стал причиной возникновения классовой структуры общества и кооперативизм стал невозможен. Есть предположение, что успех кооперативной модели в Исландии в наименьшей степени обусловлен политической волей общества, но бедностью, суровым климатом и его малой величиной [18].

Тем не менее, в истории остался опыт анархистского государства, успешно просуществовавшего в течении более трехсот лет, и это можно считать политическим успехом. Его опыт можно переосмыслить в масштабе других соразмерных ему государств в контексте настоящего времени, с учетом следующих выводов:

- кооперация распространяется в формате небольших групп, нежели целого общества;
- для распространения кооперации во всем обществе необходимо сотрудничество всего двух групп или нескольких участников этих групп, тогда произойдет волна вторичной кооперации;
- доверие достигается между участниками группы любой величины, солидарность – только малой [16];
- кооперативное управление без централизованной власти, четкого территориального закрепления, несоизмеримого относительно друг друга классового разделения, жесткой системы наказания и насилия как инструмента дисциплины позволяет создать эффективное, устойчиво развивающееся государство.

Однако, разумеется, эти аспекты крайней редко (ближе к «никогда») встречаются вместе в политической действительности с учетом уже упомянутого цивилизационного развития.

4.2. Анархизм в Рейкьявике

Одна из главных удач современной Исландии и кооперативной теории — это комик-анархист Йон Гнарр, ставший мэром столицы на четыре года. С его помощью Исландия первой разрушила «общество спектакля» путем перформансов, шуток и откровенного политического абсурда (заменившего традиционный латентный). Джон Рентул утверждает, что изучение феномена Гнарра может наглядно продемонстрировать, в чем именно проблема

современных демократий [19]. Кстати, сам Гнарр называл свое партию антидемократичной [20].

В 2008 г. Исландия пережила беспрецедентный в мире экономический крах [22]. Поэтому желание общества реформировать рухнувшую систему было достаточно большим, чтобы пойти на политический риск и выбрать на позицию второго в государстве человека довольно нетипичного для этой роли Гнарра.

«Лучшая партия» была создана в 2009 г., как продолжение успешного телешоу о политике-популизме: «Зачем голосовать за вторую или третью партию, когда вы можете получить лучшую?» — гласил партийный лозунг. Единственным человеком в партии, имеющим отношение к политике, была только что закончившая университет политолог Хайда Хельгадоттир, сам же Гнарр говорил, что испытывает отвращение к политике. Их ключевым предвыборным обещанием стало обещание нарушить каждое свое обещание [22].

По результатам первых опросов «Лучшая партия» заработала 0,7 % голосов, что получило ироничный отклик от других партий. Согласно следующим опросам «Лучшая партия» заработала 10 %, чем вызвала уже гневную реакцию у политических оппонентов. Третий опрос зафиксировал 20 % голосов и широкое одобрение со стороны общества. Этот рост партия заработала исключительно за счет исполнения анекдотов с трибуны, однако после предвыборного ролика на песню Тины Тернер «Simply the Best» за две недели до выборов партия получила 38 % голосов. А потом выиграла на выборах. Примечательно, что эти же 38 % были у «Лучшей партии» и в конце их срока.

Гнарр не считал власть своей целью. Партия и должность мэра, задуманные в качестве шутки, переросли замысел создателя, став политической реальностью. Со временем партия стала ставить серьезные цели, главной из которых было создание нового мира, противоположного существующему.

«Лучшая партия», не желая переизбираться на второй срок, позволила себе ряд смелых и важных решений: сокращение государственных служащих; реформирование убыточного (более 2 млрд. долларов) концерна Reykjavik Energy путем увольнения генерального директора и совета директоров, пригласив на их место специалистов по энергетике; реструктурирование финансов; вложения в экологическое развитие; запрет силам НАТО на любое использование территории и ресурсов Исландии; создание плана зонирования городской среды для улучшения ситуации с общественным транспортом, велотранспортом, парковками и зонами отдыха, обеспечение возможности безвозмездной аренды земли в центре Рейкьявика для проектов горожан, безопасные улицы, создание сайта общественных инициатив улучшения городской среды (betrireykjavik.is); объединение школ для сокращения расходов; изменение политической культуры самой исполнительной власти от популизма к искренности.

Главным итогом правления «Лучшей партии» по мнению Гнарра стало доказательство того, что менять окружающий мир может любой. То есть, политика — не сакральная сфера избранных людей, а дело каждого. Чтобы не быть обманутым и иметь возможность принимать решения, демократии недостаточно, нужно быть анархистом.

Четыре анархо-сюрреалистичных года в Рейкьявике не только подняли до беспрецедентного уровня туризм, очень помогли экономике и изменили общественно-политическую культуру Исландии, но и привели к нескольким малоизвестным последствиям в политике страны.

Во-первых, появилась анархическая коалиция в Альтинге (партия «Светлое будущее», «Пиратская партия», «Левое Зеленое движение» и «Социал-демократический альянс»). Две партии по следам Гнарра произвели небольшой фурор в парламенте, получив в общей сумме 21,64 % мест.

Во-вторых, была создана народная Конституция Исландии, принятая на референдуме в 2012 г. и апробированная Венецианской комиссией. Исландскому обществу осталось найти общий язык с парламентом в этом вопросе, на что есть все шансы: в Альтинге 2016 г. вторая по величине коалиция (левая) целиком поддерживает новую Конституцию.

В-третьих, прошли общественные протесты в 2016 г. Выборы 2016 г. стали досрочными из-за раскрытия Панамских документов, из которых стало известно об офшоре супруги премьер-министра Давида Сигмундюра, ранее принадлежавшего ему самому. Общественный протест направлен на политическую циничность премьера: он пришел к власти на посткризисной волне честной политики, выступая за справедливость и безопасность от иностранных кредиторов, а сам пользовался этими схемами.

Собственно, недоверие правительству в создании Конституции, протестное движение 2016 г., как реакция на Панамский архив, уверенное присутствие «Пиратской партии» в Альтинге, показало, что общество готово продолжать рисковать, беря ответственность за политику на себя. Исследуя исландскую историю преодоления кризиса 2008 г., Пол Кругман подытожил: «На данный момент давайте просто признаем, что иногда инакомыслие работает намного лучше, чем самые проверенные способы» [23]. Всегда есть альтернативы, и наименее очевидные альтернативы могут быть наиболее предпочтительными. На место консервативности и стабильности как лейтмотива государственной политики, возможно, приходит эксперимент как отправная точка политических решений.

Важно сделать следующую ремарку. Кооперативное управление в Исландии отличается от многих других стран психологическая специфика общества. Высокий уровень доверия, присущий скандинавским странам [24], делает возможным создание государства всеобщего благосостояния, формат которого в некоторых аспектах тождественен кооперативной модели (коллективная ответственность, индивидуализм, концепция социального государства и др.). Во многом это обусловлено гомогенностью общества и его величиной. Согласно данным за 2016 год население Исландии составляет 335878 человек, среди которых потомками норвежцев и кельтов являются 94 % [25]. Ларс Свендсен отмечает, что видение человеком окружающих непохожими на него (другими) склоняет его к антисоциальному поведению, поэтому гомогенность и величина общества сильно влияет на возможность создания кооперативной модели управления, которая целиком связана с желанием людей сотрудничать и брать на себя ответственность. Ощущение собственной инаковости в обществе порождает чувство одиночества, которое, в свою очередь, провоцирует чувство угрозы у одинокого человека по отношению к его социальному окружению [4].

Если исходить из психологической трактовки кооперативного управления, то меньше всего шансов у этой модели в Словении, Венгрии, России, на Кипре, в Италии, Украине, Польше, Косово, Словакии, Португалии, Албании, Чехии и Болгарии [23] — и это только в пределах Европы. С одной стороны, измерение доверия — это крайне сомнительная по достоверности процедура, с другой, эти данные поверхностно отражают состояние общества, имеет смысл учитывать и их.

4. Выводы

На основе проведенного исследования, можно заключить, что кооперативное управление является концепцией с глубокой теоретической проработкой, отвечающей вызовам метамодерна, а также имеющей успешные прецеденты практической реализации. Получив анархистский вектор развития еще в начале XX в. в работе Джеймса Бьюкенена, концепция прошла через антагонизм делиберативной и диссенсуальной моделей, переродившись в XXI в. в постанархистскую прикладную модель общественного взаимодействия.

Пример Исландии (страны с богатым опытом либертарианских экспериментов) показал, что постанархистские принципы общественного порядка могут стать основой стабильности и эффективности государства (триста лет «эпохи народовластия»), а также имеют терапевтический эффект после глубоких кризисов (Йон Гнарр и «Лучшая партия»).

Единственный недостаток этой концепции состоит в ее редкой достижимости. Для того, чтобы кооперативизм в масштабных политических системах был возможен, необходимо удовлетворить одновременно несколько условий: иметь высокий уровень межличностного доверия в обществе; внешние власти принимают и не нарушают установленные обществом правила; создать такие правила, которые будут соответствовать реальным потребностям и условиям граждан; каждый человек, попадающий под действие правил, может участвовать в их изменении; применение четко фиксированных санкций по отношению к нарушителям правил; разработанный мониторинг поведения членов сообщества осуществляется самим сообществом; ответственность за управление общими ресурсами несут все члены и подсистемы сообщества, и все сообщество целиком [29]. Согласно исследованиям, исходя уже из первого пункта условий возможности кооперативного управления лишаются большинство государств мира. Однако, понимая диалектичность сложных систем, всегда есть шанс на изменения.

Литература

- [1] Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. С. 55, 67-68.
- [2] Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper & Row, 1950. P. 269.
- [3] Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 18.
- [4] Свендсен Л. Философия одиночества. М.: Прогресс-Традиция, 2017. С. 146.
- [5] Marar Z. The Happiness Paradox. London: Reaktion Books, 2003. P. 101.

- [6] Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 2000. P. 8.
- [7] Sitrin M. *Horizontalism: Voices of Popular Power in Argentina*. AK Press, 2006. P. 38. https://books.google.ru/books?id=0Iqi0OVPCDAC&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.
- [8] Shalom S., Doherty A. *The Politics of A Good Society* // New Left Project, 31.03.2010. http://www.newleftproject.org/index.php/site/article_comments/the_politics_of_a_good_society.
- [9] Fotopoulos T. *Participatory Economics (Parecon) and Inclusive Democracy*. The International Journal of INCLUSIVE DEMOCRACY, Vol. 1, No. 2, January 2005. <http://inclusivedemocracy.org/journal/pdf%20files/pdf%20vol1/Parecon%20and%20Inclusive%20Democracy.pdf>.
- [10] Chomsky N. Interview by Adrien Wilkins: Noam Chomsky: Beyond State Socialism // YouTube.com, 07.09.2011. <https://www.youtube.com/watch?v=kVNq8knHGew>.
- [11] Schweickart D. *Nonsense on Stilts: Michael Albert's Parecon*. Loyola University Chicago, 16.01.2006. <http://orion.it.luc.edu/~dschwei/parecon.htm>.
- [12] Long R. *Privatization, Viking Style: Model or Misfortune?* // LewRockwell.com, 06.06.2002. <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians>.
- [13] Friedman D. *Private creation*. <http://www.daviddfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html>.
- [14] Kilpatrick R. *Iceland Has Become the First Country to Officially Require Gender Pay Equality* // Fortune.com, 09.03.2017. <https://www.lewrockwell.com/2002/06/roderick-t-long/the-vikings-were-libertarians>.
- [15] Friedman D. *The Machinery of Freedom: Guide of Radical Capitalism*. CreateSpace Independent Publishing Platform; 3rd edition, 2015. P. 121.
- [16] Solvason B.T.R. *Ordered Anarchy, State, and Rent-Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930-1264*. George Mason University, Fairfax, Virginia, 1991. https://notendur.hi.is/~bthru/Ordered_Anarchy_PhD_dissertation.pdf.
- [17] Friedman D. *Private creation and enforcement of law: A historical case*. University of Chicago Law School, 1979. <http://www.daviddfriedman.com/Academic/Iceland/Iceland.html>.
- [18] Diamond J.M. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. W. W. Norton & Company. 1999. P. 310.
- [19] Rentoul J. *Have you heard the one about Jon Gnarr, the comedian who saved Iceland from political and financial catastrophe?* // Independent, 13.09.2014. <http://www.independent.co.uk/news/people/profiles/have-you-heard-the-one-about-jon-gnarr-the-comedian-who-saved-iceland-from-political-and-financial-9730522.html>.
- [20] Zeitchik S. *Icelandic comedian Jón Gnarr's «The Mayor» is like «Veep», only with a real-life politician* // Los Angeles Times, 06.07.2016. <http://www.latimes.com/entertainment/tv/la-et-st-iceland-jon-gnarr-mayor-veep-comedian-political-20160701-snap-story.html>.
- [21] Krugman P. *The Icelandic Post-crisis Miracle* // Krugman.blogs.nytimes.com, 30.06.2010. <http://krugman.blogs.nytimes.com/2010/06/30/the-icelandic-post-crisis-miracle>.

- [22]Seibt C. More punk, less hell! // Tages-Anzeiger, 28.05.2014. <http://www.tagesanzeiger.ch/ausland/europa/More-punk-less-hell/story/10069405>.
- [23]Krugman P. The Least Worst Crisis // Krugman.blogs.nytimes.com, 09.06.2015. http://krugman.blogs.nytimes.com/2015/06/09/the-least-worst-crisis/?_r=0.
- [24]Beilmann M., Lilleoja L. Social trust and value similarity: the relationship between social trust and human values in Europe. Studies of transition states and societies, 7 (2015). P. 24. <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ss0ar-455248>.
- [25]Iceland Demographics Profile. Index Mundi, 2016. http://www.indexmundi.com/iceland/demographics_profile.html.
- [26]Ostrom E. Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems. Prize Lecture // Nobelprize.org, 08.12.2009. P. 422. https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2009/ostrom_lecture.pdf.

Cooperative governance in metamodern context

D. Khokhlova

St. Petersburg University

The article studies how the cooperative governance model has been developing in the 20-21st centuries. The focus is placed on the models that appeared in the new metamodern epoch.

The difference between metamodernism and antecedent postmodernism is that the former finds balance between authenticity and irony; it accepts post-truth and liminality as genuine and consummated (not transit) sociopolitical and cultural condition. Metamodernism is currently formatting politics, shifting its focus from absolute power to the phenomena of influence and cooperation. The practice of cooperative governance has recently arisen from non-violent protests and social and political experiments, the perfect example of which is Jón Gnarr's election as Reykjavik's Mayor in 2010-2014. The article scrutinizes Icelandic libertarian practices (namely, the Medieval Icelandic Free State and the present-day Best Party rule) as the experiment of cooperative governance, unprecedented in its scale and political level.

As a result, the article elaborates on the conditions, which are essential for cooperative governance to be successfully implemented. The article also enunciates rather questionable feasibility of the concept. Nevertheless, in future the cooperative governance stands its chance to further expansion due to autonomy concept growth, social cooperation trend leading to reframing, transformation and even extinction of state institutions; as well as proliferating feminism and non-violent political practices.

Keywords: metamodernism; cooperative governance; pure democracy; post-anarchism; horizontalidad; parecon; parpolity; partisipism

Международный опыт и российские коммуникативные практики: трудный путь к сотрудничеству

Н.А. Баранов

БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

nicbar@mail.ru

Аннотация

Политические процессы в современных государствах сопровождаются появлением теорий и практик, предназначенных для совершенствования взаимосвязи политики и управления через посредство новых механизмов. Процесс коммуникации, следствием которого является политика в интересах общества, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, которые проходят апробацию в условиях информатизации и глобализации. В России также осуществляется поиск коммуникативных практик, способствующих установлению взаимопонимания власти и общества. Эти практики носят преимущественно ценностный характер и основываются на общественном договоре, имеющем социальное звучание. Выходом из сложившейся ситуации является перенос на российскую политику тех практик, которые позволяют эффективно влиять на процесс управления, контролировать деятельность государственных и административных органов и формировать пространство для реального сотрудничества заинтересованных структур.

Ключевые слова: делиберативная политика, мониторинговая демократия, совещательная демократия, полупрямая демократия, прямая демократия, управленческие практики.

1. Введение

В целях совершенствования политического управления необходимо налаженное взаимодействие между субъектами политики, которыми являются государственные институты, принимающие решения, организации и группы, продвигающие свои интересы, а также граждане, выражающие собственную позицию относительно обсуждаемых тем. Наиболее органичная связь между данными субъектами возникает в условиях демократии, под которой понимается такая «политическая система, при которой существенная часть общества принимает участие в процессах, определяющих действия правительства» [1, с. 27].

Однако демократическая система не способна решать проблемы в интересах общества, если само общество не станет актором, а будет индифферентно наблюдать за работой избранного им правительства, занимаясь собственными делами. Еще французский мыслитель Алексис де Токвиль справедливо подметил, что находясь под опекой, граждане «успокаивают себя тем, что опекунов своих они избрали сами. Каждый отдельный гражданин согласен быть прикованным к цепи, если он видит, что конец этой цепи находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа» [2, с. 496]. И в то же время, когда граждане, освободившись из-под опеки, способствовали благополучию общества, они тем самым повышали собственное благосостояние.

В данном контексте представляется актуальной точка зрения австрийского и американского экономиста Денниса Мюллера относительно качества демократии, которое «зависит от качества ее граждан — от того, насколько они разбираются в общественных вопросах, насколько готовы активно участвовать в политическом процессе и, если необходимо, рисковать жизнью и личной свободой ради защиты демократических институтов» [1, с. 40]. И конечно же, трудно не согласиться с тем, что образованный, сознательный электорат с общими интересами, ощущением единой идентичности и преданностью обществу составляет основу успешных демократий [1, с. 31].

В данной статье рассматривается процесс совершенствования взаимосвязи политики и управления через посредство новых механизмов, связанных с коммуникацией между обществом и властью.

2. Коммуникации между обществом и властью в контексте демократических практик

Представительство интересов различных слоев населения является важнейшей компонентой в принятии политических решений. Представительная форма демократии заключается в учете мнения народа не только при проведении выборов, но и в повседневной жизни. Парламентарии представляют народ, или как образно пишет Ф. Манов: «представляемые живут в своих представителях и действуют через их посредство» [3, с. 77]. Согласованность пожеланий общества и действий власти не носит обязательного характера, но оставляет возможность народу влиять на принимаемые решения. В то же время, у народных избранников сохраняется относительная свобода действий.

Насколько должно быть активным участие общества в управлении государством — вопрос, которым задавались на протяжении многих десятилетий. После событий 1968 года в Европе среди политических мыслителей возникли опасения, связанные с дезинтеграцией гражданского порядка в связи с «перегрузкой» правительства требованиями, исходящими от общества [4, с.332–333]. По их мнению, серьезные проблемы в управлении государственными делами были созданы высокой активностью большого количества людей, желающих слишком многого от правительства, а также слишком широким участием в работе правительства. Поэтому были предприняты попытки снижения активности общества, чему были посвящены теории, например, немецкого социолога Никласа Лумана о снижении

политизации в деятельности социальных систем. Из теории Н. Лумана следовал вывод о том, что государственное правление необходимо оставить политикам и бюрократам, и что активисты общественных движений могут причинить большой ущерб современным обществам, если правительства уступят их ложным требованиям. С точки зрения немецкого ученого, возобладали принцип: «сопротивление чему-то — вот присущий современному обществу способ конструировать реальность» [5, с. 300–301], который необходимо направлять в конструктивное русло.

Для снижения протестной активности нужны были новые формы коммуникации с обществом, актуализация диалогового формата взаимоотношений между политическими институтами и гражданами. Одним из принципов представительного правления, согласно Б. Манену, является управление посредством обсуждения. Обсуждение, с точки зрения французского философа, — «это не процедура принятия решения, но способ оценки, тщательного исследования и испытания государственных решений» [6]. Создание соответствующей атмосферы высказывания мнений, реакция властей на результаты обсуждения актуальных проблем, возможность корректировки неудавшегося, с точки зрения общества, представительства — проблемы, решаемые современными политическими системами.

Представительство в органах власти должно отражать, по выражению П. Розанваллона, «всю анатомию общества» [цит. по: 3, с. 100]. Но так как обязанности представителя — политические, то под репрезентативностью следует понимать представительство именно тех или иных идей, востребованных в обществе, а не конкретных слоев населения. Поэтому представительство предполагает постоянную сверку с избирателями и обществом в целом относительно доминирующих ценностей и идей. Без такой связи представительство теряет смысл, так как парламентарии начинают представлять только самих себя в отрыве от общества.

Одной из современных практик, включающей открытый дискурс и общественные обсуждения актуальных проблем политического и социально-экономического развития, является делиберативная демократия, фокусирующаяся на роли общественных дискуссий в принятии решений и открытости коммуникативного пространства. Обращение к делиберативной политике в западных странах стало следствием растущего отчуждения гражданина от власти, монополизации процесса принятия государственных решений, потребности к совершенствованию системы представительной демократии.

Американский политолог Джозеф М. Бессет определяет делиберативный процесс как «обсуждение по существу государственной политики» [7, с. 5], а делиберативную демократию — как «правление путем взвешенных и обоснованных решений граждан» [7, с. 14]. Делиберативный процесс осуществляется в рамках публичной политики, в которой участники стремятся убедить друг друга в принятии тех или иных решений.

Главные черты делиберативной демократии выделил Джошуа Коэн в статье «Делиберация и демократическая легитимность»: делиберативная демократия является действующей и независимой ассоциацией; члены ассоциации строят свою деятельность в рамках создаваемых ими институтов; ассоциация является

плюралистической; делиберативные процедуры рассматриваются как источник легитимности; члены ассоциации признают друг у друга способность к делиберации — публичному обмену разумными суждениями [8, р. 161–162].

Концепция делиберативной демократии развивалась европейскими обществоведами — Юргеном Хабермасом, Шанталь Муфф, которые акцентировали внимание на обсуждении [9], убеждении, аргументации, поиске компромисса и достижении согласия, которое отвечало бы требованиям как рациональности, так и демократической легитимности.

Повышению качества демократии способствует совершенствование формы политического участия, реализуемой через модель, названную американским политологом Дэвидом Хелдом, совещательной демократией, которая базируется на идеях делиберации. По мнению Д. Хелда, в демократической теории должен быть осуществлен перенос внимания с макрополитических институтов к различным контекстам гражданского общества, которые могут как препятствовать, так и способствовать обсуждению и дебатам [10, с. 386]. Важнейшим критерием убедительности доводов, которые необходимо учитывать при выработке политики, является трансформация частных предпочтений посредством проверки мнением общественности. Сторонники данной модели демократии стремятся создать средства для рассмотрения мнений об общих проблемах через налаживание совещательного процесса. Политические решения должны соответствовать стандартам объективности, включающим в себя оценку предложений, открытость и широту обсуждения, а также принятие решения, исходя из всех точек зрения. Механизмы совещательной демократии включают различные диалоговые формы и практики: совещательные опросы, дни обсуждения, гражданские жюри, расширяющие механизмы ответной реакции и гражданской коммуникации, реформа гражданского образования, а также общественное спонсирование гражданских групп и ассоциаций, стремящихся к участию в совещательной политике. Таким образом, принципом обоснования совещательной демократии является «взаимная аргументированность» политических решений, являющаяся легитимной основой для поиска коллективных проблем [10, с. 417]. Суть спора относительно данной модели демократии состоит в том, должен ли принцип совещательности как процесс принятия решений занять место мажоритарного голосования, результаты которого обязательны для выполнения всеми гражданами, в том числе несогласными с принятым решением.

Анализируя перемены, происходящие в мире, Дэвид Хелд полагает, что в будущем будет востребована модель демократической автономии, суть которой заключается в способности людей осуществлять свободный выбор, определять и обосновывать свои собственные действия, самостоятельно принимать те или иные обязательства и обладать необходимыми условиями для политической свободы и равенства [10, с. 436]. Реализация принципа автономии потребует создания системы коллективного адекватного принятия решений, позволяющего гражданам участвовать в различных формах обсуждения и реализации жизненно важных политических проблем. Этим целям может служить двойная демократизация, связанная с взаимозависимой трансформацией государства и гражданского общества в соответствии с теми глобальными переменами, которые происходят в современном мире.

Демократическая автономия, таким образом, создает такие условия существования, в которых люди являются свободными и равными в процессе дискуссий об условиях их собственной жизни до тех пор, пока не обернут данную систему для отрицания прав других.

Еще об одной формирующейся модели демократии пишет английский и австралийский политолог Джон Кин. Он называет ее мониторинжной или мониторинговой демократией. Необходимость актуализации нового типа демократической политики аргументируется утратой значения таких классических демократических форм, как выборы, политические партии, парламенты. Возникает потребность во внепарламентских механизмах контроля власти, которые осуществляли бы мониторинг деятельности политических институтов и принимаемых решений. В самых разных областях — в местных, национальных и наднациональных (как в ЕС) правительствах, в мире бизнеса, в НПО и сетевых структурах — институты, осуществляющие власть, подвержены мониторингу и общественной критике.

Модель мониторинговой демократии предложил американский исследователь Майкл Шадсон. Развитию этого концепта Дж. Кин посвятил свою работу «Жизнь и смерть демократии» [11].

В условиях мониторинговой демократии контроль власти может осуществляться независимыми организациями публичной сферы, которые действуют как в правительственных структурах, так и в рамках гражданского общества, а также в трансграничных зонах, подчиненных государству или корпорациям. Мониторинговые механизмы являются институтами либо долговременными, либо кратковременными. Как пишет Дж. Кин, «отличительной чертой мониторинговой демократии является то, что потенциально все области социальной и политической жизни могут подвергнуться общественному контролю и досмотру, причем не только со стороны стандартных структур представительной демократии, но и со стороны всего комплекса непартийных, внепарламентских и часто неизбранных органов, действующих в границах территориальных государств, ниже этих границ и за их пределами» [12, с. 112]. В результате изменяется динамика самоуправления, ослабляется власть выборов, партий и парламентов над жизнью граждан. Независимые контролеры власти оказывают все большее воздействие на принятие решений правительственными и парламентскими институтами, корректируя их программы в интересах общества.

Необходимость в осуществлении мониторингового контроля подтверждается несовершенством современных наднациональных институтов. Новые технологии в совокупности с формированием наднациональных управленческих структур приводят к нарушению баланса между ветвями власти. Так, в Европе возник миф технического правления — правления экспертов по финансам, которое входит в противоречие с представительным правлением, ответственным перед своими избирателями. Профессор Колумбийского университета Нина Урбинати полагает, что одно из ключевых понятий современной теории демократии — «демократический космополитизм» — возникло в рамках утопического проекта сторонников единой Европы, по замыслу которых распространение демократических ценностей за пределы национальных границ должно обеспечить защиту

демократии и управление экономической глобализацией [13]. Однако в данном проекте образовался существенный изъян: происходит доминирование исполнительной власти, которая без какого бы то ни было демократического контроля реализует управленческие функции. Сложившуюся систему принятия решений в Евросоюзе Н. Урбинати называет «просвещенным деспотизмом», который характеризуется расширением полномочий бюрократии и отсутствием механизмов, обеспечивающих подконтрольность политических органов обществу. По ее мнению, современная демократия должна быть политической системой, которая «основана на рассредоточении власти и которая порождает такое рассредоточение; оно допускает формулирование множества политических решений, из которых граждане делают выбор» [14, с. 422–423].

Радикальный вариант демократического правления в виде прямой демократии в современных обществах встречается не часто. Так, опыт современных Швейцарии, Лихтенштейна, Италии, Германии, США, Уругвая, Словении свидетельствует, что прямая демократия, непосредственно осуществляемая народом, может быть достаточно эффективной. В современном мире полноценная прямая демократия встречается только на уровне местного самоуправления, однако в некоторых странах нарабатан опыт полупрямой демократии, при которой власть разделяется между народом и его представителями. При полупрямой демократии народ избирает депутатов в парламент, при этом у него остается право вето на решения, которые ему не нравятся. На практике механизм реализации народовластия включает составление петиции против закона, принятого представительным органом власти. Если петицию подписывает необходимое количество человек (в Швейцарии — 50 тыс., в Италии — 500 тыс. человек), то автоматически это приводит к проведению референдума. В некоторых странах (например, США) по некоторым вопросам проведение референдума является обязательным. При полупрямой демократии народ может выдвигать закон, если будет признано, что государственные институты не предпринимаяют действий для решения проблем, волнующих граждан. Следовательно, при полупрямой демократии законодательная власть делится между парламентом и народом, однако в случае возникновения конфликта между ними решающее слово принадлежит народу.

Существуют также механизмы внедрения прямой демократии в исполнительную власть. Так, в большинстве швейцарских кантонов проводится финансовый референдум, на который выносятся все траты определенного размера, что является эффективным инструментом ограничения роста бюджетных расходов.

Возможны элементы прямой демократии и в судебной власти, когда избранные народом судьи могут быть отстранены от должности народом до истечения срока полномочий. То же касается и должности губернатора — при достижении определенного числа голосов при сборе подписей за лишение права полномочий главы региона, вопрос о доверии губернатору выносится на общенародный референдум.

Сторонник прямой демократии французский политик и экономист Иван Бло считает: «обеспечивая контроль над делегатами, привлекая больше информации, усиливая конкуренцию и максимально повышая ответственность, прямая демократия привносит в механизм принятия политических решений

больше разумности» [15, с. 192], поэтому у нее есть все шансы распространиться в будущем.

Таким образом, в современные управленческие практики внедряются демократические механизмы, которые изменяются в соответствии с происходящими в мире переменами. Вектор таких изменений очевиден: ввиду низкой эффективности институтов представительной демократии необходимы учет мнения граждан, согласование политических решений с институтами гражданского общества, мониторинговыми структурами, предоставление права вето народу на решения, принимаемые государственными и муниципальными институтами, если они противоречат общественным интересам.

3. В поиске управленческих практик: российские особенности

В России также осуществляется поиск коммуникативных практик, способствующих установлению взаимопонимания власти и общества. Эти практики носят преимущественно ценностный характер и основываются на общественном договоре, имеющем социальное звучание. Актуальным является обращение к делиберативному процессу, так как система принятия решений, сложившаяся в последнее десятилетие, не предполагает взвешенного рассудительного подхода, а основывается на иррациональном восприятии обществом внешне- и внутривнутриполитических реалий. В современном российском дискурсе делиберацию характеризует в большей степени приближенность к жизненным ситуациям, акцент на решении реальных социальных проблем.

Инициатива в осуществлении политики принадлежит государству, которое в обмен на политическую индифферентность общества предлагает либо решение социальных проблем, либо объединение под патриотическими лозунгами. Управленческие практики в условиях санкций имеют строго вертикальный характер. Общественная инициатива, исходящая от организаций, неподконтрольных властным институтам, не приветствуется и попросту игнорируется. С скромные ростки гражданской активности либо ставят под контроль власти, например, деятельность ОНФ, либо блокируются. Создаваемая имитация сотрудничества лишь временно решает проблемы управления, не позволяя принципиально обновить механизм управленческой деятельности.

На авторитет власти продолжает работать великодержавный дискурс, который в 2017 году достиг апогея. Так, по результатам опроса ВЦИОМ 57 % россиян считают, что Россия уже входит в число великих держав, а 31 % полагают, что это произойдет в течение ближайших десятилетий. Генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров так прокомментировал результаты опроса: «Самоуважение россиян продолжает расти, и это самоуважение связано, прежде всего, с активной ролью и важным положением России как игрока в мировой политике. Опрос ВЦИОМ зафиксировал исторический максимум доли респондентов, полагающих, что наша страна уже достигла статуса великой державы либо достигнет его в ближайшее время» [16]. Полтора годами ранее декан экономического факультета МГУ Александр Аузан констатировал готовность российских граждан в принадлежности к великой державе за счет самоограничений [17]. Таким образом, российские граждане полагаются на государство, получая взамен гордость за страну.

По опросам Фонда общественного мнения 78 % россиян считают себя патриотами, при этом 40 % полагают, что патриотизм больше свойственен пожилым людям. 62 % опрошенных считают, что патриотом может быть человек, который критикует власти своей страны, а 51 % — человек, который не ходит на выборы [18]. Политическая активность граждан, готовность влиять на политический процесс не входит в приоритеты россиян при характеристике патриотизма.

Внешне- и внутривнутриполитические ориентации россиян решающим образом сказываются на потребности участия в публичной политике и управленческой деятельности. Излишняя доверчивость, сочетающаяся с пониженной самокритикой, являются препятствием на пути эффективного управления.

Выходом из сложившейся ситуации является перенос на российскую политику тех практик, которые позволяют эффективно влиять на процесс управления, контролировать деятельность государственных и административных органов и формировать пространство для реального сотрудничества заинтересованных структур.

Для снижения протестной активности российская власть инициирует консервативный запрос общества, реализуемый через соотнесение гражданина с великой страной, ее героической историей, великодержавными амбициями, государственно-патриотическими интенциями. В этих целях используется фактор сплочения общества перед лицом объединенного Запада, фальсификаторов истории, всех тех, кто не вписывается в государственническую парадигму. Противостояние информационной агрессии, направленной против России, поддержка русскоязычного мира, реализация информационных проектов, направленных на представление России в других странах в позитивном ключе — все эти формы воздействия положительно воспринимаются обществом, которое доверяет своим политическим лидерам. Таким образом, властные структуры снижают протестный потенциал, возможный в условиях существенного снижения уровня жизни.

Идеи совещательной демократии в России частично реализуются через мониторинг деятельности региональных органов власти Общероссийским народным фронтом, с которым руководство страны координирует свою деятельность. Мнение других общественно-политических объединений, как правило, не учитывается. Поддерживая провластно ориентированный сегмент гражданского общества, государство пытается направить коммуникативный процесс в удобном для себя направлении.

Концепт мониторинговой демократии не востребован, прежде всего, государственными институтами, которые препятствуют независимым контролерам, например, в лице Фонда борьбы с коррупцией, в осуществлении самостоятельной деятельности по контролю за политико-административной элитой и депутатским корпусом независимо от уровня государственной власти. Административному давлению подвергаются также независимые средства массовой коммуникации, что минимизирует влияние общественных контролеров на политическую ситуацию в стране.

Принцип демократической автономии, как прообраз модели будущего, современной политической практикой отвергается ввиду недостаточно выраженной потребности людей осуществлять свободный выбор,

самостоятельно решать возникающие проблемы. Данный принцип может реализоваться лишь через практику местного самоуправления как демократической формы организации жизни.

При этом в полной мере можно согласиться с утверждением А. Токвиля: «Сила свободных народов заключена в муниципальных институтах. Городские собрания являются для свободы тем же самым, чем начальные школы являются для науки; они открывают людям доступ к свободе, учат пользоваться ею и получать удовлетворение от этого. Народ может создать свободную форму правления, но без муниципальных институтов она не может обладать духом свободы» [2, с. 65].

Делиберация на низовом уровне, совещательные механизмы в муниципалитетах, мониторинговые институты на уровне местного самоуправления являются наиболее полезными практиками, которые могли бы быть востребованы в России. Широкое обсуждение общественных проблем и политические дискуссии остаются одним из основных механизмов осуществления политической власти, роль и значение которых в современных условиях повышается. Введение в управленческую практику референдумов, а также выработка механизмов отзыва избранных представителей власти по народной инициативе могут стать реальным рычагом влияния на деятельность как законодательных, так и исполнительных структур, повысив их ответственность перед народом.

4. Заключение

Государство должно предоставлять блага и услуги, которые граждане хотят иметь, но самостоятельно произвести не могут. По мнению французского политического философа Энтони де Ясаи, государство может и должно улучшать положение одних (проигрывающих групп населения) за счет ухудшения положения других (наиболее успешных слоев населения). Тем самым достигается благоприятный баланс между потерянными и выигранным согласием, который может совпадать или не совпадать с балансом между согласием выигравших и согласием проигравших. Поиском баланса политических преимуществ достигается баланс справедливости, который лежит в основе максимизации общественного благосостояния или справедливости распределения [19, с. 175–176]. При этом забота об общем благе должна преобладать над частными интересами.

Для страны, где велика разница между богатыми и бедными, было бы предпочтительным акцентировать внимание в управленческой деятельности именно на приоритетном решении данной проблемы, что может способствовать повышению доверия, необходимого для всех политических институтов.

Таким образом, процесс коммуникации, следствием которого является политика в интересах общества, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, которые проходят апробацию в условиях информатизации, глобализации и геополитических изменений.

Литература

- [1] Мюллер Д. Разум, религия, демократия / пер. с англ. А.А. Столярова. М.: Мысль, 2015. 560 с.
- [2] Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. 554 с.
- [3] Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 176 с.
- [4] Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 400 с.
- [5] Луман Н. Дифференциация. Пер. с нем. Б.Скуратова. М.: Издательство «Логос», 2006. 320 с.
- [6] Landemore Hélène. Is Representative Democracy Really Democratic? Interview of Bernard Manin and Nadia Urbinati. New York, 2007. April 10. http://www.laviedesidees.fr/IMG/pdf/20080327_manin_en.pdf.
- [7] Бессет Дж. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 336 с.
- [8] Kohen J. Deliberation and democracy legitimacy // Contemporary political philosophy: an anthology / ed. by Goodin R., Pettit Ph. Malden MA, 2006. P. 159–170.
- [9] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.; Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. №2. С.180-197.
- [10] Хелд. Д. Модели демократии. Третье издание / перевод с англ. М. Рудакова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 544 с.
- [11] Keane J. The Life and Death of Democracy. L., N.Y., Sydney, Toronto: The End Company, 2009. 958 p.
- [12] Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- [13] Урбинати Н. Реполитизация представительства в Европе // Интернет-журнал «Гефтер». 10.12.2014. <http://gefter.ru/archive/13761>.
- [14] Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; научный редактор перевода В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с.
- [15] Бло И. Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. М.: Книжный мир, 2015. 304 с.
- [16] Пресс-выпуск № 3327. Россия - великая держава. Опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 2-3 марта 2017 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111>.
- [17] Роль государства в экономике. Лекция Александра Аузана, 12 июня 2015 г. Сайт телеканала «Дождь». http://tvrain.ru/teleshov/ekonomicheskij_fakultet_leksii/rol_gosudarstva_v_ekonomike_leksija_aleksandra_au-389113.
- [18] Патриотизм: динамика мнений. Необходимые атрибуты патриотов. Опрос ФОМ проводился 5 марта 2017 г. <http://fom.ru/TSennosti/13261>.

- [19] Ясаи Э. де. Государство / пер. с англ. Г. Покатовича под ред. Ю. Кузнецова. Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 410 с.

International experience and Russian administrative practitioners: difficult way to cooperation

N.A. Baranov

BGTU "VOENMEH" of D.F. Ustinov

Political processes in the modern states are followed by emergence of the theories and the practician intended for improvement of interrelation of policy and management through new mechanisms. Wide circulation communication between society and the power through application the deliberativnykh the practician gets, the subjects of policy increasing the responsibility for the made decisions. The model of monitoring democracy assumes control of the power by the independent organizations of the public sphere which work both in government structures, and within civil society. Within consultative model the shift towards consideration of various contexts of civil society some of which interfere is made, and some promote free discussion and a debate. Thus, process of communication undergoes changes, there are new tendencies which undergo approbation in the conditions of informatization and globalization. In Russia search communicative the practician, promoting establishment of mutual understanding of the power and society is also carried out. These practitioners have mainly valuable character and are based on the public contract having social sounding. The initiative in relationship in the Russian conditions belongs to the state which in exchange for political indifference of society proposes either the solution of social problems, or association under patriotic slogans. The created cooperation imitation only temporarily solves problems of management, without allowing to update the mechanism of administrative activity essentially. An exit from current situation is transfer on the Russian policy of those the practician which allow to influence effectively management process, to control activity of the public and administrative authorities and to form space for real cooperation of the interested structures.

Keywords: deliberativny policy, monitoring democracy, consultative democracy, semidirect democracy, direct democracy, administrative practitioners.

Роль партий в публичной политике региона (на примере Алтайского края)

Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет

yashashkova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу роли политических партий в формировании «повестки дня» в рамках регионального законотворческого процесса в современной России. Отмечается мировая тенденция лидерства СМИ в установлении общественной «повестки дня», сочетающаяся с развитием механизмов «мониторной демократии». На этом фоне картелизация политических партий приводит к снижению их коммуникативной роли и потенциала в публичной политике. Еще в более выраженной форме этот тренд присутствует в российской партийной системе.

На материалах Алтайского края исследованы особенности участия региональных отделений политических партий в коммуникациях государства и общества при формировании «повестки дня», выделены три уровня организаций по степени их включенности в данный процесс. Особое внимание уделено деятельности партийных фракций в региональной легислатуре и официальных и неформальных общественных советах.

Ключевые слова: процесс принятия политических решений, «повестка дня», политические партии, регионы России, парламентские фракции, общественные советы.

1. Введение

В современных условиях глобальных вызовов и усложнения общественной жизни важное значение приобретает способность политических институтов отвечать на вызовы и требования «среды». Тем самым актуализируется вопрос о качестве и процедурах формирования «повестки дня».

Ситуация информационного общества приводит все большее количество исследователей к убеждению, что повестка сегодня формируется сверху, по каналам Интернета и СМИ. Так, М. Маккомбс и его коллеги отмечали, что СМИ при формировании «повестки дня» работают с двумя группами проблем: навязчивыми — они осознаются обществом и без СМИ, поэтому СМИ только

инициируют их обсуждение и мобилизуют на активность — и ненавязчивыми, которые целиком задаются СМИ, а общество только адаптирует их и достраивает под себя [1] [2]. При этом нельзя отрицать существование иных «повесток дня» — личной, общественной и др., — что актуализирует проблему их согласования. Более того, сегментарное общество значительно усложняет структуру требований, что может приводить к «перегрузке» политической системы.

И хотя почти классикой стало утверждение сторонников теории рационального выбора, что большинство членов общества не способно и не желает тратить время и силы на сбор информации и анализ общественных проблем, современные информационные технологии создают условия для «мониторной демократии» — «новой исторической формы демократии, ... определяемой быстрым ростом самых разных типов внепарламентских механизмов контроля власти» [3, с. 104–105]. К ним Дж. Кин относит: гражданские суды присяжных, неправительственные аналитические центры, дискуссионные собрания, гражданские ассамблеи, советы по конфликту интересов, сетевые петиции и чаты, консультационные советы и т.д. [3, с. 107–108]. А значит, граждане получают широкие возможности сравнивать официальную «повестку дня» и принимаемые в рамках нее решения с собственными проблемами и интересами с гораздо меньшими издержками для себя.

Иными словами, несмотря на влияние СМИ, значение сохраняет вопрос о выборе каналов и форм трансляции общественных проблем в официальную «повестку», роли отдельных институтов в данном процессе.

2. Партии в системе современной политической коммуникации

Традиционно функции коммуникации и «привратников» в политической системе (по модели Д. Истона) выполняли политические партии. Однако в условиях их картелизации партийные элиты становятся частью государственного аппарата, усиливается дистанция между партийной элитой и массой рядовых членов и сторонников партий, что снижает коммуникативные возможности данных организаций. Как отмечали Р. Кац и П. Мэир, «партии поглощаются государством, и они больше не являются посредниками между гражданским обществом и государством» [4, р.16]. «Тесные связи с массами, — развивает этот тезис К. Лоусон, — более не кажутся необходимыми, так как партии профессионально осваивают инструментарий политического маркетинга, и лидеры победившей партии осуществляют политику, которая удовлетворяет прежде всего их наиболее влиятельных сторонников. Постепенно ослабляя связи, обеспечивающие политическое участие, партии обычно в определенной степени сохраняют отзывчивость, однако ответ на вопрос о том, на кого они реагируют, вовсе не обязательно является обнадеживающим для приверженцев демократии» [5, с. 32–33].

Тем самым К. Лоусон указывает на мировую тенденцию трансформации роли партий в публичной политике — их переход от представительства интересов граждан к представительству групп интересов. В тоже время, по мнению ряда авторов, например, П. Игнаци, данный тренд имел объективные основания. Он связан с невозможностью для партий «получать от общества все необходимые ресурсы. Этот резервуар был почти исчерпан: вся спонтанная,

безвозмездная, даже фанатичная поддержка, которую члены и активисты оказывали партии, закончилась с воцарением неолиберального индивидуалистического мышления. «Индивидуалистическая мобилизация» отразилась на положении партий, став в конечном счете причиной разрыва их связи с обществом» [6, с. 57].

Оставив в стороне дискуссию о причинах партийных трансформаций, вслед за М. Кастельсом можно признать, что «партии исчерпали свой потенциал в качестве самостоятельных носителей социальных перемен. ...Однако они по-прежнему выступают в качестве важных инструментов, позволяющих преобразовывать требования общества в факторы политики» [7, с. 305].

В нашей стране данная тенденция еще более заметна, т.к. российские партии изначально создавались не столько как институты политического представительства интересов, сколько как «политические предприятия», обеспечивавшие конкуренцию элитных группировок, своего рода инструменты в борьбе элитных акторов за политическое господство, возникшие благодаря задаваемой элитными акторами структуре политических возможностей, таких, например, как конкурентная партийная система.

Казалось бы, участие в выборах должно стимулировать партии к аккумуляции и артикулированию интересов пусть не отдельных групп, а выявлению общезначимых проблем, что характерно для современных всеохватных партий. Но российские выборы давно не формируют «повестку дня», а партии не транслируют внятных программ и лозунгов. В сложившихся условиях и при существующих трендах дизайна отечественной политики и партий, последние концентрируют свое внимание на технологической стороне партийной работы, в первую очередь на обеспечении электоральных результатов в условиях обязательной демонстрации лояльности исполнительной власти, т.к. от этого в немалой степени зависит будущее каждой партии, ее возможность сохранить свое положение в следующем избирательном цикле. Особенно хорошо это заметно на региональном уровне.

3. Особенности участия региональных отделений политических партий в коммуникации государства и общества в Алтайском крае

Публичное пространство в Алтайском крае в последнее десятилетие сильно сузилось. В то же время, на партийном поле еще с начала 2000-х гг., кроме парламентских партий, заметны только Яблоко и РПР-Парнас. И либерализация партийного законодательства 2012 г. не оказала сколько-нибудь заметного влияния на данный процесс [подробнее об этом см.: 8].

При анализе роли партий в осуществлении взаимодействия государства и общества в рамках процесса принятия политических решений (ППР), в частности для кейса Алтайского края, большое методологическое значение имеет предложенное Ю.Г. Коргунюком для электорального процесса в РФ размежевание «власть — невласть (общественность)» [9] [10, с. 104]. На основании него можно выделить три уровня участия партий в политической коммуникации. Первый уровень включает непарламентские партии (Яблоко, Парнас), которые в силу позиционной близости к общественной среде и

некоторой протестности поднимают отдельные общественные проблемы. Второй уровень образуют КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», которые участвуют в ППР как парламентские партии, но имеют более тесную связь с общественной средой, чем «Единая Россия» (третий уровень), в основном сосредоточенная на техническом обеспечении процесса принятия политических решений. На двух последних уровнях основным субъектом взаимодействия государства и общества выступают парламентские фракции, ведущие работу по формированию «повестки дня» и ее трансформации в политические решения.

Кроме парламентских фракций общественные структуры в крае представлены официальными советами, консультативными структурами при органах исполнительной власти. Они, как правило, формируются из руководителей общественных организаций и на персональной основе, соответственно в них даже если и представлены члены регионального отделения партии «Единая Россия», то именно как представители корпорации, а не партийные «делегаты». Кроме единороссов, в официальных советах представлены: руководитель регионального отделения КПРФ — в межотраслевом совете потребителей по вопросам деятельности субъектов естественных монополий в Алтайском крае, руководитель РО ЛДПР — в Координационном совете по развитию г. Барнаула. Тем самым партии вынуждены использовать методы «новых кадровых» партий, которые являются электорально-профессиональными машинами, а для обеспечения себе массовой поддержки устанавливают тесную связь с общественными организациями.

Исключением до ноября 2016 г. являлась формируемая Общественной палатой Алтайского края Общественная наблюдательная комиссия по обеспечению прав человека в местах принудительного содержания, три созыва подряд возглавлявшаяся руководителем регионального отделения «Яблоко» и общественной организации «Защита и поддержка гражданских прав и инициатив», правозащитником А. Гончаренко. Однако в новый состав комиссии вошло значительное количество бывших работников силовых структур.

Неофициальные советы возникают по актуальным проблемам, как правило, включают представителей парламентских и непарламентских партий (кроме «Единой России»). Например, в Алтайском крае такой совет был создан в январе 2017 г. для обсуждения генплана города, который администрация попыталась принять без широкой дискуссии.

Вместе с тем, сами представители политических партий деятельность Общественных советов при органах власти оценивают как не эффективную. По их мнению, данные структуры «выполняют функции формально» и «создают иллюзию влияния гражданского общества на власть, как законодательную, так и исполнительную». Задачи же работы «официальных» Общественных советов партийцы видят в организации «предварительного обсуждения законопроектов экспертным сообществом, общественными деятелями, гражданами, представителями политических партий и общественных организаций», но для этого «необходимо расширить их полномочия». Соответственно задачами советов, образуемых общественными активистами, по их мнению, должны стать «трансляция оценки общества на принимаемые решения», «обсуждение вопросов экспертным сообществом, общественными деятелями, гражданами, представителями политических партий и общественных организаций».

Наиболее эффективными формами общественного обсуждения законопроектов, проектов решений представители партий считают круглые столы, научно-практические конференции и общественные слушания, в связи с чем проводят их под эгидой своих фракций в краевом Законодательном Собрании или принимают активное участие в данных мероприятиях, организованных другими структурами. Так, в 2016 г. фракцией «Единая Россия» в АКЗС было проведено 4 круглых стола («Охрана животного мира в Алтайском крае», «Об использовании ленточных боров и Приобских лесов Алтайского края арендаторами лесных участков», «Совершенствование целевого набора врачей и средних медицинских работников в медицинские организации Алтайского края и предоставление им целевых, муниципальных и иных льгот», «Внедрение норм ГТО в Алтайском крае»), фракцией «Справедливая Россия» — 2 круглых стола («Развитие массовых зимних видов спорта хоккея и фигурного катания в Алтайском крае», «Состояние жилищного фонда в Алтайском крае: актуальные проблемы и пути их решения») и фракцией КПрФ — тоже 2 круглых стола («О государственной политике в сфере социальной поддержки детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Алтайском крае», «Правовые и социально-экономические последствия применения системы «Платон» в Алтайском крае») [11].

4. Выводы

В целом, можно констатировать, что представленные кейсы соответствуют мировой тенденции снижения роли партий в общественном обсуждении политики при усилении их статуса в процессе принятия политических решений в рамках модели «партийного государства». Роль же отдельных партий в процессе принятия политических решений определяется их позицией в партийно-электоральных полях. Российскую ситуацию взаимодействия партий и общественных организаций на федеральном и региональном уровнях, при учете общего технического характера российской партийной системы, больше отражает размежевание «ЕР — остальные партии», чем «парламентские — непарламентские». Хотя и это размежевание присутствует, т.к. фракции, в частности в АКЗС, регулярно проводят круглые столы по законопроектам с привлечением общественников, в то время как непарламентские партии только участвуют в некоторых из них в качестве приглашенных.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-03-50136.

Литература

- [1] McCombs M., Shaw D. The Agenda - setting Function of Mass - Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. № 3. P. 176 – 187.
- [2] Weaver D., Graber D.A., McCombs M.E., & Eyal C.H. Media agenda-setting in the Presidential Election. New York: Praeger, 1981.
- [3] Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- [4] Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. 1995. Vol. 1. № 1. P. 5 – 28.

- [5] Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. № 4. С. 29–48. <http://elibrary.ru/item.asp?id=15488302>.
- [6] Игнати П. Партии и демократии в постиндустриальную эпоху // Политическая наука. 2010. №4. С. 49–76. <http://elibrary.ru/item.asp?id=15488305>.
- [7] Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
- [8] Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Три года партийной трансформации: новые партии в российском политическом процессе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. №1. С. 76–88. <http://elibrary.ru/item.asp?id=25296999>.
- [9] Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. 2013. №3. С. 31–61. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22507803>.
- [10] Коргунюк Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. 2017. №1. С. 90–119. <http://elibrary.ru/item.asp?id=28948005>.
- [11] Итоги работы Алтайского краевого Законодательного Собрания за 2016 год // Алтайское краевое Законодательное Собрание: официальный сайт. <http://www.akzs.ru/activity/mainreport/otchot-2016/>.

The role of political parties in regional public affairs (the case of Altai Region)

Y. Shashkova

Altai State University

The article deals with the analysis of the role that political parties play in agenda setting in terms of regional legislative process in contemporary Russia. Currently there is a global trend towards the media dominating in the public agenda setting. The trend correlates with developing mechanism of monitory democracy. As a result, cartelization of political parties leads to decrease of significance level and potential in public affairs. The trend is particularly pronounced in Russian party system.

The article examines the specifics of how political parties' regional offices participate in government-society communication in the process of the agenda setting, illustrated by the example of Altai regional offices. The activity of party factions in regional legislature and public councils, official and unofficial, is given the particular consideration.

There are three levels on which party organizations are involved in the process: 1) non-parliamentary parties that raise topical issues but have the limited capacity of participation in creating the agenda; 2) such parties as CPRF, LDPR, A Just Russia that raise topical issues and have an access to the agenda discussions by official and unofficial communication channels; 3) such party as United Russia that technically provides regional legislative process.

Keywords: political decision-making process, agenda, political parties, regions of Russia, factions in the legislative assembly, public councils.

Управление через сотрудничество государства и общества: проблемы обоюдной ответственности

Л.Н.Тимофеева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАННХиГС)

Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Аннотация

В статье дается авторская концепция управления через сотрудничество российского государства и общества на основе анализа социологических исследований, связанных с развитием их взаимоотношений в постсоветский период. В основу положена теория модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которая опирается на основные выводы классических концепций модернизации К. Маркса и М. Вебера. Подлинная демократия зависит от степени соучастия народа в управлении. Эмансипация общества, способного к управлению через сотрудничество с государством, проходит через определенные этапы его модернизации: социально-экономическое развитие приводит к системному сдвигу от традиционных ценностей к ценностям самовыражения и создает условия для формирования демократических институтов. Эффективная демократия с большей вероятностью возникает в обществе, где носителями ценностей самовыражения являются более 45 % населения. Естественно, что при возникновении угрозы физическому выживанию людей преобладающее значение получают ценности выживания, что ведет к упрочению института авторитаризма и тогда вопрос об управлении через сотрудничество государства и общества не актуален, либо это сотрудничество превращается в формальную демократию, когда имеются «бутафорские институты», гражданские и политические права, но правящая элита игнорирует их и действует по собственному усмотрению. Такая ситуация может спровоцировать неконвенциональные формы поведения граждан.

Ключевые слова: управление через сотрудничество, модернизация, ценности самовыражения, ценности самовывживания, эффективная демократия, формальная демократия, ответственность правящей элиты, ответственность активной общественности.

1. Введение

Управление через сотрудничество государства и общества — это новый вектор общественно-политической мысли и практики. Некоторые авторы склонны связывать это с изменением межпоколенческих ценностных ориентаций, а также с разницей ценностных ориентаций жителей развитых и развивающихся стран. В частности, Р. Инглхарт и К. Вельцель [1, с. 143] выдвигают предположение: социально-экономическое развитие приводит к системному сдвигу от традиционных ценностей к ценностям самовыражения; для молодежи развитых стран более характерны секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения, чем для старшего поколения; но в одном и том же обществе ценности самовыражения присущи для экономически защищенных граждан, а для незащищенных — ценности самовыживания. Поясним, что ценностями выживания считаются экономическая и физическая безопасность, материальное благополучие, нетерпимость к инакомыслию, ксенофобия, низкая оценка свободы и прав человека, готовность принять авторитаризм, покорность, склонность к вере; а ценностями самовыражения — высокие оценки личности, свободы, гражданских и политических прав, материальных благ, успеха, «отзывчивость» государства, озабоченность равенством полов и т.д.

Другие исследователи — М.В. Горшков и Н.Н. Седова — полагают, что дело не в поколенческом разрыве, хотя и он имеет место, а скорее в том, что в связи с социально-экономическими и социально-политическими изменениями в обществе произошла «тихая социальная революция». Появилась внушительная группа «самодостаточных» россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, уверенных в способности обеспечить себя и свою семью и не нуждающихся в поддержке государства. Причем это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по объемам и растущая группа, выражающая собой тренд на формирование независимой и активистской доминанты в обществе. Доля таких россиян, составляла на весну 2015 г. 44 % населения — при 34 % в 2011 г. К группе «зависимых» т.е. не способных решить своих проблем без помощи государства отнесены 56 %. При этом доля «зависимых» за этот период снизилась с 66 до 56 % т.е. обе группы сопоставимо приблизились по численности. Самодостаточность чаще характерна для молодежи (57 %) и людей среднего возраста (50–52 %). Но что важно для нас, ученые делают вывод, что несмотря на то, что «самодостаточные» более заострены на решение сугубо своих личных задач, тем не менее, среди них много и тех, кто хотел бы быть полезным государству и обществу (43 %). В этом смысле они незначительно уступают «зависимым» гражданам, среди которых приносить пользу государству считают важным 51 %. [2, с.10–11] Иными словами, при определенных условиях они готовы сотрудничать с государством.

Есть и третья точка зрения А.М. Старостин считает, что сотрудничество государства и общества в управлении может приобретать сегодня имитационный характер по причине заимствования этих демократических практик из опыта высокоразвитых стран. Если исходить из теории инновационной деятельности следует определенная этапность трансфера

инноваций, вместе с изменением культурных ценностей. И это не просто некие кажущиеся порой уничижительными наименования, а сложные, все усложняющиеся и все более адекватные способы, образцы, технологии социальной практики, которые необходимо освоить и применить, чтобы в итоге «догнать и перегнать» [3].

Разочарованием в российской демократической практике объясняет слабое желание общества сотрудничать с государством В.А. Петухов. Поскольку демократические свободы достались россиянам «сверху», то у них не сформировалось эмоционально окрашенное, бережное отношение к ним и демократии в целом как у тех же американцев. Системная, представленная в парламенте оппозиция многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло. А несистемная оппозиция вызывает пока настороженность. Затухающий же интерес к экономическим правам и свободам можно объяснить лишь невозможностью в нынешней России бороться за эти права легальными, законными способами. Кроме того, по его мнению, многочисленные НКО, являющиеся в большинстве своем «агентами» влияния местного чиновничества и аффилированных с ними бизнес-структур, которые шагу не ступят без грантовой подпитки, — к подлинному гражданскому обществу имеют весьма отдаленное отношение. Постоянно снижающиеся показатели уровня доверия к этим институциям — весьма отчетливое свидетельство тому [4, с. 119] [126].

Отсюда наш первый тезис и вопрос о том, кто готов сегодня к реальному соуправлению с государством, а кто не в состоянии этого сделать до поры и времени. И когда наступает эта пора?

Второй тезис. Стремясь расширить сотрудничество государства и общества, мы должны отдавать себе отчет в том, что оно имеет свои границы по целому ряду причин. Когда речь идет о государственном управлении, то оно, во-первых, означает субъект-объектные отношения, иначе оно теряет смысл; во-вторых, любое расширение госуправления за счет сотворчества с гражданами не означает безграничной эмансипации всех общественных групп: какие-то из них все равно получают больший доступ к управлению; в-третьих, государство является единственной универсальной политической организацией, которой подчиняются все граждане, и за которых она несет ответственность. Кроме того, только у государства есть право на легальное насилие. Даже, когда мы ставим вопрос о публичном управлении, то и здесь, несмотря на наше стремление уравнивать возможности государственных и негосударственных акторов в процессе соуправления, общественность склонна в конечном итоге спрашивать больше с государства: то ли за излишнюю авторитарность действий, то ли за отсутствие инициативы и воли. В современной России при всех попытках «опубликовать» управление, мы, чаще всего, вину за отсутствие нового политического проекта развития страны склонны возлагать на него и на первое лицо государства, так же, как и за развал в прошлом Советского Союза.

Выходит, и за самовывживание и за самовыражение граждан отвечает государство? А что же активная общественность (интеллигенция, студенчество, прекариат и т.д.)? Так ли уж беззащитны перед государством негосударственные акторы в процессе соуправления? А кто же осуществил

революцию 1917 и 1993 гг.? А было ли и есть сегодня это управление через сотрудничество? Или это всего лишь «демократический камуфляж», предел которому наступает вместе с бунтом? Возможно, этому способствует новый дизайн публичной политики в социальных сетях, в том числе и в Интернет? В этом стоит разобраться.

2. Становление демократии в каждой стране процесс уникальный

Когда мы утверждаем, что управление через сотрудничество государства и общества — это новый вектор общественно-политической мысли и практики, то опираемся на выводы ученых, которые в течении многих лет исследуя процессы модернизации, утвердились во мнении, что в основе масштабных изменений в социальной, культурной и политической сферах лежит социально-экономическое развитие. Это дали результаты опросов, проводившихся Ассоциацией Всемирного Обзора Ценностей (The World Values Survey Association, WWSA) с 1981 по 2014 год в 97 странах, которые охватили в общей сложности 90 % населения планеты. Они подтвердили классические выводы, к которым в свое время пришли К. Маркс и М. Вебер. Один считал, что социально-экономическое развитие воздействует на стремления и поступки людей. Другой — что преобладающие в обществе убеждения и мотивации определяются его культурным наследием. Как полагают организаторы и участники этого широкомасштабного мирового исследования ценностей Р. Инглхарт и К. Вельцель, «процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение «общества знаний» оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, — повышается роль личной независимости (individual autonomy), самовыражения и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения (self-expression values) преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового типа — в центре его находится человек» [1, с. 10, 11]. На первом этапе модернизации происходит мобилизация масс, что дает предпосылки для утверждения демократии в широком смысле. А на постиндустриальном этапе модернизации общественность все активнее требует широкой свободы выбора собственного жизненного пути. Таким образом, утверждение демократии зависит от глубоко укоренившихся ценностных ориентаций народа в целом. Эти ориентации побуждают людей требовать свободы и «обратной связи» со стороны властей — и подкреплять слова действиями, обеспечивающими такой результат. Подлинная демократия, ее дееспособность зависит от постоянного соучастия народа. Иными словами, динамика человеческого развития выглядит так: экономическое развитие порождает движение обществ от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения, а это культурная динамика влияет на становление демократии (см. таблицу 1).

Таблица 1. Процесс человеческого развития

	Социально-экономическое измерение	Культурное измерение	Институциональное измерение
Процессы, способствующие человеческому развитию	Модернизация	Изменение ценностей	Демократизация
Компоненты человеческого развития	Социально-экономические ресурсы	Ценности самовыражение	Гражданские и политические свободы
Факторы человеческого развития	Повышение способности людей действовать	Повышение приоритетности свободы выбора по собственному усмотрению	Расширение прав, позволяющих людям действовать
Лейтмотив	Расширение выбора (гуманизация общества)		
Источник: [5, с. 46]			

Естественно, что при возникновении угрозы физическому выживанию людей преобладающее значение получают ценности выживания, что ведет к упрочению института авторитаризма и тогда вопрос об управлении через сотрудничество государства и общества не актуален.

Принимая в целом теорию Р. Инглхарта и К. Вельцеля как базовую матрицу демократической модернизации и находя определенные подтверждения ее функциональности в исследованиях и высказываниях российских ученых, мы все же должны уточнить, что у каждой страны есть свои особенности в этом процессе.

В этой связи автор разделяет позицию А. Мартинелли, что современное общество находится в состоянии постоянного изменения, процессы трансформации и модернизации не только продолжают развиваться, но и углубляются, расширяются. При этом глобальные перемещения людей, обмен технологиями, идеями, символами, капиталом расширяются с каждым днем, а ценности, институты и практики, их обосновывающие, запаздывают во времени [6]. Более того, там, где формирование ценностей самовыражения «задерживается», появление демократических институтов не спасает положения. К ним привыкают, но они не становятся средством самовыражения. Институты не могут функционировать пока общественность не будет рассматривать соответствующие им нормы как свои собственные. Особенно это относится к демократическим институтам, которые зависят от одобрения и поддержки масс. Пример — Великобритания, где конституции вообще нет, и демократические институты существуют только в виде неформальной системы норм, разделяемых большинством в обществе [1, с. 234–235]. И, наоборот, наличие демократической конституции, но не поддержанной массами и набором демократических норм, усвоенных людьми, не гарантирует эффективной демократии.

3. Ценностная шкала россиян имеет гибридный характер

Что происходит в России в связи с вопросом модернизации, изменения системы ценностей и, соответственно, соучастия общественности в управлении государством? Вопрос этот непростой, хотя бы потому, что есть различные теоретико-методологические подходы, кроме того, общество, как и государство в целом, все еще находится в состоянии трансформации, а в трансформирующемся социуме, по мнению М.Ф. Черныша, обнаруживаются не предсказуемые какой-либо теорией и специфические именно для данного общества факторы социального расслоения [7, с. 88]. Тем более, что для построения более сложных поколенческих моделей в России не хватает широкой эмпирической базы и потому преобладает культурологический подход, предполагающий описательный анализ типичных образцов массового поведения поколений.

Один из крупных исследователей молодежи В.Т. Лисовский незадолго до своего ухода из жизни писал, что сегодня «социальные ценности, которыми жили «отцы», в новой исторической ситуации в подавляющем большинстве утратили практическое значение и в силу этого не наследуются «детьми», поскольку не пригодны ни для настоящей, ни для будущей жизни» [8; с. 166]. Этой же точки зрения придерживались в своих публикациях на эту тему Ю.А. Левада и Т. Шанин, полагая, что основная проблема российского общества в дисгармонии ценностных ориентаций «отцов и детей» [9, с. 6–25]. В своем докладе «Модернизация экономики и система ценностей» профессор Высшей школы экономики Е.Г. Ясин резюмировал: «Российские ценности сегодня — это трехслойный пирог наших государственных символов: традиционные русские ценности — двуглавый орел Палеологов; советские ценности — гимн Михалкова; новые демократические ценности — российский триколор. В этом смешении — противоречия эпохи переломов в истории нашей страны» [10, с. 4]. Он оценивает традиционные русские и советские ценности как привлекательные, но в целом традиционные, а экономику и общество как продолжение феодальных иерархических структур. Однако российские реформы, на его взгляд, меняют общество. С удовлетворением отмечает, что в пореформенной России подтверждается тезис о том, что ценности меняются под влиянием изменений в экономике и политике. Российская цивилизация показывает гибкость и динамичность, близкую к западной, в том числе в отношении к ценностям. В качестве подтверждения своих слов ссылается на результаты опросов Фонда «Либеральная миссия» на 2002 год, где согласие с традиционными суждениями о должном и правильном выразили 19,6%; с советскими — 27,5%; с либеральными — 45,1%. Чтобы развить эти позитивные сдвиги, на его взгляд, нужны время, продолжение и завершение либеральных институциональных реформ; последовательная демократизация, гуманизация власти, политики, общественной жизни.

Следует подчеркнуть, что за годы перестройки и реформ россияне действительно изменились. Результаты опроса Левада-Центра «Как изменились люди и власть за 20 лет» (июль 2013-го) весьма красноречивы [11].

Во-первых, социологи заметили с 1993 года перемены в самоощущении общества. В числе приобретенных положительных черт в постсоветский

период, по данным Левада-Центра, россияне выделили осознание собственной свободы (29% респондентов), которое испытывают жители современной России; расширение кругозора после падения железного занавеса. Примерно 20% жителей РФ подчеркнули возможность быть независимыми от политиков и начальства. Столько же отметили, что времена капитализма сделали их соотечественников более здоровыми и практичными. Но при этом люди стали более расчетливыми и холодными — 58%, более нетерпимы по отношению друг к другу — 35%.

Во-вторых, социологами получены не очень лестные оценки власти. Каждый второй из опрошенных отметил, что власть перестала думать о простых людях, преследует только свои интересы. 43% уверены, что действующее руководство страны не может справиться с существующими проблемами. При этом доля тех, кто считает, что государство много сделало для того, чтобы Россию уважали за рубежом, составляет 20%. Столько же россиян уверены, что политическая элита не способна поднять престиж и авторитет РФ.

А что же должны делать власть и государство, по мнению граждан? Тот же Левада-Центр, все эти годы наблюдающий за изменениями в отношениях власть — общество, приводит такие данные: если в 1999 году 52% респондентов считали, что государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем своим гражданам, то в 2008 году — уже 61%.

И тогда, и сейчас 35% опрошенных полагали, что власть обязана опираться на народ и они должны быть едины в своих целях и устремлениях. 41 % считали, что власть и народ должны уважать друг друга и взаимодействовать в соответствии с принципами, установленными законом.

Выходит, ценностная шкала россиян имеет гибридный характер. Россия, с одной стороны, близка по ценностям к полюсу выживания с выраженными традиционными ценностями, надеждой на патернализм государства, как Ирландия, почти все страны Латинской Америки, Индия, с другой стороны — рационалистична как Германия, Норвегия и Дания.

Если следовать теоретическим построениям Р. Инглхарта и К. Вельцеля, России необходимо заниматься социально-экономическим развитием и распространять ценности самовыражения для дальнейшей эмансипации человека. Одновременно следует просвещать граждан относительно функций гражданского общества и стимулировать их сотрудничество с властью в области управления.

4. Гражданское общество «переходного периода» и ее ответственность перед государством

В России принято выражать сомнение в том, что гражданское общество существует. Действительно опросы показывают, что россияне порой не понимают разницы между обществом и гражданским обществом, которое мы характеризуем как сферу самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, огражденных от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти и бизнеса, а также других внешних факторов.

Всероссийский центр изучения общественного мнения россиян — Фонд общественного мнения (ФОМ) в сентябре 2015 г. провел опрос населения на тему «Что такое “гражданское общество?”» [12]. Из опрошенных на вопрос «Знаете ли Вы, слышали или слышите сейчас впервые выражение “гражданское общество?”» 52% ответили, что знают или что-то слышали, 33 % ответили, что впервые слышат об этом, а 15% затруднились с ответом. Следующий вопрос задавался тем 52% респондентов, кто знает, что такое гражданское общество. Вопрос звучал так: «По Вашему мнению, в России сейчас есть гражданское общество или гражданского общества нет?». Ответы распределились в следующем соотношении: 31% ответили, что есть; 13% — нет; 8% затруднились ответить.

Однако осведомленность граждан растет. В январе – марте 2016 года лабораторией «Проблемы повышения эффективности государственного и муниципального управления» ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ был проведен экспертный опрос в 13 регионах (субъектах) РФ по квотной выборке. Ответы и оценки давались разными категориями экспертов: учеными, государственными и муниципальными служащими, бизнесменами [13]. На вопрос о том, можно ли сказать, что в настоящее время в России сформировалось гражданское общество, в 2012 году в Ростовской области ответили скорее да, чем нет — 26,1% экспертов, а уже в 2016 году — 47,3%. Если посмотреть на результат опроса в 13 регионах, причем без наиболее «эмансипированных» субъектов таких как Москва и Санкт-Петербург и объединить ответы на этот вопрос с полным утверждением — «да безусловно» (10,3%) и с некоторым сомнением — «скорее да, чем нет» (40,4%) это будет 50,7%, т.е. каждый второй. Казалось бы, ценности самовыражения уже одержали победу? Но нет. Ответы с сомнением о том, что оно сформировалось (30,6%) и полное отрицание его существования (9,6%) дали не менее впечатляющий результат — 40,2 %.

На вопрос: «Какие механизмы привлечения общественности к государственному управлению кажутся вам на сегодняшний день наиболее действенными?» на первое место вышло формирование институтов общественных представителей (34,9%), на второе – создание консультативных советов при госорганах (28,4%), на третье – конференции, научно-практические семинары, круглые столы (19,4%) — см. таблицу 2.

Нам кажется симптоматичным то, что, хотя активная общественность критично относится к работе органов государственной власти, что показал опрос Левада-Центра, однако оно готово сотрудничать с властью, предлагая ей альтернативные решения назревших проблем. Альтернативизм в отношениях активной общественности с властью кажется нам позитивной тенденцией. Но власти необходимо вовремя начать сотрудничать с альтернативистами [14]. В противном случае мы можем получить такой же результат как в 1991 году, когда советская власть, держащаяся на монополизме КПСС, не признающая практики сотрудничества с альтернативистами, получила радикальную антикоммунистическую оппозицию и под ее ударами рухнула.

Таблица 2. Какие механизмы привлечения общественности к государственному управлению на сегодня Вам кажутся наиболее действенными?

№	Варианты ответов	2016, РО	2012, РО	2016, все регионы
1	Формирование институтов общественных представителей	36,4 %	30,2 %	34,9 %
2	Создание консультативных советов при госорганах	25,4 %	26,5 %	28,4 %
3	Конференции, научно-практические семинары, круглые столы	20,9 %	20,3 %	19,4 %
4	Затрудились ответить	17,3 %	23 %	17,3 %

Исследователи (В.В. Петухов) отмечают, что, несмотря на пессимистическую оценку современного состояния гражданского общества в России, все же имеет место хотя и небольшой, но отчетливо выраженный рост политической информированности наших сограждан о происходящих в стране процессах, и их уверенности в своем праве влиять на власть. Так, в хитросплетениях российской политики сегодня разбираются 40% против 33% в 2005-м опрошенных. На 8% (с 69 до 61%) по сравнению с 2005 годом сократилось число тех, кто согласился с тем, что у них нет и никогда не будет возможности влиять на действия властей. Напротив, 30% уверены в обратном. А еще 20% знают, как эту возможность трансформировать в конкретное политическое действие, то есть сделать так, чтобы их голос был услышан властями. За последние семь лет существенно, почти в два раза (с 25 до 45%), выросло число тех, кто заявил, что участвует в политической жизни, преследуя не свои личные интересы и даже не в пику властям, а прежде всего руководствуясь идеями и ценностями общего блага — изменить жизнь к лучшему в своем городе, поселке, стране. А еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступало в качестве «социального лифта», рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная. Таким образом, В.В. Петухов фиксирует тренд на рост политического участия. Такое невозможно было себе представить еще пять – семь лет назад [4].

Существует мнение, что в России крайне слабо выражена такая важная первооснова любых форм активности, включая политическую, как общественная солидарность. В этом можно усомниться, если посчитать чего добилась активная общественность вместе с политической оппозицией за 25 лет своего существования в России. Ей удалось решить несколько задач.

- Первым итогом либерально-демократической оппозиции, прежде всего, в лице движения «Демократическая Россия», появившегося осенью 1990-го года еще при Президенте СССР М.С. Горбачеве, стало ее ненасильственное гражданское сопротивление коммунистическому режиму, которое привело в конце концов к его мирному демонтажу.

- Вторым итогом стало разрушение партийно-политического монополизма в стране благодаря отмене 6-й статьи Конституции СССР, в которой КПСС провозглашалась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром ее политической системы, государственных и общественных организаций...».
- Третьим итогом либеральной оппозиции стало рекрутирование и поддержка собственного представителя (Б.Н. Ельцина) на первых альтернативных выборах Президента России и его победа в 1991 году в борьбе с другими претендентами.
- Четвертым итогом этой оппозиции стало закрепление в Конституции СССР демократических принципов, а затем и принятие в 1993 году нового Основного закона Российской Федерации, вобравшего в себя все статьи Декларации ООН о правах человека.

Итоги деятельности Объединенной оппозиции скромнее, но тоже заметны. Создана общая площадка для дискуссий различных общественно-политических сил; была сделана попытка объединить разрозненные оппозиционные силы; были организованы массовые выступления с целью предупредить власть, что непарламентский общественный контроль существует.

Результатом выхода активной общественности «За честные выборы!» в 2011-2012 гг. стали реальные шаги, предпринятые Президентом РФ в сотрудничестве с Государственной Думой. Они решились на серьезные изменения избирательного законодательства, направленные на расширение возможностей политической конкуренции. 4 апреля 2012 г. в России вступил в силу новый закон о политических партиях. Этот закон серьезно изменил систему партийного строительства и порядок регистрации политических партий. По новому закону порядок регистрации партий заметно упростился. Необходимая минимальная численность политических партий была снижена в 80 раз: с 40 тыс. до 500 человек. В итоге уже сейчас в стране зарегистрировано более 70 партий, а будет еще больше. Другое дело, что эти карликовые партии вряд ли смогут конкурировать с уже состоявшимися большими партиями. Поэтому на вопрос социологов, за кого вы бы проголосовали на ближайших выборах: за одну из старых партий или за какую-то новую партию? — более трети (34%) россиян не находят ответа, не могут определиться в таком длинном списке партий, 61% респондентов предпочли старую партию (ЕР, СР, КПРФ, ЛДПР, Яблоко, Патриоты России, Правое дело). Поэтому следующим шагом должна стать норма блокового участия партий в выборах. Снижен порог минимального процента голосов избирателей с 7 до 5%, который необходимо получить федеральному списку кандидатов на выборах депутатов Государственной Думы, чтобы участвовать в распределении депутатских мандатов.

Перед выборами президента 2018 г. члены Совета Федерации А.А. Клишас, А.И. Широков; депутат Государственной Думы М.С. Шерemet внесли в Госдуму законопроект № 114572-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» (об уточнении процедуры назначения наблюдателей и обеспечении принципа гласности). Там предусматривается отказ от голосования по открепительным удостоверениям, упрощенный порядок работы наблюдателей на избирательных участках и

сокращенный список требований к документам для регистрации. Законопроект смягчает требования к собранным подписям: до сих пор малейшая неточность, например, при указании адреса в подписных листах, использовалась как основание для снятия кандидата. Также кандидатам разрешено заменить представленный в ЦИК документ, если он оформлен с нарушением, и донести отсутствующий не позднее чем за день до заседания, на котором будет решаться вопрос о регистрации кандидата. В ходе прошедшей избирательной кампании отсутствие необходимых справок обернулось отказом в регистрации для нескольких десятков человек, в том числе и бывших депутатов.

Одним из важных вопросов является вопрос о методах политической борьбы активной общественности, включая непарламентскую оппозицию: революция или сотрудничество с властью? Уже упоминавшийся опрос «Левада-Центра» пока не демонстрирует повышенных протестных настроений среди россиян и их готовности принять участие в протестных действиях. Очевидно, сказывается еще не прошедшая эйфория с присоединением Крыма, возросшие патриотические настроения в связи с международными санкциями против России. При этом в ходе данных опросов проявляется следующая особенность. Наши граждане в большей степени готовы протестовать по причине недовольства социально-экономическим положением (13%), нежели политическим (9%). Проще говоря, уровень зарплат и цен, положение в сфере ЖКХ и т.п. их волнуют гораздо больше, чем имеющие место фальсификации в ходе выборов или иные формы ущемления прав оппозиции. А значит отношение к президенту (губернатору, мэру) в первую очередь предопределено их хозяйственными способностями, и уж затем политическими.

Более сложную картину выявил ФОМ в 2014 г., выясняя отношения респондентов к митинговой активности [15]. На вопрос: «Если в ближайшее время там, где Вы живёте, состоятся митинги, демонстрации противников нынешней власти и её сторонников, то как Вы, скорее всего, поступите?», получены следующие результаты: не поддержку ни противников, ни сторонников нынешней власти — 61%; пойду на митинг, демонстрацию против власти — 6%; буду высказываться против власти, но на митинг не пойду — 9%; буду высказываться в поддержку власти, но на митинг не пойду — 11%; пойду на митинг, демонстрацию в поддержку власти — 2%. Эти результаты демонстрируют, что доля противников власти в настоящее время составляет 15%, из них активных противников — 6%. Впрочем, доля открытых сторонников власти ещё меньше — 13%. И 61% предпочитают держать нейтралитет.

И еще один важный момент во взаимодействии общества и государства. Активная общественность все больше предпочитает прямой диалог с властью, минуя посредников — НКО, НПО. В этом случае бурный процесс формирования внеинституциональных форм самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии, связанный с бурным развитием Интернета и социальных сетей, в XXI веке будет более важен, чем институциональный.

Таким образом, можно констатировать, что гражданское общество в России, пусть медленно, но собирается с силами, и уже демонстрирует определенные

успехи в модернизации страны, демонстрируя повышенный интерес к улучшению социально-экономической ситуации в стране, к улучшению уровня и качества жизни и показывая незаурядную политическую осведомленность в делах власти.

5. Власть двигается навстречу гражданскому обществу

Вот уже 17 лет президент, правительство и депутаты ведут работу по созданию обширной законодательной базы, позволяющей общественности принять участие в управлении вместе с государством. В 2015 г. была принята новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», где сказано, что одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности является развитие взаимодействия органов ее обеспечения с гражданским обществом. Взаимодействие органов государственной и муниципальной власти с гражданским обществом должно быть направлено на противодействие угрозам качеству жизни россиян. Главную задачу гражданского общества государство видит в помощи граждан в решении социальных проблем и осуществлении контроля за работой властных структур в выполнении социальных обязательств государства.

Создаются условия для появления института общественного контроля. Приняты законы об общественных объединениях; о профсоюзах; о политических партиях; об уполномоченном по правам человека; о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях; об Общественной палате РФ; об обеспечении доступа к информации о деятельности судов, государственных органов и органов местного самоуправления; об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника и др. В 2014 г. вышел федеральный закон об основах общественного контроля в Российской Федерации. В этом законе впервые прописано создание общественных советов при федеральных органах исполнительной и законодательной власти, а также органах власти субъектов Российской Федерации. Они имеют право выполнять консультативно-совещательные функции, участвовать в осуществлении общественного контроля, содействуют учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке их деятельности. Формируются такие советы на конкурсной основе и только из числа общественности, государственные и муниципальные служащие не могут входить в их состав. Согласно этому закону создаются общественные наблюдательные комиссии, которые занимаются общественным контролем за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, а также общественные инспекции и группы общественного контроля при органах государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих государственный или муниципальный контроль. В целях информационного обеспечения общественного контроля, его публичности и открытости субъекты общественного контроля могут создавать специальные сайты, а также в соответствии с законодательством РФ — использовать официальные сайты органов государственной власти, органов местного самоуправления,

государственных и муниципальных организаций, и других органов, и организаций.

Выводы

Согласно теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которая опирается на основные выводы классических концепций модернизации К. Маркса и М. Вебера, эмансипация общества, способного к управлению через сотрудничество с государством, проходит через определенные этапы его модернизации. Социально-экономическое развитие приводит к системному сдвигу от традиционных ценностей к ценностям самовыражения и создает условия для формирования демократических институтов.

Россия уже проделала определенный путь в этом направлении. В пореформенной России подтверждается тезис о том, что ценности меняются под влиянием изменений в экономике и политике. Российская цивилизация показывает гибкость и динамичность, близкую к западной, в том числе в отношении к ценностям. Либеральные ценности или ценности самовыражения постепенно завоевывают молодежь и граждан среднего возраста. Одновременно в России жива традиция надежды на государство, на его патернализм. Поэтому сегодня ценностную шкалу россиян можно назвать гибридной.

Подлинная демократия зависит от степени соучастия народа в управлении. Эффективная демократия с большей вероятностью возникает в обществе, где носителями ценностей самовыражения являются более 45% населения [1, с. 435]. В стране наблюдается формирование группы самодостаточных граждан, представляющих 44% населения, способных жить и действовать без государственной опеки, но готовых взять на себя часть общественных забот. Предстоит еще проследить корреляцию качества «самодостаточности» у этой группы и степени отзывчивости на сотрудничество с государством в процессе управления.

Одновременно с позитивными моментами наблюдаются и другие процессы. При возникновении угрозы физическому выживанию людей преобладающее значение получают ценности выживания, что ведет к упрочению института авторитаризма и тогда вопрос об управлении через сотрудничество государства и общества не актуален, либо это сотрудничество превращается в формальную демократию, когда имеются «бутафорские институты», гражданские и политические права, но правящая элита игнорирует их и действует по собственному усмотрению. Элементы такой демократии мы наблюдаем в России в условиях санкций и внешних угроз. Встает вопрос о «порядочности» правящей элиты и ее моральных качествах. Неслучайно в России в последнее время пошла волна увольнений губернаторов, крупных фигур в структурах МВД, МЧС и т.д.

Постепенно проявляются контуры институционального сотрудничества гражданского общества и государства в управлении страной. Создана уже и продолжает формироваться серьезная законодательная база для такого сотрудничества. Формируются общественные советы при органах государственной и муниципальной власти. На общественные палаты возлагается гражданский контроль за ней.

На нынешнем этапе развития институтов гражданского общества все больший интерес его активисты проявляют и к непосредственной коммуникации с властью без посредников. Это связано с бурным развитием Интернета и социальных сетей. Прогнозируется, что в XXI веке Интернет-общение между обществом и государством будет важнее, чем институциональное.

Литература

- [1] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- [2] Горшков М.К., Седова Н.Н. Самодостаточные россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015 №12. С.4-16.
- [3] Старостин А.М. 2012а. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Ростов н.-Д.: Дониздат, 2012; Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г. Гражданское общество в России в контексте трансфера инноваций // Власть. 2016. №5. С.5-15.
- [4] Петухов В.В. Демократия и участие: новые вызовы // Свободная мысль. 2–13. №2. С. 133-148.
- [5] Weizel C. Fluchtpunkt Humanentwicklung: Über die Grundlagen der Demokratie und die Ursachen ihrer Ausbreitung. Opladen: Verlage. 2002.
- [6] Мартинелли А. Глобальная модернизация. Переосмысляя проект современности. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.
- [7] Черныш М.Ф. Социальная дифференциация в современном обществе: множественность форм // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, с.77-89.
- [8] Лисовский В. Т. Социология молодежи: история и современность // Социология и общество. Тез. докл. Первого Всерос. социолог. конгресса. СПб: Питер, 2000. С. 166.
- [9] Левада Ю.А., Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6-25.
- [10] Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ВШЭ, 2003.
- [11] Примечание: Исследования «Левада-Центра» были проведёны 20-24 декабря 2013 года по репрезентативной всероссийской выборке среди 1603 человек в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. См.: Как изменились люди и власть за 20 лет. Опрос Левада-центра (июль 2013-го) <http://www.levada.ru/tag/vlast/page/12>.
- [12] Что такое «гражданское общество?» // Сайт ФОМ. – Электрон. дан. <http://fom.ru/TSennosti/12375>.
- [13] Примечание: Исследование 2016 г. носило, фактически, характер панельного, поскольку 4 года назад, в январе-марте 2012 г. в Ростовской области проводился опрос экспертов по аналогичной теме и программе. Около 20 позиций опросника совпадают. В этот раз были взяты 13 регионов: Архангельская, Астраханская, Белгородская области,

Краснодарский край, Нижегородская область, Приморский край, Республика Карелия, Ростовская область, Саратовская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Ульяновская, Челябинская области. В политическом плане международный фон 2012 г. благоприятствовал развитию России, она приняла предложение вступить в ВТО и развиваться в направлении большей интеграции своей системы, прежде всего, с ЕАС и Западом в целом. Экономические процессы были динамично-позитивными, всплеск активности либерально-демократических движений. 2016 год — напротив масштабные санкции против России, давление со стороны ЕЭС и НАТО, США. См.: Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия (отечественный и зарубежный опыт) Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.

[14]Примечание: Альтернатива в переводе с латинского означает выбор одной из двух возможностей или другая(ие) возможность(и). Альтернативизм — это идеи, позиции, теории, взгляды, несовпадающие с господствующей точкой зрения в разных сферах человеческой деятельности. Это метод мирной борьбы с застоём в мыслях и действиях. Если бы человек не создавал альтернатив в науке и практике, он бы превратился в раба. Люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок.

[15]Примечание: Опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) проводился 18–19 января 2014 года по репрезентативной всероссийской выборке среди 3000 респондентов в 204 населенных пунктах 64 регионов страны.

Management through the cooperation of the state and society: Problems mutual responsibility

L.N. Timofeeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA)

In article is given the author's concept of management through cooperation of the Russian state and society on the basis of the analysis of the sociological researches connected with development of their relationship during the Post-Soviet period. The Author is based on the theory of modernization by R. Inglehart and C. Velzel which leans on the main conclusions of classical concepts of modernization by K. Marx and M. Weber. The genuine democracy depends on extent of partnership of the people in management. Emancipation of the society capable to management through cooperation with the state, passes through certain stages of his modernization: social and economic development leads to system shift from traditional values to values of self-expression and creates conditions for formation of democratic institutes. Effective democracy more likely arises in society where carriers of values of self-expression are more than 45 % of the population. It is natural that at emergence of threat to physical survival of people the prevailing value is received by survival values that leads to consolidation of institute of authoritarianism and then the question

of management through cooperation of the state and society isn't urgent, or this cooperation turns into formal democracy when there are "fake institutes", the civil and political rights, but the ruling elite ignores them and acts at own discretion. Such situation can provoke not conventional forms of behavior of citizens.

Keywords: management through collaboration, modernization, self-expression values, values of self-survival, effective democracy, formal democracy, the responsibility of the ruling elite, the responsibility of active community

Расширение радиусов доверительного отношения между обществом и государством как условие эффективности публичной политики

И.В. Радиков

Санкт-Петербургский государственный университет

ivirrad@gmail.com

Аннотация

В данной статье идет речь о том, что доверительное отношение между обществом и государством выступает фундаментальным условием эффективного политического управления и публичной политики. Вывод о необходимости расширения радиусов доверительного отношения между обществом и государством объясняется наступающей противоречивой эпохой коммуникационного изобилия, не только увеличивающей возможности доступа граждан к информации, но и ведущей к еще большему отчуждению многих людей от политики в силу невозможности справиться с всевозрастающей лавиной информации.

Ключевые слова: доверие, политическое доверие, культура доверия, ресурс политического доверия, рациональность доверия, новая публичность

1. Теоретические основания анализа политического доверия

Проблема доверия привлекла внимание исследователей уже в конце XIX века и характеризуется множественностью подходов в силу разного понимания как ее природы, так и особенностей трансформации в современных условиях. Например, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Э. Гидденс и др. подчеркивали особенности доверия к власти, обращая внимание на то, что ее безличные институты на практике ассоциируются с представляющими их конкретными лицами [15] [4] [3]. Отсюда, утрата доверия к тем или иным институтам власти вполне может стать следствием бездействия, аморальности или коррупционности их руководителей или представителей. Ф. Фукуяма рассматривал доверие как приверженность индивидов, социальных групп к общей системе ценностей, считая, что успех «самореализации» конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры —

уровня доверия, существующего в обществе». По его мнению, доверие проявляется как на социальном (доверие к государству и общественным институтам), так и индивидуальном уровнях. Оно «не воплощено в компьютерных сетях...отнюдь не сводится к информации... есть ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» [18, с.133].

П. Штомпка ввел понятие «культура доверия», которая становится определяющим фактором в процесс формирования гражданского общества [16]. Польский социолог полагал, что доверие есть «ставка» в отношении непредвиденных действий других, а «доверие-недоверие» — способ справиться с неясным будущим, в котором мы не уверены [17, с. 326].

Н. Луман определял доверие как механизм для минимизации рисков и как определенный социокультурный ресурс, способствующий реализации потенциала действия [8, с.183–184]. Он считал необходимым разделение доверия и уверенности: «Если у вас нет альтернатив, вы находитесь в ситуации уверенности. Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия» [9, р. 99].

Существовавшая на протяжении многих веков традиционная модель доверия населения к власти в последние десятилетия подвергается серьезной ревизии. И этот процесс характерен не только для государств, сохранивших элементы патерналистской политической культуры (Г. Алмонд), предполагающей безусловное подчинение граждан существующей власти и принуждающих несогласных к лояльности. Авторитет и престиж государства существенно понижается даже в демократических государствах, наполняется новым содержанием «общественный договор» между государственной бюрократией и гражданским обществом.

2. Детерминанты политического доверия

Согласимся с достаточно распространенным утверждением, что современная компаративистика определяет в качестве важнейшей тему политического доверия, то есть доверия по отношению к институтам государственной власти и проблему соотношения институционального доверия с существующим в обществе межличностным доверием (<http://credonew.ru>) [10]. Добавим к этому, что содержание политического доверия проявляется во взаимоотношениях общества и государства, народа и власти. Качественные характеристики политического доверия определяются отношением народа к политическим лидерам, властвующим политическим партиям и элитам, органам федеральной, региональной и местной власти.

В рамках анализа экзогенных переменных политическое доверие к политическим институтам определяется внешними факторами, возникает вне политической сферы, из глубоко укоренившихся убеждений людей, их ценностных ориентаций и культурных норм. Оно представляется как продолжение или проекция межличностного доверия, воспринятого в ранний период жизни и предопределяющего в последующем оценки политики

(политических институтов). Это позволяет нам объяснять невысокий уровень доверия к институтам в государствах демократического транзита как наследство преобладавшей авторитарной политической культуры.

Признавая эндогенную природу, политическое происхождение и рациональность доверия, отметим, что институциональное доверие гражданского общества является следствием успешности функционирования политических институтов, а не причиной эффективности политического управления. В этом контексте влияние политической культуры и социализации как внешних факторов доверия мы будем трактовать как вспомогательную (дополняющую) функцию. Еще раз подчеркнем: именно эффективность деятельности политических институтов и лидеров генерирует доверие к ним, а отсутствие успеха, позитивной динамики в их функционировании порождает у людей апатию, скептицизм и недоверие.

Отметим, что ресурс политического доверия формируется под воздействием ряда обстоятельств. Определяющим фактором в процессе его формирования становится политический режим. В многочисленных исследованиях политического режима, начиная с Д. Истона [5], рефреном звучит мысль, что политический режим тогда находится в равновесии, когда он получает позитивную реакцию от граждан, а действия власти мотивированы их поддержкой. Отношение граждан к режиму имеет как нормативный, так и поведенческий элементы. Нормативный элемент основывается на сопоставлении реалий конкретного режима с положениями демократических теорий, обосновывающих критерии идеальной демократии. Нормативное одобрение в этом контексте может рассматриваться лишь как средство обеспечения лояльности граждан по отношению к власти. Для властных институтов приоритетным является поведенческий аспект, выражающий оценку гражданами действующего режима. Поэтому власть требует, чтобы граждане не предпринимали действий, создающие трудности для функционирования режима [11].

Доверительное отношение между обществом и государством возникает тогда, когда основной фокус решений, принимаемых государством, ориентирован на благополучие граждан: это — естественное, рациональное, добровольное доверие. Если субъекты власти, с помощью СМИ, манипулируют сознанием граждан, то в результате может сформироваться искусственное, вынужденное, иррациональное доверие. В условиях наличия внешних угроз, искусственное доверие может создать иллюзию социальной солидарности. Поэтому на протяжении многих десятилетий в политическом арсенале многих современных государств постоянно присутствует «образ врага» (даже если в реальности его нет). Вместе с тем, эти разные, по сути, феномены доверия не прочны и подвержены довольно быстрым трансформациям. Опасным для любого политического режима является абсолютный (или близкий к этому) уровень доверия к политическому лидеру государства, поскольку чреват риском спекулятивного использования такого доверия и «успокоенностью» властных институтов. В свою очередь, недоверие к власти, основывающееся на аргументированном выявлении ее пробелов и недоработок, и существующее, как правило, среди оппозиционных сил, создает предпосылки не только для

исправления допущенных промахов, но и для формирования более глубокого доверия к власти.

Ресурсом для развития доверительных отношений между обществом и государством являются такие публичные блага как качество политического управления, справедливость, закон, порядок и безопасность. Поскольку доверие, основанное только на вере, не прочно, то особым направлением в формировании народного доверия к власти становится повышение политической образованности всего населения России: и политических элит и гражданского общества. Только доверие, основанное на знании, может трансформироваться в уверенность. Особого разговора заслуживают нравственные, ценностные основы политического доверия.

Используя приведенные выше теоретические подходы к концепту «политическое доверие», проанализируем его как механизм минимизации политических рисков, как определенный социополитический (социокультурный) ресурс, способствующий повышению легитимности политической власти, ее стабилизации.

3. Неизбежен ли кризис политического доверия?

Политическое доверие власти (государству), являясь базисом стабильного общества, рассматривается как величина непостоянная, динамическая.

На смену априорному, «слепому», не отрефлексированному, бессознательному, не требующему какой-либо аргументации типу доверия, характерному традиционному и, в большей степени, недемократическому обществу, в современных условиях приходит рациональный тип. Рациональное доверие основывается на знании, только в этом случае оно может трансформироваться в уверенность. Отсюда, рационализация доверия может быть обусловлена признанием, пониманием гражданами политики как эффективной, разумной, приносящей реальные результаты [2, с. 1511].

Рациональное политическое доверие предполагает, с одной стороны, что общество оказывает доверие к государству, делегируя ему конкретные политико-управленческие функции и полномочия при определенных ограничениях, и, с другой стороны, ответственность государства перед народом за выполнение принятых на себя обязательств.

Представляется возможным поставить под сомнение обоснованность достаточно распространенной точки зрения, что коренное различие в доверии к власти в России и на Западе состоит именно в рациональной составляющей. Так, О.М. Гараев, выражая эту позицию, пишет: «специфика доверия наших соотечественников определяется дистанцией взаимодействия с объектом доверия. Россия не доверяет абстрактному человеку. Человек Запада, уверенный и защищенный, при оценке возможности доверять ориентируется на чувство личной безопасности. Его доверие рационально, оно имеет четкие рамки, в отличие от безграничного доверия русского человека, для которого «доверять» и «любить» являются категориями одного порядка. Доверие русского человека всегда эмоционально окрашено, включая доверие к власти. ...У россиян повышенные требования к объекту доверия. Они основываются не на западной рациональности, а на чувствах, нравственной интуиции... В доверии русского

человека всегда есть, с одной стороны, элемент безоглядной веры, с другой — детской наивной доверчивости.

Доверие граждан к власти в российском социуме носит этатистский характер и всегда связано с ощущением единства целей государства и общества» [2, с.1511–1513].

Соглашаясь с исторической обусловленностью в российской политической культуре приоритета государства в жизни общества, с сохранением и сегодня традиции персонификации власти, некоторых черт патернализма во властных отношениях и примеров клиентелизма в отношении населения к власти, укажем, что изменение роли государства в современном мире, развитие демократических составляющих в российской общественной жизни все больше и требовательнее включают рациональное начало в оценку обществом деятельности государства. Это меняет традиционный характер отношения граждан к власти, формулирует новые условия политического доверия к ней.

Ресурс политического доверия, задаваемый параметрами национальной политической культуры и формируемый в процессе политической социализации, подвержен изменениям. Он либо растет, подкрепляется реальными успехами в действиях государства, эффективностью его внешней и внутренней политики, либо уменьшается, когда возникают не разрешаемые противоречия в интересах граждан и действующей политической власти.

В обеспечении ресурса политического доверия существенную роль играет с информированность населения о деятельности власти. Созданная в государстве и понятная гражданам система информирования населения способствует созданию динамичных гражданских отношений в рамках административных правоотношений, повышению действенности участия граждан в процессе принятия политических решений на всех уровнях власти.

В условиях возникновения напряжения, возникающего из-за противоречий интересов властвующих элит и масс и создающих состояние политической неустойчивости, получение информации от самой власти о своей деятельности, планах, способах достижения поставленных целей, способствует снятию отчуждения граждан от власти. Если же власть демонстрирует готовность и способность прислушиваться к мнению граждан, учитывать его, то тогда она воспринимается гражданами в качестве своей.

Снижение политического доверия к институтам власти обусловлено ее неспособностью сбалансировать отношения между государством и обществом. Такое состояние политической неустойчивости характеризуется экономической и политической неопределенностью, уровнем социально-экономического развития государства и его способностью обеспечить достойный уровень для социального благополучия граждан, неспособностью к эффективному реформированию. Катализатором недоверия граждан к власти является не подотчетность власти и уровень ее коррупционности.

Продолжающийся на протяжении длительного времени процесс снижения доверия к институтам власти ведет к политическому кризису. Неспособность власти предложить обществу перспективу, обеспечить процесс общегражданской консолидации, солидарности ведет к дефрагментации общества. Граждане перестают идентифицировать себя с политической

системой, сужая процесс идентификации до социальной или этнической общности. Это свидетельствует о наличии признаков кризиса идентичности.

Расхождения в оценке применяемых методов и приемов властвования и поддержания легитимности, проявление нечестности, недобросовестности и несправедливости в действиях представителей властвующей политической элиты, постоянное изменение государством установленных ранее правил политической игры, функциональная перегруженность государства, резкое усиление деятельности оппозиции, рост нарушений существующих законов и неспособность государства к обеспечению правопорядка сигнализируют о кризисе легитимности.

Результатом проявления этих двух видов кризисов становится отторжение человека от государства. Оно ярко проявляется в неспособности политической власти консолидировать противоречивые интересы различных социальных и политических групп.

Поскольку политический кризис, как правило, сопровождается кризисом экономическим и духовным, неспособностью политической власти к выработке поддерживаемых обществом путей их преодоления, то, в конечном итоге, наступает общенациональный кризис.

4. Обеспечение доверительного отношения между обществом, насыщенным медиа и государством

Формирование отношения между обществом и государством в современных условиях кардинально меняется в связи с происходящей коммуникационной революцией. По мнению Дж. Кина наступает эпоха коммуникационного изобилия [6]. Он выделяет четыре важнейших тренда этой эпохи, которые в значительной степени определяют особенности взаимодействия государства и общества и склонность общества, насыщенного медиа, к спорам и разногласиям.

Это, во-первых, демократизация информации (расширение доступа к опубликованным материалам, которые ранее были либо вообще не достигаемы публике, либо открыты только ограниченному кругу пользователей; существенное снижение тирании расстояния; увеличение охвата потребителей; представление уже отформатированного, собранного массива данных) [6, с.37-38].

Во-вторых, новая публичность: разделение публичного и частного, деприватизация и демократизация частного потенциала повседневной жизни, (публичность ныне обращена на все личное; частное может стать мгновенно публичным; область, которая ранее называлась «частной», становится предметом публичных споров; вырабатываются реакции, призванные защитить «частное»; опровергаются древние, исходно греческие убеждения в том, что демократическая публичная жизнь требует дополитических оснований, немногословной частной жизни (или если использовать греческий термин, «идиотики»); проявляется глубинная двусмысленность в различии частного и публичного: иногда неприятная публичная огласка «частных» действий (или их раскрытие) является оправданной, а, в отдельных случаях, приемлема тайна) [6, с. 46–47] [49] [51] [55] [56].

В-третьих, новое макрекерство — публичное разоблачение коррупции, активная деятельность граждан, журналистов и контролирующих институтов. Следствием становится формирование паттернов разочарования общества в официальной политике, в лидерах общественного сектора. Этот тренд приводит к устареванию прежних утверждений, что демократии определяются «эффектами присоединения к большинству», «стадным поведением» и «спиралью молчания», которые были обусловлены страхом изоляции от остальных граждан [6, с. 56] [57] [59]. В свою очередь, появляется новый тезис, который гласит, что те, у кого есть власть над другими, постоянно подвергаются непредвиденным обратным реакциям, становятся мишенью для возмущения и даже бунта [6, с. 63]. Благодаря сетевым коммуникациям значительно растет гражданская «способность к выражению» [6, с. 64].

Наконец, в-четвертых, увеличение числа избранных представителей — авторитетных публичных фигур, которые завоевывают общественное внимание и уважение благодаря различным формам медийного освещения [6, с. 74] [77].

Все указанные выше тренды получают свое подтверждение в российской политической жизни. За последние четверть века существенно расширились возможности СМИ: на февраль 2016 года, согласно данным Роскомнадзора, официально зарегистрировано 83352 средства массовой информации, при этом доля журналов составляет 37%, газет — 28%, онлайн СМИ — 11%, ТВ — 10%, на радио приходится 7%. Почти две трети СМИ имеют лицензию на распространение информации на всей территории Российской Федерации. По распространению информации Санкт-Петербург и Ленинградская область находятся на первом месте среди самых популярных регионов (соответственно 6% и 4%). Подчеркнем, что в Москве распространяется лишь 3%. (<http://mediadigger.ru>).

Этот факт дает одно из объяснений особенностей взаимодействия петербургского общества и власти. В силу того, активная, «живая» политическая коммуникация все больше уходит из традиционных СМИ в Интернет, который может быть охарактеризован как упорядоченная среда, где активно идут процессы организации и самоорганизации [1], отдельно остановимся на российской интернет-аудитории. По данным российского филиала исследовательского концерна Gfk (Gesellschaft für Konsumforschung), на начало 2017 года аудитория интернет-пользователей в России в возрасте от 16 лет и старше осталась на уровне 2015 года и составляет 70,4% (84 млн. человек). При этом еще в 2008 году их было всего 25,4%. Проникновение интернета среди молодых россиян (16-29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и составляет 97%. Сегодня 56 млн. россиян в возрасте от 16 лет пользуются интернетом на мобильных устройствах-смартфонах и планшетах. Самая высокая интернет аудитория в целом фиксируется в Санкт-Петербурге — 80% (в Москве — 78%), она более 75% в городах с населением 1 млн. и более, и даже в селах — 58%.

Вместе с тем, укажем, что почти треть россиян не использует Интернет (преимущественно лица старше 64 лет, пенсионеры или респонденты с ограниченной занятостью, малообеспеченные) (http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Rel_eases/2017/Internet_Usage_Russia_2016.pdf).

В условиях возможной блокировки и контроля СМИ, альтернативным каналом информации и специфическим инструментом политического взаимодействия становятся социальные сети. Они стремительно входят в публичную политику. Политическая сеть становится формой взаимодействия государства и групп интересов. Это массовая аудитория, поэтому ее используют и представители власти или стремящиеся к ней. Классическим примером эффективного использования социальных сетей в борьбе за президентское кресло становится предвыборная кампания Д. Трампа. Из всех претендентов на пост президента, у него была самая многочисленная по количеству подписчиков страница в Facebook, наибольшее среднее количество репостов видео с YouTube (примерно по 5000 на один ролик). Благодаря микроблогу в Twitter, Трамп имел возможность одновременно общаться с 90 миллионами человек. Личная страница Трампа в Twitter насчитывала более 21 млн человек [14].

Свой опыт участия в социальных сетях накоплен и в России. Каждая крупная политическая партия или ее лидер стремятся создать свои площадки на всех основных, наиболее массовых социальных сервисах. Большое количество российских политиков и чиновников имеют свои аккаунты в таких социальных сетях, как «В контакте», Одноклассники, Facebook или Twitter. Одним из самых популярных блогов среди всех российских политиков является инстаграм главы Чечни Р. Кадырова. Каждый размещенный фотоснимок или видеоролик он дополняет подробным текстом.

5. Трансформация демократии и новый характер взаимодействия общества и государства

Изменяющийся режим коммуникации становится катализатором динамики демократии. Последовательное вытеснение из коммуникационных потоков печатных и аудиовизуальных СМИ, прежде тесно связанных с политическим партиями и правительствами, электронными СМИ и Интернет-ресурсами определяет специфику взаимодействия общества и государства. Современное государство имеет дело с постоянными попытками общества увеличить контроль над деятельностью государства. Как пишет Дж. Кин, «ослабляется центральный элемент-власть выборов, политических партий и парламентов над жизнью граждан. Демократия начинает означать нечто гораздо большее, чем честные и свободные выборы, хотя их роль сохраняется. В рамках государств и за их пределами, независимые контролеры власти оказывают все более заметное воздействие на динамику и значение демократии. Постоянно держа политиков, партии и избранные правительства в напряжении, мониторинговые институты усложняют им жизнь и ставят под вопрос их власть и авторитет, часто заставляя их урезать и изменять свои программы — порой из-за того, что они были политически скомпрометированы» [6, с.105]. Автор предлагает назвать эту трансформированную демократию термином «мониторная демократия» [6, с.103].

Содержание механизма, определяющего современный характер взаимодействия общества и государства, можно представить на трех уровнях:

- уровень входа - сигналов государству, его институтам, исходящим от граждан или их ассоциаций;

- уровень участия граждан и общества в политическом процессе: принятии политических решений;
- уровень участия граждан в оценке результатов выполнения принимаемых решений.

Многообразные интересы и влияние голосов граждан в этом механизме реализуются через множество структур. Среди них различные консультационные советы, дискуссионные собрания, неправительственные аналитические центры, гражданские ассамблеи, демократические аудиты, конференции с мозговым штурмом, демократические клубы и кафе, общественные пикетирования и мирные осады. Инновационными формами в условиях коммуникационного изобилия становятся совещательные опросы общественного мнения, системы обмена сообщениями в Интернете, произвольные опросы через СМС, публичные оценки и консультативные инициативы, гражданское электронное неповиновение, фокус-группы, сетевые петиции.

Очевидно, что при помощи новых информационных банков, неизбранных, но популярных представителей, макрекерства, новых инновационных структур, занятых контролем власти круг участия граждан в политическом процессе расширяется.

В России по инициативе государства и под его патронажем создана система общественного контроля для наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций. Субъектами такого контроля являются общественные палаты РФ и ее субъектов, муниципальных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной и законодательной власти субъектов РФ; общественные наблюдательные комиссии; общественные инспекции; группы общественного контроля (ФЗ от 21 июля 2014г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Эти же законом закрепляется право граждан России участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций (ст. 3. п. 1).

В силу высокой монополизированности всех сфер жизнедеятельности современного российского государства и, особенно, разросшейся по масштабам и глубине проникновения коррупции, созданные общественные палаты и советы носят преимущественно сервильный характер и обслуживают интересы властных институтов. Деятельность представителей общественного контроля существенно ограничена уже самим Законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации (2014). Например, ст. 5. п. 1 этого Закона прямо говорит о том, что одной из целей общественного контроля являются «обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия». Но уже следующая статья 6 уточняет, что такой учет

будет только в случаях «предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами». (ФЗ от 21 июля 2014г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). Вызывает вопросы и норма закона, фиксирующая принцип «недопустимости необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций». Кто будет решать, насколько это вмешательство обосновано?

Идея, которую несет этот закон, безусловно, верная, но эффективность создаваемой системы пока еще крайне мала. Подобная деятельность многочисленных палат и советов не только не укрепляет потенциал доверия народа к власти, а, наоборот, еще больше подрывает его.

Выводы

1. Доверие выступает одним из основных факторов политической мобилизации масс, фундаментальным условием эффективного политического управления и публичной политики, демонстрирует отношение людей к устройству и деятельности государственных структур, отражает массовые настроения в обществе и способно обеспечивать бесперебойное функционирование политической власти.

2. Доверие, основанное только на вере, носящее персонифицированный характер не прочно, в связи с этим, особым направлением в формировании народного доверия к власти становится повышение политической образованности всего населения России: и политических элит, и гражданского общества.

3. Наибольшим недоверием у россиян пользуются те институты, деятельность которых они сами могут наблюдать и оценивать по реальным делам в повседневной жизни: местные органы власти, политические партии, судебные и правоохранные органы. Это недоверие, при этом, выражает отношение не к государству, а к действующей власти, тем или иным политическим руководителям. Функционирование политических институтов практически не зависит от существующей степени народного доверия к нему. Например, губернатора в большей степени интересует степень доверия к нему президента, а не населения. Экономически активные группы населения России, граждане, ведущие предпринимательскую деятельность или планирующие ее заниматься, меньше всего доверяют власти.

4. Существовавшая на протяжении многих веков традиционная модель доверия населения к власти в последние десятилетия подвергается серьезной ревизии. Формирование отношения между обществом и государством в современных условиях кардинально меняется в связи с происходящей коммуникационной революцией, наступлением эпохи коммуникационного изобилия.

5. Коммуникационное изобилие объективно порождает новую архитектуру политики, создает ранее неизвестные возможности для развития гражданской «способности к самовыражению», формирования нового режима контроля власти.

6. В условиях коммуникационного изобилия политическая жизнь имитируется современными техническими средствами гораздо эффективнее классических политических имитационных процедур

7. Долго существующий низкий уровень доверия политическим институтам в конечном итоге трансформируется в низкий уровень доверия к стране, к ее населению.

Литература

- [1] Биккулов А.С. Интернет как средство массовой коммуникации: дис....канд. социолог. наук. СПб, 2003. 217с.
- [2] Гараев О.М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского университета 2014. Т.19. №14. С.1509-1514.
- [3] Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101-122.
- [4] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Директ-Медиа, 2011. 567 с.
- [5] Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley, 1965.
- [6] Кин Дж. Демократия и декаданс медиа.- М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- [7] Количество пользователей Интернета в России. http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Internet_Usage_Russia_2016.pdf.
- [8] Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. СПб: Наука, 2007. 641с.
- [9] Luhmann N. Trust and Power. Chichester, 1979.
- [10] Лукин В.Н. Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели // Credo New 2005. № 3. <http://credonew.ru>.
- [11] Манро Н., Мишле У., Роуз Р. Вынужденное принятие неполной демократии. Политическое равновесие России // Вестник общественного мнения. 2005. №2 (76). С.30-42.
- [12] Рейтинги и индексы. Данные опроса ВЦИОМ, 7 февраля 2016 г. <http://www.wciom.ru/news.ratings.9.02.2016>.
- [13] СМИ России в 2016. Анализ данных за 25 лет. <http://mediadigger.ru>.
- [14] Трамп: социальные сети — очень полезное изобретение // Версия. 2017. №16. 2017, 24 апреля. <http://www.versia.ru>.
- [15] Тённис Ф. Общность и общество // Социол. журнал. 1998. № 3/4. С.204–219.
- [16] Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос. 2012. 445 с.
- [17] Штомпка П. Культура доверия // Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008.

- [18]Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния
// Новая постиндустриальная волна на западе. Антология. М.: «Academia»,
1999. С.126-162.
- [19]Плесовских С.Н. Феномен доверия в российском обществе:
социологические основы и диагностика. Автореф. дис... канд соц. наук. М.,
2004. 26 с.

The extension of the radii of trust between society and the state as a condition of effectiveness of public policy

I.V. Radikov

Saint-Petersburg State University

This article refers to the fact that the trust relationship between society and state is a fundamental condition for the effective political management and public policy. The conclusion about the necessity of expansion of the radii of trust between society and government due to the upcoming controversial era of communications abundance, not only increasing the access of citizens to information, but also leading to further alienation of many people from politics because of the impossibility to cope with the increasing avalanche of information.

Keywords: trust, political trust, culture of trust, online political trust, rational trust, new publicity.

Сетевые механизмы формирования идентичностей

И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова

Кубанский государственный университет

mirinna78@mail.ru, morozova_e@inbox.ru

Аннотация

Сетевые механизмы формирования идентичностей представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных практик в глобальном информационно-коммуникативном пространстве, способствующих индивидуальной и коллективной идентификации, интериоризации и рефлексии. Комплекс включает: механизм сетевой коммуникации, механизм рефлексивной включенности личности в публичное пространство, механизм сетевого топос-структурирования и механизм публичного краудсорсинга. Результаты эмпирического исследования показали, что функциональность механизма сетевой коммуникации для воспроизводства/позиционирования традиционных и конструирования новых идентичностей заключается в его цифровой природе (готовность и открытость к изменениям) и сетевым этосом (ориентация на интеграцию в сообщество разнообразных по ценностным ориентациям и статусам акторов, обеспечение сотрудничества между ними на основе выработки единого ценностно-нормативного комплекса).

Механизм рефлексивной включенности индивидов в публичное пространство позволяет конструировать индивидуальным и коллективным акторам автономные социальные миры, требующие создания собственных виртуализированных публичных пространств, находящихся в тесной связи с общим социальным пространством.

Комплекс сетевых механизмов формирует динамичную матрицу идентичности современного человека, позволяющую реализовать возможности для его развития в современных условиях формирования новой социальной реальности.

Ключевые слова: новая социальная реальность, сетевые механизмы формирования идентичности, сетевая коммуникация, рефлексивная включенность индивидов в публичное пространство, сетевое топос-структурирование, публичный краудсорсинг.

1. Введение

Современная динамика идентичностей неразрывно связана с глубокими общественными трансформациями, изменяющие институциональные и социокультурные основания современного мира. В научном дискурсе сложилось четкое представление о том, что современная реальность представляет новый качественный этап общественного развития, в котором человек с возрастающей сложностью своего существования становится ключевым субъектом социальных и политических изменений [13]. Рефлексия о стремительно изменяющейся социальной реальности, которая отражается во множестве метафорических определений («индивидуализированное общество» З. Баумана, «общество риска» У. Бека, «сетевое общество» М. Кастельса, «infomodernity» И. Семененко, В. Лапкина) [21] [23] [25] [27], фиксирует тектонические сдвиги в сознании и поведении, в потребностях и мотивациях современного человека, механизмах его самоидентификации, которые происходят под влиянием продолжающейся технологической революции [13, с. 179].

Новые сетевые механизмы формирования идентичностей возникают в «пространстве социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации. Условием становления такого пространства оказывается персональная и потенциально интерактивная подключенность к глобальной «информационной среде», посредством которой социальный индивид приобщается к новым универсальным нормам и стандартам поведения, к новым условиям жизни и новым ограничениям доступа к ресурсам» [6].

Сетевые механизмы, основанные на сетевой коммуникации и сетевых структурах, в контексте новой социальной реальности инициируют сетевую логику изменений [26] сущностных характеристик и свойств идентичности личности. «Именно сети, — пишет М. Кастельс, — составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью [25]. В данных условиях сетевая коммуникация и сетевые структуры, возникающие в различных сферах общественной жизни и захватывающие доминирующие позиции, становятся одновременно и движущей силой цивилизационного развития и одновременно его результатами.

2. Теоретико-методологические основания и эмпирические методы исследования

Формирование институциональных оснований сетевого общества поставило перед наукой вопрос о выработке нового типа научного мышления, с помощью которого ученые способны предложить концептуальные схемы исследования этого общества как сложного и многомерного объекта, с их последующей операционализацией и выработкой соответствующего аналитического инструментария. В интерпретациях современных социальных философов речь

идет о развитии постмодернистского типа научного мышления [5, с. 355], который характеризуется рядом признаков. Во-первых, в современном социально-гуманитарном знании происходит отказ от единственного суверенного когнитивного субъекта в пользу коллективного; т.е. в научном «поле» существуют одновременно когнитивные акторы, которые интерпретируют общество разной динамической сложности и разных пространственно-темпоральных миров. На смену онтологическому монизму и дуализму приходит научное осмысление множественных и гибридных онтологий в условиях многоальтернативного выбора [15], методологических практик и исследовательских техник. Во-вторых, для данного типа мышления характерно сложная рефлексия, предполагающей, с одной стороны, рефлексию реального, противоречивого, динамически развивающегося общества, а с другой — рефлексии индивидов, прежде всего, относительно плюрализма производимых и потребляемых ими смыслов. Согласно У. Беку, это позволяет не допустить экспансии какой-либо культурной, теоретической или методологической традиции и обеспечить толерантное сосуществование теорий, так чтобы каждая из них могла дополнять полученные результаты других теорий [22]. В-третьих, постмодернистский тип мышления формирует методолога с новым типом идентичности — «антропологического» [3], способного работать в ситуации открытой, сетевой, виртуальной коммуникации и постоянно изменять исследовательскую «оптику» в соответствии с изменяющейся социальной реальностью.

Концептуальным основанием исследования сетевых механизмов формирования идентичностей является теория сетевого общества М. Кастельса [24, 25], который определяет его как результирующий вектор развития информационной экосистемы, где знания и информационные потоки играют определяющую роль. В условиях информационного общества социальная коммуникация, трансформируя институты и практики, приобретает совершенно новые сетевые качества универсального характера.

Новым объяснительным концептом, позволяющим обосновать сетевые механизмы формирования идентичностей, является теория сетевого фронта [12], понимаемого как подвижная граница пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социальных и культурных практик. Согласно данному концепту, трансформация информационного общества в сетевое на начальном этапе происходит через образование сетевых фронтальных зон, создающих условия для формирования сетевых структур, которые впоследствии, расширяясь, объединяются и образуют единый сетевой ландшафт.

Теоретическими основаниями исследования сетевых механизмов формирования политических идентичностей являются исследования, в которых онлайн-пространство и его роль в изменении формата публичной политики как в глобальном [9, 31], так и в национальном контексте связывается с появлением новых онлайн-сетевых структур и интерактивных механизмов сетевого публичного управления.

Рассматривая основные векторы динамики идентичности в сетевом обществе, авторы опирались на европейскую традицию исследования

идентичности, связанную с постструктурализмом [2, 30] и конструктивизмом [28]. В работе использовались подходы, связанные с концептуализацией идентичности через анализ коллективных действий [34, 38]. Авторы разделяют понимание политики идентичности, предложенное И.С. Семененко, как целенаправленной деятельности, актором которой выступают как государство, властная элита, так и другие субъекты — публичные интеллектуалы, гражданские активисты, политические партии и др. [14]. Важные идеи, касающиеся сущности и механизмов формирования сетевой идентичности, содержатся в работах К. Салливан, Д.С. Мартыанова, Л.А. Фадеевой [7, 17, 37].

Концептуальная структура проведенных эмпирических исследований базировалась на методологии двойной рефлексивности. Ее основа — сочетание теории, качественной стратегии и стиля коллективной исследовательской работы: по мере продвижения исследований частные аспекты этой методологии проверялись, изменялись и развивались дальше. Из социологических методов сбора информации были использованы кейс-стади, интерактивный качественный анализ электронных ресурсов, онлайн-интерактивный сбор и анализ социологической информации в режиме реального времени. Анализ эмпирических данных основывался на качественной стратегии. Интегрированная база источников ряда самостоятельных эмпирических исследований включает материалы 40 кейсов социальных сетей (основанных на глубинных интервью, документах, материалах печатных и электронных СМИ, характеризующих институционализированные формы деятельности сети, результаты интерактивного сбора информации в социальных онлайн-сетях и т.д.); онлайн-платформы зарубежных и отечественных краудсорсинговых ресурсов.

3. Механизмы и практики формирования идентичностей в сетевом онлайн-пространстве: результаты исследования

В современном социально-гуманитарном знании проблема появления и распространения сетевых механизмов формирования идентичностей не имеет своего четкого концептуального обоснования, но осмысливается в рамках исследований идентичности в условиях формирования новой социальной реальности [16]. Первая группа исследований, рассматривая условия, процессы и результаты формирования идентичности в постсовременности, акцентируют внимание на виртуализации социальной реальности, как механизме, трансформирующем жизненное пространство индивида и сфер его деятельности [33]. В системе виртуальной реальности, основанной на мультимедийных и цифровых технологиях, смыслы формируют пространство культурных кодов, символов и идеологий, становясь продолжением существующего публичного пространства обитания человека. Виртуализация, создающая «гиперреальность» [32], или симуляционный дизайн реальности [20], формирует метастабильные, реконструируемые, эклектичные, ситуативные и мозаичные идентичности знаково-символической природы, ассимилированные в сетевом взаимодействии [4]. Вторая группа исследований, акцентирует внимание на механизмах, основанных на технологических возможностях интерфейсах социальных онлайн-сетей, способствующих

формированию сетевой идентичности, которая рассматривается как конструирование проекта личности в онлайн-пространстве, направленного на удовлетворение разнообразных потребностей индивида [18].

Сетевые механизмы формирования идентичностей представляют собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных практик в глобальном информационно-коммуникативном пространстве, способствующих индивидуальной и коллективной идентификации, интериоризации и рефлексии. Комплекс включает: механизм сетевой коммуникации, механизм рефлексивной включенности личности в публичное пространство, механизм сетевого топоструктурирования и механизм публичного краудсорсинга.

Механизм сетевой коммуникации, основанный на технологических возможностях web 2.0 и web 3.0., представляет собой способ продуцирования индивидуальных и коллективных форм аккумуляции информации, создания/распространения нового контента / новых знаний. Функциональность механизма сетевой коммуникации для воспроизводства / позиционирования традиционных и конструирования новых идентичностей заключается в его цифровой природе (готовностью и открытостью к изменениям) и сетевым этосом (ориентация на интеграцию в сообщество разнообразных по ценностным ориентациям и статусам акторов, обеспечение сотрудничества между ними на основе выработки единого ценностно-нормативного комплекса).

Механизм сетевой коммуникации позволяет конструировать и управлять своими идентичностями в публичном онлайн-пространстве, что характерно для представителей «цифрового поколения». «Цифровым поколением» в современном социальном знании стали назвать популяцию людей, рожденных в 1980-х гг. и взрослых одновременно с экспонентным развитием Интернета. Социологический портрет «цифрового поколения» основывается на таких характеристиках его представителей как «тотальная» креативность, инновационность, информормированность (благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность) и многозадачность (рассматриваемая как способность решать несколько когнитивных задач одновременно) [36, р. 4]. Придавая огромное значение своему публичному онлайн-образу, молодые люди старательно выстраивают его, создавая посредством визуализированных и вербальных образов свою виртуальную личность и продвигая ее в сетевых структурах. Речь идет о так называемой проектно-брендовой идентификации личности, с помощью которой личность в социальных сетях представляется как проект или как серия проектов. При этом данный образ не может быть устойчивым и стабильным: под давлением информации сетевых коммуникаций, личность, а вместе с ней и ее виртуальный образ, вынуждены приспосабливаться / изменяться к новым условиям: новому месту учебы, новому направлению карьеры, к новым гендерным ролям и т.д. То есть гибкая структура сетевых взаимодействий порождает такого же гибкого децентрализованного субъекта, обладающего разовыми «перманентно обретаемыми» идентичностями. Человек, экспериментируя с различными реальными идентичностями, формирует особый тип идентичности как самопрезентации своего «фасадного Я». Данная идентичность не требует от человека отказа от реальных идентичностей, а формируется общепринятыми в

Интернет-среде правилами и техническими возможностями, которые дают сетевые платформы самопрезентации.

Механизмы сетевой коммуникации дают возможность личности через осмысление ценностных ориентиров индивидуальной деятельности формировать себя как активного субъекта, способного развивать собственную систему социальной идентичности, встраиваясь на основе приоритетных идентификаций в солидарные сообщества социального пространства конкретного общества. Механизм сетевой коммуникации дает возможность личности осуществить собственную презентацию своей реальной жизни и солидаризироваться во мнении, действиях с другими гражданами в сетевом формате. У человека появляется возможность не только заявить, но и благодаря сетевой коммуникации, получить «закрепление» статуса своих идентичностей. В результате формируются принципиально новые «персонализируемые сообщества» — сети межличностных связей и взаимодействий, основанные на социальной идентичности и обеспечивающие информацию и поддержку [40]. Они реализуют личностные потребности в обществе, опираясь на новые коммуникационные возможности, что, в свою очередь, способствует их встраиванию в глобальное цифровое пространство социальности, созданное Интернетом.

Механизм сетевой коммуникации дает возможность качественно развивать систему идентичностей личности в сетевой логике, что определяется двумя факторами. С одной стороны, функционирование современных сетевых платформ стало основываться на жестком условии наполнения персональных аккаунтов достоверной идентифицирующей информацией, давая при этом технологические возможности для реализации сетевого общения, обмена информацией и одновременно ведения персональных страницы и блога. Такое построение «работы» социальных онлайн-сетей обусловило «перенос» повседневных или эпизодических коммуникаций пользователей из реального мира в онлайн-пространство и их дальнейшее развитие в рамках позиционирования и функционирования сетевых сообществ. С другой стороны, успех индивидуальных и коллективных стратегий развития в современном обществе определен бинарным принципом: быть или не быть представленным в коммуникационной мультимедиа-системе. То есть выживают и достигают успеха только те, кто принимает сетевую логику, так как мультимодальность и диверсифицированность сетевой коммуникационной системы способствует интеграции всех существующих и появляющихся когнитивных схем, и практик.

Важно, что универсальный по своим характеристикам механизм сетевой коммуникации начинает «работать» на формирование конкретных идентичностей, исходя из целевых установок их носителей (в зависимости от того, на удовлетворение каких потребностей личности они ориентированы, осуществляя сетевую коммуникацию) и их возможности использовать другие сетевые механизмы. При этом механизм рефлексивной включенности индивидов в публичное пространство, механизм сетевого топоструктурирования, механизм публичного краудсорсинга имеют политическое содержание и в комплексе с другими механизмами обуславливают воспроизводство нового типа публичной политики — сетевой публичной политики.

Сетевая публичная политика представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, в котором институциональные, процессуальные, технологические и социокультурные компоненты политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур, а традиционные политические институты под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными. Процессуальные свойства публичной политики приобретают отчетливые синергичные черты: нелинейность, стихийность, самоорганизация, бифуркация. Технологические компоненты сетевой публичной политики, выстраиваясь на принципах сетевой коммуникации, нацелены на поиск инноваций в сфере политики (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений). Социокультурные компоненты сетевой публичной политики развиваются на основе социального конструирования реальности, где происходит формирование нового типа личности — «человека постмодерна», представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», способного реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики [10].

Механизм рефлексивной включенности индивидов в публичное пространство характеризуется как концептуализация индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующих создания собственных виртуализированных публичных пространств, но находящихся в тесной связи с общим социальным пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу, рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство, или в определении М. Фуко, «управленческой ментальности» [29] как активности, нацеливающей быть критическим и рефлексивным [39]. Дуальность результатов рефлексивной включенности индивида проявляется в возникновении «сетевых феодалов и крепостных» в пространстве публичной политики. Так называемые «сетевые феодалы» — индивиды или политические акторы на основе легитимных практических схем и эксплицитных понятий самостоятельно и оригинально осмысливают политические события, конструируя вокруг себя, своего места или проблемы с проективным набором публичных решений. Индивиды или политические акторы, которые не участвуют в конструировании публичных пространств, а прибегают к осмыслению общественно-политических событий на основе идентификации с созданными «сетевыми феодалами» когнитивных схем и практических решений, становятся «информационными крепостными» в конструируемых публичных пространствах. У. Эко в своей работе 1998 года, оценивая происходящие в результате информационно-коммуникационной революции цивилизационные изменения, пришел к выводу, что в ближайшем будущем общество разделится на две группы: те, кто потребляет медийные продукты в виде «готовых» образов и суждений о мире без критического осмысления получаемой информации; и тех, кто способен конструировать реальность посредством информационно-коммуникационных технологий [19].

Смыслы, когнитивные схемы и нарративы, распространяемые и потребляемые публикой в границах публичного пространства «сетевых феодалов», становятся источниками новой коммуникативной власти. У. Бек говорит о принципиально новом явлении для публичной сферы — «распаде политики» [23], на смену властного доминирования национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Так в глобальном Интернет-пространстве наблюдается рост виртуальных государств, географически привязанных к существующим государствам и регионам, и формирующихся в них на основе новых конструируемых идентичностей цифровых наций. К ним можно отнести: Aeterna Lucina в Южном Уэльсе, Bumbunga в Австралии, Conch Republic в США, Kingdom of Elleore в Дании, Filetino в Италии, Ladonia в Швеции и т.д. [1, с. 45]. Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление границ идентичности, в расширенной Интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно) и экспериментируют со своими идентичностями, изменяя природу властных отношений. Конструирование такого рода сообществ предполагает актуализацию в дискурсивных практиках отдельных идентификационных признаков, формирующих определенные когнитивные схемы и модели поведения, отличных от традиционных социальных идентичностей.

Однако в расширяющихся возможностях рефлексивной включенности индивида в публичное пространство и автономной «маршрутизации» публичных коммуникаций существует угроза усиления власти маргинальных групп, которые могут носить и экстремистский характер. Вместе с тем формирование публичных пространств также может происходить на основе использования механизмов манипулирования, социального и политического инжиниринга, где феодалами публичных пространств становятся политические лидеры субполитики — мэры городов, директора крупных бизнес-структур, представители региональных медиаструктур и PR-агентств, цифровые лидеры, гражданские журналисты и др.

Коммуникативная сетевая структура онлайн-пространства представляет различным социальным и политическим акторам возможность проектировать и позиционировать новые идентичности, носители которых ориентированы на активные социальные действия в публичной сфере. Формирование такого рода идентичностей происходит благодаря механизмам сетевого топос-структурирования и публичного краудсорсинга.

Под топосом понимается открытое множество практик и практических схем, связанное с некой социальной проблемой или «местом коммуникации акторов». Сетевое топос-структурирование представляет собой механизм формирования публичного пространства, в котором практические схемы, практики, ресурсы акторов публичной политики и структур публичного управления интегрируются в едином согласованном проекте решения конкретной локализованной проблемы. В топосе как интересубъективной реальности идеи задают границы принимаемых решений. Зачастую топос обуславливает возникновение сетей

социальной солидарности, демонстрирующих автономные от публичной власти гражданские действия, направленные на разрешение публичной проблемы. Примером сетевого топос-структурирования является движение «Блогер против мусора». Сформированное в блогерской среде сетевое сообщество, актуализировало общественно значимую проблему уборки мусора и активизировало различные группы общественности на практическое решение проблемы в российских регионах. Только в 2013 году в проекте приняло участие 80 субъектов РФ с общим числом участников более 50 тысяч человек. К решению данной проблемы присоединились губернаторы, представители местных властей, СМИ и крупные коммерческие компании [11, с. 15].

Проектирование идентичностей всегда является двухступенчатым процессом, который включает в себя «заявку идентичности», конструируемой индивидом / сообществом / институтом и «принятие конструируемой идентичности», окружающими целевыми группами. При совпадении «заявки» и «принятия» происходит становление устойчивой формы социальной идентичности, на основе которой формируются определенные гражданские действия в публичной сфере. Помимо механизма сетевого топос-структурирования проектирование и позиционирование такого рода идентичностей осуществляется в мировой практике с помощью публичного краудсорсинга.

Краудсорсинг представляет собой целенаправленную деятельность акторов (социальных, экономических, политических) по использованию ресурсов граждан, организованных в общественные сети в онлайн-пространстве для коллективного создания (идеи, проекта) и / или закрепления (решения, практики) инноваций в различных сферах общественной жизни (в бизнесе, социальной или политических сферах). Источником инноваций становится коллективный разум индивидуальных акторов, осуществляющих краудсорсинговую деятельность в организованных общественных сетях [10, с. 232]. Как сетевой механизм формирования идентичности краудсорсинг представляет собой способ организации сетевых сообществ в виде общественных сетей, позволяющих актуализировать разнообразные потребности граждан для разработки и реализации коллективных идей или проектов, нацеленных на решение публичной проблемы.

В краудсорсинговых проектах на основе ситуативной-проблемной идентификации с другими гражданами, заинтересованными в решении общественной проблемы в данный временной период, в онлайн-пространстве формируются общественные сети для решения краудсорсинговых задач [35]. В период летних пожаров, охвативших большинство регионов России в 2010 г., функцию антикризисного коммуникационного менеджмента взяли на себя социальные сети и блогеры: они не только предложили общественности свидетельства очевидцев, фотографии и видеоролики трагических событий и т.д., но и на их основе создали онлайн-проекты, позволяющие координировать организацию гражданских инициатив в оказании помощи пострадавшим. После обсуждения блогерами возможности оперативно оказывать помощь пострадавшим в августе 2010 г. была сформирована команда программистов, которые в кратчайшие сроки запустили сайт «Карта помощи» (<http://russian-fires.ru>). Данный краудсорсинговый ресурс позволяет информационно

сопровождать и координировать деятельность волонтерских структур, некоммерческих организаций и всех заинтересованных стороны в ликвидации пожаров и оказания помощи пострадавшим [8].

Субъектами создания краудсорсинговых проектов и, соответственно, проектирования ситуативно-проблемных идентичностей могут выступать как отдельные граждане и их сообщества, так и институционализированные акторы (органы власти, некоммерческие организации, бизнес-структуры). Бывшим сторонником Обамы Дж. Гильямом в 2009 году был основан краудсорсинговый ресурс «WhiteHouse2.org» (<http://techpresident.com/whitehouse2org>). Здесь граждане могут выразить поддержку политическим требованиям, выдвинутым другими гражданами или политиками, отвергнуть их, дать им оценку, прокомментировать. Темы предложений самые разные — от налоговых льгот и реформ в здравоохранении до инвестиций в возобновляемые источники энергии. Чем больше электронных подписей соберет то или иное требование, тем выше оно оказывается в рейтинге на сайте организации.

Механизмы сетевого топос-структурирования и публичного краудсорсинга несмотря на то, что, в большей степени, формируют ситуативно-проблемные идентичности имеют высокий мобилизационный потенциал для актуализации деятельности сетевых сообществ в виде гражданских инициатив и масштабных гражданских движений, где формируются новые устойчивые идентичности, которые могут приобретать и протестный характер.

4. Заключение

Таким образом, комплекс сетевых механизмов формирует динамичную матрицу идентичности современного человека, позволяющей реализовать возможности для его развития в современных условиях формирования новой социальной реальности. В то же время, комплекс сетевых механизмов не является стабильным, его содержательное наполнение будет зависеть от тех институциональных практик, которые в дальнейшем будут определять условия, процессы и результаты формирования идентичностей, требующих своего концептуального осмысления и эмпирических исследований в социальных науках.

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-03-00339 «Фронтис сетевого общества как пространство политического взаимодействия».

Литература

- [1] Акопов С.В. Сетевая философия и трансформация идентичности личности // Управленческое консультирование. 2013. № 12(60). С. 42–46. <http://elibrary.ru/item.asp?id=21087789>.
- [2] Бурдьё П. Социология политики / под ред. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
- [3] Генисаретский О.И. Фигуры идентичности методолога // Вопросы методологии. 1997. №3-4. <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/iii/2>.
- [4] Горный Е. Онтология виртуальной личности // Сетевая словесность. 2004. <http://www.netslova.ru/gorny/selected/ovl.html>.

- [5] Кравченко С.А. Социология. В 2 т. Т.2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. Изд. 2. М.: Юрайт, 2014. <http://elibrary.ru/item.asp?id=21331483>.
- [6] Лапкин В.В., Семененко И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. 2013. № 6. С. 64–81. <http://elibrary.ru/item.asp?id=20800324>.
- [7] Мартынов Д.С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 1. С. 44–52. <http://elibrary.ru/item.asp?id=23681815>.
- [8] Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 6 (4). С. 31–39. <http://elibrary.ru/item.asp?id=17675675>.
- [9] Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. <http://elibrary.ru/item.asp?id=27268151>.
- [10] Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22946038>.
- [11] Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Гибридные политические институты: к проблеме типологизации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 4. С. 6–26. <http://elibrary.ru/item.asp?id=25953534>.
- [12] Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Фронтير сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 2(60). С. 83–97. <http://elibrary.ru/item.asp?id=25944911>.
- [13] Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / под ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: ИМЭМО РАН, 2014. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22916023>.
- [14] Семененко И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. / под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЕН, 2011. С. 162–168. <http://elibrary.ru/item.asp?id=19674391>.
- [15] Усова М. Методологические основания сетевой конфигурации концептов современного общества // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 122–128. <http://elibrary.ru/item.asp?id=23710460>.
- [16] Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. № 10. С. 59–71. <http://elibrary.ru/item.asp?id=16442810>.
- [17] Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. / под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЕН, 2011. С. 67–70. <http://elibrary.ru/item.asp?id=19674391>.
- [18] Фленина Т.А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета

- им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 310–314.
<http://elibrary.ru/item.asp?id=22548196>.
- [19]Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст: Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.
- [20]Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture / ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 126–133.
- [21]Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001.
- [22]Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007.
- [23]Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
- [24]Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000.
- [25]Castells M. The Power of Identity: The Information Age. (Economy, Society, and Culture). 2nd ed. Malden MA, Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- [26]Christakis N., Fowler J. Connected. The Amazing Power of Social Networks and How They Shape Our Lives. London: Harper Press, 2011.
- [27]Citing Index Indicators on Social Sciences. 2016.
http://www.manuelcastells.info/en/SSCIsocialranking_eng.pdf.
- [28]Corcuff P. Les Nouvelles Sociologies. Paris: Éditions Nathan, 1995.
- [29]Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality / eds. G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago: University of Chicago Press, 1991. С. 87–105.
- [30]Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- [31]Hacker K. L., Jan van Dijk. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. London: SAGE Publications Ltd, 2000. DOI: 10.4135/9781446218891.
- [32]Houellebecq M. Le Monde Comme Supermarché. Paris: Flammarion, 1998.
- [33]Luhmann N. Die Realitat der Massenmedien. Wiesbaden: Sozialwissenschaften I GWV Fachverlage GmbH, 2004.
- [34]Melucci A. Challenging Codes. Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- [35]Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Crowdsourcing in Public Policy: Technologies, Subjects and its Socio-Political Role // Asian Social Sciences. 2015. № 11.7 С. 111–121. <http://elibrary.ru/item.asp?id=24021460>.
- [36]Palfrey J., Gasser U. Born Digital. Understanding the first generation of digital natives. New York, 2008.
- [37]Sulliwan C. Digital Identity: An Emergent Legal Concept. Adelaide: University of Adelaide Press, 2011.
- [38]Tilly C. Stories, Identities, and Political Change. Lanhan: Rowman & Littlefield publishers, 2002.
- [39]Walters W., Haahr J. Governmentality and Political Studies // European Political Science. 2005. Vol. 4, № 3. P. 288–300.
- [40]Wellman B. Physical Place and Cyber-Place: Changing Portals and the Rise of Networked Individualism // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. № 25(2). P. 227–252.

Networking Mechanisms of Identity Formation

I.V. Miroshnichenko, E.V. Morozova

Kuban State University

The authors prove and describe the action of new networking mechanisms of formation of identities which arise in the context of societal transformations of the modern society. The networking mechanisms of identity formation represent a complex of interrelated and interdependent practices in global information and communication space, promoting individual and collective identification, interiorization and reflection. The complex includes the mechanism of network communication, mechanism of reflexive involvement of a person into the public space, mechanism of network topos-structuring and mechanism of public crowdsourcing. The results of the empirical research show that the functionality of the mechanism of network communication for reproducing/positioning traditional identities and projecting new identities resides in its digital nature (readiness and openness for changes) and a network ethos (orientation to the integration into the community of different value orientations and statuses of actors and provision of cooperation between them on the basis of the development of the uniform complex of values and standards). The mechanism of reflexive involvement of individuals into the public space enables individual and collective actors to project the independent social worlds requiring the creation of their own virtualized public spaces that are closely linked with the common social space. The mechanism of network topos-structuring and mechanism of public crowdsourcing, forming situation and problem identities, have the high mobilization potential to update the activity of network communities in the form of individuals' initiatives and large-scale civil movements where new sustained identities form which can also gain the protest nature. The authors come to conclusion that the complex of network mechanisms produces the dynamic matrix of the identity of a modern person allowing to take the opportunities for its development in the contemporary conditions of new social reality formation. At the same time, the complex of networking mechanisms is not stable; its content depends on those institutional practices which determine further conditions, processes and results of formation of identities, requiring their conceptual understanding and empirical research in social sciences.

Keywords: new social reality, networking mechanisms of identity formation, network communication, reflexive involvement of individuals into the public space, network topos-structuring, public crowdsourcing

Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия

В.А. Михеев

Российская Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

mikheevva37@mail.ru

Аннотация

В докладе рассматривается содержание категорий доверия, недоверия, изложенных в трудах отечественных и зарубежных ученых, представленных в обыденном и публичном восприятии. Дается авторское определение данных категорий (понятий). Характеризуются критерии, особенности формирования уровней развития доверия, недоверия, использования новых механизмов, технологий во взаимоотношениях власти и институтов гражданского общества. Особое внимание уделяется исследованию проблем, сдерживающих рост доверия граждан к органам власти, и негативных сдвигов в преодолении тотального недоверия. Анализируются направления возможных практических действий по утверждению обоснованного состояния доверия, недоверия.

Ключевые слова: институты гражданского общества, некоммерческие организации, доверие, недоверие, оппозиция, новые технологии.

Проблематика доверия, недоверия традиционно развивается как область философии человека, а также многих других наук. На рубеже XX-XXI веков она входит в сферу интересов истории, социологии, политологии. Фактически учение о доверии, недоверии в политической сфере как особое направление в известной мере меняет научные подходы к политике. Доверие выступает важнейшим фактором социального капитала. Доверие, недоверие становятся обоснованием геополитической ситуации, возникшей в условиях санкций к России.

Научные концепции, учение о доверии, недоверии развивается с конца 1970-х годов как особое направление социологии [1, с. 324] и политологии. Категория доверия, недоверия исследуется в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Э. Гидденса, Н. Лумана, Т. Парсонса, А. Селигмена, М. Ховарда, Ф. Фукуямы, П. Штомпки, а также отечественных ученых Ю. Веселова, Ф. Ильясова, П. Козыревой, А. Смирнова, Л. Тимофеевой [1-7].

Доверие рассматривается в основном как необходимое условие развития общества, как фактор экономических транзакций, способ и оценка состояния общественных отношений, общественной солидарности, взаимопонимания, как проявление ценностных предпочтений. Доверие многими учеными считается основой деятельности всех социальных институтов. И в таком качестве исследовалось в этнометодологии.

Доверие (в авторском изложении) — это отношение к действиям другого лица, группы лиц, институтов (власти, бизнеса, гражданского общества), основанное на убежденности в законности, правоте, честности, предполагающее взаимную ответственность, проверку опытом и практикой.

Недоверие (противоположность доверию) — это отношение, выражающееся в обоснованном аргументированном сомнении искренности мотивов, действий и деятельности другого субъекта, в подозрительности верности его общему делу.

Доверие и недоверие чаще всего характеризуются как способы, оценки, отражения, ставки, сделанные в расчете на будущие ожидания, на вероятность справиться с неясным будущим, способность сформулировать позитивные или негативные предположения.

Несколько иначе доверие и недоверие трактуются в контексте культурных ориентаций. Формирование и развитие культуры доверия, по мнению ученых, оказывается выгодной, благоприятной для общества ситуацией... Культура недоверия чаще всего приводит к пассивности..., снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию» [1, с. 340-341].

Крайне важным в этом отношении является обоснованность или необоснованность доверия, недоверия. Упрощенным выглядит стремление придавать доверию исключительно позитивный, а недоверию однозначно негативный смысл. К примеру, в статье Козыревой П.М., Смирнова А.И. определяется, что «из-за недоверия к бизнесу и его представителям сохраняется высокий уровень напряженности в обществе...» [6, с. 57] В этой связи подчеркнем, что недоверие обоснованное и публично высказанное конкретному адресату имеет позитивное значение. Так, недоверие к органам власти, некоммерческим организациям, проявляющееся по поводу их информационной закрытости о результатах своей деятельности, низкого качества предоставляемых услуг населению, манипулятивности и т.д., подтвержденное конкретными обоснованиями, может стать поучительным, позволит осознать и преодолеть подобные издержки. И, наоборот, когда доверие оказывается ошибочным, тщетным, несправедливым, не совпадающим с конструктивными, обоснованными ожиданиями, то это приводит к негативным обобщениям, недоверию к конкретным лицам и институтам

В современном обыденном и публичном восприятии место теории о доверии и недоверии во многом занимает контрверза, как разногласия, расхождения во мнениях, выражающиеся в том числе в полемиках, дискуссиях, в противоречивых определениях сущности содержания и уровней состояния доверия и недоверия.

Иллюстрацией в этом отношении может служить характеристика уровней доверия к Государственной Думе на основе участия граждан в выборах,

зафиксированные в 47,8% в 2016 году [8], и на результатах опросов, проводимых Институтом социологии РАН, «Левада-центром», свидетельствующих об уровне доверия всего лишь в 23 – 29% [9, 10, с. 132]. Это расхождение в оценках доверия больше чем в два раза может соответствовать действительности. И более того ирония, содержащаяся в некоторых суждениях по данному поводу, вряд ли уместна. В каждом развитом государстве доверие к органам власти характеризуется участием граждан в выборах, а также и на основе результатов проводимых опросов. Однако выводы во втором случае характеризуют уровень доверия к депутатам, основываясь, прежде всего, на характеристике качества их деятельности, в которой обнаруживается, скорее проявляющаяся подмена высказанных избирателям обещаний «опираться на жизнь» и способностями забывания. Кроме того, показатели доверия, недоверия подменяются рейтингом одобрения деятельности Государственной думы, который по исследованиям ВЦИОМ вырос в 2016 году до 52,1%, а неодобрение сократилось до 33% [11]. Подобные противоречивые показатели трактовки уровня доверия к Государственной думе свидетельствуют об очевидном нежелании серьезно осмыслить сложность данной ситуации, а поверхностное понимание сущности доверия, недоверия вполне устраивает правящую элиту. Подчеркнем, что в условиях растущего неравенства в обществе, снижения жизненных стандартов, доходов населения определенная часть граждан может считать авторитарную модель государственного управления более привлекательной.

Обоснованность доверия или недоверия устанавливается на основе имманентных, т.е. внутренне присущих критериев, касающихся непосредственно объектов (к примеру, Государственной думы, депутатов и др.); или же опосредованных, т.е. критериев ситуационного или структурного контекста. При этом к первой категории критериев относятся результаты деятельности, уровень достижений, репутация, а также внешний вид, реквизиты, символы, которыми пользуется тот или иной институт, или группа людей, индивид.

Второй тип критериев связан со многими составляющими, в том числе манипуляциями, внушающими доверие контрагентам, которые могут быть введены в заблуждение или обмануты. Подобные средства весьма успешно используются некоторыми структурами, предоставляющими социальные, финансовые и многие другие услуги. Данный тип взаимоотношений характеризуется нередко проявлением доверия на непрочных основах и соответственно чреват самым большим риском.

Доверие утверждается и крепнет, если поставленная цель достигнута. И наоборот, если прогнозируемый результат не достигнут или оказался отрицательным, то доверие угасает и символизирует, по словам А.И. Солженицына «вековую дуэль общества и власти» [12].

Одной из проблем в современных условиях является бытующая нередко имитация оценок уровней доверия или недоверия к органам власти. Иллюстрацией этого может быть практика проведения на всех уровнях власти общественных публичных слушаний. Они организуются по обсуждению наиболее значимых решений, программ, проектов и в основном с применением административного ресурса, с известными информационными издержками о

приглашениях на них жителей, с бюрократической заинтересованностью подбора ораторов, планированием процесса обсуждения конкретных вопросов и т.д.

К примеру, в рамках демократической логики исполнительная власть в городе Москве ставит задачу получить от 60% «за» тот или иной обсуждаемый на слушаниях проект на уровне департамента и до 100% на уровне управы [13]. При этом процедура учета различных мнений жителей с критикой, замечаниями, негативной оценкой представленных на общественные слушания проектов, нередко дезавуируются наибольшим числом отзывов с безоговорочной поддержкой.

Административно-бюрократический аппарат не в полной мере осознает и, вероятно, не понимает, что в процессе подготовки, проведения и обобщения результатов публичных слушаний, да и в долгосрочной перспективе, выстраивается структура формирования и развития социального и человеческого капитала, а также доверия или недоверия к органам власти.

В нашем государстве постоянно меняется соотношение между латентными и публичными формами власти, интенсивность взаимодействия власти и общества. Фазы политического регулирования периодически чередуются с восходящими, повышающими роль гражданских институтов [14], а вместе с этим и общественных отношений в целом, или нисходящими, увеличивающими административные бюрократические методы принудительного регулирования.

Вполне очевидно, что сегодня нащупываются возможности реконструкции обновления взаимодействия власти с гражданскими институтами. О важных моментах в этом отношении свидетельствуют суждения Президента РФ В.В. Путина о необходимости отзывчивости, четкости в работе с людьми, развитии политической конкуренции, справедливости. Гражданские институты, «НКО — отметил Президент РФ — формируют столь необходимую России атмосферу общих дел, создают колоссальный социальный потенциал... Я хочу, чтобы меня слышали.. и губернаторы и муниципальные власти, я прошу Вас по максимуму привлекать в исполнении социальных услуг некоммерческие организации..., не прятаться в служебных кабинетах, не бояться диалога с людьми — идти навстречу, честно и открыто разговаривать с людьми, поддерживать их инициативы...» [15].

Гражданские институты, взаимодействуя с органами власти, государством, выполняют трудоемкую задачу по поддержанию равновесия в обществе, приведению в соответствие общественных настроений, выражению объективной толерантности, лояльности по развитию способности совмещать методы убеждения и формирования повестки дня.

Взаимодействие власти и НКО реализуется на принципах демократичности, законности, социального, межсекторного, государственно-частного партнерства, но также и конфронтации, противостояния, борьбы, поиска компромиссов в достижении согласия, консенсуса.

Государство все более активно, руководствуясь развитием доверия во взаимоотношениях с обществом, передает многие свои функции некоммерческим организациям. По инициативе органов власти на федеральном уровне созданы и успешно работают в статусе некоммерческих организаций Агентство стратегических инициатив, Центр стратегических разработок,

Комитет гражданских инициатив, Общественная палата РФ, общественные палаты в субъектах РФ, общественные советы при Президенте РФ, Правительстве РФ, Министерствах и ведомствах. На основе приоритетов доверия почти четверть века результативно работает Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, развивая систему социального партнерства, оказывая деловую поддержку органам власти, бизнесу, миллионам граждан.

Новое XXI столетие набирает темп, все более значимую роль в определении основных тенденций «пост-модерна», «постдемократии» играют базовые категории доверия, недоверия, формирующие новую архитектуру политических отношений, не только ставящих под вопрос устойчивость многих, ранее продуктивно работающих механизмов, но и предполагающие создание более эффективных политических структур.

Основу взаимодействия государства, гражданских институтов и бизнеса составляют широко используемые новые технологии, которые выстраиваются на концепциях выигрыш-выигрыш (win-win cooperation) с конкурентом, руководство без правительства на основе сетевого взаимодействия («governanes with on government»), коучинга, краудосорсинга, как взаимодействия по принятию оптимального решения, блокчейна, как обобщения разнообразных проявлений активности граждан, информационных транзакций [16].

Практикуемые диалог, конфликты власти и гражданских институтов касаются широкого круга актуальных проблем, отражающих множественные процессы гражданской, в том числе протестной активности населения, протекающей нередко в обход официальных институтов и каналов представительства интересов.

В России нет дефицита институтов гражданского общества. В России есть дефицит доверия. И власти делают пока ещё очень мало, чтобы доверие заслужить и развивать. Более того в сфере политики наметилось известное сужение поля деятельности гражданского общества путем реформатирования НКО, введения практики их классификации по типам «иностранный агент», «нежелательные», непрозрачные организации, руководствуясь обоснованием доверия и недоверия преимущественно в смысле как истинных и достоверных.

Вместе с тем доверие и недоверие могут стать по сути дисфункциональными, когда не имеют достаточных реальных оснований для подтверждения их истинности и достоверности. В этой ситуации негативный смысл доверия выражается в том, что оно проявляется к тем институтам, которые его не заслуживают. Естественно, подобными необоснованными определениями наносится ущерб в целом доверительным отношениям.

С другой стороны, неаргументированный, ошибочный отказ в доверии тем, кто его заслуживает, вызывает ощущение несправедливости, необъективности, стимулирует неприязненные взаимоотношения, а иногда и агрессивность.

Нечто подобное происходит в связи с недостаточно проработанными критериями причисления НКО к категориям «иностранный агент», как имеющих иностранное финансирование и занимающихся политической деятельностью. Неоднократные инициативы НКО, правозащитников, даже Президента РФ о необходимости доработки обоснованных критериев определения понятия «политическая деятельность» выполняются

непрофессионально или превращается в обыкновенную бюрократическую волокиту.

Или другие примеры. К числу «нежелательных», в соответствии с законодательством РФ, относятся иностранные, международные организации, представляющие угрозу конституционному строю РФ [17], обороноспособности или безопасности государству. И в этом случае остается открытым вопрос об оценке критериев определения угрозы Российской Федерации. К тому же в законе не закреплена возможность оспаривания в административном порядке или в суде решения о включении НКО в перечень «нежелательных» организаций, что соответственно ставит их в неравное положение с другими участниками правоотношений в части защиты прав [18].

Термин «непрозрачные» НКО, транслируемый в СМИ, используется применительно к организациям, уклоняющимся от сообщений о пожертвованиях политическим партиям. К примеру, в период выборов в Госдуму в 2016 году крупнейшими донорами политических партий стали региональные фонды, аффилированные с «Единой Россией». В их числе Фонд народных проектов (пожертвовал 20 млн. руб.), Фонд поддержки будущих поколений (пожертвовал 78,3 млн. руб.). Центризбирком по этому поводу замечаний не высказал. К числу не самых прозрачных относятся НКО, получившие гранты и субсидии от Минэкономразвития, но показатели отчетности по их использованию, опубликованные на сайтах данных НКО, свидетельствуют о расходовании лишь 40-50% общей выделенной суммы [20]. Очевидно, сами организации своей деятельностью могут формировать недоверие по отношению к себе самим.

Гражданские институты, в том числе НКО, создают определенную среду для людей, но и сами нуждаются в соответствующей среде. В этом смысле от органов власти зависит формирование демократично поддерживающей среды, способствующей консолидации общества.

Проблема доверия, недоверия приобретает обострение накала страстей по поводу взаимоотношений органов власти и оппозиции.

Некоммерческие организации в нашей стране в современных условиях становятся в известном смысле одним из реальных факторов формирования и развития оппозиции. К числу оппозиции в современной России относятся правозащитные организации «Агора», «Мемориал», общественно-благотворительная организация «Гражданское содействие», объединение «Открытая Россия», а также отдельные «иностранные агенты», «нежелательные НКО» и многие другие структуры.

Оппозиция обвиняет современную власть в «формировании ручного гражданского общества», «в архаизации сознания» граждан. Со «стороны оппозиции идет критика властей по поводу вялой борьбы с коррупцией, навязывания многих решений «сверху, «регулирования» организаций как способа сдерживания и желания избежать «цветных» революций. В этой связи на общероссийском гражданском форуме (ноябрь 2016 г.) в г. Москве лидер Московской Хельсинской группы Л. Алексеева посоветовала институтам гражданского общества в России готовиться к существованию «в полуподпольном режиме и вспоминать опыт диссидентов». Представители неолиберального направления объявляют, что «гражданское общество

развивается и может работать вместо государства — надо возглавить этот процесс» [21].

Целями современной российской оппозиции являются:

- анализ и разработка направлений развития идей;
- создание определенных рамок, в которые могут быть помещены наблюдения реальности по контролю за деятельностью органов власти;
- выявление наиболее острых социально-экономических, политических проблем, их исследование и разработка путей решения.

Российская оппозиция опирается в основном на эмпирический и нормативный подходы, ориентируется, скорее всего, на оценку фактов и явлений, нежели на их объяснение. Она пытается установить нормы, правила, рассматривая состояние дел в контексте должного. То есть, как должны обстоять дела, чтобы они были справедливыми, правильными с моральной, политической точки зрения. В этом есть позитивное, спасающее политику от угроз, нависающих постоянно над ней. Однако остается нередко в забвении категория сущего.

Современные гражданские институты представляют собой хрупкие, неустойчивые, переменчивые структуры. Администрирование в такой среде чаще всего приводит к снижению результативности согласованной работы, к конфронтации с органами власти. Как свидетельствует практика, многие НКО вынуждены участвовать в бесконечных административных и гражданских судебных процессах, обращаться в Конституционный суд РФ о проверке конституционных положений ряда федеральных законов, вступать в конфликты с налоговыми органами по поводу проводимых ими обысков в офисах НКО, квартирах лидеров, арестов имущества и т.д. [22].

Основными трудностями в работе НКО исследователи и практики считают недоверие к ним со стороны муниципальной власти, «кампанейщину», отсутствие у тех и других ясных перспектив развития в ближайшей и долгосрочной перспективе [23].

Вызывает озабоченность падение доверия у граждан к механизмам защиты прав человека. Так доля респондентов (фиксирует «Левада-Центр»), считающих, что они никак не могут защитить свои права, увеличилось по сравнению с мартом 2015 года (т.е. почти за 1,5 года) с 17 до 27% в конце 2016 г. Доля граждан готовых к активным действиям (митингам, забастовкам) составляет всего лишь 4%, но почти на 40% увеличилось число трудовых протестов на работе: в 2015 году их было 293, а в 2016 году — 419 [24].

Падение доверия в этом отношении отражает ситуацию поиска новых более действенных безопасных способов борьбы граждан за свои права. Лидер ФНПР М.В. Шмаков по этому поводу выразился: «Там, где слышат разум, мы будем разумными, там, где понимают силу, мы будем сильными» [25]. Власти удастся пока эффективно препятствовать какому-либо объединению протестующих и купировать медиаподдержку протестующих.

В России исследования доверия, недоверия как феномена делового взаимодействия ждут своего часа. Доверие и недоверие представляют собой сплав осознанного и неосознанного, рационального и иррационального, они тесно связаны с интуицией и озарением. В этом отношении, как видим, могут использоваться различные способы обоснования доверия и недоверия.

Важными слагаемыми современности является понимание и осознание того, что традиции доверия и недоверия необходимо принимать как современную реальность и данность, свидетельствующую о том, что речь идет об уменьшении или увеличении ресурсов социального и человеческого капитала, шансов рисков, с которыми люди могут встретиться в дальнейшей жизни.

Проблема доверия, недоверия — это деликатная материя, имеющая системный характер. В этой связи её решение желательно находить, во-первых, в организационно-правовой сфере с учетом упорядочения существующего законодательства, нормотворческой деятельности, обеспечения всесильия законов и ответственности за их исполнение.

Во-вторых, объектом решения проблем доверия, недоверия выступает обеспечение равновесия в обществе, формирование благотворных условий и благоприятного экономического, социально-политического, духовного контекста, эффективных механизмов развития социального капитала, создание сильного креатива политических и гражданских институтов, способных воспринимать, усваивать информацию о доминирующих настроениях в обществе и адекватно реагировать на запросы населения.

Пока же политические и гражданские институты не смогли прогнозировать масштаб низкого доверия, равноценно реагировать на всплеск недоверия и своевременно корректировать его.

В-третьих, подчеркнем, что в зависимости от уровня особенностей и расклада сил, сложившихся во взаимоотношениях власти и гражданских институтов формируются принципы, определяющие сферу их лояльной, партнерской, оппозиционной, конфронтационной, нейтральной или толерантной деятельности. Смысл данных принципов, в основном, заключается в плодотворном согласовании интересов государства, общества и бизнеса, позволяющего развивать способность гражданских и политических институтов вырабатывать и осуществлять свою собственную политическую линию.

В-четвертых, по проблемам анализа и определения сущности доверия, недоверия необходимы профессиональные исследования, проведение дискуссий ученых, политиков, управленцев, лидеров некоммерческих организаций, которые обязательно выведут на вопросы ответственности власти и правящей элиты, развития способностей поступиться частью своих интересов и привилегий.

Богатый исторический опыт социально-экономического, политического развития российского государства и общества позволяют наметить направления возможных практических действий по утверждению доверия, недоверия как желанного состояния. В современной глобальной политической игре по проблемам доверия, недоверия жизненно необходимо участвовать на правах достойных и компетентных игроков.

Литература

- [1] Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. Пер. с польского М.: Изд-во «Логос», 2005, с.324.
- [2] Луман Н. Общество как совциальная система. Пер. с немецкого М.: Изд-во «Логос», 2004.

- [3] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004; Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. М.: Изд-во «Логос», 2011.
- [4] Веселов Ю.В. Доверие и справедливость: моральные основания современного экономического общества М.: Изд-во Аспект-Пресс, 2011.
- [5] Bellamy C. From automation to knowledge management: modernizing British government with ICTs // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68. № 1. P. 35-42.
- [6] Козырева П.М., Смирнов А.И. Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия // Полис. 2017. №1.
- [7] Тимофеева Л.Н. Конфликтологичность взаимоотношений власти и оппозиции в условиях политической модернизации: риски и возможности их гармонизации // Конфликтология. Т.4. 2014. С.82-93.
- [8] Итоги выборов в Госдуму.2016. Meduza ProektJ. Дата обращения 15.02.2017.
- [9] Мухаметшина Е. Доверие к властным институтам снизилось «Левада – Центр» // Ведомости. 2016. 13 октября.
- [10] Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. Под ред М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: «Весь Мир. 2015.
- [11] Доверие к Государственной думе растет. Дни РУ.
- [12] Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2017. 16 февраля.
- [13] Иванов П., Касимова Т. Жителям лучше не знать // Ведомости. 2017. 10 февраля.
- [14] Михеев В.А. Институты гражданского общества в политике и государственном управлении // Власть. 2015. №4.
- [15] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета. 2016. 2 декабря.
- [16] Корня А. Партия блокчейна // Ведомости. 2016. 23 декабря.
- [17] Федеральный Закон РФ от 23 мая 2015 года №129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- [18] Памфилова Э.А. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2015 год // Российская газета. 2016. 24 марта.
- [19] Корня А., Козлов П. Спор неизвестен // Ведомости. 2016. 26 декабря.
- [20] Мухаметшина Е. НКО не хватает прозрачности // Ведомости 2016. 1 марта.
- [21] От редакции. Отступление в диссиденты // Ведомости. 2016. 21 ноября.
- [22] Памфилова Э.А. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2015 год // Российская газета. 2016.24 марта.
- [23] Носаненко Г.Ю. Индекс устойчивости НКО В Республике Татарстан: состояние стабильно тяжелое // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2016. С.203
- [24] Аптекарь П. Молчание протеста // Ведомости.2017.22 февраля.
- [25] Шамаков М. Размышления председателя ФНПР // Солидарность. 2017. №9.1-8 марта.

Public authority and civil institutes: to the problem of trust and mistrust

V.A. Mikheev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

An article examines the content of categories of trust and mistrust, studied in treatises of national and foreign scientists, and now being performed in both trivial and public perceptions. The author gives his own definitions of categories (terms). The article describes criteria, formation features of maturity levels of trust, mistrust, usage of new mechanisms, technologies in relations between authority and civil society institutes. It analyses directions of possible practical actions on establishment of a reasonable condition of trust, mistrust.

Keywords: civil society institutes, non-profit organizations, trust, mistrust, opposition, new technologies.

Гражданин как субъект государственного управления: опыт государственной электоральной политики

Н.В. Гришин

Астраханский государственный университет

nvgrishin@mail.ru

Аннотация

В статье отражены процессы наделения граждан возможностями индивидуального участия в системе публичного управления на примере государственной политики и управления в сфере избирательного процесса. Роль граждан как субъектов государственного управления изучена на основе теории «New Public Governance». Рассмотрены феномены индивидуального наблюдения за выборами и индивидуального участия граждан в процессе делимитации избирательных округов. Охарактеризованы основные формы, перспективы и ограничения индивидуального влияния граждан в системе государственного управления.

Ключевые слова: выборы, электоральный менеджмент, государственная электоральная политика, наблюдение на выборах.

1. Введение

В современном государственном управлении происходит принципиальное изменение субъектов управления. На теоретическом уровне эти процессы получили наиболее обстоятельную интерпретацию в рамках теории «New Public Governance» [5, 7]. В условиях «размывания» государственной власти [4] государство и общество как соответственно субъект и объект управления могут меняться местами. В рамках данного теоретического конструкта рассматривается множественность и гетерогенность субъектов управления [3]. Происходит разделение понятий «орган государственной власти» и «субъект государственного (публичного) управления». Круг последних значительно расширяется, и к их числу могут принадлежать негосударственные акторы [8]. В деятельности новых субъектов публичного управления отсутствует принудительное начало, возрастает роль переговоров, консенсуса и диалога. В качестве таковых акторов рассматриваются НКО, бизнес-структуры, ассамблеи граждан, т.е. негосударственные коллективные акторы.

Если экстраполировать тенденцию к расширению круга субъектов государственного управления дальше, то возникает вопрос: может ли выступать в роли субъекта публичного управления гражданин (индивид) как частное лицо.

Данная статья не ориентирована на теоретическое решение этого вопроса. Наша задача — рассмотреть некоторые признаки наделения гражданина (индивида) возможностью выступать в роли субъекта государственного управления в рамках отдельно взятой отрасли публичного управления — государственной политики и управления в сфере избирательного процесса.

Говоря о гражданине, мы рассматриваем его не как элемент коллективного целого, обладающего признаками субъектности (электорат, политическая партия, ассоциация) и не как лицо, занимающее определенную руководящую должность, но как лицо, действующее индивидуально и от себя лично. Под статусом субъекта государственного управления мы понимаем возможность совершения действий, которые инициируют обязательные последующие действия органов государственной власти в решении вопросов общественного управления. В соответствии с одним из положений теории «управления на основе сотрудничества», возможность совершения гражданами управленческих действий санкционируется государственной властью [1]. Управленческая роль граждан выражается в расширении возможностей их индивидуального воздействия на органы государственной власти при исполнении последними своих функций.

Изучив основные направления государственной политики и управления в сфере избирательного процесса [9], мы выявили, что только в двух из них граждане получают возможности индивидуального управленческого участия. Этими направлениями являются наблюдение за выборами и определение границ избирательных округов.

2. Индивидуальное наблюдение за выборами

В системе контроля на выборах развивается институт индивидуального наблюдения за выборами — один из интереснейших и развивающихся электоральных институтов. В некоторых странах мира граждане как частные лица, от своего имени, а не от имени политических или общественных организаций, могут проводить наблюдение за выборами. Индивидуальные наблюдатели могут не только осуществлять функции по наблюдению за выборами, но и представлять доклады по итогам своей работы — документы, которые имеют официальный статус и являются инструментом воздействия на управление в сфере избирательного процесса.

Институт индивидуального наблюдения за выборами возник и получил развитие в отдельных странах мира на рубеже XX–XXI веков.

В Германии и Норвегии статус индивидуальных наблюдателей не формализован, что не препятствует им оказывать фактическое воздействие на работу избирательных органов. В Германии на практике любые заинтересованные лица (в том числе лица, не обладающие гражданством) имеют полный доступ к надзору за работой избирательных органов, могут присутствовать при подсчете голосов. Для этого не требуется специальной аккредитации. В Норвегии частные лица могут индивидуально присутствовать

на избирательных участках и наблюдать за их работой, в том числе за подсчетом голосов; статус индивидуальных наблюдателей также не формализован, не определены их конкретные права и полномочия.

В Великобритании отдельные граждане получили право наблюдать за выборами в 2006 г. Аккредитацию индивидуальных наблюдателей осуществляет Избирательная комиссия Великобритании и может предоставить это право лицам, начиная с 16-летнего возраста. Аккредитация предоставляется не на конкретные выборы, а на период времени (до конца календарного года). При этом наблюдатели могут посещать любой избирательный участок на территории страны. При исполнении своих обязанностей разрешено использовать видеокамеры. В Великобритании Избирательной комиссией изданы специальные Рекомендации для индивидуальных наблюдателей [2]. Индивидуальные наблюдатели могут состоять в политических партиях, но при исполнении своих обязанностей должны соблюдать политическую беспристрастность и нейтральность. Если наблюдатели нарушают законодательство, аккредитация может быть отозвана. В 2017 г. по состоянию на 23 мая Избирательной комиссией Великобритании было аккредитовано 436 индивидуальных наблюдателей (на срок до конца календарного года). Из них свыше половины получили аккредитацию в течение одного последнего месяца — после объявления Терезой Мэй о проведении в этом году досрочных парламентских выборов [6].

В Финляндии избирательный закон предоставляет отдельным персонам право получить аккредитацию в качестве наблюдателей и присутствовать на выборах.

В 35 штатах США право наблюдения за выборами предоставлено отдельным категориям индивидов — студентам и ученым. Наблюдателями на выборах могут выступать ученые с целью изучения избирательного процесса и студенты в учебных целях. В некоторых из этих штатов для реализации этого права не требуется никакой формальной аккредитации.

В Мексике индивидуальное наблюдение за выборами было разрешено законом в 1993 г. При этом наблюдение от общественных организаций не допускается, а наблюдатели не должны состоять в политических партиях в течение трех предшествующих лет.

Среди других стран мира индивидуальные наблюдатели допускаются в Перу, Мьянме (Бирме), Руанде и т.д.

Индивидуальное наблюдение за выборами невысоко оценивается современными экспертами. Как правило, его сравнивают с иными формами непартийного гражданского наблюдения, прежде всего с наблюдением со стороны НКО, и это сравнение идет не в пользу индивидуального наблюдения. Действительно, общественные организации потенциально являются более сильным и эффективным субъектом гражданского наблюдения за выборами, чем индивиды. Тем не менее, если не противопоставлять эти две формы друг другу, но допускать их сосуществование, то индивидуальное наблюдение имеет свои сильные стороны.

Индивидуальное наблюдение может обеспечить дополнительную независимость в системе контроля над выборами, решить задачи по политической социализации и реализации политических интенций отдельных

граждан, развитию гражданского активизма. Наличие у индивидов права выступить наблюдателем на выборах выступает отдельным фактором повышения общественного доверия к институту выборов в целом. Индивидуальное наблюдение за выборами, на наш взгляд, имеет значительные перспективы, и сфера его применения может расширяться.

3. Индивидуальное участие граждан в разработке схемы избирательных округов

В вопросах нормотворчества граждане приобретают возможность индивидуально участвовать при составлении схемы избирательных округов. Данный механизм создан в Австралии и Новой Зеландии. В отличие от института публичного обсуждения, применяемого во многих странах в процессе разработки и корректировки схемы избирательных округов (Индия, Канада и т.д.), в Австралии и Новой Зеландии высказанное индивидами мнение имеет официальный статус и предполагает обязательные ответные действия со стороны органов власти. Предложения граждан по схеме избирательных округов включены в процесс принятия решения, не просто учитываются ответственным органом власти (комиссией по делимитации), но предполагают обязательный ответ со стороны этого органа, а также публикуются в официальном сборнике поступивших предложений.

В Новой Зеландии во время делимитации избирательных округов в 2013–2014 гг. комиссия подготовила первоначальный проект, на который в течение 1 месяца принимала официальные возражения, в том числе онлайн (поступило 409). Субъектами выдвижения возражений были не политические и партии и общественные организации, а физические лица — эксперты, ученые, гражданские активисты. Они были систематизированы и обнародованы комиссией, после этого 2 недели было отведено на выдвижение контр-возражений (поступило 164). Далее проводились публичные слушания и обсуждения предложенного первоначального проекта, возражений и контр-возражений. После этого итоговый проект в течение 2 месяцев корректировался комиссией и был опубликован.

В Австралии применяется уникальная модель: на первоначальном этапе предложения по нарезке избирательных округов готовит не комиссия, но соответствующие предложения принимаются в письменном виде от граждан. Выделяют следующие этапы работы комиссии:

- прием предложений от граждан (30 дней), их систематизация и опубликование, прием замечаний на поступившие предложения (14 дней);
- подготовка комиссией проекта делимитации округов на основе поступивших предложений и замечаний;
- прием замечаний на подготовленный проект (28 дней) и критических отзывов на замечания (14 дней);
- коррекция комиссией своего первоначального проекта и его публичное обсуждение (30 дней);
- подготовка комиссией итогового плана избирательных округов.

Отметим, что в отличие от Новой Зеландии, в Австралии разработка схемы округов не может даже начаться без получения соответствующих предложений от граждан.

В Австралии и в Новой Зеландии граждане имеют наиболее эффективные механизмы индивидуального влияния на процесс разработки схемы избирательных округов.

4. Особенности индивидуального участия граждан в государственной политике и управлении в сфере избирательного процесса

Рассмотренный опыт государственной электоральной политики позволяет сделать некоторые предварительные замечания об индивидуальном участии граждан в государственном управлении в целом.

Данный феномен возможен в условиях множественности и гетерогенности субъектов публичного управления. Граждане могут выступать специфическим субъектом публичного управления, не вытесняя, но дополняя традиционные органы государственной власти.

Индивидуально гражданин может выполнять только вспомогательную роль в системе публичного управления. Децентрализация и усложнение управленческих функций ведет к их дроблению и распределению между множеством разнородных субъектов, что создает пространство для индивидуального участия граждан. Граждане обладают ограниченной компетенцией в выполнении отдельных весьма локальных функций. Объектом управленческого воздействия со стороны граждан выступают не сами общественные отношения, а скорее деятельность органов государственной власти.

Множественность и неисчислимость граждан связаны с проблемой невозможности обладания ими прерогативой — исключительного права в выполнении какой-либо управленческой задачи. Однако опыт Австралии подсказывает, что исключительное право в реализации определенного этапа управленческого процесса может принадлежать всему сообществу граждан, которые пожелали воспользоваться имеющимися возможностями. Этот же пример подтверждает, что исключительное право не может принадлежать отдельно взятому гражданину.

Граждане как субъекты государственного управления имеют наибольшие перспективы при выполнении таких управленческих функций, как контроль и планирование. Некоторые из функций государственного управления для них определенно недоступны, например, координация и организация.

5. Заключение

Наделение граждан возможностью индивидуально участвовать в процессах публичного управления пока имеет незначительные масштабы, но его можно оценить как значимое проявление фундаментальной тенденции к расширению демократических институтов и повышению открытости публичного управления. Этот феномен может стать один из ключевых в процессе совершенствования демократии на следующем этапе ее развития.

На современном этапе этот феномен имеет практическое значение скорее для изменения роли личности в политике, для процессов политической социализации и вовлечения граждан. Неравномерность развития форм индивидуального участия граждан в разных странах мира можно трактовать как еще один раскол, отличающих прогрессивные демократические страны от других государств мира.

Развитие инновационных форм гражданского участия именно в рамках государственной электоральной политики подтверждает передовое значение опыта этой отрасли публичного управления.

Можно предположить, что на практике будут возникать новые формы индивидуального участия в публичном управлении.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ/ РФФИ научного проекта № 15-03-00153.

Литература

- [1] Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2008. Vol. 18. Issue 4. P. 543-571. DOI: <https://doi.org/10.1093/jopart/mum032>.
- [2] Guidance for individual electoral observers. L.: Election Commission, 2012.
- [3] Lievens M. From Government to Governance: A Symbolic Mutation and Its Repercussions for Democracy // *Political Studies*. 2015. Vol. 63 Issue S1. P. 2–17. DOI: 10.1111/1467-9248.1217.
- [4] Newman J. *Modernising Governance: New labour, Policy And Society*. Sage, 2001.
- [5] Osborne S. The New Public Governance? // *Public Management Review*. 2006. Vol. 8. Issue 3. P. 377 – 387. DOI: 10.1080/14719030600853022.
- [6] Register of accredited observers. http://www.electoralcommission.org.uk/__data/assets/excel_doc/0009/57285/Accredited_observers.xls.
- [7] Rhodes R. *Understanding Governance*. Buckingham: Open University Press, 1997.
- [8] Stoker G. Governance as theory: Five propositions // *International Social Science Journal*. 1998. Vol. 50. Issue 155. P. 17-28. DOI: 10.1111/1468-2451.00106
- [9] Гришин Н. В. Институционализация государственной электоральной политики // *Политэкс. Политическая экспертиза*. 2015. №1. С. 89-107.

Citizen as an Actor in Governance: Evidence from Electoral Governance

N.V. Grishin

Astrakhan State University

The paper reflects the processes of empowering citizens with the opportunities for individual participation in the state governance on the example of electoral governance. The role of citizens as actors of public governance is studied on the basis of the theory of the New Public Governance. The phenomenon of individual electoral observation and individual participation in the delimitation of electoral districts are considered. The main forms, perspectives and limitations of the individual citizen's role in the system of public governance are described.

Keywords: elections, electoral management, electoral governance, election observation.

Возможности и реалии участия граждан в принятии политических решений в современной России

И.А Ветренко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Inna-Vetrenko@yandex.ru

Аннотация

В публикации дается анализ проблем процесса участия граждан в принятии политических решений, актуальность которого сегодня возрастает в связи с перманентной административной реформой и реформой системы местного самоуправления в России. Проводится обобщение уже сложившейся практики и опыта участия граждан в процессе принятия решений, с целью содействия успешному протеканию и завершению названных трансформаций, которые направлены на повышение демократизации и эффективности системы управления политической системой. В данном докладе подробно рассматриваются все составляющие демократического процесса принятия решений, такие как планирование, реализация, распределение выгод и компенсация убытков, оценка эффективности и достижения поставленных политических целей через призму вовлечения граждан на всех стадиях.

Ключевые слова: политическое участие, общественное участие, гражданское участие, принятие политических решений, межсекторное партнерство.

1. Введение

Актуальность изучения проблем участия граждан в процессе принятия решений сегодня возрастает в связи с перманентной административной реформой и реформой системы местного самоуправления в нашей стране. Обобщение уже сложившейся практики и опыта участия граждан в процессе принятия решений может содействовать успешному протеканию и завершению названных трансформаций, что приведет к повышению демократизации и эффективности системы управления политической системой. Анализ потенциальных возможностей гражданского участия в самом главном управленческом процессе, а именно разработка и принятия политических решений, как на местном, так и на федеральном уровне позволит расширить и предложить новые формы взаимодействия между гражданами и государством.

Сегодня в политической науке активно обсуждается концепция разделения участия на политическое и гражданское, это вызвано, в первую очередь, рассмотрением и дефинизацией понятия «негативной свободы» [1, с. 65], а также выдвижением на первое место не политических, а личных прав граждан. Данная теория основывается на предположении, что социальное целое можно разделить на политическое и неполитическое сообщества, которые, по нашему мнению, не только не разделены, но глубоко связаны и находятся в постоянном взаимодействии, что и можно считать политическим процессом как таковым.

В данном исследовании мы хотим рассмотреть все составляющие демократического процесса принятия решений, такие как планирование, реализация, распределение выгод и компенсация убытков, оценка эффективности и достижения поставленных политических целей через призму вовлечения граждан на всех стадиях.

Как известно, право граждан на участие в делах государства (например, через участие в выборах) и на самоорганизацию (путем реализации права на объединение) закреплено в Конституции Российской Федерации, Россия сегодня все же далека от модели демократии участия и развитого гражданского общества. Ситуация в отношении де-юре и де-факто в этом вопросе не нивелировалась. В реалии мы по-прежнему имеем фрагментированный социум. Органы управления всех уровней страны функционируют в режиме закрытости от населения, совершенно ему не подотчетны, публично-политическая власть тесно переплетена с частной, финансово-экономической властью. Бюрократизм и коррупция в органах публичной власти достигли таких масштабов, что федеральные власти вынуждены были приступить к проведению глубокой административной реформы.

Мы стереотипно привыкли считать, что демократия участия доступна не только как принцип государственного устройства, мы вспоминаем об общественном участии только в контексте принятия политических решений и никаких других. Однако она может (и должна) быть последовательно, шаг за шагом реализована в наших организациях, на предприятиях, в фирмах, в округах, в муниципалитетах и на региональном уровне. Демократический процесс принятия решений тогда соответствует принципам демократии, когда способствует вовлечению граждан на всех стадиях и этапах: планирования, реализации деятельности, распределения выгод и компенсации убытков, оценки эффективности и достижения целей. Развивая этот непрерывный процесс, мы получаем шанс предотвратить возникновение проблем, вместо того, чтобы бороться с их последствиями, снизить социальную и политическую напряженность, достичь экономической эффективности.

2. Межсекторное партнерство, как форма общественного участия граждан в принятии политических решений

На самом деле общественное участие это не некая абстракция, а сумма вполне конкретных технологий и методов, базирующихся на принципах открытости, защиты прав, альтернативности, предотвращения негативных последствий. Различные уровни общественного участия — от информирования до гражданского контроля подразумевают использование большого количества

форм и методов работы, как закреплённых законодательно, так и неформальных. К примеру, если мы рассмотрим общественное участие через призму межсекторного партнёрства в социуме, то становится очевидно, что каждый из этих трех общественных секторов имеет свои технологии участия в принятии совместных решений. Так, в западной политологической практики принято условно делить гражданское общество на три сектора: государственный, коммерческий и некоммерческий, можно сказать, что и система их взаимоотношений при принятии решений функционирует в пределах орбит отмеченных составляющих. Государственный сектор включает в себя всю совокупность государственных функций, обязанностей и повинностей, которые возлагает на себя государство. Его миссия: сохранение целостности общества, экспансия сферы влияния, а ресурсы: власть, установление правовых норм, государственная собственность, бюджет, финансовые ресурсы. Для коммерческого сектора извлечение прибыли является главным. Роль некоммерческого сектора условно можно свести к предоставлению социальных услуг населению, продвижению общественных интересов, а также контроль за соблюдением прав и свобод, как отдельного гражданина, так и населения в целом.

Таким образом, наличие и функционирование этих секторов составляет политическую систему общества, а то, как они между собой сосуществуют, характеризует ее. Интересно то, что каждый из секторов занимает свое место в обществе, имеет свои средства, способы, каналы участия в принятии решений. Но самое важное, то, что каждый сектор заинтересован в расширении поля своего влияния, в итоге таковая система представляет собой не что иное, как система сдержек и противовесов одного перед другим или другими. Интересно то, что иногда один сектор способен на такие технологии участия в принятии решений, о которых другой даже не может помышлять. Так, в 2012 году в Москве несколько общественных организаций объединились для решения важной социальной проблемы — оборудование общественных туалетов в городе пандусами для инвалидов. Проблема, действительно, была крайне актуальной для Москвы, поскольку общественных уборных в городе достаточно, но только каждый пятый имел специально оборудованный подъезд к ним инвалидов. Однако власти на все официальные обращения общественников, т.е. представителей третьего сектора сообщали им о достаточном количестве данных объектов и их специализированной оборудованности. В итоге представители общественности решились на такой медийный эксперимент. После очередной отписки со стороны префектуры они предложили перфекту Юго-Западного округа Москвы вместе с журналистами провести совместный рейд по общественным уборным и тот любезно согласился. Однако утром перед началом совместной проверки в присутствии журналистов, гражданские активисты угостили префекта арбузом и усадили его в инвалидную коляску для натуральности рейда и отправились вместе с ним искать общественный туалет, которым можно воспользоваться инвалиду, но не смогли этого сделать в течении двух с половиной часов. В итоге перфект сдался и признал наличие проблемы и взял на себя обязательства в ближайшее время ее решить. Через три недели пандусы были пристроены ко всем общественным уборным Юго-Западного округа.

Данный пример свидетельствует о действенности технологий, которые могут применять общественники при участии в принятии решений, но сходить подобные методы могли только от них.

Целью участия является не участие всех и во всем, а эффективное решение стратегических проблем, от которых, в конечном итоге, зависит судьба нашего завтрашнего дня.

Еще бытует одно заблуждение в отношении общественного участия в принятии решений. Это то, что возможность развития общественного участия зависит только от желания или не желания властей. Однако следует помнить, что во многом это еще определяется и психологической готовностью самих граждан, их мотивацией и навыками, как действующих лиц.

Характерно и то, что большинство наших чиновников принимает идею общественного участия, но не считает это своей задачей и функцией. Практическое воплощение наталкивается на различные предрассудки, устойчивые в силу неподготовленности и неинформированности о возможностях и преимуществах. Сегодня политические движения, администрация, бизнес, образование, общественные организации своими действиями формируют два полярных взгляда на то, каким будет гражданин XXI века у нас в России: будет ли он полноправным участником процесса принятия решений или пассивным «голосователем». Для того, чтобы повернуть процесс в сторону активного участия, сейчас необходимо освоение новых социальных технологий, позитивные примеры, активное взаимодействие лидеров общественного движения, выходящее за рамки привычных «секторных» коалиций.

3. Анализ правовой базы, регламентирующий процесс участия граждан России в принятии политических решений

На наш взгляд имеет место и правовая проблема, несмотря на достаточно развитую систему конституционных прав, в российском законодательстве отсутствует единый закон «О непосредственном участии граждан в управлении делами государства», аналогичный закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Исключением являются Градостроительный Кодекс, законы об охране окружающей среды и об экологической экспертизе, а также некоторые другие локальные законодательные акты.

Гораздо лучше развита соответствующая часть муниципального права. В федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления посвящена глава пять [2].

Формы участия населения в обсуждении вопросов местного значения установлены законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Перечень включает, кроме местного референдума и выборов, инициативу по отзыву депутата или выборного должностного лица местного самоуправления, народную правотворческую инициативу, сход граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные

слушания, собрания граждан, конференции граждан, опросы граждан. Перечень является открытым, т.е., органы местного самоуправления могут устанавливать дополнительные формы в соответствии со спецификой территории и потребностями общества.

Для того, чтобы общественное участие состоялось, необходимо соблюдение некоторых обязательных условий. Например, требуется, чтобы общественность была полностью информирована о стадии разработки проекта и о возможностях участия в нем, должен осуществляться активный сбор мнений граждан, оцениваться их восприятие проекта, их предпочтения в отношении любых альтернатив, касающихся проекта, нужно чтобы общественность понимала механизмы исследования проблем и принятия решений.

Следует отметить, что гражданское участие несёт воспитательную функцию, формируя у граждан способности к диалогу, артикуляции и агрегированию интересов, обучая их терпимости, самостоятельности и ответственности, в конечном счёте и вырабатывая демократические ценностно-культурные ориентации. При этом, не будучи ориентированным на власть, гражданское участие является плохим инструментом для манипуляций в целях захвата власти, следовательно, оно полезно для демократии.

4. Заключение

Таким образом, общественное или гражданское участие в России, что в нашем случае рассматривается, как синонимы, имеет ряд особенностей. Во-первых, оно основательно отличается по своему характеру в регионах нашей страны. Есть субъекты федерации, которые характеризуются высоким уровнем гражданского участия в принятии решении, есть такие, где эти механизмы практически не работают. При этом в ряде регионов есть свои наиболее успешные технологии, которые приносят всегда результат и имеют позитивный социальный эффект. Во-вторых, общественное участие в России не имеет своей правовой регламентации на общедоказательном уровне, а характеризуется переносом всей тяжести правового регулирования гражданского участия на уровень субъектов Российской Федерации, далеко не однозначно понимающих ценность данного института и в ряде случаев не активизирующих в должной мере эти процессы на своей территории. И, наконец, на низкий и нестабильный уровень гражданского участия в нашей стране значительное влияние оказывают перманентные административные реформы, системно направленные на укрепление вертикали власти, суть которых заключается в установлении контроля над участием граждан в принятии политических решений, что само по себе противоречит этому общественному феномену.

Литература

- [1] Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19-72.
- [2] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571.

Citizen participation in policy making in contemporary Russia: opportunities and facts

I.A. Vetrenko

Omsk state University named F. M. Dostoevsky

In the abstract of the report analyzes the problems of participation of citizens in political decision-making, the relevance of which today increases due to the permanent administrative reform and reform of local self-government in Russia. Is a generalization of already existing practices and experiences of citizen participation in the decision-making process, with the goal of promoting successful course completion and named transformations that are aimed at improving the democratic and governance political system. This report discusses in detail all the components of democratic decision-making process such as planning, implementation, benefit sharing and compensation of losses, assessment of efficiency and achievement of policy goals through the prism of citizen engagement at all stages.

Keywords: political participation, social participation, civic participation, political decision-making, inter-sectoral partnership.

РАЗДЕЛ 3.

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ. КИБЕРПСИХОЛОГИЯ

Исследования виртуальных сообществ пользователей старшего возраста в социальных сетях

Л.А. Видясова, Д.М. Новиков, А.С. Биккулов

Университет ИТМО

bershadskaya.lyudmila@gmail.com, trexx58@yandex.ru,
bikkulov@mail.ifmo.ru

Аннотация

В статье рассматривается интернет-активность граждан старшего возраста в социальных сетях. Для проведения исследования были отобраны четыре сообщества в социальной сети ВКонтакте, посвященные тематикам, связанным с пожилыми и различными сферами их активности. В исследовании были применены инструменты автоматизированного анализа онлайн-сообществ, а также графические пакеты для визуализации графов связей сообществ и обмена информацией между их участниками. Полученные в ходе исследования результаты выявили активность пожилых и консолидацию пользователей на институционализированных электронных площадках.

Ключевые слова: пожилые, социальная включенность, социальные сети, граф связей, сетевые сообщества.

Введение

Результаты ряда международных и отечественных исследований дают основания предполагать, что социальные сети и особенно тематические группы, создаваемые в социальных сетях, могут способствовать формированию реальных сообществ заинтересованных пользователей и активизировать уровень взаимодействия между ними [1, 2].

Вопрос включенности пожилых в процесс общения посредством социальных сетей, формирования ими сообществ в социальной сети ВКонтакте был исследован нами в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14–18–03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

В данной статье представлены результаты исследования наиболее популярных виртуальных сообществ пожилых в социальной сети ВКонтакте, их структуры и особенностей распространения сообщений в них. На предыдущих этапах исследования были изучены востребованность интернет-ресурсов среди людей старшего возраста [3], взаимодействие пожилых и компьютера глазами

преподавателей курсов компьютерной грамотности [4], возможности и границы использования инструментов электронного участия людьми старшего поколения в России [5], смысловой контекст упоминания старости и здоровья в социальных сетях [6].

Результаты, полученные нами на предыдущих этапах, легли в основу обоснования методологии исследования и выбора онлайн сообществ для анализа.

Методология исследования

В качестве виртуальных сообществ для проведения автоматизированного анализа были вручную отобраны группы ВКонтакте, посвященные тематикам, связанным с людьми старшего возраста. Первоначальный список сообществ насчитывал 10 наименований, для целей исследования были отобраны 4 из них.

Основными критериями для отбора групп стали следующие:

- наличие достаточно большого числа участников (более 1000) для того, чтобы адекватно производить измерения графов связей между участниками и анализировать структуру виртуальных сообществ;
- активность группы: информация в ней обновляется, ведутся обсуждения, участники оставляют комментарии;
- группа является площадкой для общения людей старшего возраста, либо содержит контент, востребованный представителями данной группы, либо раскрывает тематики, связанные с пожилыми людьми (уход за ними, санатории для пожилых, программы политических действий по вопросам, связанным с пожилыми и т.д.).

Список групп, ставших объектом исследования, представлен в таблице 1.

Следует отметить, что выбранные группы включают ресурсы различной направленности: информационно-развлекательной («Второй «полтинник»), экономической («Работа для пенсионеров»), политической и информационной («Союз пенсионеров России»), рекреационной («Дом престарелых «Тульский дедушка»).

Группа «Второй «полтинник» является, по сути, клубом для обсуждений по самым разным тематикам, волнующим людей старшего возраста, начиная от вопросов поиска работы, и заканчивая самыми разнообразными хобби. Группа «Тульский дедушка» является официальной группой пансионата «Тульский дедушка», в которой администраторы публикуют разного рода посты, в том числе по поводу пансионата и просто развлекательный контент (интересные истории, картинки).

Для проведения автоматизированного анализа были использованы программные пакеты, разработанные в Университете ИТМО [7, 8], позволяющие искать и анализировать информацию о постах и авторах постов в социальных сетях, их взаимосвязях, визуализировать связи. Алгоритм проведения автоматизированного исследования включал следующие шаги:

1. Постановка задачи поиска данных и обозначение стартовых точек посредством указания URL групп в программном пакете SD Crawler.

2. Автоматизированный краулинг сетей с сохранением найденных данных в файлы формата .csv в виде «-a, -b», где a- первая вершина ребра, a b- его вторая

вершина. Таким образом, на выходе были выгружены данные, описывающие все ребра графов связи между участниками. Например, связи: «группа-участник 1», «группа-участник 2», «участник1-участник2» и т.д.

Таблица 1. Группы социальной сети ВКонтакте, выбранные для анализа сетевых сообществ, 2016 г.

№	Название группы	URL	Численность сообщества
1	Второй «полтинник». Для тех, кому за 50	https://vk.com/club69638	2853
2	Работа для пенсионеров и инвалидов	https://vk.com/club80393330	5496
3	Дом престарелых Пансионат для пожилых «Тульский дедушка»	https://vk.com/club78022875	5643
4	Союз пенсионеров России (региональное отделение СПб)	https://vk.com/club69638	2853

3. Визуализация графов связей и расчет статистических показателей с помощью программы «Gerhi».

В результате исследования были проанализированы, во-первых, структура сообществ, а во-вторых, коммуникация между ними и обмен информацией. Информация о структуре сообществ и связях между пользователями была получена на основе данных о связи «дружбы» между участниками группы в социальной сети ВКонтакте. Для анализа информационного обмена были использованы данные о публикациях сообщений в группе (посты), распространении сообщений (репосты, т.е. перепубликация на собственных страницах в сети), соотношении первичных (участников данного сообщества) и вторичных (не являющихся участниками) репостеров.

Результаты исследования

В первую очередь мы проанализировали плотность связей в группе, т.е. насколько участники группы связаны между собой. На рисунках 1–4 представлены визуализированные графы связей участников исследуемых сообществ.

На каждом из построенных графов центром группы является сама группа, с которой связаны все участники группы. Остальные связи отражают связи «дружбы» участников группы между собой. Построенные графы демонстрируют, что, например, в первом случае («Второй полтинник», рис. 1) большинство участников группы не знакомы с другими ее участниками. Только отдельные пользователи имеют связи «дружбы» с 1–3 участниками. Во втором случае («Работа для пенсионеров и инвалидов», рис. 2) построенный граф показывает, что, по крайней мере, половина участников группы, связана «дружбой» с другими ее участниками. В третьем случае («Тульский дедушка», рис. 3) большинство участников группы связаны с какими-либо другими

участниками, и, в среднем, каждый пользователь связан с 3–4 другими участниками (скорее, всего, это можно объяснить присоединением к группе родственников пожилых, находящихся в пансионате / доме престарелых, естественно, связанных между собой связями «дружбы»). Наиболее активными участниками группы являются участники из младших возрастных групп. В четвертом примере (группа «Союз пенсионеров России (региональное отделение СПб)», рис. 4) участники сообщества связаны между собой очень тесно, в среднем один человек связан с 6–7 другими участниками группы, причем есть 3 основных активиста, которые связаны с максимальным числом других участников.

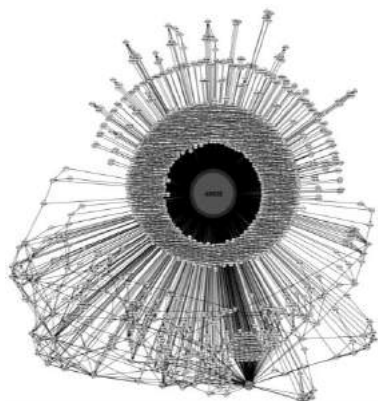

Рис. 1. Граф связей группы «Второй «полтинник».

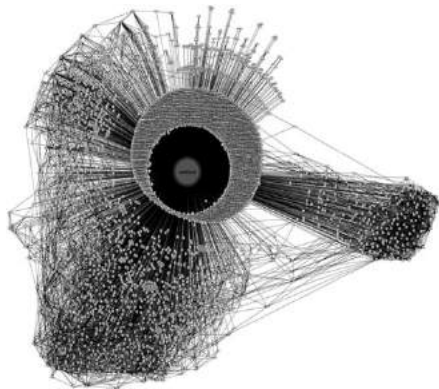

Рис. 2. Граф связей группы «Работа для пенсионеров и инвалидов».

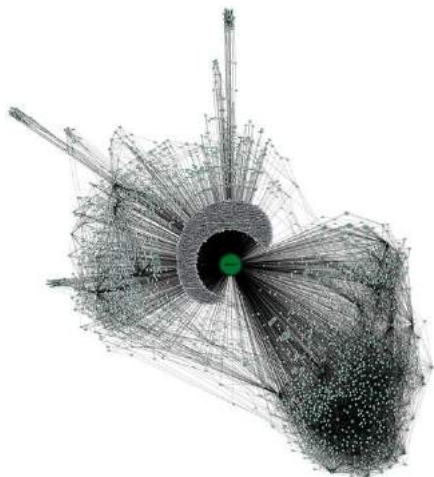

Рис. 3. Граф связей группы «Дом престарелых «Тульский дедушка».

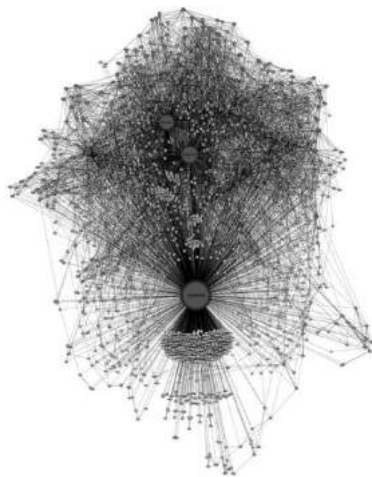

Рис. 4. Граф связей группы «Союз пенсионеров России (региональное отделение СПб)».

Обобщённые данные о публикационной активности сообществ и распространении информации представлены в таблице 2. При анализе репостов сообщений исследованных групп мы выделяли первичных репостеров (участников групп, репостнувших у себя на стене некоторое сообщение группы) и вторичных репостеров (которые участниками группы не являлись, а сделали репост сообщения группы со страниц других).

Таблица 2. Данные о распространении информации между участниками групп в социальных сетях, ВКонтакте

Группа	Число постов	Ср. кол-во репостов на 1 запись	Кол-во репостеров (%) от состава группы)	Доля вторичных репостеров (среди всех репостеров)
Второй «полтинник». Для тех, кому за 50	173	1,3	122 (4%)	67%
Работа для пенсионеров и инвалидов	13079	0.01	10 (0,2%)	0
Дом престарелых Пансионат для пожилых «Тульский дедушка»	747	1,5	4561 (82%)	7,3%
Союз пенсионеров России (региональное отделение СПб)	610	1,1	193 (9%)	11,9%

Для сообщества «Второй полтинник» в среднем на 1 запись приходится 1,3 репоста, было обнаружено 36 первичных репостеров, что составляет примерно 1% от всех участников данного сообщества, и 86 вторичных репостеров. 10 репостеров являются аккаунтами других групп ВКонтакте. В целом данная группа служит примером скорее электронного СМИ, информационной площадки, на которой происходит публикация сообщений, а отдельные участники группы не образуют общности, в большинстве своем, не имеют связей «дружбы» между собой. Использование Интернета на данном этапе не выводит пользователей старшей категории на новый уровень коммуникации между собой. Тем не менее, устойчивый рост участников сообщества свидетельствует о заинтересованности пользователей тематикой и информационным наполнением данного ресурса.

В группе «Работа для пенсионеров и инвалидов» в среднем на 1 запись приходится 0,001 репостов, что является очень низким показателем. Было обнаружено только 10 репостеров, что составляет 0,2% от числа всех пользователей данного сообщества. Все они были первичными. Эта группа работает как аналог доски объявлений, на которой люди делают любые записи по данной тематике, с одной стороны, и с другой стороны, публикуемая

сообществом информация представляет интерес только для самих подписчиков в поиске работы, поэтому участники практически не делают репостов.

При анализе группы «Тульский дедушка» на 1 запись сообщества приходится в среднем 1,5 репоста, что представляет собой достаточно высокий показатель. Было обнаружено 4561 репостеров, из них 4229 — первичные репостеры (что составляет примерно 75% от всех участников данного сообщества и показывает большую вовлеченность участников, их заинтересованность в информации сообщества), 332 репостера не состоят в группе. В целом группа носит развлекательный характер, хотя первоначальная идея создания явно затрагивала сопровождение новостей одноименного пансионата. Группа создана в рамках деятельности пансионата, сообщения в ней модерируются, контент соответствует заявленной тематике, реклама не относящихся к теме отсутствует.

При анализе группы «Союз пенсионеров России. СПб» выявлено, что в среднем на 1 запись приходится 1,1 репостов. Абсолютное большинство тиражируемых сообщений посвящены объявлению о наборе волонтеров для обучения пенсионеров компьютерной грамотности. Всего было обнаружено 170 первичных и 23 вторичных репостера (первичные репостеры составляют примерно 7% от всех участников данного сообщества). Активные репостеры почти не связаны между собой. В целом следует отметить достаточно высокое качество и информативность контента, размещенного в данной группе. Здесь публикуются информационные сообщения о бесплатных курсах и концертах для пожилых, проводится фото-конкурсы урожая, размещаются индивидуальные объявления. За группой следят несколько администраторов, видно, что материалы отбираются, и они полезны для людей старшего возраста.

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать ряд выводов о потенциале включенности пожилых в онлайн взаимодействия.

Проведенное исследование выявило, что две институционализированные площадки, созданные при кураторстве конкретных организаций — пансионата и политической партии, представляют собой, информационную среду для пользователей старшего возраста. Дополнительные усилия, направленные на присоединение пользователей ВКонтакте в старших возрастных группах к данным сообществам, могут способствовать повышению электронной социальной активности и вовлеченности людей третьего возраста. Две другие группы, не имеющие строгой ориентации на целевую группу, по мере набора участников, превращаются в слабо регулируемые площадки размещения объявлений, чем пользуются различные недобросовестные пользователи, засоряющие группы спамом.

В целом во всех проанализированных группах не было обнаружено зарождения реального сообщества: имеется, в среднем, 3–5 активистов, объединяющих наибольшее количество участников. Развитие на таких площадках групп для обсуждений может стимулировать активность членов группы, способствовать обмену сообщениями, знакомству.

Авторы исследования считают целесообразным использование дополнительных инструментов интернет-исследований (контент-анализ, семантический анализ, сетевая этнография) для сбора и анализа данных о стратегиях использования интернет-сообществ в целях консолидации и социальной сплоченности групп людей старшего возраста.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14–18–03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

- [1] Vicente M.R., Novo A. An empirical analysis of e-participation. The role of social networks on e-government over citizens' online engagement // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 379-387.
- [2] Alreemy Z., Chang R. W., Wills G. Critical Success Factors (CSFs) for Information Technology Governance (ITG) // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 36, № 6. P. 907–16.
- [3] Низомутдинов Б.А. Востребованность интернет-ресурсов среди людей старшего возраста: результаты исследования в Санкт-Петербурге // *Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции "Интернет и современное общество" (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23-25 июня 2015 г. - СПб: Университет ИТМО, 2015. С. 183-191.*
- [4] Дмитриева А.В. Взаимодействие пожилых и компьютера глазами преподавателей курсов компьютерной грамотности // *Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции "Интернет и современное общество" (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23-25 июня 2015 г. - СПб: Университет ИТМО, 2015. С. 176-182.*
- [5] Видясова (Бершадская) Л.А., Жук Д.В., Низомутдинов Б.А. Возможности и границы использования инструментов электронного участия людьми старшего поколения в России // *Информационные ресурсы России*. 2015. №6. С. 25-27.
- [6] Григорьева И. А., Биккулов А.С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // *Успехи геронтологии*. 2015. Т. 28, №2. С. 354-359.
- [7] Butakov N., Petrov M., Radice A. Multitenant Approach to Crawling of Online Social Networks // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 101. P. 115-124.
- [8] Butakov N., Chuprova Y., Knyazkov, K., Shindyapina, N., Boukhanovsky A. Evolutionary-based framework for optimizing the spread of information on Twitter // *Procedia Computer Science*. 2015. Vol. 66. P. 287-296.

Investigating Virtual Communities of the Senior Users in Social Networks

L. Vidasova, D. Novikov, A. Bikkulov

ITMO University

The article presents the Internet activity of the Russian seniors in social networks. For the study, the four communities were selected in the famous social network VKontakte, dedicated to topics related to the elderly and various areas of their activity. The researchers used tools for automated analysis of online communities, as well as graphical packages for visualizing communities' graphs and information exchange between its members. The results obtained in the study revealed the activity of the elderly and users' consolidation on institutionalized electronic platforms.

Keywords: seniors, social inclusion, social networks, graph, network communities.

Социальный портрет пенсионеров-пользователей ИКТ в России

И.Л. Сизова^{1,2}, А.С. Биккулов^{2,3}

¹ НИУ «Высшая школа экономики»

² Университет ИТМО

³ Санкт-Петербургский государственный университет

isizova@hse.ru abikkulov@yandex.ru

Аннотация

Социальный портрет пенсионеров-пользователей ИКТ в России составлен на основании базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS). Социальный портрет составлен на основе следующих базовых характеристик жизни населения в России: использование компьютера и интернета по возрастным группам, дома и на работе, использование различных устройств для выхода в интернет, цели использования интернет, использование социальных сетей.

Ключевые слова: пожилые, активная старость, старение, ИКТ, информационно-коммуникационные технологии.

1. Введение. Описание методики исследования

Социальный портрет пенсионеров-пользователей ИКТ в России составлен в рамках проекта РНФ «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии». Предшествующие публикации в разрезе исследований проекта раскрывали нормативные модели отношений общества с пожилыми людьми [1], особенности обучения пожилых людей использованию ИКТ и возможностям их трудоустройства [2, 7] рассматривалась компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество [3], рассматривались также востребованность интернет-ресурсов среди людей старшего возраста, возможности и границы использования инструментов электронного участия людьми старшего поколения в России, а также смысловой контекст упоминания

в социальных сетях понятий, связанных со старостью и старением, здоровьем в пожилом возрасте, активном долголетии [4-6].

Данные для социального портрета пенсионеров-пользователей взяты из базы данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (RLMS). В качестве исходных данных была использована 24 волна 2015 г., которая представляет индивидуальные сведения на основании репрезентативной выборки. Социальный портрет составлен на следующих базовых характеристиках жизни населения в России:

- место проживания и статус населенного пункта;
- уровень заверщенного (подтвержденного) образования;
- семейное положение;
- наличие профессиональной занятости;
- материальное благополучие;
- удовлетворенность жизнью;
- близость/дистанция с социальными общностями.

Единицей анализа является группа лиц пенсионного возраста (мужчины от 60 лет и женщины от 55 лет), являющиеся пользователями компьютерной техники и интернета. Однако для некоторых вопросов сравнивались характеристики пользователей и непользователей компьютерной техники и интернета. Отбор наблюдений производился отдельно для мужчин и для женщин с учетом их половозрастных характеристик, а также на основе двухступенчатой фильтрации по признакам использования компьютера и интернета. В итоге подвыборка пользователей составила 177 наблюдений у мужчин и 658 наблюдений у женщин. Подвыборка непользователей включает 914 наблюдений у мужчин и 2677 наблюдений у женщин.

Для представления объемного социального портрета пенсионеров — пользователей ИКТ в России сравнивались внутригрупповые (половозрастные) и межгрупповые (между пользователями и непользователями ИКТ) характеристики. Значимость различий между ними выявлялась при помощи критерия Пирсона (хи-квадрат), а мера связи между признаками — при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Для данной статьи целевым образом отобраны данные, связанные с особенностями использования информационных технологий пожилыми в России в 2015 г.

2. Результаты исследования

В России все еще остается много пенсионеров, которые не являются пользователями ИКТ. Они не пользуются компьютерами или другими гаджетами, не выходят в интернет. Только каждый четвертый пенсионер в России использует компьютер в повседневной жизни. Женщины-пенсионерки чаще используют персональный компьютер в любых целях, чем пенсионеры — мужчины (25% и 19% соответственно).

Использование персонального компьютера в повседневной жизни российских пенсионеров отчетливо взаимосвязано с их возрастом (таблица 1).

Таблица 1. Приходилось ли Вам пользоваться персональным компьютером в любых целях в течение последних 12 месяцев? — положительный ответ, в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=914$, $n(w)=2677$)

Пол	55-60	61-70	71-80	80+	n
Мужчины	-	26	12	7	914
Женщины	48	28	8	1	2677

хи-квадрат (мужчины) = 36,154 при $p<0,001$

хи-квадрат (женщины) = 398,832 при $p<0,001$

Коэффициент корреляции Спирмена у женщин (-,381) и у мужчин (-,189) показывает наличие статистически достоверной умеренной нелинейной обратной связи между использованием компьютера пенсионерами и их возрастом, которая сильнее выражена у женщин. Из полученных данных можно сформулировать два основных вывода:

- 1) Владение ИКТ пенсионерами России зависит от способа распространения современных технологий, используемых в повседневной жизни: такие навыки и знания вначале появляются в молодой среде. В будущем можно ожидать, что ИКТ будут гораздо в большей степени распространены среди пенсионеров.
- 2) Наличие гендерной специфики использования ИКТ в пожилом возрасте скорее свидетельствует о том, что существуют определенные факторы, которые по-разному мотивируют пенсионеров к овладению ИКТ (и в целом, технологиями). Среди социальных факторов, которые обуславливают эту разницу, значимым может выступать образ жизни пенсионеров.

В подавляющем большинстве пенсионеры пользуются компьютером у себя дома (90% женщин и 99% мужчин). В данном случае место использования ИКТ абсолютно не связано с возрастными особенностями пенсионеров. Однако у женщин-пенсионерок использование ИКТ взаимосвязано с их занятостью: женщины более молодого пенсионного возраста намного чаще пользуются компьютером по месту работы. У мужчин-пенсионеров такая зависимость едва ли присутствует (таблица 2).

Таблица 2. Приходилось ли Вам пользоваться персональным компьютером по месту работы в течение последних 12 месяцев? – положительный ответ, в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=177$, $n(w)=658$)

Пол	55-60	61-70	71-80	80+	n
Мужчины	-	23	9	0	177
Женщины	47	24	24	0	658

хи-квадрат (мужчины) = 4,972 при $p>0,05$

хи-квадрат (женщины) = 41,699 при $p<0,001$

В целом, 35% женщин-пенсионерок и только 19% пенсионеров-мужчин использует компьютер по месту работы. С другой стороны, для осуществления работы им пользуются 43% женщин и 26% мужчин. Таким образом, для пенсионеров использование компьютера в целях реализации трудовой деятельности (и еще учебы) является весьма распространенным явлением.

Помимо дома и рабочего офиса современные пенсионеры едва ли где-то еще пользуются компьютером. Это характерно только для 5–6% общей группы и вообще не связано с их половозрастными характеристиками.

Использование персонального компьютера пенсионерами предполагает выход в интернет-среду, поскольку доли тех пенсионеров, кто пользуется компьютером, и тех, кто пользуется интернетом, в основном совпадают (таблица 3).

Таблица 3. Лица пенсионного возраста в России, использующие персональный и компьютер и интернет в течение последних 12 месяцев, положительный ответ, в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., для оценки пользователей интернета: $n(m)=914$, $n(w)=2677$)

	55-60	61-70	71-80	80+	n
Мужчины, использующие персональный компьютер**	-	26	12	7	914
Мужчины, использующие интернет*	-	25	11	5	914
Женщины, использующие персональный компьютер**	48	28	8	1	2677
Женщины, использующие интернет*	45	27	8	1	2677

*хи-квадрат (мужчины) = 37,445 при $p<0,001$

*хи-квадрат (женщины) = 357,502 при $p<0,001$

** Значение хи-квадрата приводилось в таблице 1

Однако существует разница между использованием персонального компьютера и интернета по месту работы (таблица 4), хотя общая тенденция сохраняется: у женщин-пенсионерок это чаще связано с их работой, и в целом, с занятостью, тогда как у мужчин такая зависимость отсутствует.

Таким образом, женщины-пенсионерки чаще, чем мужчины осваивают компьютерные технологии для выполнения текущей работы. Поскольку сильно меняется структура женской занятости после достижения пенсионного возраста, и в третьем и четвертом возрасте работают только пенсионерки с высокой квалификацией, что часто требует и использования ИКТ, это прямо отображается на динамике использования персонального компьютера и интернета по месту работы и для работы в женской пенсионной группе. Менее интенсивное использование интернета женщинами по месту работы по сравнению с персональным компьютером может дополнительно внести ясность в особенности их трудовой деятельности, связанной с использованием ИКТ: скорее, речь идет о наличии на рабочем месте общего или корпоративного программного обеспечения для выполнения трудовых задач, не требующего

прямого обращения к интернету. Это предполагает, что как минимум 8% женщин в двух молодых подгруппах пенсионерок выполняют монотонные обязанности на рабочем месте, связанные с использованием компьютера, но не предполагающие интенсивное развитие умений и навыков (например, работа кассиром или продавцом).

Таблица 4. Лица пенсионного возраста в России, использующие персональный компьютер и интернет по месту работы, положительный ответ, в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., для оценки пользователей интернета: $n(m)=170$, $n(w)=629^{**}$)

	55-60	61-70	71-80	80+	n
Мужчины, использующие персональный компьютер по месту работы**	-	23	9	0	177
Мужчины, использующие интернет по месту работы*		21	10	20	170
Женщины, использующие персональный компьютер по месту работы**	47	24	24	0	658
Женщины, использующие интернет по месту работы*	40	16	19	0	629

*хи-квадрат (мужчины) = 2,403 при $p>0,05$

*хи-квадрат (женщины) = 44,894 при $p<0,001$

** Объем выборки и значение хи-квадрата приводилось в таблице 2

Кроме дома и работы, пенсионеры мало где используют компьютер и доступ в интернет. Немного чаще такие действия характерны для мужчин, чем для женщин (6% против 5%), однако в целом различия очень незначительны. Если рассматривать равные подгруппы пенсионеров в возрасте 61–70 лет, то разница составляет 3% (между мужчинами и женщинами, 7% против 4%).

Для выхода в интернет пенсионеры довольно часто пользуются большими мобильными устройствами, например, ноутбуком: 52% женщин и 45% мужчин. Хотя использование таких более сложных устройств характерно чуть чаще для молодых возрастов пенсионеров, статистически значимой взаимосвязи между возрастом и выбором устройств не наблюдается. В целом, для большей части современных пенсионеров характерно использование стационарного компьютера (61% женщин и 71% мужчин). Современные и мобильные компьютерные устройства для выхода в интернет эксплуатируют небольшое число пенсионеров. Например, планшет используют только 9% женщин. С другой стороны, мобильные телефоны и смартфоны более распространены в среде пенсионеров (скорее, среди населения в целом). Так, для выхода в интернет ими пользуются уже 17% женщин и 15% мужчин. В данном случае существует статистически значимая взаимосвязь между возрастом женщины-пенсионерки и использованием телефонов и смартфонов с целью выхода в интернет (таблица 5).

Таблица 5. Сравнение использования пенсионерами различных устройств для выхода в интернет, положительный ответ в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., для оценки пользователей интернета: n(m)=170, n(w)=629)

	Стационарный компьютер	Ноутбук	Мобильные телефоны/смартфоны
Мужчины	71	45	15
Женщины	61	52	17*

* хи-квадрат – 12,714 при $p < 0,05$

Таким образом, пенсионеры все-таки остаются более склонными к использованию для выхода в интернет устройств, которые значительны по размерам и удобны для них в разных смыслах (например, наличие крупного шрифта, отсутствие сенсорных панелей, которые требуют некоторого здоровья пальцев), несмотря на то, что производители в настоящее время предлагают разное программное обеспечение. Объяснить гендерную специфику в использовании разных устройств и зависимость использования женщинами разных возрастов телефонов и смартфонов трудно. Скорее, в данном случае играет роль разница в самом пенсионном возрасте между мужчинами и женщинами, поскольку не только сами новые технологии вначале распространяются в среде молодых возрастных групп, но и использование гаджетов как символического обозначения принадлежности к своей группе не принято в старших возрастных категориях.

Следующая таблица показывает, насколько пенсионеры персонально являются владельцами разных устройств, которые открывают им доступ к ИКТ.

Таблица 6. Сравнение долей пенсионеров, лично владеющих гаджетами (переносными устройствами, в т.ч. для выхода в интернет), и долей пенсионеров, использующих их совместно с другими членами семьи, положительный ответ в % от всей гендерной подгруппы (RLMS, 24 волна, 2015 г., n(m)=170, n(w)=629)

	Планшет	Ноутбук /нетбук	Смартфон /коммуникатор	Сотовый телефон
Мужчины (инд.)	2	7	3	75
Мужчины (сов.)	1	8	0	3
Женщины (инд.)	2	10	4	82
Женщины (совм.)	1	8	0	1

Данные таблицы 6 показывают, что совместное использование переносных устройств не распространено у пенсионеров (скорее всего, в целом среди населения), за исключением переносных компьютерных устройств типа ноутбуков и нетбуков. Также можно заключить, что гаджеты в целом являются редкостью у пенсионеров, за исключением мобильных телефонов. Пользование в редких случаях этими устройствами связано с возрастом пенсионеров (таблица 7).

Таблица 7. Значения статистически подтвержденной взаимосвязи (хи-квадрат) между возрастом пенсионеров и использованием современными гаджетами (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=170$, $n(w)=629$)

	мужчины		женщины	
	хи-квадрат	ст.зн.	хи-квадрат	ст.зн.
Планшет	3,280	-	52,782	<0,001
Ноутбук/нетбук	28,368	<0,001	209,073	<0,001
Смартфон/коммуникатор	7,687	-	89,817	<0,001
Сотовый телефон	25,197	=0,001	280,369	<0,001

Во всех случаях использования переносных устройств женщинами присутствует взаимосвязь с их возрастом. Подтвердить наличие подобных отношений у мужчин можно только в случае пользования ноутбуком и сотовым телефоном.

Использование интернета в разных целях у современных российских пенсионеров выглядит следующим образом (таблица 8).

Таблица 8. Предпочтения пенсионеров в использовании интернета, положительный ответ в % от всей гендерной подгруппы (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=170$, $n(w)=629$)

	Мужчины	Женщины
Для получения информации о новостях	88	84
Для расширения кругозора, повышения культурного уровня	84	80
Для получения справочных материалов	79	77
Для общения с другими людьми	68	75
Для развлечений	61	61
Для посещения сайтов социальных сетей	38	51
Для работы	25	34
Для покупок, получения товаров и услуг	19	22
Для учебы	5	4
Другое	6	5

Самыми распространенными предпочтениями пенсионеров являются получение разнообразной информации в интернете, особенно их интересуют новости, удовлетворение культурных интересов и получение новых знаний. Хотя обе гендерные подгруппы высоко заинтересованы в такой информации, для мужчин-пенсионеров это характерно чуть более часто. Прямо противоположная ситуация складывается, когда речь идет об общении с другими людьми через интернет: здесь существенно преобладают женщины. Хотя только примерно каждый второй пенсионер, который имеет возможность и желание пользоваться интернетом, включен в виртуальные сети, предназначенные для общения, знакомства, здесь тоже преобладают женщины (51% против 38%). Более половины обеих групп (61%) использует интернет для развлечений. Понятно, что значение интернета для работы и учебы не являются особенно значимыми для пенсионеров, поскольку для большинства эти области

не являются уже значимыми в жизни. Интересно использование интернета в целях совершения покупок: этой новой возможностью воспользовался уже практически каждый пятый пенсионер.

Оценим в отдельности все перечисленные предпочтения пенсионеров.

Вначале проанализируем блок интересов, связанных с получением информации и знаний в интернете. Все пенсионеры, как мужчины, так и женщины, в разных возрастах, пользующиеся интернетом, заинтересованы в получении новостей. Точно таким же образом дело обстоит с возможностью расширять свой кругозор и повышать культурный уровень. В данном случае, статистически значимые взаимосвязи с возрастом и гендерная специфика полностью отсутствуют. Только получение из интернета справочных материалов показывает статистически значимую связь с возрастом женщин: такими возможностями пользуются в большей степени женщины-пенсионерки в молодых возрастах, скорее, всего это связано с их занятостью и домашними / семейными обязанностями (хи-квадрат – 28,072; $p=0,001$).

Общение при помощи интернета и в интернете мало зависит от возраста пенсионера или пенсионерки. Однако посещение сайтов социальных сетей женщинами очень умеренно обратно коррелирует с их возрастом (коэффициент Спирмена - ,139 при $p<0,001$).

Ниже перечислены сайты социальных сетей, которые в настоящее время востребованы у 38% мужчин-пенсионеров и 51% женщин (таблица 9).

Таблица 9. Предпочтения пенсионеров в использовании электронных социальных сетей, положительный ответ в % от всей гендерной подгруппы (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=170$, $n(w)=629$)

	Мужчины	Женщины	Мин.период (лет)	Мак.период (лет)	Ср.зн. (лет)
Одноклассники	85	87	1	9	4
Вконтакте	34	34	1	9	3
Фейсбук	20	10	1	9	2
Живой Журнал	3	1	2	10	3
Твиттер	3	1	3	9	6

Наиболее знакомы пенсионерам русскоязычные сети «Одноклассники» и «Вконтакте». Они предпочитают «Одноклассников», поскольку в «Вконтакте» имеет в целом молодежную ориентацию. Международные социальные сети (Фуйсбук, ЖЖ и Твиттер) пользуются существенно меньшим спросом у пенсионеров. Наиболее популярной из них в России является сеть Фейсбук. В этом случае наблюдаются и гендерные различия: ею пользуются в два раза больше мужчин. Однако существует еще взаимосвязь между использованием Фейсбука женщинами: ею чаще пользуются молодые пенсионерки (хи-квадрат – 20,714 при $p<0,05$).

Продолжительность участия пенсионеров в различных социальных сетях в интернете существенно колеблется. Средние значения использования сетей (таблица 9) значимы только для «Одноклассников» и «Вконтакте». Использование иных является скорее исключением, чем правилом для российских пенсионеров.

Видимо является очень редким случаем, когда пользование компьютером и интернетом у мужчин как-то связано с повышением их возраста. Но это происходит, если мужчины-пенсионеры пользуются интернетом для развлечений (коэффициент корреляции Спирмена - ,175 при $p < 0,05$).

Только 4–5% российских пенсионеров используют интернет для учебы. Это характерно для самых ранних пенсионных возрастов и практически такие потребности исчезают к 70 годам. Для работы используют интернет 34% женщин и 25% мужчин пенсионного возраста. У женской части пенсионеров, из-за более раннего времени наступления пенсионного возраста, выявляются статистически значимая взаимосвязь между возрастом и использованием интернета в рабочих целях (таблица 10).

Таблица 10. Изменение долей пользователей интернетом в зависимости от возраста пенсионера, положительный ответ в % от подгруппы в равных возрастах (RLMS, 24 волна, 2015 г., $n(m)=170$, $n(w)=629$)

	55-60	61-70	71-80	80+	Итого
Мужчины	-	29	13	0	25
Женщины*	47	24	21	0	34

*хи-квадрат – 41,662 при $p < 0,001$

Такая новая и быстро развивающаяся сфера интернета как покупки и получение товаров и услуг чаще привлекает женщин-пенсионеров. Как все новое в сфере повседневного использования ИКТ, она быстрее развивается в среде пенсионеров молодых возрастных подгрупп (хи-квадрат — 34,627 при $p < 0,001$).

3. Основные выводы исследования

Обобщим полученные результаты исследования в нижеприведенных 12 пунктах.

1. Только четвертая часть пенсионеров использует ИКТ в своей повседневной жизни.
2. Намного чаще женщины, чем мужчины, обучаются, осваивают и начинают использовать ИКТ в относительно молодом возрасте. Они чаще, чем мужчины, используют их под давлением обстоятельств (например, чтобы соответствовать требованиям работодателя).
3. Обычно пенсионеры пользуются ИКТ у себя дома или на работе.
4. Если пенсионеры используют компьютерные технологии, то они одновременно знакомятся с интернет-средой.
5. Пенсионеры предпочитают большие компьютерные устройства для выхода в интернет.
6. Женщины чаще мужчин владеют разными приспособлениями для использования и выхода в интернет, хотя в целом, разнообразие таких приспособлений среди пенсионеров в настоящее время является редкостью.

7. В основном пенсионеры являются персональными владельцами тех устройств, которые они используют.
8. Выход в интернет пенсионеров связан с несколькими потребностями: самая значительная из них — это поиск разнообразной информации и повышение уровня знаний.
9. Многие пенсионеры используют интернет-среду для развлечений, и гораздо менее распространено в этой группе использование интернета в целях учебы и работы.
10. Женщины-пенсионерки активнее мужчин используют интернет для общения с другими людьми.
11. Среди всех известных электронных социальных сетей пенсионеры предпочитают российские «Одноклассники» и «ВКонтакте», а также международную сеть «Фейсбук».
12. Новой областью использования интернет-среды у пенсионеров является совершение покупок и доставка товаров и услуг.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14–18–03434-П) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

- [1] Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3 (74). С. 151-167.
- [2] Григорьева И.А., Дмитриева А.В. Обучение пожилых ИКТ и возможности их трудоустройства // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Труды XVII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2014). – СПб: Университет ИТМО, 2014. С. 317-319.
- [3] Дмитриева А.В. Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество// Журнал социологии и социальной антропологии. №3 (80), том 18, 2015, с. 184-197.
- [4] Низомутдинов Б.А. Востребованность интернет-ресурсов среди людей старшего возраста: результаты исследования в Санкт-Петербурге // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: сборник научных статей. Труды XVIII объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2015), Санкт-Петербург, 23 – 25 июня 2015 г. – СПб: Университет ИТМО, 2015. С. 183-192.
- [5] Видясова Л.А., Жук Д.В., Низомутдинов Б.А. Возможности и границы использования инструментов электронного участия людьми старшего поколения в России // Информационные ресурсы России. 2015. № 6. С. 25-27.
- [6] Григорьева И. А., Биккулов А.С. Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28, №2. С. 354-359.

- [7] Сизова И.Л. Профессиональная интеграция социально уязвимых групп населения // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. 2014. С. 105-112.

Social portrait of pensioners who use ICT in Russia

I. L. Sizova ^{1,2}, A. S. Bikkulov ^{2,3}

¹ National Research University “Higher School of Economics”

² ITMO University

³ St. Petersburg State University

The social portrait of pensioners who are ICT users in Russia was compiled on the basis of the database of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the National Research University “Higher School of Economics” and ZAO “Demoscope” with the participation of the Population Center of the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (RLMS). The social portrait is made on the basis of the following basic characteristics of the life of the population in Russia: the use of computers and the Internet by age groups, at home and at work, the use of various devices to access the Internet, the purpose of using the Internet, the use of social networks.

Keywords: elderly, active aging, aging, ICT, information and communication technologies.

Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг?

И.А. Григорьева^{1,2}, А.В. Дмитриева², А.С. Биккулов^{2,1}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

² Университет ИТМО

soc28@yandex.ru, alexandra.dmitrieva.uni@gmail.com,
abikkulov@yandex.ru

Аннотация

Нормативная модель взаимодействия пожилых и современного общества предполагает, что общество должно поддерживать пожилых в возможностях социальной инклюзии. Считается, что пути инклюзии лежат или через продолжение занятости или активный досуг.

При этом продолжению профессиональной занятости мешает, как считалось, отсутствие навыков использования ИКТ. Однако сами пожилые чаще предпочитают менее сложную и квалифицированную работу, а ИКТ и интернет используют для сетевого взаимодействия. Можно ли это считать «продвинутым досугом», мы пытаемся понять в данной статье.

Социальные службы также не поддерживают общественную активность пожилых, предлагая традиционные досуговые услуги, что показано на примере «Школы третьего возраста» Невского района СПб.

Ключевые слова: пожилые, обучение ИКТ, Школа третьего возраста, продвинутый досуг, социальные услуги.

1. Введение

Начиная работу над проектом РНФ в 2014 г., мы предполагали, что основным фокусом нашего исследования станет анализ того, как улучшение доступности курсов компьютерной грамотности на базе центров социального обслуживания (КЦСОН) и городских библиотек может способствовать социальной инклюзии пожилых. В тот момент мы думали, в первую очередь, о новых формах занятости пожилых, обновлении их профессиональных навыков, улучшении интеграции в современный рынок труда.

Доказательных исследований для оценки влияния обучения ИКТ на увеличение занятости или повышение качества жизни пожилых или

социальную инклюзию в России практически не предпринимались. Поэтому социальное включение через обучение ИКТ можно считать не аналитической, а, скорее, нормативной моделью взаимодействия пожилых и современного общества.

Серия наших исследований (интернет-исследования, вторичный анализ данных больших социологических «фабрик» (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр), проведенный в 2015 г. опрос пожилых в С-Петербурге и многочисленные интервью и фокус-группы) за период 2014-2016 г.г. не подтверждают наличие обусловленности новой занятости пожилых появившимися навыками владения ИКТ.

2. Теоретическая рамка исследования: занятость vs досуг (work ethic vs ethic of leisure)

Акцентируя внимание на освоении информационно-коммуникационных технологий как инструмента включения пожилых, мы исходили из теоретических предпосылок [1, 2, 11, 13], объясняющих возникновение большого числа новых исключенных стремительным формированием общества потребления и процессов глобализации во всем мире. А параллельно развившейся концепт «информационного общества» обозначил появление нового типа «информационно-коммуникационно-сетевого» исключения, связанного с недоступностью для части общества технологических новинок, с одной стороны, и отсутствием постоянно обновляемых знаний для их использования, с другой [4, 12].

В это же время глобальное старение населения, ставшее повесткой дня, особенно в развитых европейских странах [8, 10], актуализировало вопрос о социальном исключении, связанном с ограничением знаний и ресурсов для полноценного включения пожилых в современный мир информационных технологий. Уже в 2000 г. международная «Окинавская Хартия» рекомендовала «уделять особое внимание нуждам и возможностям людей, пользующихся меньшей социальной защищенностью, людей с ограниченной трудоспособностью, а также пожилых граждан, и активно осуществлять меры, направленные на предоставление им более легкого доступа в мир ИКТ» [6].

На уровне повседневной жизни сигналом о появлении существенной группы информационно исключенных пожилых стала стремительная потеря связи между молодыми и пожилыми родственниками. Ранний уход на пенсию, потеря интереса к трудовой деятельности и / или нежелание продления занятости [5] также способствуют исключению.

Аналогично небольшому числу исследований о роли ИКТ в занятости пожилых, очень мало таковых и в изучении изменений их досуга. Именно досуг, а не оплачиваемая работа, все чаще осмыслиется как способ самореализации и самопрезентации индивида. Некоторые исследователи отмечают роль «презентизма» в современном обществе, в котором прошлое и будущее почти полностью сведены к роли инструментов для достижения целей настоящего, в данном случае, демонстрации себя. И здесь пожилые успешно конкурируют с молодежью, пользуясь разнообразными возможностями современного общества, в том числе, новыми информационными технологиями.

Поэтому в современных условиях необходимо перейти от экстенсивного расширения доступа к обучению ИКТ и электронным взаимодействиям к изучению результатов такого обучения, достигнутых за последние годы.

Закончив работу над сбором данных на первых двух этапах качественного исследования (интервью с преподавателями курсов компьютерной грамотности и с пожилыми, учащимися на курсах), мы пришли к выводу о необходимости «перенастраивания» нашей исследовательской оптики, поскольку мотив продолжения занятости или повышения уровня навыков фактически не прозвучал в тех интервью, которые были собраны.

Это заставило нас задуматься о том, во что в повседневной жизни трансформируется ожидание заботы и особого отношения общества к пожилым. Со стороны посредников государства (центров социального обслуживания) во взаимодействии с пожилыми забота превращается в количественно исчисляемый показатель — услугу. Со стороны пожилых, становящихся клиентами социальной службы, забота проявляется в разнообразии легкодоступных услуг и льгот, предоставляемых им государством для проведения досуга по окончании трудовой деятельности.

Таким образом, возникает не группа исключенных из занятости по причине информационного и технологического отставания, а группа отказавшихся от продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте в пользу получения, в основном бесплатных, социальных услуг, образовательных или чисто развлекательных. Эти услуги понимались как знак выражения признательности за предшествующие заслуги перед обществом. Отметим, что в 2016 г. ситуация в С-Петербурге стала довольно резко меняться, многие досуговые услуги стали платными или частично платными, а в других российских регионах, более бедных, процесс, возможно, идет быстрее, так как оплата услуг легитимирована ФЗ №442, вступившим в силу с 01.01.2015 г. [9].

Поэтому мы в 2016 г. анализировали не возможности продления занятости через включение в практики ИКТ, а возможности и ограничения использования «продвинутого» досуга как инструмента социальной инклюзии для пожилых.

3. Сбор данных

Исследование проводилось в рамках стратегии множественного кейс-стади. Сначала мы попытались раскрыть мотивацию самих пожилых для посещения специализированных курсов компьютерной грамотности, затем проанализировать процессы взаимодействия пожилых как непосредственно в контексте обучения на курсах, так и процессы самостоятельного овладения компьютером, формирующиеся повседневные пользовательские практики и причины их избегания.

Затем был исследован кейс организации, на базе которой возник целый ряд сообществ-клубов пожилых, а также были широко представлены обучающие возможности, в том числе, предоставляются курсы компьютерной грамотности.

Эта организация, не типичная для городской палитры центров социального обслуживания, «Школа третьего возраста» на базе КЦСОН Невского района, <http://www.seniorschool.ru/>. В отличие от других центров, содержание деятельности Школы определялась не «спущенными сверху» стандартами

обслуживания, а опытом лидера организации, попытавшейся из «клиента социальной службы» сделать активиста гражданского общества, а из социально-досугового отделения — «народную школу» по датскому образцу. Кроме того, Школа предоставляла действительно широкий спектр услуг для пожилых. А истории взаимодействия пожилых и Школы могут быть примером того, как пожилые, включаясь в разные сферы деятельности, впоследствии могут самостоятельно организовывать свой досуг и продолжать вести активный образ жизни.

В течение полугода были собраны полуструктурированные интервью (11) с курсистами Школы и проведены фокус-группы (3), с администрацией Школы, с курсистами, ставшими сотрудниками Школы, с рядовыми курсистами.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что мотивация пожилых для обучения на предлагаемых курсах чаще всего связана с их желанием разнообразить свой досуг, освоить новую практику, не актуализируя для себя ее рациональные смыслы.

На втором этапе исследования, в качестве дополнительной гипотезы мы предположили, что приобретение навыка ИКТ-грамотности не является центральным фактором включения пожилых в какую-либо новую деятельность. Однако разнообразие предлагаемых услуг может создавать условия для улучшения включения пожилых в активную жизнь через сферу досуга.

Материалы интервью были обработаны в программе Atlas.ti, предназначенной для качественного анализа данных.

4. Результаты и обсуждение

Школа третьего возраста начала свою работу в 2004 г. в рамках программы «Старшее поколение», в составе Центра социального обслуживания населения (социальной службы) Невского района Санкт-Петербурга. Первоначально автор и бессменный директор Школы не предполагала, что будет заниматься развитием организации, работа которой направлена именно на пожилых. Источником вдохновения для нее была идея датской «народной школы», задача которой не обучать в буквальном смысле, а воодушевить пришедших на самоорганизацию, на сплочение и объединение ради достижения какой-то общей цели. Однако обстоятельства сложились таким образом, что построить «народную школу» стало возможным только при условии реформативирования деятельности под потребности пожилых людей. Так появилась Школа Третьего возраста, идея которой заключалась в том, чтобы создать «платформу» для включения старшего поколения в формирование гражданского общества.

4.1. Пожилые — активисты гражданского общества или клиенты социальных служб?

Главным отличием Школы от традиционной социальной службы является отход от каких-либо субординационных требований, от создания клиентских отношений с пожилым в пользу равных или близких к этому. Эта идея воспроизводится через деятельность всех сотрудников Школы, а не только руководителя, поэтому именно кадровый вопрос является наиболее сложным. По замечанию директора, наличие активной гражданской позиции у

сотрудников — основной критерий «оседания» в Школе, и отсутствие ее — причина частых кадровых изменений. В то же время, за всю историю существования Школы, которая осенью 2016 г. в очередной раз подходила к переломному этапу (решается вопрос о поиске нового помещения), понимание общих целей с районной и городской администрацией так и не было выработано (за время, прошедшее после окончания нашего исследования в 2016 г., Невский КЦСОН отказался от альянса со Школой, которая была вынуждена переехать в новое, очень небольшое, по сравнению с досуговым отделением, помещение и находится в процессе трансформации).

Предлагать развлекательные мероприятия считается не этичным, так как подразумевается, что выйдя на пенсию, человек хоть и оказывается в некоторой дезориентации, но не должен обязательно смещать свои интересы в сторону каких-то простых или бытовых вещей. Зато именно в этот период может появиться готовность заняться обобщением своего опыта, которым пожилой человек готов поделиться с миром, если ему помочь развиваться в таком направлении. Задача в этом случае — подготовить человека к принятию ответственности за себя и свою деятельность. Школа устроена для людей, которые еще не уверены в том, что готовы выйти на этот уровень, но им очень важно повстречаться со своими ровесниками и начать чуть ли не сначала: с самоидентификации, с понимания близкого круга. Именно с общения и формирования некоего нового сообщества начинается переход на более высокий уровень, на котором рефлексруется профессиональный путь, полупрофессиональные навыки, просто любимые занятия и пр.

Одной из основных сложностей при работе с пожилыми в таком ключе становится отсутствие у них навыков самоменеджмента, так как люди просто не планировали старость, а она вдруг пришла. Фактически, сотрудникам Школы приходится заново обучать пожилых распоряжаться свободным временем в конструктивном разрезе, вплоть до реализации коммуникативных навыков вне привычного круга — рабочего или семейного. При ежегодном анкетировании по оценке удовлетворенности прохождением Школы, очень многие пожилые пишут, что приходят за общением, а потом совсем не общаются в группах. Создавая просто пространство для обучения, Школа не создает пространство для общения, оно возникает органически, но уже по воле и при активном участии со стороны самих пожилых.

Закончив семестр, многие пожилые возвращаются снова в Школу, потому что другой альтернативы нет, или другие варианты уже не подходят. После прохождения несколько семестров пожилым гораздо легче осмелиться на реализацию собственных инициатив. В целом, такой подход многократного повторения, «задерживания» в Школе поощряется и руководителем. Отмечая, что Школа в сегодняшнем ее виде — плод тяжелой и долгой работы, она понимает, как непросто отважиться на организацию подобной школы, даже в меньшем масштабе. Школа является как бы ресурсным центром, в котором у пожилых формируют навык создания таких мини-школ при библиотеках. Но и достигнув высокого уровня необходимых для этого компетенций, пожилые, как правило, наталкиваются на более глубокую проблему, связанную с тем, что российское общество никогда не выстраивалось как общество взаимодействия между людьми. Это конкурирующее общество, где очень много не просто

прописанных инструкций, а обязательных для исполнения именно в предписанной форме.

Среди курсов Школы, которые самим пожилым удалось развить в самостоятельные проекты, сотрудники выделяют несколько. Это выпускники курса моды, которые организовались в клуб, «гастролирующий» по площадкам, меняя социальный стереотип относительно женщин старшего возраста, делая ставку на элегантность и выдержанный стиль. Далее, с 2007 г. в Школе действует направление «Издательство». Очень многие пожилые высоко ценят возможность быть напечатанным, возможность осознать, осмыслить какой-то период своей жизни, напечатать книгу, подарить ее близким.

Другой важный проект, который получается у Школы — выводить взаимодействия пожилых за свои стены. Они ходят на мероприятия, они просто встречаются. Возникает как бы «бурление» всего района, когда люди встречаются на каких-то внешних мероприятиях, но одно упоминание о Школе и они друг друга начинают лучше понимать. Школа стала неким «ключевым словом», паролем, соединившим контексты жителей одного района. Причем это работает даже для тех, кто еще не проходил обучение в школе, но сама сеть существует и развивается в информационном пространстве.

4.2. От идеи к практике: от «народной школы» к самостоятельным инициативам и сообществам пожилых

Для многих пожилых первичным мотивом для посещения Школы, как и в других случаях, была возможность пройти именно курсы компьютерной грамотности. Однако попадая в школу, они включались не в отдельные курсы, а в семестровую работу, состоящую из разных направлений. Внутри этих направлений образовывались «ядра» наиболее активных пожилых, стремящихся применять, развивать и передавать другим уже имеющийся у них профессиональный опыт вкупе с «апгрейдом», сделанным в Школе.

В отличие от других социально-досуговых организаций, Школа не только давала возможность комплексного обучения, но и была готова предоставлять собственные ресурсы. С одной стороны, это материальные возможности (помещения, оборудование), с другой — идеи для реализации, как на базе Школы, так и за ее пределами, которые сотрудники готовы предлагать и развивать совместно с пожилыми. Именно такие идеи создают мотивацию для продолжения их обучения в Школе и появления собственных инициатив.

Например, одной из успешных выпускниц курсов журналистики, руководитель Школы предложила заняться развитием информационного направления — распространением сведений о Школе среди жителей Невского района, укреплением авторитета, репутации, популярности у жителей района. Так, с написания статьи именно рекламного, презентационного характера, в газете «Полезно пенсионерам», началась работа по созданию целого отдела, где пожилые теперь занимаются не только распространением информации о Школе, но и своеобразным «внутренним» аудитом. Результатом такого аудита становятся микро-исследования и «авто-этнографические» тексты пожилых о пожилых, поднимающие проблемы активизации и адаптации пожилых, а также позитивных изменений в социальной политике.

Другой вариант прихода к созданию собственного сообщества или объединения (направления / клуба / отдела) — мотив непрерывного обучения и последовательное восполнение недостающих навыков для воплощения «старой мечты». Один из курсистов рассказал о том, как прошел длинный путь через кино-курсы «Сам себе режиссер», затем занимался журналистикой, закончил компьютерные курсы, и после этого вместе с другими курсистами организовал Литературное объединение «Невские берега», которое развивается и публикует произведения своих членов уже более 6 лет. Поддержка самых старших курсистов через создание благоприятной атмосферы, теплое общение и совместное времяпрепровождение в Школе — также важный мотив продолжения занятий, и проявление чувства солидарности внутри сформировавшегося сообщества пожилых: «Вот одна из женщин, ей 87 лет, она кандидат наук, озеровед, она уже мало что руками может сделать, чтобы красиво получилось, но ей обстановка нравится, она приезжает, чтобы с нами побыть. Она посидела, и говорит: мне с вами очень хорошо, в атмосфере вашей» (отрывок интервью).

Для многих пожилых Школа становится толчком для рефлексии прожитого «жизненного материала», переработки тяжелых воспоминаний, профессионального опыта. Так возникают литературные сборники «Вестник», создаются пособия по кинопроизводству, проводятся публичные выступления пожилых, конкурс «Музыкальная свеча» и даже курсы разговорного французского.

Как и сотрудников, сейчас пожилых курсистов волнует и расстраивает вопрос о будущем Школы, связанный с необходимостью покинуть помещение, которое она сейчас занимает. Лишившись возможности посещать Школу, пожилые рискуют остаться не только без альтернатив, связанных с обучением и проведением свободного времени, но, в первую очередь, без любимого круга общения и взаимной поддержки. «И школа достигает того, что она продекларировала. Мы хотим дать открытый урок, (...), а школа нас поддерживает, школа — как стеночка такая, мы опираемся на нее. А теперь каждый сам будет вариться, не в общем котле (*прим. имеется в виду необходимость смены помещения*). И это безумно жалко. Мы же не только своим кружочком общались, мы и с фотографами, и с художниками, а теперь одни будем. По коридорам вместе ходили, чай пили. Это все давало такое чувство. Монолитное, а теперь такого не будет...» (отрывок из интервью), «Безусловно, многое в жизни изменилось. Я стала свободнее в общении, стала раскрепощеннее, моя активность, участие в делах школы не дают мне засидеться дома. А вдохновляют постигать новое, добиваться поставленной цели. Я уже не мыслю жизни без посещения этой замечательной школы. Изменилось все — я перестала бояться взяться за любое, даже за самое новое дело, нашла много друзей, есть с кем общаться и стало интересно жить».

Хотя в каждом районе С-Петербурга существуют КЦСОН, включающие досуговые отделения, проектов, подобных рассмотренному кейсу Школы, на базе государственных социальных служб в городе больше не создавалось. В настоящий момент, когда городская администрация предъявляет жесткие требования к количественным показателям эффективности, Школе становится все сложнее обосновывать сложившейся индивидуализированный клиент-

ориентированный подход к работе с пожилыми. Она едва ли может конкурировать со вторым подразделением социальной службы в Невском районе, так как через Школу проходит около 500 человек, а это очень маленькая цифра относительно требуемых показателей. К тому же, примерно треть этих пожилых повторяет участие в семестрах. «Гонка» за показателями происходит даже не на законодательном уровне, а на межрайонном, где все участники полагают, что чем больше обслуженных клиентов, тем успешней деятельность и тем более защищенная позиция у конкретного центра.

Таким образом, в социально-досуговые отделения КЦСОН в С-Петербурге искусственно создается очередь за услугами, которые считаются условно ориентированными на создание «коллективной идентичности» и «социальное включение» пожилых. В такой ситуации одной из самых популярных услуг остается участие в развлекательных мероприятиях типа кружков «хорового пения под баян», показательными выступлениями которых в местных ДК впоследствии очень удобно отчитываться перед администрацией.

Уникальные же проекты, ориентированные не только на досуг, но и социальное включение и сплочение пожилых, подобно рассмотренному нами, оказываются или оцениваются как недостаточно эффективные.

5. Выводы

Большинство преподавателей в КЦСОН или библиотеках, в том числе, ведущих курсы компьютерной грамотности, интервью с которыми мы проводили, не имеют четкого и, тем более, формализованного представления об измерении эффективности услуг, которые они предоставляют. «Обратная связь» с бывшими учениками реализуется через сбор восторженных, но неконкретных откликов о прохождении курсов, оставляемых в группах ВКонтакте, созданных в процессе обучения. В расчет идут количественные показатели — число КЦСОН, задействованных в программе компьютеризации пожилых, число пожилых, посещающих курсы и пр. Качественная оценка услуги не формулируется даже как цель, важным является сам факт того, что государство обеспечивает возможность взаимодействия пожилых с современными технологиями и предполагает, что это обеспечивает их социальное включение.

Это говорит, в первую очередь, о том, что сама по себе услуга обучения ИКТ, равно как и другие «досуговые» услуги, не была изначально разработана как имеющая критерии оценки своей эффективности. Во многом эта ситуация является типичной для России в том смысле, что само по себе предоставление услуги, т.е. неограниченная доступность, зачастую становится синонимом эффективности. Это замещает возможные измерения того, насколько необходимым или важным для социального включения является реализации услуги для целевой группы, на которую она направлена [5]. А сегодня ситуация такова, что если услуги не имеют контролируемых результатов или критериев эффективности, их реализация не представляется целесообразной.

Безусловно, внедрение курсов компьютерной грамотности как некое «свежее» звено в цепочке отработанных услуг, предлагаемых КЦСОН, обеспечивает определенные условия для включения пожилых в более плотное сообщество и соответствует положениям недавно принятой «Стратегии

действий в отношении пожилых» [7]. Однако, как правило, это включение носит ограниченный временем прохождения курсов характер и не выливается в какую-то активность, направленную на других, на взаимопомощь, и тем более, волонтерство.

Предоставление возможностей для участия пожилых в разных формах деятельности, направленных не на создание краткосрочных клиентских отношений, а долгосрочных партнерских, социально ориентированных, вероятно, могли бы принести более значимые результаты, как для самих пожилых, так и для общества в целом. Однако анализ нашего кейса, существовавшего 12 лет в Невском районе, и оставшегося без поддержки государства, говорит, что государство не заинтересовано в партнерских отношениях с пожилыми и их НКО, предлагающими «продвинутый», а не развлекательный, досуг.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

- [1] Биккулов А.С., Жук Д.В. Измерение процессов социального включения пожилых в жизнь общества в ходе освоения современных ИКТ и осуществления электронного взаимодействия в современной онлайн-среде // Государство и граждане в электронной среде: Труды XIX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (Санкт-Петербург, 2016). СПб: Университет ИТМО, 2016. С. 71 – 77. <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/4080/4080.pdf>.
- [2] Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- [3] Вершинская О. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? <http://viperson.ru/wind.php?ID=637647>.
- [4] Григорьева И.А. Развитие социальной работы в российском обществе потребления // Журнал социологии социальной антропологии. 2011. № 5. С. 287-297.
- [5] Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии социальной антропологии. 2014. № 3. С. 151-167.
- [6] Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята 22.07. 2000 г. <http://www.lawmix.ru/abrolaw/8267>.
- [7] Стратегия действий в интересах старшего поколения граждан в Российской Федерации до 1925 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. N 164-р. <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/173>.
- [8] Технические нововведения и общества сетевого обмена знаниями: новые источники устойчивого и открытого для всех развития // Экономический и социальный совет ООН. 12.09.2012. <http://www.unescap.org/sites/default/files/CICT3-2R-item5.pdf>.

- [9] ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» от 28 дек. 2013 г., №442. http://www.socialnaya-podderzhka.ru/zakonodatelstvo/federalnyj_zakon_442/.
- [10] Active Ageing and Healthy Living: A human centered approach in research and innovation as a source of quality of life // Studies in Health Technology and Informatics. 2014. IOS Press.
- [11] Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. 2004. Cambridge, UK: Polity.
- [12] Castells M. Communication Power. Oxford University Press, 2009..
- [13] Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge University Press, 1990.

Social inclusion of older people: continuing working life or leisure time?

I.A. Grigoryeva^{1,2}, A.V. Dmitrieva², A. S. Bikkulov^{2,1}

¹ St. Petersburg State University

² ITMO University

Normative model of interaction between older people and modern society suggests that the society have to support elderly providing the opportunities for social inclusion. It is considered that ways to social inclusion located between continuing working life or active leisure. At the same time, there was an opinion that an absence of specific skills for using ICT prevent elderly from continuing working life. However, elderly themselves prefer less complicated and qualified work, and use ICT mainly for social networking. Could we describe that as “advanced leisure practice” – this is what we try to understand in this article. Governmental social services do not support elderly’s public and social activities suggesting them traditional services as well. That is illustrated using the case of the Third Age School located in Nevskiy District, St. Petersburg.

Keywords: elderly people, social inclusion, active leisure, advanced leisure

Распределенность содействия в информационном обществе

А.Е. Войскунский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

vae-msu@mail.ru

Аннотация

Человеческое общество опирается на содействие, сотрудничество, поддержку и помощь со стороны ближних. В информационном обществе подобными ближними могут стать сколь угодно далеко удаленные субъекты при условии, что они оказывают содействие дистантным образом. Подобное содействие именуется распределенным. Анализируются различные примеры, в первую очередь относящиеся к научной деятельности, удаленных (распределенных) содействий. Некоторые из них связаны с краудсорсингом. Распространенность и ценность такого рода содействий побуждает аналитиков и практиков утверждать, что распределенность содействий имеет значение для психологии. Так, все чаще высказывается представление о специфических особенностях коллективного интеллекта или сетевого мышления. Подобные воззрения отвергаются как преждевременные; в противовес им выдвигается представление, согласно которому такая характеристика, как распределенность, способствует развитию экстернизированных форм психической деятельности — в терминологии разработанной Л.С. Выготским культурно-исторической теории развития психики.

Ключевые слова: содействие, распределенность, опосредствование, сообщества, креативность, экстернизация, знаковая система, сетевые проекты

Информационное общество характерно тем, что изобилует возможностями информационных связей между членами общества. Подобные связи сделали возможными не только собственно информационное общество, но и предшествующие ему общественно-экономические формации. Действительно, лишь наличие связей (и деловых, и неформальных) между людьми позволяет им объединиться в тот или иной общественный строй. Под содействием понимаются как раз такие связи — совместное действие, совместная деятельность, помощь, сотрудничество и содействие, коллективная работа, совместное проведение досуга и свободного времени, фасилитация, встречи случайных или спаянных компаний, а также общественное либо официальное

оказание информационной либо действенной помощи в выполнении необходимых какому-либо субъекту функций, трудовых операций и др.

В современном обществе имеет место, как можно допустить, определенная интенсификация актов и процедур содействия. Подобная интенсификация указанного содействия отчасти обусловлена социальными завоеваниями — такими, как увеличение длительности жизни, развитием пенсионного обеспечения, а также появление свободного (не занятого производительным трудом) времени и в конечном счете т.н. «когнитивным избытком», согласно терминологии К. Ширки [14]. Наличие досуга и когнитивного избытка способствуют развитию разделенных между содействующими партнерами интересов, в том числе — добровольному выполнению ими не оплачиваемых трудовых функций (иногда весьма напряженных и даже опасных для жизни и здоровья), в том числе в рамках стартапов и волонтерской работы.

Содействие в информационном обществе далеко не ограничивается соседством, знакомством или родственными связями: оно обычно осуществляется при помощи личных либо групповых контактов, все чаще опосредствованных современными информационными (как правило, социальными) сетями, т.е. электронной перепиской и / или устноречевым взаимодействием посредством довольно многочисленных уже аудиосервисов. Иначе говоря, для содействия предусмотрены информационные связи, которые осуществляются дистантно: индивидуумами и группами, которые скорее всего никогда не встретятся лицом к лицу, однако это не помешает им какое-то время, в том числе длительное, быть членами единой группы, команды единомышленников и т.п. Налицо принципиально новый тип дистантного сотрудничества между людьми с опорой на относительную легкость и эффективность обнаружения в киберпространстве — глобальном информационном пространстве — квалифицированных, дополняющих собственные умения, знания и способности единомышленников либо оппонентов для организации деловых и личных связей, согласования и взаимудобного распределения рабочих операций, обеспечения контроля качества продукта, разрабатываемого совместно.

Подобное дистантное содействие было поименовано в нашей недавней работе [3] распределенностью. Наряду с мобильностью, репутационной прокачкой (усилиями по приобретению и повышению репутации как участника какой-либо социальной сети, игрока-геймера, блогера и т.п.), анонимностью, гибридностью (попеременным либо одновременным пребыванием в обычной реальности и в виртуальности), иммерсивным погружением (в киберпространство) данное качество было выделено как одна из важнейших психологических характеристик человеческого поведения в киберпространстве.

Характеристика, поименованная нами как распределенность, опирается на все более широко признаваемую в социальных науках ценность т.н. «слабых связей» [6] для проведения досуга, общения, получения информации, гражданского участия. Независимость слабых связей от географической близости или удаленности (дабы они не были утеряны) лучше всего обеспечивают в настоящее время коммуникативные сервисы Интернета [9].

«Однако то обстоятельство, что большая часть поддерживаемых людьми связей — это слабые связи, вовсе не означает, что они являются маловажными.

Такие связи выступают в качестве средства получения информации, повышения эффективности труда, проведения досуга, общения, гражданского участия, а также просто источника удовольствия. Большинство подобных слабых связей не зависят от пространственной близости и должны обеспечиваться какими-то средствами коммуникации» [7, с. 54]. Новые виды слабых связей (например, сообществ по интересам в киберпространстве) весьма высоко ценятся людьми, даже если ведут к не долговременным и тесным личным отношениям, а не более чем к содействию в течение довольно короткого периода времени. А переменный состав таких сообществ соответствует меняющимся интересам самих участников, их нужде в меняющихся формах содействия. Так что участие в социальных сетях обычно опирается именно на слабые связи. Как общности с размытыми границами и неинтенсивными контактами, приятельские (а также фолловерские) объединения в социальных сетях отличны от таких объединений, как группы, ибо требования сплоченной группы в отличие от сетевых сообществ могут показаться их участникам обременительными. Подобные сети-сообщества поистине глобальны и часто включают куда больше участников, чем это казалось возможным в до-Интернетные эпохи [3, 9].

Отметим некоторые локальные и глобальные сетевые проекты распределенного содействия, которые заявили о себе, и зачастую триумфально. Среди них — применение сотнями тысяч добровольцев гипертекстовых wiki-технологий (они созданы как раз в помощь распределенным действиям [8, 11]) для составления энциклопедии Wikipedia на сотнях языков: авторства и соавторства статей, проверки информации, подбора иллюстративного материала, приведения к нормам грамотности и т.п.

Другой пример — волонтеры-программисты распределенно и сообщая создали операционную систему Linux [12]. Обмен продуктами их труда (фрагментами открытого программного кода) подтверждает, что «коллективный труд в онлайн может быть эффективно организован без привлечения товарно-денежных отношений» [1, 24]. Тем самым реализуется «неэгоистичное программирование» [19], чаще именуемое индийским (язык нутка) термином «потлач», понимаемым культурологами как «экономика и культура (взаимного) дарения» — она предшествовала денежному обмену, но уступила ему место [16, 17]. Наблюдается тенденция полагать программирование и сетевую активность как разновидность потлача; данная идея близка сторонникам свободного программного обеспечения и новых подходов к авторскому праву (copyleft, пиринговые сети и др.) [3].

Упомянем другие проекты распределенного поведения волонтеров с помощью Интернета. Среди них отечественный ресурс «Карта помощи» для целей координации помощи, оказываемой волонтерами при тушении лесных пожаров. Отметим и сетевой ресурс Ushahidi для отслеживания случаев этнического насилия в Африке: «Начиная со своего дебюта в начале 2008 года ресурс Ushahidi был использован для отслеживания аналогичных актов насилия в Демократической Республике Конго, для мониторинга выборов в Мексике и Индии, для записи данных о поставках жизненно важных медикаментов в нескольких восточноафриканских республиках, а также чтобы определить разрушения при землетрясении на Гаити и в Чили» [14, с. 31]. Стоит дополнительно подчеркнуть, что перечисленные сетевые проекты разработаны

энтузиастами в их свободное время, а пользуются созданными сетевыми продуктами также исключительно волонтеры или сами пострадавшие вместе с их представителями.

Остановимся на проектах, которые мы вслед за многими авторами вправе отнести к категории научного краудсорсинга [5]. Созданная нейробиологами игра типа 3D-раскраски имеет целью предложить всем желающим, даже не обладающим специальной квалификацией в науках о жизни, отслеживать пути нервных волокон: приложение EyeWire (<http://eyewire.org/explore>) позволяет игрокам проследить (на фотографиях срезов толщиной в несколько микронов) конкретные нейроны в глазном нерве и их соединения, что поспособствует составлению карты головного мозга. Другая — и даже более популярная — игра призвана оказать помощь биологам в нахождении модели фермента, разрушающего белок вируса иммунодефицита человека. А именно, организована массовая процедура с участием более миллиона владельцев компьютеров: они моделируют процессы свёртывания и развёртывания молекул белка для достижения понимания причин возникновения болезней, вызываемых дефектными белками выполняется методом краудсорсинга (см. блог <http://witology.com>). Группе биохимиков (вдохновитель работы д-р Фирас Хатиб из университета штата Вашингтон) удалось с помощью значительного числа добровольных помощников-геймеров (на сайте <http://fold.it> организована игровая ситуация) сконструировать модель фермента, эффективно разрушающего белок вируса иммунодефицита человека, что представляет собой научное открытие, публикация о котором — как и о собственно методе достижения научно значимых результатов — помещена в авторитетнейшем журнале (<http://www.nature.com/nsmb/journal/v18/n10/abs/nsmb.2119.html>).

Итак, коммуникативные и познавательные сервисы Интернета благоприятствуют синергии сетевого поведения и своего рода краудсорсингу (к примеру, научному или околону научному), равно как общению в режиме нонстоп, заботе о собственной репутации. Многочисленные факты, свидетельствующие о распределенности и согласованности человеческого поведения в киберпространстве побуждают исследователей провозглашать, что имеет место развитие новых форм «сетевого мышления» или «коллективного интеллекта» [5, 10]. Для их развития полагают достаточным отсутствие в группе авторитарного лидера, пусть даже неформального, т.е. своего рода самозванца, а также гибкость и социальная сенситивность, или чувствительность (sensitivity) членов группы [18, 20], однако теоретические обобщения такого рода пока преждевременны, как это было аргументировано ранее [5].

В то же время не прекращаются практические попытки выявить особенности таких процессов: так, опыт компании Google, являющейся признанным инновационным лидером (имеется в виду т.н. Project Aristotle и Джулия Розовски, которая длительное время занималась обобщением такого опыта) по повышению эффективности временных групп, создаваемых из сотрудников для решения возникающих проблем, частично подтверждает указанные эмпирические находки (а именно, пользу социальной сенситивности и примерно равномерной длительности высказываний каждого из членов группы), что, однако не может всегда приносить безусловный успех. Что

характерно, в приведенных исследованиях и в практических попытках демонстрируется, что эффективность временной группы весьма слабо зависит от коэффициентов интеллекта отдельных членов группы (при условии, что у кого из них этот коэффициент не является патологически низким). Подобная особенность, впрочем, давно известна удачливым руководителям компаний, никогда не занимавшимся научным обоснованием собственного опыта мотивирования сотрудников. Разнородные данные собраны и специалистами по организации «электронного брейнсторминга»: их опыт также не позволяет вывести вполне определенные заключения об особенностях организации высокоэффективной работы временных групп специалистов, если есть необходимость привлечь их к срочному решению встающих проблем [4, 15].

Сказанное относится в первую очередь к решению творческих (креативных) задач. Не вызывает большого сомнения, что в ближайшем будущем практика распределенного содействия будет только расширяться, а потому вызывают интерес конкретные интерфейсы опосредствующих такое содействие компьютерных систем. Можно смело заметить, что интерфейсы будущего будут брать начало в сегодняшних попытках организовать эффективную групповую работу специалистов [13]. Следует обратить внимание и на *ad hoc* попытки подобной организации работы [11], и на психологические исследования. В предпринятом нами недавнем исследовании был разработан и испытан своего рода «нулевой интерфейс»: организована полноценная передача речевых высказываний и экранных действий членов диады, совместно решающих творческие задачи на игровой модели, привязанной к известной игре *Minecraft* [4]. Помимо передачи речевых и практических действий, интерфейс не выполнял никаких других функций: не предлагал советы, не устанавливал очередность высказываний и действий (что было бы необходимо при увеличении численности группы), не оценивал действия испытуемых исходя из статистики ранее предпринимаемых другими участниками эксперимента действий и т.д.

Продвинутый интерфейс такого рода должен был бы включать элементы искусственного интеллекта. Отсутствие таких элементов сказалось отрицательно. Этот вывод выражается в том, что «нулевой интерфейс» не помог участникам диады в большей степени проявить креативность, нежели это удавалось тем, кто решал аналогичную задачу в индивидуальном порядке: члены диад генерировали меньшее число попыток решения, чем индивидуалы, а по оригинальности итоги индивидуальной и совместной работы не отличаются друг от друга [4]. Следует сделать вывод, согласно которому вероятность «нулевого интерфейса» как полезного орудия взаимодействий между специалистами следует считать низкой.

Распределенность содействия не только наделена практической пользой, но и приносит теоретико-психологические подсказки. Их целесообразно связать с разработанной Л.С. Выготским и его последователями культурно-исторической теорией развития психики. Одним из наиболее существенных моментов этой теории является положение, согласно которому психика развивается как результат освоения (т.н. интериоризации) новых знаковых (семиотических) систем и преобразования ранее освоенных систем знаков. Компьютеры, смартфоны и Интернет — главные орудия информационного общества —

представляют собой знаковые системы (это относится, по нашему мнению, не только к софтверу, сотворенному из весьма больших последовательностей знаков, но и к хардверу, состоящему из двоичных чипов и связей между ними — а это характерно именно для знаковых систем), причем рекордно сложные. Вместе с тем надо отметить, что в XXI веке наряду с процессами интериоризации (освоения и «присвоения») новых орудий деятельности центральными становятся процессы экстериоризации (вынесения вовне организма) уже освоенных знаковых систем и конкретных фактологических знаний — например, передача их компьютерным системам (в предшествующие эпохи — ученикам, секретарям, запись в архивах и журналах и т.п.) с тем, чтобы они были «под рукой» и доступны. Тем самым формируются т.н. «экстра-церебральные» (А.Р. Лурия и др.) компоненты психических процессов. Распределенность поведения и дистантная организация «электронного» содействия во многом содействуют, если принять высказанную точку зрения, развитию процессов экстериоризации — перспективной и потому вызывающей многочисленные споры формы опосредствования психических процессов, которая имеет большие шансы стать наиболее заметной психологической характеристикой наступившего XXI века [2, 13].

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 15-06-0616815.

Литература

- [1] Барбрук Р. Интернет-революция. М., 2015.
- [2] Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.
- [3] Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36-49.
- [4] Войскунский А.Е., Ермолова Т.Д., Хромова В.М., Яголковский С.Р. Креативность при индивидуальном и совместном решении задач конструирования в условиях применения компьютерной игры Minecraft // Экопсихологические исследования-4: коллективная монография / Под ред. В. И. Панова. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб: Нестор-История, 2016. С. 109-130.
- [5] Войскунский А.Е., Игнатьев М.Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 263-283.
- [6] Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50
- [7] Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- [8] Патаракин Е.Д. Сетевые сообщества и обучение. М., 2006
- [9] Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
- [10] Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. Киев: INT Пресс; Москва: Рефл-бук, 1999.
- [11] Тапскотт Д., Уильямс Э.Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. СПб., 2009.

- [12] Торвальдс Л., Даймонд Д. Just for fun. Рассказ нечаянного революционера. М., 2002
- [13] Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147-162.
- [14] Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012.
- [15] Яголковский С.Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- [16] Ячин С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 33-41.
- [17] Iitaka T. Collectivism as potlach in the network age // Cultural Attitudes Towards Technology and Communication. Conference Proceedings. Murdoch, Australia, 2012. P. 244-258. http://sammelpunkt.philo.at:8080/2152/1/244-258_Session%25204b%2520-%2520Iitaka_f.pdf
- [18] Meslec N., Aggarwal I., Curseu P.L. (2016). The Insensitive Ruins It All: Compositional and Compilational Influences of Social Sensitivity on Collective Intelligence in Groups // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7, №676. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00676
- [19] Weinberg G.M. The psychology of computer programming. N.Y., 1971.
- [20] Woolley A.W., Chabris C.F., Pentland A., Hashmi N., Malone T.W. Evidence for a Collective Intelligence Factor in the Performance of Human Groups // Science. 2010. V. 330 P. 686-688.

Allocation of assistance in information society

A.E. Voiskounsky

Lomonosov Moscow State University

Human society relies upon assistance, collaboration, aid and help. In information society assistants can be far away but they go on assisting on a distance. We call such kind of distributed assistance 'allocation'. Diverse cases of allocated assistance are analyzed, mainly in the area of scientific activities. Some of these cases can be easily called a sort of crowdsourcing. Since this kind of assistance becomes common and valuable, many analytics and experts agree that it is valuable for psychological studies. For instance, it is fairly common to discuss particular features of highly hypothetical swarm (collective) intellect and/or net thinking. We argue that such ideas are premature to state; on the contrary, we suggest that allocation gives an impulse to exterior forms of human psychic activity in the terms of cultural historic theory of psychic development introduced by Lev Vygotsky.

Keywords: information society, distant work, joint work, cognitive surplus, allocation, distribution, crowdsourcing, culture psychology, internalization, externalization, brainstorming, interfaces, futurology.

Проблема установления причинно-следственных связей в киберпсихологии в контексте психологических особенностей игроков в компьютерные игры

Н.В. Богачева

Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет)

bogacheva.nataly@gmail.com

Аннотация

Компьютерные игры становятся все более популярным видом досуга среди людей разного возраста и социального статуса. В свою очередь, психологические последствия увлечения компьютерными играми, как негативные (зависимость, агрессивность, импульсивность, снижение эмпатии), так и позитивные (развитие пространственных способностей, внимания, скорости переключения между задачами) являются предметом множества дискуссий не только в психологии и смежных науках, но и в обществе в целом. Однако, как при разработке теорий, так и при проведении эмпирических исследований не всегда является возможным установление явных причинно-следственных связей между игрой в компьютерные игры и изменениями в психике человека.

В данной работе описываются основные направления психологических исследований компьютерных игр и игроков, и предпринимается попытка соотнести их с критическими статьями, уточняющими или предоставляющими альтернативные объяснения для описываемых закономерностей. Цель данного обзора заключается в формировании у читателя более объемного и объективного взгляда на проблему влияния компьютерной игровой деятельности на психику игроков, что представляется особенно актуальным в виду повсеместного распространения компьютеров и других игровых устройств.

Ключевые слова: киберпсихология, компьютерные игры, геймеры, компьютерная игровая аддикция, агрессия, познавательные процессы, креативность, обучающие игры.

1. Актуальность проблемы

В настоящее время компьютерные игры являются одним из популярных способов проведения досуга (по некоторым данным, в мире насчитывается более 1,8 млрд. «геймеров» — активных игроков в компьютерные игры). В 63% американских семей хотя бы один человек регулярно играет в видео игры более 3 часов в неделю [1]. В Великобритании компьютерные игроки составляют порядка 73% всего населения [2]. В России считают себя геймерами более 43 млн. человек, что составляет около 30% населения страны [3]. Процент компьютерных игроков среди детей и подростков во многих странах превышает 90% [4], что вызывает беспокойство врачей, психологов, педагогов, родных и близких игроков, тем более что возможные последствия увлечения компьютерными играми для психики определены лишь отчасти.

Систематическое изучение компьютерных игр и игроков ведется психологами с 80-х гг. XX века. Так, в 1985 году Ш. Тёкл (Sh. Turkle) описала такие последствия увлечения компьютерными играми, как возникновение игровой зависимости; формирование специфических характеристик мышления; развитие зрительно-моторной координации [5]. Первые экспериментальные исследования продемонстрировали влияние игр на пространственные способности [6]. В ранних отечественных работах школы О.К. Тихомирова рассматривался развивающий потенциал компьютерных игр в контексте психологии мышления и творчества [7]. Эти и другие вопросы, поставленные перед психологией компьютерной игры еще 30 лет назад, до сих пор остаются без однозначного ответа, несмотря на все возрастающий интерес ученых.

Одной из вероятных причин этого является многообразие компьютерных игр, различающихся особенностями сюжета, дизайном игрового пространства, характером поставленных перед игроком задач и доступных действий. Неоднородна и сама популяция геймеров. Н. Йи (N. Yee) выделил три типа мотивации игроков в компьютерные игры: достижение (совершенствование игрового мастерства, соревнование с другими игроками); социализация (внутриигровое общение и кооперация) и погружение (исследование мира игры, проживание роли; именно к этому типу мотивации относится часто приписываемое геймерам желание «сбежать» от реальности) [8]. То, зачем человек играет в компьютерную игру, определяет его предпочтения относительно ее типа, жанра, сюжета [9]. Большинство ученых сходятся во мнении, что разные по своему содержанию и игровой механике компьютерные игры оказывают (или могут оказывать) неодинаковое влияние на психологические особенности игроков [10]. Таким образом, геймеры, во-первых, в определенной степени сами определяют игровое воздействие, которому подвергаются, а во-вторых, полученные для одних видов игр и игроков закономерности могут оказаться неприменимы к другим.

При анализе эмпирических работ необходимо учитывать и различия в теоретических и методологических позициях самих ученых. В основе ряда исследований влияния насилия в компьютерных играх на агрессивность игроков лежит предложенная К. Андерсоном (C. Anderson) Общая модель агрессии, базирующаяся на теории социального научения А. Бандуры, теории скриптов, когнитивном неоассоцианизме. Модель предполагает, что

агрессивное поведение является выученным и усваивается через наблюдение [11]. Придерживающиеся иных методологических позиций авторы часто выступают с альтернативными интерпретациями результатов и предлагают иные принципы проведения исследований (см., например, [12]). Многие зарубежные исследования геймеров проводятся в русле когнитивной психологии (например, [6, 10]), методология которой существенно отличается, к примеру, от представлений О.К. Тихомирова о психологии компьютеризации, являющихся основой ряда отечественных работ [9, 13]. Подход О.К. Тихомирова все чаще вызывает интерес и у зарубежных авторов, поскольку рассмотрение компьютерных технологий как нового этапа внешнего опосредствования человеческой деятельности предоставляет дополнительные возможности для объяснения сложных форм взаимодействия человека с компьютерами и другими высокотехнологичными устройствами (например, [14]). Другие ограничения накладываются и общими принципами научного познания: так, проведение контролируемых экспериментальных исследований в киберпсихологии затруднено большим числом побочных переменных [15], избыточный контроль которых, в свою очередь, ведет к снижению экологической валидности [12]. Другие типы исследований, например, анализ корреляций, в действительности не позволяют делать выводы о наличии причинно-следственных связях между играми и их предполагаемыми последствиями для психики. Еще одна проблема заключается в сложности оценки последствий многолетнего увлечения компьютерными играми (средний стаж игры американских геймеров составляет 13 лет [1]), а также — в необходимости разделять краткосрочные и долгосрочные последствия игр.

В задачи данной работы не входит объемный анализ основных направлений и результатов исследований компьютерных игр. Подобное исследование уже проводилось автором: [16, 17], и сейчас представляется важным следующий шаг — проанализировать критические статьи и доводы ученых, позволяющие иначе взглянуть на некоторые устоявшиеся представления о психологических последствиях компьютерных игр.

2. Влияние компьютерных игр на психику геймеров

2.1. Зависимость от компьютерных игр

Наверное, самой часто обсуждаемой в обществе в контексте компьютерных игр проблемой является зависимость от них, также называемая компьютерной игровой аддикцией [4] или проблемным игровым поведением [2]. В настоящее время ни компьютерная игровая зависимость, ни Интернет-зависимость (рассматриваемая как более широкое по отношению к игровой зависимости явление [18]) не входят ни в одну из официальных классификаций болезней (наиболее близка к этому частная форма игровой зависимости — зависимость от онлайн игр, получившая в DSM-V статус «нуждается в дальнейшем изучении») [13]. Именно многопользовательские онлайн игры оцениваются психологами как наиболее аддиктогенные [2, 19], в том числе — в виду их мотивационной привлекательности и связи с переживанием «потока».

Понятие «поток» введено в психологию М. Чиксентмихайи для обозначения состояния, возникающего при полной погруженности в какую-либо деятельность [13, 20]. Критерии возникновения опыта потока известны: это соответствие умений требованиям задачи, наличие обратной связи, ощущение контроля и др., но точно предсказать его возникновение для той или иной деятельности не представляется возможным. Кросс-культурные исследования показали, что в отличие от российских, французских и американских геймеров, испытывающих в игре опыт потока [13], у игроков из Китая поток не возникает, хотя они склонны к формированию игровой аддикции [20]. Таким образом, стремление к «опыту потока» едва ли является основной (и достаточной) причиной для возникновения зависимого поведения само по себе. Многообразие других форм мотивации игры также не позволяют утверждать, что основным фактором возникновения зависимого поведения является стремление к эскапизму, легкому успеху и т.д. [8]. Деятельность компьютерный игроков полимотивирована [13], а мотивация отдельных игровых сообществ может отличаться от «типичной» для той или иной игры мотивации [21].

Значительный вклад в развитие современных представлений о компьютерной игровой зависимости вносят нейрофизиологические и нейропсихологические исследования. В.Л. Малыгин описывает связь высокой психической истощаемости склонных к Интернет-зависимости подростков со способностью компьютерных игр временно повышать выработку нейромедиатора дофамина как некий «порочный круг», способствующий формированию аддиктивного поведения [19]. Исследования активности нейронов мозга посредством функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) показали структурные изменения в зонах, ответственных за выработку нейромедиатора дофамина, участвующего в процессе подкрепления и принятия рискованных решений, у активных геймеров, аналогичные тем, которые возникают у патологических азартных игроков [22]. В то же время, неверно утверждать, что увлечение компьютерными играми само по себе непременно ведет к развитию зависимости. Так, исследования выявили наличие у зависимых геймеров личностных особенностей, отличающих их как от не играющих испытуемых, так и от игроков в компьютерные игры без признаков аддикции [2]. Наши исследования также показали наличие собственной когнитивной и личностно специфики у активных геймеров по сравнению с «умеренными» [23]. Все больше ученых соглашаются, что время, проводимое в игре само по себе нельзя считать показателем зависимости [4]. Высокая коморбидность компьютерной игровой зависимости с другими видами аддикций свидетельствует в пользу того, что изначальная причина зависимого поведения лежит в самом человеке (психике и нейрофизиологии) [4], в то время как дальнейшее развитие зависимости может усугубляться характером аддиктивного поведения [19, 22].

2.2. Игры агрессивного содержания и жестокость

Насилие в компьютерных играх и их влияние на агрессивное поведение игроков, наряду с проблемами зависимости, вызывает наибольшее число дискуссий. Вопреки распространенному мнению, совершение подростками насильственных преступлений никак не доказывает влияния игр на агрессию

[12, 24]. Более убедительные доводы приводятся исследовательской группой К. Андерсона: на основе метаанализа и собственных исследований ученые показали развитие у предпочитающих агрессивные игры геймеров толерантного отношения к агрессии и жесткости, появление враждебных мыслей и поведения, снижение эмпатии и альтруизма [25, 26], рост импульсивности и снижение саморегуляции [27]. Причинно-следственные связи оцениваются авторами как двусторонние — агрессивные игроки предпочитают игры с элементами насилия; которые, в свою очередь, усиливают агрессивные тенденции и импульсивность.

Психиатр Г. Смолл также описывает снижение активности зон мозга, ответственных за эмпатию у пользователей компьютеров, связывая это с информационной перегрузкой нервной системы [28]. В проведенном нами исследовании взрослых геймеров был показан низкий уровень эмпатии у женщин-геймеров по сравнению с женщинами, не играющими в компьютерные игры [23]. В то же время, возрастает и число работ, опровергающих наличие причинно-следственных связей между агрессивными играми и поведением игроков. К. Фергюсон (C. Ferguson) указывает на методологические недочеты исследований К. Андерсона. Проведенные им исследования и метаанализ демонстрируют отсутствие значимых связей между играми и агрессией [24, 29]. Сходную точку зрения отстаивают Ш. Олсон и Л. Катнер (C. Olson & L. Kutner), обращающие внимание на низкую экологическую валидность исследований группы Андерсона, недоучет факторов среды и социального окружения, а также психологических особенностей самих геймеров [12].

Новые фМРТ исследования опровергают доводы Г. Смолла — в них не выявлен десенсибилизирующий эффект агрессивных игр [30]. Аналогично и для импульсивности — одни авторы указывают на связь импульсивность лишь с отдельными жанрами компьютерных игр [31], другие — не выявляют импульсивность у геймеров в целом [23, 32]. В исследовании Э. Коллинз зависимые игроки, продемонстрировали низкий уровень импульсивности по сравнению с не играющими испытуемыми [2]. Возможные объяснения этих противоречий также лежат в области изучения игровой зависимости: та или иная специфика импульсивного поведения проявляется именно у зависимых геймеров [2, 22, 32]. Импульсивность как нарушение контроля за собственными действиями, в свою очередь, может влиять на вероятность агрессивного поведения. Компьютерные игроки самостоятельно выбирают не только игры, но и способы поведения в игровом мире, границы допустимого поведения и игровые цели [21], поэтому сама по себе возможность осуществления в игре насильственных действий не может считаться достаточной причиной для развития агрессии в реальном мире — однако во многих экспериментальных исследованиях мотивационно-смысловая сфера геймеров систематически недооценивается.

2.3. Особенности познавательных процессов у геймеров

Около 75% активных геймеров в США уверены, что компьютерные игры способствует развитию и обучению [1], и это не только попытка оправдать свое увлечение: влияние компьютерной игровой деятельности на развитие когнитивных способностей исследуется в психологии едва ли не дольше, чем

игровая зависимость и агрессивность геймеров [6] [7]. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что геймеры превосходят не играющих в компьютерные игры людей по ряду параметров зрительного внимания; они менее подвержены эффекту мигания внимания, обладают большим объемом рабочей памяти, развитыми пространственными способностями. Компьютерные игроки быстрее, но не менее точно решают зрительные задачи с неопределенными стимулами, быстрее переключаются между разными заданиями, что свидетельствует об эффективности работы функций когнитивного контроля и, в конечном итоге, делает геймеров успешными мультитаскерами (от англ. multitasking — «многозадачность») [10, 16, 17]. Направленный характер этой связи подтверждается значимым улучшением показателей когнитивных тестов у испытуемых уже после непродолжительных сеансов игры. По мнению ученых группы Д. Бавелье (D. Bavelier), наиболее эффективны для когнитивной тренировки игры именно жанра «экшн» («action»), многие из которых являются одновременно и играми с элементами насилия [10].

Как и в случае с исследованиями агрессивности геймеров, анализ работ выявляет и ряд противоречий, в том числе — методологических. Представления о высоком уровне развития внимания и когнитивного контроля у геймеров противоречат рассмотренным выше данным об импульсивности игроков и влиянии компьютерных игр на развитие синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) [27, 28]. В отличие от других видов деятельности, требующих произвольной концентрации, компьютерные игры задействуют механизмы непроизвольного внимания. Одни авторы видят в этом причину усугубления СДВГ, другие — предлагают использовать компьютерные игры как способ терапии нарушений внимания [33]. Неоднозначная оценка дается и склонности игроков к мультитаскингу: быстрое переключение между задачами требует развитого когнитивного контроля, гибкости и селективности внимания, развитой рабочей памяти. Но при этом также показана связь мультитаскинга с отвлекаемостью, ухудшением переработки информации, снижением эмпатии [34].

Другие возражения связаны с самой исследовательской процедурой: У. Бут (W. Boot) с соавторами отмечает, что развивающий эффект компьютерных игр, чувствителен к изменениям экспериментальной процедуры, что отчасти ставит под сомнение результаты исследований. Высокий уровень развития когнитивных функций у опытных геймеров, в свою очередь, нельзя расценивать только как следствие игровой активности, а не, например, ее причину (внимательные игроки с хорошим пространственным мышлением, очевидно, более успешны в игре и получают от нее большее удовлетворение) [35]. В другом обзоре, авторы перечисляют прочие факторы, не учтенные в большинстве исследований. Среди них — различия в мотивации испытуемых, эффект плацебо и т.д. Ученые отмечают, что долгосрочное влияние компьютерных игр на успешность решения когнитивных тестов может быть следствием не тренировки когнитивных функций, а результатом формирования у геймеров более успешных стратегий решения задач определенного типа, сходных с задачами, для тестирования когнитивных функций [15]. Не менее важным является и проблема переноса полученных в игровой деятельности

навыков и способностей в повседневную жизнь. Как и в случае с агрессией, экспериментальная оценка этого практически не представляется возможной.

2.4. Компьютерные игры, творческое мышление и креативность

Представления о связи компьютерных игр с развитием мышления претерпевали значительные изменения на разных этапах становления киберпсихологии. Многие ранние работы позитивно оценивали вклад игрового опыта в развитие стратегического, логического и творческого мышления [7, 13], ссылаясь на специфический характер игровой деятельности. Успех в компьютерной игре предполагает не действие методом проб и ошибок, но выявление игровых правил и законов, построение оптимальных стратегий [5]. Однако, по мере роста популярности компьютеров и Интернета, все больше авторов стали указывать на негативное влияние этих технологий на процессы рефлексии. Избыток информации, требующей немедленного реагирования, снижает возможность осмысления поступающей информации и рефлексивность в целом [28, 36], что еще сильнее усугубляется многозадачностью [34].

П. Гринфилд (P. Greenfield) отмечает снижение у пользователей информационных технологий креативности, способности к творческому решению задач и воображению [36]. По ее мнению, фильмы и компьютерные игры предоставляют пользователям готовые образы, не оставляя достаточно пространства для творческой интерпретации. Другие исследования, впрочем, указывают на высокий уровень образной (но не вербальной) креативности у геймеров [37]. Однако, в их рамках также невозможно сделать вывод о направлении каузальных связей — компьютерная игровая деятельность может как выступать способом развития творческого мышления (механизмы этого, в частности, описываются в теории О.К. Тихомирова [7]), так и привлекать более креативных пользователей. Исследования, показывающие развитие у игроков когнитивной гибкости (познавательного процесса, связанного со способностью принимать решения в динамически развивающихся ситуациях, и поиском новых способов решения задач, что является важным условием творческого мышления) отчасти позволяют подтвердить гипотезу о развивающем характере игр. В эксперименте Б. Гласса (B. Glass) с коллегами удалось повысить когнитивную гибкость испытуемых в результате игры в стратегические компьютерные игры. В качестве ключевых особенностей игровой ситуации, определяющих ее обучающий потенциал, авторы назвали большой объем одновременно поступающей значимой информации и необходимость координировать свои действия в реальном времени [39].

В контексте этого и других подобных исследований мы вновь сталкиваемся, во-первых, со сложностью оценки долгосрочных последствий компьютерных игр для мыслительной деятельности геймеров, во-вторых, с определенной неоднородностью и своего рода «предвзятостью» изучаемых выборок (как игроков, так и людей, не имеющих опыта компьютерной игры, которых, по статистике, становится меньше с каждым годом).

3. Обучающие игры: перспективы и ограничения

Создание игр, основной задачей которых является обучение и тренировка, является логичным продолжением исследований влияния компьютерной игровой деятельности на когнитивные способности, мотивацию и установки игроков. Перспективы игрового обучения и попытки создания так называемых «серьезных» игр предпринимались на всех этапах развития киберпсихологии [7, 13], особенно активно — в последнее десятилетие [39]. Однако, интерес к обучающим играм и их внедрение в различные области практики сочетаются с весьма неоднозначными оценками их эффективности [39].

Теоретическое предположение о том, что «серьезные игры» объединяют в себе развивающий потенциал традиционных способов обучения с высокой мотивационной привлекательностью компьютерных игр, а значит — более эффективны, лишь отчасти подтверждается в исследованиях. Так, метаанализ, выполненный П. Уотерсом (P. Wouters) с соавторами [39], ставит под сомнение мотивационную привлекательность «серьезных игр», что может быть связано с трудностью создания достаточно увлекательных обучающих игр [13]. Учеными выделяются и другие ситуационные и контекстуальные ограничения игрового обучения: развивающий эффект обучающих игр замечен лишь при достаточной длительности учебного процесса (единичные сеансы не приводят к усвоению каких-либо знаний или тренировке) и более выражен при групповом обучении. К тому же серьезные игры не способны заменить традиционные методы обучения, так как демонстрируют наибольшую эффективность именно в сочетании с ними [39]. В другой аналитической работе высказывается предположение о том, причиной высокой эффективности «серьезных игр» по сравнению с традиционными методами обучения может являться не их игровой характер, а более тесная связь с практикой вместо пассивного получения знаний. Указывается также определенная публикационная предвзятость в этой области киберпсихологии [40].

«Серьезные игры» сравнивают не только с другими средствами обучения, но и с «развлекающими» играми. Так, В. Шут (V. Shute) с соавторами сопоставили развивающий эффект известной «серьезной игры» для тренировки когнитивных функций с аналогичным эффектом коммерческой компьютерной игры жанра «экшн». Восьмичасовые игровые сеансы продемонстрировали рост пространственного интеллекта и креативности у испытуемых, игравших в «экшн»-игру, в то время как обучающая игра значимо не повлияла на результаты когнитивного тестирования [41]. Низкая эффективность многих современных серьезных игр вовсе не говорит о принципиальной невозможности компьютерного игрового обучения. Скорее речь идет о недостаточном понимании учеными и разработчиками механизмов и условий влияния игрового опыта на личность и когнитивные особенности игроков, на что указывает, в частности, противоречивость результатов исследований.

4. Заключение и выводы

Интерес ученых к компьютерной игровой деятельности в значительной степени определяется предположением о том, что игровой опыт способен

влиять на психику увлеченных игроков. Известно множество теорий, которые объясняют механизмы подобного воздействия, однако далеко не всегда они могут быть проверены эмпирически. И даже в том случае, если экспериментальная проверка возможна, перед исследователями встает проблема интерпретации полученных данных, которая, в свою очередь, возможна только в рамках определенной теоретической методологии, а также — может быть подвержена установкам со стороны самого исследователя, научного сообщества или социума в целом. Противоречия и дискуссии о психологических последствиях компьютерной игры являются ярким тому примером.

В действительности может оказаться, что компьютерные игры сами по себе мало влияют на психику игроков, как положительно, так и негативно. Или, что более вероятно, это воздействие не является непосредственным, и определяется не только и не столько самой игрой, сколько психологическими особенностями, мотивационной и смысловой сферой самих игроков, их повседневным окружением. В этом случае сложившиеся в когнитивной и необихевиористской психологии критерии и методы исследований могут оказаться недостаточными для разрытия сущности влияния компьютерной игровой деятельности на психические процессы и личность геймеров.

На основании проведенного анализа исследований и критических работ, представляется возможным сделать следующие выводы:

1) Большинство экспериментальных исследований влияния компьютерных игр на психику игроков недооценивают роль внутренних факторов, таких как мотивация игры, значение игрового опыта для игрока, психофизиологические особенности. Роль этих факторов подчеркивалась еще в ранних работах в области психологии компьютеризации [7, 42], однако реализация подобного подхода на практике усложняется трудностью диагностики мотивации игроков, а также недостаточной разработанностью психологических моделей компьютерных игр разных жанров и типов.

2) Анализ исследований позволяет выделить проблемы, играющие своего рода «структурирующую» роль по отношению к другим исследованиям психологических последствий компьютерной игры. Среди них — проблема компьютерной игровой зависимости, проблема когнитивного контроля у геймеров, проблема творческих компонентов в деятельности компьютерных игроков.

3) Современные нейрофизиологические и нейропсихологические исследования позволяют более точно определять причинно-следственные связи между компьютерной игрой и психическими особенностями геймеров, однако, интерпретация результатов исследований по-прежнему в значительно степени определяется методологическими установками и теоретическими предположениями автор исследований. Это необходимо учитывать не только при проведении дальнейших исследований, но и при популяризации киберпсихологических знаний в обществе.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 15-06-0616815.

Литература

- [1] ESA. Essential facts about the computer and video game. <http://essentialfacts.theesa.com/Essential-Facts-2016.pdf>.
- [2] Collins E., Freeman J., Chamarro-Premuzic T. Personality traits associated with problematic and non-problematic massively multiplayer online role playing game use // *Personality and Individual Differences*. 2012. № 52. P. 133-138.
- [3] Mail.ru Group. Профиль российского геймера – 2015. https://gamestats.mail.ru/article/profil_rossijskogo_geymera.
- [4] Spekman M.L.C. et al. Gaming addiction, definition and measurement: A large-scale empirical study / M.L.C. Spekman, E.A. Konijn, P.H.M.P. Roelofsma, M.D. Griffiths // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29. P. 2150-2155.
- [5] Turkle Sh. *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon & Schuster. 1985.
- [6] Dorval M., Pepin M. Effect of playing a video game on a measure of spatial visualization // *Perceptual and motor skills*. 1986. Vol. 62. P. 159-162.
- [7] Тихомиров О.К., Лысенко Е.Е. Психология компьютерной игры // *Новые методы и средства обучения*. Вып. 1. М.: Знание. 1988. С. 30-66.
- [8] Yee N. Motivations of play in online games // *Journal of CyberPsychology and Behavior*. 2007. Vol. 9. P. 772-775. <https://pdfs.semanticscholar.org/2d8d/3e2a295dea29a7f900033848039dcb55dbf7.pdf>
- [9] Hainey T. et al. The differences in motivations of online game players and offline game players: a combined analysis of three studies at higher education level / T. Hainey, T. Connolly, M. Stansfield, E. Boyle // *Computers & Education*. 2011. Vol. 57, № 4. P 2197-2211.
- [10] Bavelier D. et al. Brains on video games / D. Bavelier, C.S. Green, D.H. Han, P.F. Renshaw, M.M. Merzenich, D.A. Gentile // *Nature Reviews Neuroscience*. 2011. Vol. 12. P. 763-768.
- [11] Anderson C.A., Bushman B.J. Human aggression // *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53, № 1. P. 27-51.
- [12] Olson C.K., Kutner L. Viewpoints and flashpoints in the study of video game violence and aggression // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. Т. 12, № 1. С. 13-28. <https://psy-journal.hse.ru/en/2015-12-1/148009837.html>.
- [13] Войсунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь. 2010.
- [14] Faiola A. Distributed creative activity: expanding Tikhomirov's original notion of creative activity // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2013. Vol. 6. № 4. P. 120-133. http://psychologyinrussia.com/volumes/index.php?article=2904&sphrase_id=66833.
- [15] Boot W.R., Blakely D.P., Simons D.J. Do action video games improve perception and cognition // *Frontiers in Psychology*. 2011. Vol. 2, № 226. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3171788/>.
- [16] Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2014. № 4. С. 120-130. http://msupsyj.ru/pdf/vestnik_2014_4/vestnik_2014-4_120-130.pdf.

- [17] Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 1. С. 94-103. URL: http://msupsy.ru/pdf/vestnik_2015_1/vestnik_2015-1_94-103.pdf.
- [18] Малыгин В.Л. и др. Психопатологические феномены, сопровождающие Интернет-зависимое поведение у подростков / В.Л. Малыгин, А.А. Антоненко, Ю.А. Меркурьева, А.С. Искандирова // Медицинская психология в России. 2014. № 3(26). <http://mprj.ru>.
- [19] Sellers M. Designing the experience of interactive play // Playing video games. Motives, Responses and Consequences / P. Vorderer, J. Bryant (eds.). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum. 2006. P. 9-22.
- [20] Ван Ш.Л. Опыт потока у китайских игроков в компьютерные игры и его связь с особенностями китайской культуры // Психологические исследования. 2012. № 1 (21). С.6. <http://www.psystudy.ru>.
- [21] Белозеров С.А. Виртуальные миры MMORPG: Часть II. Средство от социального и психологического неблагополучия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 1. С. 71-89. https://psy-journal.hse.ru/data/2015/05/19/1097217643/PJHSE_1_2015_71_89.pdf.
- [22] Kühn S. et al. The neural basis of video gaming / S. Kühn, A. Romanowski, C. Schilling, R. Lorenz, C. Mörsen, N. Seifert, T. Banaschewski, A. Barbot, G.J. Barker, C. Büchel, P.J. Conrod, J.W. Dalley, H. Flor, H. Garavan, B. Ittermann, K. Mann, J.-L. Martinot, T. Paus, M. Rietschel, M.N. Smolka, A. Ströhle, B. Walaszek, G. Schumann, A. Heinz, J. Gallinat // Translational Psychiatry. 2011. Vol. 1. <http://www.nature.com/tp/journal/v1/n11/full/tp201153a.html>.
- [23] Богачева Н.В. Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): автореф. ... канд. психол. наук. М., 2015. http://www.psy.msu.ru/science/autoref/bogacheva/bogacheva_autoref.pdf
- [24] Ferguson C.J. et al. Violent video games and aggression: Causal relationship or byproduct of family violence and intrinsic violence motivation? / C.J. Ferguson, S. Rueda, A. Cruz, D. Ferguson, S. Fritz, S. Smith // Criminal Justice and Behavior. 2008. № 35. P. 311-332. <http://www.christopherjferguson.com/CJBGames.pdf>.
- [25] Anderson C.A., Dill K.E. Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and in life // Journal of personality and social psychology. 2000. Vol. 78, № 4. P. 772-790.
- [26] Anderson C.A. et al. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review / C.A. Anderson, N. Ihori, B.J. Bushman, H.R. Rothstein, A. Shibuya, E.L. Swing, A. Sakamoto, M. Saleem // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136, № 2. P. 151-173.
- [27] Gentile D.A. et al. Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality / D.A. Gentile, E.L. Swing, G.L. Choon, A. Khoo // Psychology of Popular Media Culture. 2012. № 1. P. 62-70.
- [28] Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн: Человек в эпоху Интернета. М.: КоЛибри, 2011.
- [29] Ferguson C.J., Kilburn J. The public health risks of media violence: A meta-analytic review // Journal of Pediatrics. 2009. Vol. 154. № 5. P. 759-763. <http://christopherjferguson.com/MVJPED.pdf>.

- [30]Szycik G.R. et al. Lack of evidence that neural empathic responses are blunted in excessive users of violent video games: an fMRI study / G.R. Szycik, B. Mohammadi, T.F. Münte, B.T. Wildt // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2017.00174/full>.
- [31]Metcalf O., Pammer K. Impulsivity and related neuropsychological features in regular and addictive first person shooter gaming // *Cyberpsychology, behavior and social networking*. 2014. Vol. 17. № 3. P. 147-152.
- [32]Аветисова А.А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 8. № 4. С. 35-58. https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283367862/Avetisova_8-04pp35-58.pdf.
- [33]Grillo J. ADHD and Video Games: Is There a Link? // *WebMD*. 2015. <http://www.webmd.com/add-adhd/childhood-adhd/features/adhd-and-video-games-is-there-a-link>.
- [34]Ophir E., Nass C., Wagner A.D. Cognitive control in media multitaskers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 109, № 37. P. 15583-15587. <http://www.pnas.org/content/106/37/15583.full>.
- [35]Boot W.R. et al. The effect of video game playing on attention, memory, and executive control / W.R. Boot, A.F. Kramer, D.J. Simons, M. Fabiani, G. Gratton // *Acta Psychologica*. 2008. Vol. 129. P. 387-398.
- [36]Greenfield P.M. Technology and Informal Education: What Is Taught, What Is Learned // *Science*. 2009. Vol. 323. P. 69-714.
- [37]Gackenbach J., Dopko R. The relationship between video game play, dream bizarreness, and creativity // *International Journal of Dream Research*. 2012. Vol. 5, № 1. P. 23-36. <http://journals.ub.uni-heidelberg.de/index.php/IJoDR/article/viewFile/9080/pdf>.
- [38]Glass B.D., Maddox W.T., Love B.C. Real-time strategy game training: emergence of a cognitive flexibility trait // *Plos One*. 2013. Vol. 8, № 8. <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0070350>.
- [39]Wouters P. et al. A meta-analysis of the cognitive and motivational effects of serious games / P. Wouters, C. van Nimwegen, H. van Oostendorp, E.D. van der Spek // *Journal of Educational Psychology*. 2013. Vol. 105, № 2. P. 249-265.
- [40]Stizmann T. A meta-analytic examination of the instructional effectiveness of computer-based simulation games // *Personnel Psychology*. 2011. Vol. 64. P. 489-528.
- [41]Shute V.J., Ventura M., Ke F. The power of play: The effects of Portal 2 and Lumosity on cognitive and noncognitive skills // *Computers & Education*. 2015. Vol. 80. P. 58-67.
- [42]Шмелев А.Г. Мир поправимых ошибок // *Вычислительная техника и ее применение. Компьютерные игры*. 1988. № 3. С. 16-84.

The problem of causality in cyberpsychology in the context of video games players' psychological characteristics

N.V. Bogacheva

Sechenov University (First MSMU)

Nowadays video games are becoming more and more popular way for people of different ages and social status to spend their free time. Therefore, both negative (addiction, aggressiveness, impulsiveness, decreased empathy) and positive (development of spatial abilities, attention, task-switching) psychological effects of the intensive gaming become the subject of many discussions in psychology, related scientific fields and society in general. However, it is not always possible to establish explicit causal relationships between the video games playing and the changes in the human psychology either through theories development or through empirical studies. This paper aims to describe the main areas of the cyberpsychological research of video games and gamers along with the most prominent empirical results and critical works; those are clarifying or providing alternative explanations for the described regularities. The purpose of this review is to develop a broader and more objective view on the problem of the video games influence on the gamers' psychology and behavior. This seems to be of utmost importance now, when computers and other gaming devices are almost everywhere and are imbedded in our everyday lives.

Keywords: cyberpsychology, video games, video gamers, video game addiction, aggressiveness, cognitive functions, creativity, educational games.

Авторский указатель

Баранов Н.А.....	171	Морозова Е.В.	216
Биккулов А.С.	255, 263, 274	Низомутдинов Б.А.	100
Богачева Н.В.	291	Никовская Л.И.	144
Бродовская Е.В.	46	Новиков Д.М.	66, 255
Ветренко И.А.	246	Носиков А. А.....	111
Видясова Л.А.	56, 66, 255	Плотников А.И.....	136
Войскунский А.Е.	284	Радиков И.В.	204
Григорьева И.А.	274	Сизова И.Л.	263
Гришин Н.В.....	239	Соколов А.В.	29
Дмитриева А.В.	274	Тензина Я.Д.	56
Домбровская Е.В.	46	Тимофеева Л.Н.....	188
Карзубов Д.Н.	46	У Юаньи	86
Комаров О.Е.	29	Хохлова Д. Д.....	159
Кульназарова А.В.	74	Шашкова Я.Ю.....	182
Мирошниченко И.В.	216	Якимец В.Н.	123
Михеев В.А.	229		

Оглавление

От редакции.....	7
Развитие цифровой экономики: подходы ОЭСР и приоритеты для России Александров О.В., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В.	9
РАЗДЕЛ 1.	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	
Краудсорсинг в процессе функционирования городских сообществ Соколов А.В., Комаров О.Е.	29
Стратегии политического участия в глобальной сети студентов Крыма и Севастополя Бродовская Е.В., Домбровская Е.В., Карзубов Д.Н.	46
Исследование результативности работы портала «Российская общественная инициатива» Видясова Л.А., Тензина Я.Д.	56
Влияние сообществ в социальных сетях на публикацию электронных петиций и их распространение Видясова Л.А., Новиков Д.М.	66
Анализ взаимодействия государства и общества в Рунете (2000-2016 гг.) Кульназарова А.В.	74
Государственный PR в интернете (на примере правительственных микроблогов в Китае) У Юань	86
Мобильные приложения электронного правительства. Анализ оценок пользователей Низомутдинов Б.А.	100
РАЗДЕЛ 2.	
УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ СОТРУДНИЧЕСТВА: НОВЫЕ ДИЗАЙНЫ И ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ	
Мониторные публичные политические сетевые институты и их включение в процессы выработки политики: от конфронтации к кооперации Носиков А. А.	111

Новые форматы общественно-государственного управления в России Якимец В.Н.	123
Муниципально-частное партнерство в Санкт-Петербурге в аспекте развития межсекторного социального партнерства Плотников А.И.	136
Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы Никовская Л.И.	144
Кооперативная модель управления в контексте метамодерна Хохлова Д. Д.	159
Международный опыт и российские управленческие практики: трудный путь к сотрудничеству Баранов Н.А.	171
Роль партий в публичной политике региона (на примере Алтайского края) Шашкова Я.Ю.	182
Управление через сотрудничество государства и общества: проблемы обоюдной ответственности Тимофеева Л.Н.	188
Расширение радиусов доверительного отношения между обществом и государством как условие эффективности публичной политики Радиков И.В.	204
Сетевые механизмы формирования идентичностей Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.	216
Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия Михеев В.А.	229
Гражданин как субъект государственного управления: опыт государственной электоральной политики Гришин Н.В.	239
Возможности и реалии участия граждан в принятии политических решений в современной России Ветренко И.А.	246

РАЗДЕЛ 3.

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И ВОЗРАСТНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ. КИБЕРПСИХОЛОГИЯ

Исследования виртуальных сообществ пользователей старшего возраста в социальных сетях Видясова Л.А., Новиков Д.М., Биккулов А.С.	255
Социальный портрет пенсионеров-пользователей ИКТ в России Сизова И.Л., Биккулов А.С.	263
Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг? Григорьева И.А., Дмитриева А.В., Биккулов А.С.	274
Распределенность содействия в информационном обществе Войскунский А.Е.	284
Проблема установления причинно-следственных связей в киберпсихологии в контексте психологических особенностей игроков в компьютерные игры Богачева Н.В.	291
Авторский указатель.....	304

Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 1 (Труды XX Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2017, Санкт-Петербург, 21 – 23 июня 2017 г. Сборник научных статей). — СПб: Университет ИТМО, 2017. — 308 с.

Сборник научных статей

Государство и граждане в электронной среде

Выпуск 1

Под редакцией А. В. Чугунова
Дизайн обложки С. Н. Ушаков
Оригинал-макет Е. Е. Нестерова

Редакционно-издательский отдел Университета ИТМО

Зав. РИО Н.Ф. Гусарова

Подписано к печати _____

Заказ № _____

Тираж 100 экз.

Университет ИТМО. 197101, Санкт-Петербург,
Кронверкский пр., 49